
СТАТЬИ

ПРОТИВ ОБЪЕКТИВИЗМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В последние месяцы работа Института истории Академии наук СССР стала предметом пристального внимания со стороны советской и партийной общественности. Это и понятно: Институт истории является самым мощным и самым авторитетным научным коллективом на историческом фронте, к его голосу прислушиваются все историки, на него равняются другие академические и вузовские научные коллективы. Не преувеличивая, можно сказать, что развитие исторической науки в нашей стране в значительной степени определяется состоянием работы Института истории.

I

Последнее десятилетие характеризуется подъёмом исторической науки в нашей стране. Основной предпосылкой его был разгром так называемой «школы» Покровского. Нельзя было двигать историческое исследование вперёд, не преодолев взглядов, ликвидирующих историю как науку. Замечания товарищей Сталина, Жданова и Кирова на конспекты учебников по истории (1934) и постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР об учебниках по истории (1936) разоблачили антимарксистскую сущность исторических концепций М. Н. Покровского и его «школы» и сыграли решающую роль в деле освобождения исторического фронта от влияния этих порочных концепций. Громадное значение для развития подлинно марксистской исторической науки имел вышедший в 1938 г. «Краткий курс истории ВКП(б)». В этом замечательном произведении товарища Сталина историки нашли классическую формулировку методологии истории — теории исторического материализма; утверждение истории как точной науки, «способной использовать законы развития общества для практического применения»; определение основного содержания и задач исторической науки.

Историки, занимающиеся изучением прошлого нашей Родины, получили в «Кратком курсе» основы научной периодизации всей истории СССР и подробно разработанную периодизацию её начиная со второй половины XIX в., а также оценку всех основных событий этого отрезка времени. Тем самым было покончено с имевшей хождение среди части историков произвольной и грубо ошибочной трактовкой важнейших вопросов нашей истории; разработка истории СССР эпохи империализма и истории советского общества была поставлена на прочную марксистскую основу. «Краткий курс» стал для историков образцом научного труда, в котором гармонически сочетаются богатый фактический материал с глубоким марксистским анализом, высокий теоретический уровень с простотой и доступностью изложения.

Рост исторической науки нашёл своё выражение в увеличении кадров историков. Следует особенно отметить такое явление, как рост кадров историков в национальных республиках, и не только в таких республиках, в которых историческая наука насчитывает многие десятилетия существования, но и в тех, где наука стала развиваться лишь после Октябрьской социалистической революции. Вместе с увели-

чением числа историков поднималась их научная квалификация, а также возрастала их идейно-теоретическая вооружённость на основе овладения марксистско-ленинской теорией. Исторический фронт обладает теперь вполне достаточным количеством людей, способных самостоятельно вести разностороннюю исследовательскую работу и по-марксистски решать самые сложные исторические проблемы.

Рост исторических кадров позволил значительно расширить тематику исследовательских работ. Сейчас трудно найти такой участок исторической науки, на котором не трудились бы советские историки. Свидетельством их интенсивной и успешной работы является растущий из года в год выпуск научной продукции: монографий, коллективных трудов, сборников, учебников и учебных пособий.

Успешное выращивание национальных кадров историков позволило поставить на широкую ногу дело разработки истории народов СССР. Сейчас нет, пожалуй, ни одной республики, в которой не велась бы эта работа. Едва ли нужно доказывать, насколько велико научное и общественное значение этого начинания. Вместе с тем нельзя и недооценивать трудностей в этом деле: для создания полноценных работ по истории национальных республик нужно собрать большой фактический материал, дать толкование отдельным историческим фактам и событиям, построить концепцию всего хода истории каждого народа. Между тем серьёзные принципиальные ошибки, допущенные в некоторых трудах по истории Казахстана, Татарии, Бурят-Монголии, Белоруссии и др., свидетельствуют, что среди части историков продолжают ещё пользоваться кредитом всякого рода буржуазно-националистические теории. Только решительная борьба с этими теориями, чёткое и последовательное применение марксистско-ленинской методологии могут обеспечить успешное выполнение почётной задачи, за разрешение которой взялись историки. — задачи создания марксистской истории народов СССР.

В подъёме советской исторической науки немалая заслуга принадлежит Институту истории Академии наук СССР. Коллектив научных сотрудников института провёл большую работу по разоблачению «школы» Покровского, опубликовав два сборника статей «Против исторической концепции М. Н. Покровского», в которых подверглись критическому разбору не только методологические установки и общая историческая концепция М. Н. Покровского, но и его взгляды по отдельным вопросам истории. Эти сборники оказали большую помощь историкам в преодолении антинаучных взглядов М. Н. Покровского. Институт истории и его научные сотрудники возглавили работу по созданию учебников для всей системы народного образования, начиная со средней школы и кончая вузами. Несмотря на наличие в этих учебниках некоторых недостатков и даже принципиальных ошибок, всё же их выпуск является серьёзным достижением советской исторической науки, плодом очень большой и напряжённой работы по переосмысливанию исторического процесса с марксистско-ленинских позиций. К сожалению, приходится отметить, что до сих пор ещё не создан учебник по важнейшему периоду нашей истории — по истории советского общества.

Институт истории опубликовал значительное количество работ своих сотрудников; часть этих работ очень высоко оценена научной общественностью и удостоена Сталинских премий. Эти работы продвинули вперёд дело изучения отдельных периодов или проблем истории СССР и всеобщей истории. Имеются серьёзные достижения в изучении происхождения восточных славян и их общественно-экономического развития. Созданы ценные труды по истории образования древнерусского государства и истории крестьянства в феодально-крепостную эпоху. Успешно развёртывается изучение истории русской промышленности и русских городов. Начата разработка истории внешней политики и войн России, а также истории русского военного искусства. Имеются

серьёзные достижения и по всеобщей истории, особенно по вопросам аграрных отношений и классовой борьбы в средневековой Европе, по истории буржуазной революции во Франции 1789 г., революции 1848 г. в Европе и истории общественной мысли и социалистических идей в домарксовский период.

II

Констатируя достижения исторической науки, мы вынуждены, тем не менее, признать, что они далеко не соответствуют требованиям, которые предъявляются сейчас к историкам нашим народом, партией и правительством. Историки всё ещё в большом долгу перед страной. В частности, Институт истории Академии наук СССР, несомненно, отстаёт в выполнении возложенных на него обязанностей. Основной порок его заключается в том, что он не сумел полностью перестроить свою работу в соответствии с решениями партии по идеологическим вопросам. Институт почти ничего не сделал, чтобы выполнить указание партии о развёртывании борьбы с буржуазной идеологией. Для историков это обозначало в первую очередь развёртывание борьбы против буржуазной историографии. Но как раз по этим вопросам в институте почти никто не работает, историографические темы отсутствуют даже в его планах. Между тем, как показало обсуждение книги Н. Л. Рубинштейна «Русская историография», на этом участке истории дело обстоит неблагоприятно. Всесоюзное совещание историков нашло, что книга Н. Л. Рубинштейна содержит ряд серьёзнейших методологических ошибок, которые, кстати сказать, в той или иной степени были повторены некоторыми работниками института в своих работах. И всё же институт не только не принял участия в обсуждении книги Рубинштейна, но и не удосужился сделать для себя соответствующие выводы из этого обсуждения. Институт не организовал работу по разоблачению зарубежной буржуазной историографии и не ведёт наступления на зарубежных фальсификаторов истории. Эта работа до последнего времени считалась в институте «внеплановой», и сотрудники института от неё уклонялись.

Институт практически слабо откликнулся на призыв партии организовать борьбу с низкопоклонством перед Западом и ничего не сделал для разоблачения лживой версии о несамостоятельности русской культуры и науки. Больше того: авторы некоторых работ, выпущенных институтом, сами оказались заражёнными этой опасной болезнью. Институт истории по-настоящему не развернул разработку исторических проблем, представляющих сейчас наибольшую важность и актуальность для советской общественности.

Непомерно малое внимание уделяется разработке истории пролетариата СССР. Этот важнейший раздел нашей истории явно недооценивается в стенах института. Если, скажем, над историей крестьянства работает значительная группа учёных, если по этой проблеме созываются широкие совещания и публикуются большие монографии, то собственно по истории пролетариата работают всего лишь три — четыре человека, а о созыве широких совещаний или конференций пока и помину нет. Вполне естественно, что при таком положении институт не дал, да и не мог дать работ по истории пролетариата. Между тем дискуссия в нашем журнале показала большой разницей во взглядах по таким коренным вопросам экономического развития России, как социальная природа петровской мануфактуры, время формирования капиталистического уклада, характер первоначального накопления и др. Отсутствие ясности по этим вопросам серьёзно затрудняет работу по изучению истории пролетариата.

Институт не дал сколько-нибудь значительных трудов по истории советского общества, по истории зарубежных стран в эпоху империализма, до первой мировой войны и в новейшее время.

Парадоксальность положения в институте состоит в том, что большая часть его сотрудников сосредоточена в тех секторах, которые занимают наиболее важные периоды истории (сектор истории советского общества, группа истории СССР XX века, секторы новой и новейшей истории), но в опубликованной продукции института эти секторы занимали как раз самое незначительное место.

Законную тревогу вызывает положение в институте с изучением истории советского общества. Прошедшее в начале этого года обсуждение книги И. И. Минца «История СССР» (1917—1925 гг.) вскрыло не только ошибки и недостатки книги, но и неудовлетворительное состояние сектора истории советского общества. С тех пор положение в секторе не стало лучше. Дирекция освободила от работы большое количество работников, как не имеющих достаточной квалификации, но одновременно не обеспечила сектор новыми, квалифицированными работниками. Более того: дирекция санкционировала переход в другой сектор нескольких ценных работников, имеющих стаж научной работы и высокую квалификацию, серьёзно обескровив тем самым сектор истории советского общества. До сих пор сектор не имеет постоянного руководителя. Что же удивительного, если план сектора на 1948 г. находится сейчас под угрозой срыва? Для обеспечения работы по истории советского общества в институте не созданы, таким образом, два минимальных условия: устойчивые кадры, занимающиеся этим периодом, и устойчивое руководство. Это даёт полное основание говорить о недооценке в стенах института всей важности разработки истории советского общества.

В секторе истории нового времени самым слабым звеном оказалась разработка истории зарубежных стран в эпоху империализма. Проблематикой этого периода занимаются всего лишь пять человек — количество, явно недостаточное для обеспечения столь важного участка всемирной истории. Это обстоятельство не могло не сказаться как на малых масштабах работы, так и на недостаточности научной продукции по этому периоду. Настоятельно необходимо создать внутри сектора группу по эпохе империализма и, конечно, не из пяти человек, а вдвое — втрое больше.

Положение в секторах истории нового и новейшего времени не может не внушать самой серьёзной тревоги. Выпущенный институтом первый том «Трудов по новой и новейшей истории» показал, что среди работников этих секторов получили довольно широкое распространение буржуазно-объективистские установки и враждебные марксизму-ленинизму взгляды, навеянные буржуазными и социал-реформистскими источниками.

III

За последние полтора—два года Институт истории выпустил ряд работ, в которых содержатся серьёзные принципиальные ошибки и антимарксистские установки. Так, в сборнике «Средние века», выпуск 2-й, под редакцией Е. А. Косминского, посвящённом Петрушевскому, были чрезмерно превознесены виднейшие представители русской буржуазной школы историков средних веков — Петрушевский, Савин и Виноградов. Советские историки средневековья были объявлены хранителями и прямыми продолжателями традиций этой школы. Та же самая ошибочная и вредная идея — о преемстве, хранении и продолжении советскими историками традиций буржуазной историографии — была повторена в «Византийском временнике» (редактор — Е. А. Косминский); только теперь это преемство традиций было распространено и на русскую буржуазную школу византиноведения, представленную Васильевским и Успенским. Но «Византийский временник» пошел значительно дальше: он попытался установить единый фронт и с зарубежным визан-

тиноведением, забыв при этом, что оно представляет собой буржуазно-реакционное направление в науке, с которым нужно вести решительную и непримиримую борьбу. Грубейшие антимарксистские ошибки содержатся в ряде статей сборника «Пётр Великий». Статьи этого сборника, принадлежащие Фейгиной, Андрееву и Кафенгаузу, написаны с тех же самых порочных позиций, с которых написаны ошибочные статьи сборников «Средние века» и «Византийский временник». Фейгина вместо разоблачения зарубежной буржуазной литературы о Петре стала выискивать в ней «ценное» и «полезное», превратившись, таким образом, вольно или невольно, в апологета этой литературы, в пропагандиста её реакционных и лживых измышлений о Петре I и русском народе. Андреев, «основываясь» на иностранных источниках и иностранной литературе о Петре I, доверяя им полностью, зашёл так далеко, что изобразил все реформы Петра как продукт английского влияния на него. Некритическое отношение к источнику и к зарубежной литературе привело Андреева к извращению важнейших событий из истории нашей Родины. Кафенгауз в своей статье об исторической литературе о Петре I, вышедшей в советское время, рассмотрел её только с точки зрения того «нового», что она вносит в разработку истории эпохи Петра I. Он не только не раскрыл неверных концепций и ошибок, имеющих в литературе о Петре I, но стал пропагандировать работы, написанные с позиций буржуазной методологии. Так, Кафенгауз рекомендует как «надёжное пособие для ориентировки» работы Любомирова, хотя последний не являлся марксистом, а его работы нуждаются в серьёзной критической переоценке.

Кстати сказать, апология Любомирова свойственна не одному только Кафенгаузу: она распространена и среди других работников института, упорно пытающихся, как и Кафенгауз, причесать Любомирова под марксиста и навязать советским историкам его научные традиции. Столь же неправильное отношение проявляется и к Ключевскому. В записках Мордовского научно-исследовательского института чл.-корр. АН СССР Яковлев опубликовал статью о Ключевском, наполненную безудержным восхвалением этого историка. К сожалению, Яковлев не одинок в идеализации Ключевского: взгляды последнего по целому ряду проблем нашей истории ещё полностью не преодолены среди историков. Свидетельством живучести буржуазных концепций является книга Веселовского «Феодальное землевладение в Северовосточной Руси», в которой важнейшие вопросы истории СССР рассматриваются с реакционно-идеалистических позиций. Нельзя не отметить одного характерного обстоятельства. Автор книги открыто противопоставил марксистской методологии буржуазную методологию и столь же открыто вступил в полемику с марксистской историографией. Институт истории по существу не ответил на этот вызов и в своём предисловии к книге всячески рекомендовал её читателю. Наиболее ярким показателем, куда заводит наших историков не критическое отношение к источникам и литературе, забвение партийности в научной работе, служат «Труды по новой и новейшей истории». Авторы ряда статей сборника в серьёзнейших вопросах новейшей истории стали на точку зрения буржуазно-империалистической и социал-реформистской литературы. Так, в статье Эггерт оценка характера политической борьбы в Германии в годы первой мировой войны и роли в этой борьбе германской социал-демократии оказалась целиком социал-реформистской. Ерофеев в оценке политики Вильсона кануна и периода первой мировой войны поддался влиянию тех «легенд», которые распространяются на этот счёт буржуазно-апологетической литературой.

Мы рассмотрели ошибки только в работах, изданных Институтом истории, и не брали работ, хотя и написанных сотрудниками института, но опубликованных в других издательствах. Между тем в этих работах

содержатся серьёзные ошибки, как об этом свидетельствуют рецензии на учебник М. Н. Тихомирова, на работу Е. В. Тарле «Крымская война» и др. На расширенном заседании Учёного совета Института истории, обсуждавшем вопрос о положении в институте, были приведены факты, говорящие о наличии серьёзных недостатков и грубых ошибок также в работах, подготовленных институтом к печати и находящихся в издательстве.

Ошибки и извращения, допущенные в работах Института истории, по своему характеру весьма разнообразны, но все они являются продуктом влияния буржуазной идеологии на часть советских историков. Авторы порочных трудов или ещё не усвоили основных принципов марксистско-ленинской методологии и продолжают оставаться на позициях буржуазного объективизма или отошли от марксистско-ленинской теории и скатились в ряде вопросов к буржуазному объективизму. Объективистский подход к изучаемым проблемам и к разрабатываемым материалам привёл этих авторов к столь грубым и вредным ошибкам.

Известно, что наиболее полную и яркую характеристику буржуазному объективизму дал В. И. Ленин в работе, направленной против Струве. Разоблачая буржуазно-объективистскую сущность взглядов Струве, который рядился тогда в марксистские одежды, В. И. Ленин писал: «Основная черта рассуждений автора, отмеченная с самого начала, это его узкий объективизм, ограничивающийся доказательством неизбежности и необходимости процесса и не стремящийся вскрывать в каждой конкретной стадии этого процесса присущую ему форму классового антагонизма, — объективизм, характеризующий процесс вообще, а не те антагонистические классы в отдельности, из борьбы которых складывается процесс»¹.

В другом месте той же работы В. И. Ленин дал ещё более развёрнутую характеристику объективизма, как определённой методологической концепции, одновременно противопоставив ему марксистский подход к рассмотрению исторических явлений: «Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация даёт содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость... С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определённой общественной группы»².

Таким образом, последовательно проводимый принцип классового анализа исторических явлений и последовательная партийность в оценке этих явлений и есть тот водораздел, который отделяет марксиста от объективиста. Забвение классового анализа и принципа партийности в науке, в исследовательской работе неизбежно ведёт к переходу на

¹ Ленин. Соч. Т. I, стр. 356.

² Там же, стр. 275 — 276.

позиции буржуазного объективизма. Это и случилось с некоторыми советскими историками.

Объективистская точка зрения наиболее широкое распространение получила в работах, посвящённых вопросам историографии. Единственная пока в советской литературе сводная работа «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна написана не с марксистских, а с объективистских позиций, насквозь пропитана объективизмом. Развитие русской исторической науки автор изобразил как единый и плавный процесс прогрессивного развития исторической мысли, в котором каждое новое направление вытекает из предшествующего, сохраняет и развивает его наследие. Даже марксизм, по Рубинштейну, является лишь продолжением и дальнейшим развитием достижений буржуазной науки. Он не раскрывает, по существу, классового характера отдельных школ и направлений в борьбе и смене этих школ и направлений, не показывает отражения классовой борьбы, происходившей в стране. Оторвав, таким образом, процесс развития русской исторической науки от его социальной базы, от процесса развития классовой борьбы в России, Н. Л. Рубинштейн представил развитие исторической науки как простую филиацию идей, в которой решающее значение имели зарубежные влияния. Именно отсюда проистекает у автора неправильная оценка роли историков-иностранцев в XVIII и начале XIX в. и преклонение перед иностранщиной вообще. Этим же объясняется и известная идеализация буржуазной историографии, преувеличенная оценка её роли в развитии исторической науки.

Вскрытые в работе Н. Л. Рубинштейна ошибки повторены в ряде работ, изданных Институтом истории, авторы которых являются сотрудниками института. Ошибочные, немарксистские утверждения об усвоении советскими историками наследия и традиций русской дореволюционной школы медиевистики, или наследия и традиции русской дореволюционной школы византиноведения, или наследия Любомирова, Ключевского и т. д. однотипны с ошибками автора «Русской историографии» и вытекают из одного и того же источника — из объективистского подхода к вопросам развития исторической науки, из недостаточного усвоения многими историками основных принципов марксистско-ленинской методологии.

С тех же буржуазно-объективистских позиций написана работа «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет», опубликованная в «Трудах юбилейной научной сессии» Ленинградского университета. Автор работы проф. С. Н. Валк целиком воспринял точку зрения буржуазной историографии о наличии в дореволюционной России какой-то особой, отличной от московской, так называемой «петербургско-исторической школы». По мнению Валка, эта школа начала складываться ещё в дореформенное время и просуществовала до Октябрьской социалистической революции. Родоначальником её автор считает Куторгу, преподававшего в Петербургском университете с 1839 по 1869 год. «В истории русской науки, — пишет Валк, — и не только в одной области античной истории, а в истории русской исторической науки в её целом, Куторге принадлежит немалая заслуга создания научной традиции и научного направления, которое получило своё дальнейшее развитие в трудах его учеников, как Стасюлевича, и в трудах профессоров последующих поколений, как В. Г. Васильевского и Ф. Ф. Соколова, и их многочисленных учеников, и стало одной из существенных черт исторической школы Петербургского университета».

Сделав эту антинаучную версию отправным пунктом своей работы, автор нарисовал единую линию развития от Куторги до Преснякова и даже до Тарле и Грекова. Все его усилия направлены на доказательство единства и преемственности в развитии исторической науки в Петербургском университете чуть ли не на всём протяжении его сущест-

вования. Он со скрупулёзностью, достойной лучшего применения, прослеживает, кто у кого учился, кто якобы продолжал научные традиции своих учителей, даёт библиографию трудов историков, но читатель напрасно стал бы искать в его работе развёрнутый разбор их политических взглядов и исторических концепций, а также анализ борьбы различных идейных направлений. Даже там, где автор не мог уже не считаться с фактами различия у историков политических и исторических взглядов, он всячески старается найти у них то общее, что якобы характерно для «петербургской исторической школы». Характерным же для этой школы признаком С. Валк считает не методологические принципы или историческую концепцию, а, говоря словами Преснякова (с которыми он полностью согласен), «научный реализм, сказывающийся прежде всего в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту, вне зависимости от историографической традиции (разрядка наша). При таком, с позволения сказать, «критерии» можно, конечно, породнить кого угодно и с кем угодно, но наука от этого только проигрывает. Нечего и говорить, что в построениях автора нет ни грама марксизма.

Мы остановились на ошибках в работах по историографии ещё и потому, что объективистская позиция в вопросах развития исторической науки неизбежно приводит к притуплению критического чутья в отношении буржуазной науки и способствует протаскиванию в нашу историческую литературу буржуазных взглядов.

IV

Как же могло получиться, что среди научных сотрудников Института истории получили широкое распространение объективистские взгляды, что Институт истории Академии наук СССР в ряде случаев, выпускаемая порочные работы, становится каналом для распространения враждебных марксизму концепций? Это произошло потому, что, несмотря на предупреждение партии, в Институте истории почти до самого последнего времени существовала явная недооценка живучести пережитков буржуазной идеологии в сознании части историков старшего поколения, а также опасности влияния на историков зарубежной буржуазной идеологии, не велась решительная борьба с проявлениями этой идеологии. Между тем ещё во время разоблачения так называемой «школы» Покровского у некоторых историков обнаружилась тенденция к возрождению буржуазных теорий. В противовес антимарксистскому, ликвидаторскому тезису Покровского «история есть политика, опрокинутая в прошлое», уже тогда стала выдвигаться буржуазно-объективистская точка зрения на историческую науку, как на процесс прогрессивного нарастания знаний об обществе, как на плавную эволюцию исторических идей. О том, что эта точка зрения начала распространяться давно, лучше всего свидетельствует «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна, вышедшая, как известно, ещё накануне Отечественной войны. Не получив во-время должного отпора, эта точка зрения пустила довольно глубокие корни среди историков.

С другой стороны, после разгрома «школы» Покровского с её голым социологизированием и бессодержательными историческими схемами среди части историков наметилась вредная тенденция к уходу от вопросов теории и теоретических обобщений в область локальных исследований и в коллекционирование фактов. Опасность этой тенденции, получившей довольно широкое распространение среди историков, заключается в том, что она теоретически разоружает историческую науку и способствует проникновению в неё всякого рода антимарксистских извращений.

В то же время стали появляться и грубо ошибочные, антимарксистские трактовки ряда важнейших исторических проблем. Об этих ошиб-

как предупредил тогда историков журнал «Историк-марксист» № 4, 1939, в статье своего редактора Ем. Ярославского «Невыполненные задачи исторического фронта». Ем. Ярославский писал: «Следует отметить, что, ведя борьбу против антимарксистских извращений исторической «школы» Покровского, некоторые историки делают неслучайные, не менее серьезные ошибки». В статье указывалось, что эти ошибки заключаются: 1) в неправильной трактовке вопроса о так называемом «наименьшем зле», в попытках распространить эту точку зрения на все захваты русского царизма; 2) в ошибочном понимании вопроса о справедливых и несправедливых войнах, в попытках превратить все войны царской России в оборонительные, справедливые; 3) в ошибочном понимании советского патриотизма, в игнорировании его классового социалистического содержания, в сползании на позиции квасного патриотизма. Характерно, что некоторые из этих ошибок нашли себе место в сборнике «Против исторической концепции М. Н. Покровского». Нетрудно заметить, что в основе отмеченных Ем. Ярославским ошибок лежало стремление приукрасить историю, игнорирование классового содержания исторического процесса в целом и каждого исторического события в отдельности. Не менее опасны и вредны проистекающие опять-таки из немарксистского подхода к истории ошибки, идущие по линии очернения прошлого великого русского народа, преуменьшения его роли в мировой истории. Опыт показывает, что всякая недооценка роли и значения русского народа в мировой истории непосредственно смыкается с преклонением перед иностранщиной. Нигилизм в оценке величайших достижений русской культуры других народов СССР есть обратная сторона низкопоклонства перед буржуазной культурой Запада.

Во время Отечественной войны в силу целого ряда обстоятельств на отдельных участках исторической науки произошло усиление влияния буржуазной идеологии, особенно в области изучения истории внешней политики, войн и военного искусства. Акад. Тарле повторил ошибочное положение об оборонительном и справедливом характере Крымской войны. Была сделана попытка оправдать войны Екатерины II тем соображением, что Россия стремилась якобы к своим естественным границам и что в результате территориальных приобретений Екатерины советский народ в войне с гитлеризмом имел необходимые спасительные плацдармы для обороны. Делалась попытка пересмотреть и характер похода в Европу в 1813 г., представив его таким же, как освободительный поход в Европу Советской Армии. Раздавались требования пересмотреть вопрос о жандармской роли России в Европе в первой половине XIX в. и о царской России как тюрьме народов. Если, с одной стороны, у некоторых историков обнаружилась вредная тенденция отрицать какое-либо благотворное влияние на народы нашей страны русской экономики и культуры, то, с другой стороны, делалась не менее вредная попытка снять совсем вопрос о колониальном характере политики царизма в национальных районах. Поднимались на щит, как якобы герои русского народа, генералы Скобелев, Драгомиров, Брусилов, а в Армении ухитрились превратить в национального героя даже Лорис-Меликова. Кое-кто договорился до того, что открыто стал требовать замены классового анализа исторических фактов оценкой их с точки зрения прогресса вообще, с точки зрения национально-государственных интересов. Понадобилось прямое вмешательство Центрального Комитета нашей партии, созыв им специального совещания историков, чтобы дать отпор этим ревизионистским идеям и прекратить шатания в рядах историков.

Таким образом, возможность влияния буржуазной идеологии на некоторых советских историков не является и не могла явиться неожиданностью для руководства Института истории и его парторганизации. Предупреждал об этом и ЦК партии, который в своих решениях об идеологической работе потребовал от партийных и непартийных больше-

виков усиления бдительности и решительного наступления против всяческих проявлений буржуазной идеологии. Тем не менее, как показали последние факты, надлежащие выводы из указаний ЦК руководством и парторганизацией института не были сделаны, работа института по-настоящему не была перестроена. Следует признать, что в деле перестройки работы института, в деле мобилизации коллектива историков на выполнение указаний партии и правительства мало помогал и журнал «Вопросы истории». Журнал не проявил необходимой оперативности в постановке и разработке наиболее актуальных проблем исторической науки, недостаточно развернул критику работы исторических учреждений и кафедр.

Вскрытые в работе института серьезные недостатки, несомненно, могли бы быть своевременно обнаружены и устранены, если бы в институте была развернута большевистская критика и самокритика. В институте распространена боязнь кого-либо обидеть, укоренилась гнилая традиция — не критиковать старших по научному званию. Критика и самокритика не была в институте основным методом воспитания кадров и повышения всего уровня работы. Не случаен поэтому тот факт, что большая часть ошибок в работах института была вскрыта не в самом институте, а нашей печатью. Были случаи, когда критика ошибок встречалась в институте в штыки. Так было, например, в секторе истории СССР до XIX в., работники которого пытались отвести критику статей Андреева и Фейгиной в сборнике «Пётр Великий».

Таковы причины, приведшие институт к столь серьезному провалу в работе.

Вывод напрашивается сам собой: необходима коренная перестройка всей работы института, улучшение и повышение уровня работы парторганизации, всемерное развертывание большевистской критики и самокритики.

В коллективе Института истории немало здоровых сил. Осознав свои ошибки, соответственно перестроив свою работу, институт может и обязан занять подобающее ему место — основного, ведущего центра советской исторической науки.

ВОСЬМОЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ

Е. Петропавловский

22 декабря 1920 г. в Большом театре в Москве открылся VIII Всероссийский Съезд Советов — первый съезд Советов, собравшийся после окончания гражданской войны. За месяц до его открытия Красная Армия разгромила последнюю контрреволюционную армию, угрожавшую Советской России, — армию Врангеля. Всего несколько месяцев прошло после окончания войны с Польшей.

Победоносное завершение гражданской войны и укрепление советской власти значительно улучшили внутреннее и внешнее положение Советской России. Блокада была прорвана: одни капиталистические государства заключили с Россией мирные договоры, с другими велись торговые переговоры. «Давно ли было, — говорил М. И. Калинин, открывая VIII Всероссийский Съезд Советов, — когда западно-европейские великодержавные правительства надменно третируют Советскую Россию, а теперь эти правительства ищут сближения с Советской Россией. Наше внутреннее положение — это можно смело и определённо сказать — заметно укрепляется»¹.

Но страна была совершенно разорена.

Семь лет войны империалистической и гражданской привели к тяжёлой экономической разрухе. К концу 1920 г. вся продукция сельского хозяйства составляла не более половины и без того низкого довоенного уровня. Неурожай, имевший место во многих губерниях, резкое сокращение посевных площадей и поголовья скота, голод в ряде районов страны — всё это привело крестьянское хозяйство к тяжёлому кризису. В состоянии упадка находилась и промышленность. Продукция крупной промышленности была почти в семь раз меньше довоенной. Развал на транспорте, топливный кризис, острая нехватка промышленных товаров, тяжёлое положение рабочего класса — таковы были результаты империалистической войны и лет преступного хозяйничания белогвардейцев и интервентов в отдельных районах страны.

Возможность установления прочного мира, перехода к мирному социалистическому строительству стала окончательно определяться только к концу 1920 года. Выступая 7 ноября 1920 г. на торжественном заседании Бакинского совета, И. В. Сталин говорил: «Теперь есть основание предполагать, что по крайней мере на небольшой промежуток времени Советская Россия получит значительную передышку для того, чтобы всю энергию своих неутомимых работников... направить на путь хозяйственного строительства, поставить на ноги заводы, земледелие, производственные органы»².

VIII Всероссийский Съезд Советов наметил первый план мирного строительства, дал первые установки в деле его проведения. В этом его историческое значение.

Предсъездовские дни, как и дни съезда, проходили в обстановке большого подъёма активности масс в стране: на заводах и в сёлах проводились предвыборные собрания, собирались съезды местных советов,

¹ Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчёт, стр. 2. М. 1921.

² И. Сталин. Соч. Т. 4, стр. 388.

проходили митинги, конференции, доклады. Вся советская печать, как центральная, так и местная, в порядке подготовки к съезду начиная с ноября 1920 г. широко обсуждала различные стороны жизни Советской России.

Отношение масс к съезду наглядно иллюстрирует следующая заметка, помещённая в бюллетене съезда: «Зайдите в уездном городе на любое собрание, потолкитесь в партийной и беспартийной массе», и после жалоб на волокиту и неурядицу можно услышать: «Вот съезд советов дело наладит и исправит недостатки, теперь конец разрухе... Со съездом связано так много, так велики надежды провинции на его творческие силы»³.

Глубокое понимание исторического значения съезда нашло своё выражение в повсеместном стремлении широких масс трудящихся принять активное участие в его работах. Одним из ярких примеров этого стремления явилось следующее обращение наумовской волостной организации РКП(б) и наумовского волисполкома к руководящим партийным органам Башкирии. «Мы выражаем горячее желание быть на Всероссийском Съезде Советов из крестьянской нашей мало развитой деревенской ячейки РКП(б)... Мы просим дать возможность нашему члену партии услышать голос лично, хотя бы раз, Всероссийского Съезда. Посылаем нашего преданного коммуниста... если нельзя с решающим, то хотя бы с совещательным голосом или, как гости. Мы считаем большой важностью познакомиться с мнением съезда, а также будет это руководством для нас и ближайших наших товарищей»⁴.

Глубокая связь съезда с массами нашла своё выражение в самом активном участии трудящихся в подготовке и определении тех вопросов, которые съезд должен был решить. На проходивших по всей стране в течение ноября и декабря рабочих, крестьянских и красноармейских собраниях обсуждалась повестка дня работы съезда и выработывались наказы, касавшиеся ближайших задач, стоявших перед страной в связи с переходом от войны к миру. Красноармейцы 52-й стрелковой дивизии, штурмовавшие в ноябре Перекоп, при обсуждении повестки дня съезда предлагали своему делегату отстаивать на съезде следующие положения: «Восстановить транспорт, промышленность и угледобычу, помочь крестьянам поднять сельскохозяйственное производство, обеспечить укрепление и сохранение боеспособности Красной Армии»⁵. Бойцы 1-й стрелковой дивизии, обращаясь к съезду, выражали уверенность, что он «утвердит закон землепользования, установит единый хозяйственный аппарат республики, наметит план поднятия промышленности и воссоздания транспорта»⁶.

Многие организации и отдельные лица присылали проекты, которые, по их мысли, должны были помочь в разработке мероприятий по ликвидации разрухи в стране и в строительстве коммунизма. Широкое волеизъявление народных масс было учтено как при определении задач, которые должны были решаться и обсуждаться на съезде, так и в принятых съездом решениях.

Сложившаяся в конце 1920 г. внутренняя и международная обстановка определила характер повестки дня съезда и стиль его работы. Съезд проходил в сугубо деловой обстановке. В повестку дня были включены следующие доклады и сообщения: доклад ВЦИК и СНК о внешней и внутренней политике, доклад о положении промышленности и мерах к её восстановлению, об электрификации России, о сельском хозяй-

³ Бюллетень VIII Всероссийского Съезда Советов № 3, 1920 год.

⁴ Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 1235, оп. 11, д. 54, л. 85. Просьба наумовцев была удовлетворена: их представитель поехал на съезд в качестве гостя.

⁵ Там же, д. 3, л. 194.

⁶ Там же, д. 6, л. 44.

стве, о транспорте, об улучшении работы советских органов и о борьбе с бюрократизмом, о сокращении армии, об учреждении ордена Трудового Красного Знамени.

На съезде были оглашены и приняты приветствия Красной Армии и Красному Флоту и обращения: к работникам железнодорожного и водного транспорта; ко всем трудящимся России; ко всем гражданам РСФСР, томящимся в плену и интернированным в лагерях; к французскому пролетариату, в связи с гибелью лучших его борцов: Реймонда Лефевра, Лепети и Верже.

После специального доклада съезд утвердил союзный договор между РСФСР и Советской Украиной. Специальное решение было вынесено по вопросу о привлечении женщин к хозяйственному строительству⁷. В конце работы съезда был избран новый состав ВЦИК 8-го созыва.

Новое в работе VIII съезда по сравнению с предыдущими съездами было отмечено в бюллетене съезда следующими словами: «То были съезды боевого момента. На них главная роль была за центром. Выслушивали обширные доклады... и принимали постановления почти немедленно, без больших обсуждений, единогласно... Оно и понятно: всякий понимал — Краснов, Каледин, Деникин у ворот. Съезд должен работать по-военному. Новый (VIII. — Е. П.) съезд воплощает в себе начало новой эпохи — пристального размышления масс о постройке своего советского коммунистического дома... трудовые массы в лице своих депутатов в Москве... размышляют, обсуждают о своём великом всероссийском трудовом хозяйстве»⁸.

VIII Всероссийский Съезд отличался от съезда военных лет и тем, что в его работах имели возможность принять участие делегаты всех освобождённых от белогвардейцев и интервентов районов Советской страны. Открывая съезд, М. И. Калинин говорил: «Мы сегодня в этом зале можем видеть... представителей честнейших граждан всей нашей несобьятной России»⁹. Здесь, говорил он, впервые присутствуют представители отдалённого севера, «Донского казачества, северного Кавказа, Кубани и только что освобождённого от белогвардейского ига Крыма», представители новых братских республик — Азербайджана и Армении¹⁰. На съезде присутствовали русские, грузины, украинцы, латыши, евреи, поляки, татары, белоруссы, армяне, киргизы, таджики, башкиры, узбеки и представители других национальностей советского государства.

VIII Всероссийский Съезд Советов был многочисленен, как ни один из предыдущих съездов советов, происходивших после октября 1917 года: на нём присутствовало 1685 делегатов с решающим и 805 с совещательным голосом¹¹.

На съезд собрались лучшие люди страны, выдвинувшиеся из самой гущи народных масс. В основном это были молодые, энергичные люди, выросшие и окрепшие в суровые годы революции и гражданской войны. 16 делегатов (0,7%) были в возрасте до 20 лет, 1058 (42,5%) — от 20 до 30 лет, 1099 (44,2%) — от 30 до 40 лет и 261 (10,6%) — в возрасте от 40 до 50 лет, в возрасте свыше 50 лет присутствовал 41 чел., или 1,6%. 94,4% делегатов были коммунистами и сочувствующими. От других партий на съезде присутствовало всего лишь 8 бундовцев, 8 меньшевиков, 2 «левых» эсера, 1 анархист-коммунист и 1 анархист-универсалист¹².

⁷ Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчёт, стр. 263—267.

⁸ Бюллетень VIII Всероссийского Съезда Советов № 4 за 1920 год.

⁹ Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчёт, стр. 1.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 291.

¹² Однако и эти немногочисленные представители от других партий не были избраны делегатами съезда, а попали на его заседания после долгих и назойливых домогательств. Так, Центральное бюро меньшинства партии с.-р. обратилось в Президиум ЦИК

Работа съезда проходила под руководством партии Ленина—Сталина. Все важнейшие вопросы разрабатывались и предлагались съезду от имени партии. Все важнейшие доклады предварительно детально обсуждались на большевистской фракции, регулярно собиравшейся в течение всей работы съезда. На большевистской фракции были обсуждены и приняты решения по следующим вопросам: о мерах развития и помощи сельскому хозяйству; доклад НКПС; союзный договор с Украиной; обращение ко всем трудящимся России; утверждение списка кандидатов во ВЦИК; доклад об изменениях, внесённых в проекты решений; доклад продовольственной секции; доклад топливной комиссии и доклад о работе комиссии по составлению списков кандидатов в члены ВЦИК¹³.

Рассматривавшиеся съездом вопросы делятся на две ясно очерченные группы: подведение итогов закончившегося периода гражданской войны и разработка мероприятий по восстановлению народного хозяйства и переводу государственного и хозяйственного аппаратов на мирные рельсы.

В отчётном докладе В. И. Ленин подвёл итоги гражданской войны и дал анализ внутреннего и международного положения России к концу 1920 года, наметив грандиозный план переключения страны на мирные рельсы. Ленин наметил план восстановления и дальнейшего развития промышленности, транспорта, сельского хозяйства, определил задачи перестройки и укрепления хозяйственного и советского аппаратов¹⁴. Делегаты съезда единогласно приняли следующую резолюцию по докладу Ленина: «Заслушав и обсудив отчёт Рабоче-Крестьянского Правительства, 8 Всероссийский Съезд Советов вполне одобряет деятельность своего правительства»¹⁵.

Подводя итоги закончившемуся периоду гражданской войны, VIII Всероссийский Съезд Советов в своём обращении «Ко всем трудящимся России» писал: съезд «считает своим долгом воздать благодарностью за заслуги всем, кто своим потом и кровью, тяжёлым трудом и терпением, мужеством и самопожертвованием для общего дела способствовал победе... Товарищи рабочие! Три года Революции были для вас временами величайших страданий и нужды... Готовя оружие и одежду для красного фронта, всё отдавая для него, вы обеспечили победу... Труженики земли, товарищи-крестьяне! Красная армия не могла бы победить, рабочие городов погибли бы от голода, промышленность замерла бы в стране, если бы ваши излишки хлеба не были переданы рабоче-крестьянскому государству... Трудовое крестьянство исполнило свой долг». Обращение заканчивалось призывом: «Ещё три—четыре года и в республике не будет раздетых и разутых. Ещё пять лет, и мы окончательно залечим раны, нанесённые войной нашему хозяйству. К труду же, Рабоче-Крестьянская Россия!»¹⁶.

со специальным письмом: «На предстоящем VIII съезде советов просим пяти представителям Центрального бюро меньшинства партии с.-р. предоставить право совещательного голоса» (ЦГАОР, ф. 1235, оп. 11, д. 62, л. 46). На основании аналогичных неоднократных домогательств места на съезде получили ЦК Бунда (там же, л. 48) и ЦК меньшевиков (там же, л. 58). Попав на съезд, меньшевики и эсеры пытались развернуть антисоветскую агитацию. Они засыпали съезд декларациями, антисоветскими проектами резолюций, заявлениями, протестами. Но делегаты съезда все эти выходки данов и вольских встретили возмущением и насмешками. «Вольский, где Колчак?»,— гневно кричали они эсеру Вольскому во время его выступления, напоминая о связи эсеров с Колчаком. Резкая отповедь эсерам и меньшевикам была дана Лениным в его заключительном слове.

¹³ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 11, д. 45, лл. 20, 60, 66, 67, 75, 80, 81, 85.

¹⁴ См. Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 24—48. Изд. 3-е.

¹⁵ Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчёт, стр. 263.

¹⁶ Там же, стр. 264—265.

Съезд принял приветствие Красной Армии и Красному Флоту: «В первые же минуты своих работ 8-й Всероссийский Съезд Советов... шлёт свой восторженный братский привет революционной Красной армии за её невиданные в мире храбрость, упорство и волю к победе, за великие жертвы»¹⁷. Съезд призывал красноармейцев «на дружную, но менее героическую, совместную борьбу всех на трудовом фронте по организации новой победы над разрухой и голодом»¹⁸.

Съезд утвердил правительственное сообщение о сокращении армии и флота — акт, знаменовавший организационные мероприятия по переходу к мирному строительству. В сообщении указывалось, что, исходя из реальных условий транспорта и необходимого количества вооружённых сил для прочной обороны республики, Совет Труда и Оборона рассчитывает, начав демобилизацию старших возрастов, сократить армию к середине 1921 г. приблизительно вдвое¹⁹. Однако, начав сокращение армии, правительство в то же время считает необходимым, писалось в утверждённом съездом сообщении, «принять все меры к тому, чтобы Красная армия была вполне обеспечена всеми необходимыми для её существования, обучения и воспитания материальными средствами, и чтобы её военное обучение и политическое воспитание совершались с необходимой энергией и без помех»²⁰. Касаясь вопросов демобилизации, Ленин в своём отчёте съезду отмечал: «Мы свою Красную армию во что бы то ни стало должны сохранить во всей боевой готовности и усилить её боевую способность. Этому, конечно, не помешает освобождение известной части армии и быстрая её демобилизация»²¹.

Подводя итоги закончившимся битвам, съезд занялся вопросами восстановления народного хозяйства. В своих выступлениях на съезде В. И. Ленин с особой настойчивостью подчёркивал, что хозяйственные проблемы, «хозяйственный фронт выдвигается перед нами теперь опять и опять, как самый главный и как основной»²².

Чёткое определение задач партии и всего советского народа в новых послевоенных условиях несколько позже дал И. В. Сталин в своём выступлении на общем собрании тифлисской организации коммунистов, 6 июня 1921 года. Если в годы войны, говорил И. В. Сталин, советские республики действовали под общим лозунгом «всё для войны», то «ныне, когда мы вступили в новый период хозяйственного строительства, когда мы от войны перешли на мирную работу, старый лозунг «всё для войны» сменяется, естественно, новым лозунгом «всё для народного хозяйства». Этот новый период, — продолжал И. В. Сталин, — обязывает коммунистов бросить все силы на хозяйственный фронт, в промышленность, сельское хозяйство, продовольственное дело, в кооперацию, в транспортное дело и т. д. Ибо без этого нет возможности побороть хозяйственную разруху»²³.

Основным решающим звеном, которое определяло подъём всех отраслей народного хозяйства, являлось восстановление и развитие разрушенного сельского хозяйства страны. Этому вопросу Ленин уделил большое внимание в своём докладе 22 декабря, а также посвятил ему

¹⁷ Там же, стр. 263.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 284. По приказу Реввоенсовета 11 декабря 1920 г. началась демобилизация всех красноармейцев до 1885 г. рождения. Следующие три возраста — 1886—1888 гг. рождения, увольнение которых производилось во вторую очередь, — образовали до своей демобилизации трудовую армию. В период демобилизации красноармейцев второй очереди в трудовую армию зачислялись следующие за ними три возраста. Таким порядком к весне или лету 1921 г. предполагалось завершить увольнение в бессрочный отпуск всех красноармейцев до 1895 г. рождения.

²⁰ Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчёт, стр. 285.

²¹ Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 26.

²² Там же, стр. 31.

²³ И. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 89.

специальное выступление на большевистской фракции 24 декабря. Особые трудности в возрождении сельского хозяйства вызывались не только тем, что уровень его упал чрезвычайно низко, но обуславливались и тем, что работа по восстановлению сельского хозяйства должна была проводиться через многомиллионную мелкобуржуазную и разрозненную массу единоличного крестьянства. А подъём промышленности страны был совершенно невозможен без восстановления его аграрной базы: «Без практического массового улучшения хозяйства мелкого крестьянства нам спасения нет: без этой базы невозможно никакое хозяйственное строительство, и какие бы то ни было великие планы — ничто», — подчёркивал В. И. Ленин на VIII Всероссийском Съезде Советов²⁴. Ленинская оценка положения крестьянского хозяйства и намеченные им пути его развития нашли глубокий отклик в крестьянской среде. Так, один из крестьян Рязанской губернии писал о своих впечатлениях от речи Ленина на съезде: «Речь товарища Ленина меня как беспартийного удовлетворяет особенно тем, что товарищ Ленин, хотя он сам и не крестьянин, понимает душу крестьянского строительства, и что в этом отношении он ничуть не расходится с моим крестьянским пониманием»²⁵.

Съездом был принят закон «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства», предварительно опубликованный ещё 14 декабря 1920 года. Создавая этот законопроект, партия и правительство пошли по пути разработки конкретных мероприятий по повышению урожайности и расширению посевных площадей. Закон, рассчитанный на подготовку и проведение посевной кампании 1921 года, исходил из того, что, в случае успеха, намеченные мероприятия в соответствии с полученным опытом будут применены и в дальнейшем.

Выступая на съезде против прожектеров, выдвигавших декларативные, широковещательные проекты либо немедленного строительства социализма в деревне через совхозы либо немедленной коллективизации сельского хозяйства, Ленин указывал, что в конкретных условиях 1920—1921 гг. в деле восстановления сельского хозяйства надо опираться на единоличного крестьянина: «Он таков и в ближайшее время иным не будет... От общих рассуждений надо перейти к тому, как сделать первый и практический шаг обязательно этой весной и ни в коем случае не позже, и только такая постановка вопроса будет деловая»²⁶.

Основной идеей при разработке закона «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства» являлась мысль о перенесении методов государственного регулирования из области промышленного производства в область мелкотоварного крестьянского хозяйства. Если в годы гражданской войны государство могло через продразвёрстку регулировать лишь заготовку сельскохозяйственных продуктов, то теперь оно подходило к регулированию сельскохозяйственного производства, ставя перед сельским хозяйством конкретные задачи: обработать и засеять определённые посевные площади; провести минимальные агрономические мероприятия; обеспечить определённую урожайность. В свою очередь, государство принимало на себя ряд обязательств по организации помощи крестьянству в проведении посевной кампании: «Признавая сельское хозяйство важнейшей отраслью хозяйства Республики, возлагая на все органы Советской власти обязанность усиленной всесторонней помощи крестьянскому земледелию, рабоче-крестьянская власть объявляет в то же время правильное ведение земледельческого хозяйства великой государственной обязанностью крестьянского населения»²⁷.

Обязуясь оказывать крестьянскому хозяйству, помощь живым и мёртвым инвентарём, устройством ремонтных мастерских, прокатных и

²⁴ Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 38.

²⁵ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 11, д. 3, л. 229.

²⁶ Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 55.

²⁷ Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчёт, стр. 267.

зерноочистительных пунктов, семенными материалами, удобрениями, указаниями агрономов и т. д., государство в то же время требовало от всех крестьян полного засева полей по заданию государства и правильной их обработки по примеру наиболее старательных хозяйств бедняков и середняков²⁸. Таким образом, впервые ставилась задача регулирования государством единоличного крестьянского хозяйства; впервые государство брало в свои руки и оказание производственной помощи крестьянству.

Оценивая законопроект и задачи съезда в области подъёма сельского хозяйства, М. И. Калинин писал в статье «Задачи VIII съезда», что съездом поставлен новый вопрос, никогда прежде не ставившийся, «это — развитие сельскохозяйственного производства и помощь крестьянскому хозяйству. Это огромного значения шаг, в котором выражается намерение советской власти подойти к крестьянству с экономическими мероприятиями, как только это стало возможным. В этом смысле перед съездом стоит одна из труднейших задач — суметь найти те формы подхода советской власти к крестьянскому хозяйству, которые позволили бы поднять его на такую высоту, чтобы государство могло давать ему определённые производственные задачи и чтобы намеченные съездом мероприятия были не только полезны государству, но и выгодны крестьянскому хозяйству»²⁹.

Исключительно важное значение восстановления сельского хозяйства для всей экономики страны требовало скорейшего принятия и проведения в жизнь закона «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства». «Мы старались в С. Н. К., — говорил на съезде В. И. Ленин, — скорее придать этому законопроекту формы наиболее подготовленные, чтобы Съезд Советов... успел принять окончательное решение. Нам грозит опасность опоздать провести эту кампанию на месте»³⁰.

После того как проект закона был заслушан на пленарном заседании съезда, он был подробно и детально обсуждён на специальной земельной секции на вечернем заседании 25 декабря. В прениях записалось до 60 человек, всё обсуждение проходило при большой активности участников. Для конкретной доработки разделов закона с учётом местных особенностей секция, по предложению Ленина, разделилась на 11 комиссий, в соответствии с сельскохозяйственными экономическими районами страны. В эти комиссии вошли местные работники из районов. Для согласования предложений комиссии весь день 26 декабря работала согласительная комиссия, которая добилась полного единогласия по всем пунктам проекта, кроме вопроса о системе премирования отдельных хозяйств и сельскохозяйственных коллективов. 27 декабря вопрос о законе обсуждался на большевистской фракции, на заседание которой были приглашены беспартийные крестьяне — делегаты съезда. Таким образом, только после длительного обсуждения закон наконец был принят VIII Съездом.

Каковы же основные положения закона «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства»? В своих выступлениях на съезде Ленин призывал сосредоточить все силы на самом неотложном: на том, чтобы собрать необходимое количество семян; на том, чтобы избежать недосева; на том, чтобы улучшение сельскохозяйственного производства приняло массовый характер, ибо чем лучше будет поставлена вся машина подъёма земледелия, тем больших успехов добьётся страна в целом. «Если же мы размахнёмся шире, чем мы можем сде-

²⁸ См. Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчёт, стр. 267.

²⁹ Бюллетень VIII Всероссийского Съезда Советов № 4, М. 1920.

³⁰ Ленин, Соч. Т. XXVI, стр. 53.

затя, — предупреждал Ленин, — мы только скомпрометируем себя в глазах крестьян»³¹.

Для осуществления всех этих задач и в целях максимальной помощи крестьянскому хозяйству, а также для правильного руководства всей сельскохозяйственной кампанией в деревнях, губерниях и волостях было намечено создать посеvky в составе не более пяти лиц. Эти посеvky обязаны были действовать через аппарат земотделов, не создавая собственных технических аппаратов³². При посевных комиссиях надлежало создавать сельскохозяйственные советы, включавшие в себя сельских специалистов и представителей крестьянства. Эти советы являлись консультативными организациями, определявшими техническую целесообразность и возможность осуществления намеченных посеvkами мероприятий. «В целях наибольшего развития самодеятельности масс трудящегося крестьянства, — писалось в законе, — в работе по укреплению и развитию сельского хозяйства образовать при сельсоветах, под председательством председельсовета, крестьянские комитеты по улучшению с.-х. производства, избираемые сельскими обществами»³³. Создание селькомов имело целью широкое привлечение крестьянских масс к организации подъёма сельского хозяйства.

Создание этих особых органов было вызвано стремлением опереться в этой важной работе на широкие крестьянские массы.

Таким образом, в период окончания гражданской войны, в условиях перехода к мирному строительству советское государство привлекало трудящихся к организации и руководству производством не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Вместе с тем создание посеvkомов было особой, исключительно важной мерой, характерной для периода перехода от гражданской войны к мирному строительству в особых условиях 1920—1921 годов. Она сочетала в себе методы военного коммунизма — методы внеэкономического воздействия — с поисками путей к созданию личной заинтересованности крестьян в деле развития сельского хозяйства и к предоставлению инициативы как местным органам советской власти, так и широким трудящимся массам крестьянства.

Важно отметить, что идея образования посеvkомов выдвигалась и широко поддерживалась местными работниками и организациями. Например, в письме уржумскому делегату съезда от уржумской партийной организации писалось: «Особенно важный и серьёзный вопрос затронут о комитетах содействия»³⁴. А в тезисах, утверждённых уржумским партийным собранием, отмечалось: «Для вовлечения в работу широких слоёв населения создать комитеты содействия... в задачи которых поставить проведение государственного плана засева полей»³⁵.

Посевкомам вменялось в обязанность организовать широкую помощь крестьянскому хозяйству. Они должны были привести в образцовый порядок все учреждения, оказывавшие крестьянам техническую и организационную помощь: ремонтные мастерские, прокатные пункты, мельницы и т. д. Они должны были организовать и правильное использование усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря (косилки, жатки) и переброску на посевную и уборочную кампании трудармейских и красноармейских частей. Им же вменялась в обязанность широкая сельскохозяйственная пропаганда³⁶.

Съезд поручил СНК дать указания всем хозяйственным наркоматам и ведомствам об организации помощи сельскому хозяйству. ВСНХ

³¹ Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 55.

³² См. Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчёт, стр. 267.

³³ Там же, стр. 268.

³⁴ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 11, д. 73, л. 110.

³⁵ Там же, л. 109.

³⁶ См. Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчёт, стр. 268.

должен был заняться развёртыванием сельскохозяйственного машиностроения, производством удобрений. Внешторгу поручалась покупка за границей сортов семян, племенного скота; Народному Комиссариату по Военно-Морским делам — переброска на помощь сельскому хозяйству армейских частей и т. д.³⁷

Таким образом, государство в первых же пунктах закона брало на себя ряд обязательств в оказании помощи крестьянскому хозяйству как инвентарём, так и рабочей силой в размерах, в каких это было возможно в условиях разрухи 1920—1921 годов. В то же время государство брало в свои руки, как уже упоминалось, руководство посевной кампанией. Теперь определение размера площадей для посева и характер засева перестали быть делом отдельных крестьян. «В целях поддержания мерами государственной власти, — писалось в законе, — стремления лучших хозяев расширить площади засева объявить государственной повинностью обсеменение площади земли, устанавливаемой государственным планом посева»³⁸.

На первом этапе перехода к мирной работе государство осуществляло ещё целый ряд мероприятий методами военного коммунизма. Засев крестьянами своего поля объявлялся «государственной повинностью» наравне с повинностью гужевой и трудовой. Военно-коммунистические принципы были положены и в основу определения характера тех культур, которые каждый крестьянин должен высевать. Через систему посевкомов и селькомов государство обязывало каждого крестьянина сеять определённые сельскохозяйственные культуры.

Впервые государство подошло и к принятию принципа планирования посевных площадей и определению характера посевов, поручив составление общероссийских планов посевной кампании Наркомзему, а на местах — местным посевкомам. Большое внимание было обращено на обеспечение посевных площадей семенным фондом. Перед государством встала задача: во что бы то ни стало сохранить семенной фонд. В связи с голодом была опасность, что семенной фонд будет съеден. И В. И. Ленин, предостерегая от этого, говорил: «Наша цель состоит в том, чтобы количество семян, необходимое для полного обсеменения, взять под охрану государства»³⁹.

Сохранение находившихся у крестьян на руках семенных фондов стало делом государства, обеспечивавшего сохранение этих семян совместно с крестьянами. «Объявить запасы семян, находящиеся у земледельцев, — устанавливал закон в параграфе 9, — в потребном для хозяйства количестве, неприкосновенным семенным фондом и принять меры к охране семенного фонда и к внутригубернскому распределению семян»⁴⁰. Закон намечал целый ряд мер по сохранению семян, как то: сдача в общественные амбары в мешках владельцев и с их пометкой, объявление семян, находящихся у частных владельцев, неприкосновенными, при условии их личной ответственности за сохранение семенного фонда. Интересно отметить, что целый ряд предусмотренных законом мер по охране семян являлся обобщением уже имевшегося на местах опыта. Так, один из делегатов съезда, курский крестьянин, рассказывал в кулуарах съезда: «У нас по-хорошему устроилось, умудрил господь, выделили амбар и давай в него семена возить... потом амбар на два замочка с печатью, один ключ у нас, другой у исполкома, они туда без нас не могут попасть и мы не сумеем»⁴¹.

Характеризуя связь закона с установившейся практикой, Ленин говорил о том, что закон исходит из местного опыта, и на местах это

³⁷ См. Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчёт, стр. 269.

³⁸ Там же.

³⁹ Ленин, Соч. Т. XXVI, стр. 54.

⁴⁰ Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчёт, стр. 269.

⁴¹ Бюллетень VIII Всероссийского Съезда Советов № 5. М. 1920.

уже почувствовали⁴². Разрабатывая и утверждая проект закона, съезд не ограничился установлением государственного руководства засевами полей и сохранением семян. Он вынес решение о необходимости государственного регулирования технологии сельскохозяйственного производства, поручив посевокомам под руководством и контролем Наркомзема разрабатывать обязательные правила основных приёмов обработки полей и улучшения лугов, а также приёмов посева и методов сохранения плодородия почвы⁴³.

Таким образом, советское государство вплотную подошло к вопросу улучшения методов обработки земли, к вопросу о перенесении лучших методов на всё многомиллионное крестьянское хозяйство. При этом советское государство не только ставило перед собой задачу восстановления довоенного уровня сельского хозяйства, но и делало первые шаги в области перевода его на новые, передовые методы агротехники. Ясно, что в период существования мелкого единоличного крестьянского хозяйства реконструкция сельского хозяйства не могла быть проведена в полной мере, но всё же первые шаги в этой области советское государство начало осуществлять уже в 1921 г., сразу по окончании гражданской войны.

Особенно большие прения на съезде вызвал раздел законопроекта о системе премирования за лучшие успехи в сельском хозяйстве. Принципы и идеи военного коммунизма были ещё сильны, однако становилось всё более и более ясным, что в условиях мирной работы необходимо найти новые методы экономического воздействия на крестьянство. Раздел о премировании коллективов и отдельных хозяйств за хорошие успехи в деле развития сельского хозяйства и был первой хотя и робкой попыткой нащупать эти новые методы в условиях сохранения продразвёрстки. Мысль о введении экономических мер для стимулирования развития сельского хозяйства нашла широкую поддержку среди трудящихся. В одном из писем на имя съезда старший рабочий железнодорожного разъезда № 20 Калужской губернии писал, что, прочитав газету «Беднота» за 28 декабря 1920 г. и узнав из неё, что «законопроект предусматривает ряд поощрительных мер в виде премирования как целых обществ, так и отдельных домохозяев за те или иные успехи в хозяйстве, я глубоко тронут, так как премии поднимут урожайность в стране»⁴⁴. Аналогичные мнения можно встретить и в других письмах на имя съезда и в ряде печатавшихся в советской прессе откликов крестьян.

Бурные прения на заседаниях земельной секции и большевистской фракции были вызваны не спорностью вопроса о принципиальной допустимости премирования, а тем, допустимо ли премирование не только коллективов, но и отдельных крестьянских хозяйств. Противники индивидуального премирования считали, что премии будут поступать только кулакам, так как только они будут в силах добиться заметных результатов. При коллективном же премировании, говорили они, крестьяне внутри своего коллектива будут друг друга подтягивать. Сторонники индивидуального премирования доказывали, что массы крестьян ещё не прониклись коммунистическими принципами и в условиях единоличного хозяйства коллективное премирование не будет являться достаточным стимулом для подъёма и развития крестьянского хозяйства. В результате прений съезд пришёл к выводу о необходимости премирования как целых коллективов, так и отдельных хозяйств. Но премирование отдельных крестьянских хозяйств ставилось съездом на второй план⁴⁵.

⁴² См. Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 36.

⁴³ См. Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчёт, стр. 270.

⁴⁴ ЦГАОР, ф. 1235, оп. II, д. 73, л. 179.

⁴⁵ См. Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчёт, стр. 271.

Выработанные VIII Всероссийским Съездом Советов мероприятия не могли, однако, обеспечить широкого подъёма сельского хозяйства, так как, сохраняя продрозвёрстку, они не изменяли экономической политики военного коммунизма по отношению к крестьянству. Эти мероприятия смогли сыграть и сыграли в дальнейшем значительную роль в общей системе мероприятий советского государства в деле восстановления и развития сельского хозяйства только в условиях новой экономической политики и осуществления ленинского декрета о продналоге.

Важнейшим разделом работы съезда был вопрос о восстановлении промышленности. Октябрьская революция и передача в руки пролетарского государства всех основных средств производства создали в национализированной промышленности социалистические производственные отношения, обеспечив политическую и экономическую основу для установления социалистических производственных отношений во всём народном хозяйстве страны. Но это была лишь одна сторона вопроса. Задачи строительства социализма требовали поднятия на более высокую ступень способа производства материальных благ и развития производительных сил. Усилия советского государства направлялись на восстановление производительных сил страны, для дальнейшего их расцвета в целях создания экономического фундамента для строительства социализма.

После серьёзного и всестороннего обсуждения вопроса VIII Всероссийский Съезд Советов пришёл к выводу, что центральной задачей ближайшего периода должно быть восстановление транспорта, топливной промышленности и металлургии. Задаче восстановления транспорта — ввиду катастрофического его состояния, приводившего к ослаблению обороноспособности страны, — советское правительство уделяло внимание и в период гражданской войны. В результате энергичных мер дальнейший развал транспорта в 1920 г. был приостановлен. Но, приступая с конца этого года к восстановлению народного хозяйства, страна снова столкнулась с необходимостью коренного улучшения работы транспорта. VIII Съезд Советов обсудил и наметил срочные меры по восстановлению железнодорожных и водных путей.

В области промышленности съезд встал перед задачей не только восстановления довоенного её уровня, но и создания новой, передовой технической базы страны. Электрификация, механизация народного хозяйства — вот задачи, которые выдвигал съезд.

Съезд выделил также те отрасли промышленности, которые необходимо было восстановить в первую очередь: «Ввиду громадного значения каменноугольной промышленности и тяжёлой индустрии для восстановления всего хозяйства Республики, — отмечалось в его решении «О тяжёлой индустрии», — 8-й Съезд считает необходимым сосредоточение внимания всех органов Республики на усиление добычи угля и руд для обеспечения промышленности топливом и металлом. Каменноугольная и металлургическая промышленность Сибири, Урала, Подмосковского и Донецкого районов должна быть поставлена в особо благоприятные условия для развития своих производительных сил»⁴⁶.

Решение об Урале и Донбассе не ограничивается установлением общих задач по поднятию и восстановлению угольных шахт и пуску мелких и крупных металлургических заводов. Съезд разработал конкретный план добычи угля и выпуска металла на 1921 год, обязав ВСНХ при-

⁴⁶ Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчёт, стр. 272.

нять все меры к увеличению в Донецком районе добычи угля не менее чем до 600 млн. пудов и чугуна до 25 млн. пудов⁴⁷.

Съезд дал указание об осуществлении широкой электрификации Донбасса и Урала и о переходе с гужевого транспорта на электрифицированные железные дороги, на широкое развитие рудничных и заводских путей⁴⁸. Ставя вопрос о развитии топливной промышленности, съезд обязал обратить особое внимание на развитие добычи и перегонки жидких видов топлива и выдвинул задачу быстрее развития и восстановления не только старых нефтяных районов Баку и Грозного, но и быстрее развития новых районов, особенно Эмбы⁴⁹, и разработки широких планов строительства нефтепроводов. Таким образом, сразу же после окончания гражданской войны советское государство наряду с восстановлением народного хозяйства поставило задачу реконструкции промышленности на базе самой передовой техники. Этой же цели служило обсуждение и принятие съездом плана ГОЭЛРО, одного из важнейших документов эпохи. «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны»⁵⁰, — указывал Ленин в отчетном докладе съезду. Подчеркивая исключительное значение плана, разработанного комиссией ГОЭЛРО, Ленин говорил: «На мой взгляд, это — наша вторая программа партии»⁵¹. Развивая эту мысль, Ленин говорил: «Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно»⁵².

С докладом о плане электрификации Советской России на съезде выступил Г. М. Кржижановский. На сцене Большого театра перед делегатами VIII съезда была вывешена большая карта Советской России с нанесёнными на неё точками проектируемых электростанций и схемами кольцевания районов. Вся карта была электрифицирована и давала точное представление о плане электрификации страны⁵³. Г. М. Кржижановский развернул перед слушателями разработанный комиссией ГОЭЛРО конкретный план электрификации страны: где, когда и какие электростанции будут строиться, на каком топливе, как пойдёт кольцевание, и т. д. В то же время докладчик показал съезду, что план электрификации включает программу переоборудования и реконструкции всей промышленности, всего народного хозяйства на базе передовой современной техники. «Мы находим возможность, — говорил Г. М. Кржижановский, — примерно, в десятилетний срок не только залечить раны войн, но и поднять за этот период наши производительные силы на 80—100% выше довоенного уровня»⁵⁴.

⁴⁷ См. Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчет, стр. 272. О необходимости скорейшего восстановления топливной промышленности и металлургии как важнейшего условия для дальнейшего социалистического строительства съезду писали со всех концов страны. В тезисах саратовского ГСНХ, широко обсуждавшихся в саратовских партийных организациях, указывалось на необходимость скорейшего развития добывающей промышленности, а также на необходимость подъёма «Донецкого бассейна, уральской металлургии, кавказской и эмбийской нефти» (ЦГАОР, ф. 1235, оп. 11, д. 54, л. 2). Эти же мысли красной нитью пронизывали присланные съезду тезисы беспартийного автора, «всей душой преданного коммунистическому устройству жизни» (там же, л. 20); наказ красноармейскому делегату от 10-й дивизии (там же, д. 3, л. 124); приветствия на имя съезда от женской конференции работниц и крестьянок, Путиловской волости (там же, д. 6, л. 24) и большое количество наказов, приветствий, постановлений различных конференций трудящихся.

⁴⁸ См. Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчет, стр. 273.

⁴⁹ См. там же, стр. 112.

⁵⁰ Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 46.

⁵¹ Там же, стр. 45.

⁵² Там же, стр. 47.

⁵³ Бюллетень VIII Всероссийского Съезда Советов № 2. М. 1920.

⁵⁴ Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчет, стр. 79—80.

Делегаты, приехавшие из разорённых районов страны в холодную и голодающую Москву, с огромным вниманием слушали доклад, который развёртывал перед ними яркие перспективы ближайшего будущего. Съезд одобрил план электрификации и в особом решении указал, что он оценивает этот план «как первый шаг великого хозяйственного начинания». Он поручил ВЦИК, СНК и соответствующим наркоматам завершить разработку плана электрификации и утвердить его, «при том обязательно в кратчайший срок»⁵⁵.

Выдвинутый партией Ленина—Сталина и утверждённый VIII съездом, план электрификации страны нашёл широкую поддержку и понимание среди рабочих и крестьян. Рабочие и крестьяне с энтузиазмом приветствовали план электрификации. В печати тех лет можно найти десятки откликов на принятие этого плана съездом.

Конечно, в конце 1920 г. государство не могло в полном объёме приступить к осуществлению плана электрификации всей страны. План ГОЭЛРО выдвигался как перспектива, раскрывавшая перед широкими массами неисчерпаемые возможности социалистического развития советского государства, пришедшего на смену старой, капиталистической России.

Принятый VIII Съездом Советов, план ГОЭЛРО был первым народнохозяйственным планом, связывавшим советскую экономику в единое целое. Рассчитанный на ряд лет, он был призван не только обеспечить восстановление народного хозяйства, но и обеспечить строительство экономического фундамента социализма. Оценивая значение принятого съездом и опубликованного «Плана электрификации России», И. В. Сталин писал В. И. Ленину в марте 1921 г.: «Превосходная, хорошо составленная книга. Мастерский набросок действительно единого и действительно государственного хозяйственного плана без кавычек. Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую надстройку хозяйственно-отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технически-производственной базы»⁵⁶.

Обсуждая меры, которые необходимо было предпринять в целях скорейшего подъёма промышленности, съезд уделил также внимание двум важнейшим задачам — проблеме труда и проблеме техники. Гражданская война, мобилизации, недостаток продовольствия в городах привели к резкому сокращению квалифицированной рабочей силы на предприятиях. Выполнение же решений съезда о восстановлении и подъёме промышленности было невозможно без обеспечения предприятий квалифицированными рабочими. В целях привлечения в промышленность квалифицированных рабочих и специалистов съезд наметил ряд срочных мер по улучшению материального положения рабочих, по немедленному возвращению на предприятия рабочих, освобождающихся из армии. Съезд обратил особое внимание на необходимость развёртывания профессионального образования.

С переключением центра тяжести с вопросов военных на проблемы хозяйственного строительства связано учреждение Съездом специального трудового ордена. В постановлении VIII съезда об учреждении ордена Трудового Красного Знамени указывалось, что «в целях отличия перед всей Республикой Советов тех групп трудящихся и отдельных граждан, которые проявили особую самоотверженность, инициативу, трудолюбие и организованность в разрешении хозяйственных задач, 8-й Съезд Советов постановляет установить «Орден Трудового Красного Знамени» и его знак»⁵⁷. Установление трудового ордена подчёркивало то большое

⁵⁵ Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчёт, стр. 271.

⁵⁶ И. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 50.

⁵⁷ Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчёт, стр. 276.

значение, которое придавали партия и правительство созидательной хозяйственной работе.

Новые народнохозяйственные задачи требовали коренных изменений и во всей системе руководства народным хозяйством. VIII Съезд принял целый ряд решений, имевших целью улучшить и перестроить систему руководства народным хозяйством в соответствии с мирными условиями работы.

В тяжёлые годы гражданской войны в народном хозяйстве установилась военно-коммунистическая система управления, построенная на принципах строгой централизации руководства и распределения сырья и готовой продукции. Инициатива местных органов, инициатива самих предприятий была сведена почти к нулю. Определение характера производства, распределение сырья и готовой продукции, решение отдельных хозяйственных и производственных проблем — всё это осуществлялось в строго централизованном порядке. Почти отсутствовала денежная система расчёта, не было хозрасчёта. Подобная военно-коммунистическая система производства и руководства во время войны сыграла положительную роль, но была совершенно непригодна для целей мирной восстановительной работы. При подобном руководстве промышленными предприятиями ограничивалась инициатива местных работников и экономическая заинтересованность местных учреждений. Эта система в конечном итоге приводила к проявлению бюрократизма и волокиты во всех звеньях хозяйственного аппарата.

Дав отпор ультрадецентрализаторским предложениям, имевшим в виду вообще ликвидацию централизованного управления, съезд наметил более гибкую систему управления. Были поставлены вопросы о необходимости коренного улучшения в управлении хозяйственной жизнью страны, об усовершенствовании аппарата ВСНХ, устранении в его работе параллелизма и о борьбе с бюрократизмом и канцелярщиной. Решив усилить связь между центральными и местными хозяйственными органами, съезд в то же время ставил задачу — найти такие формы хозяйственного руководства, которые послужили бы развитию самостоятельности и инициативы местных хозяйственных органов. Необходимо обеспечить, подчёркивалось на съезде, развитие «самостоятельности, инициативы... местных органов», обеспечив в то же время усовершенствование их аппарата⁵⁸.

По существу, в годы военного коммунизма вся работа местных хозяйственных органов — комтрудов, продкомов, земотделов, местных советов народного хозяйства и т. д. — была разобщена. Каждый из этих органов подчинялся вышестоящему и был мало связан с другими местными хозяйственными органами. Всё это приводило к отсутствию единой, координированной между собой хозяйственной жизни на местах.

Для объединения и укрепления хозяйственной деятельности всего местного хозяйственного аппарата советской власти и для привлечения его к выполнению как местных, так и общегосударственных задач VIII съезд решил создать при губисполкомах на правах их комиссий губернские экономические совещания. В обязанности этих совещаний входило согласование и направление всей работы местных органов экономических наркоматов: ВСНХ, НКЗ, НКФ и др. В специальном указании съезд предложил СТО разработать мероприятия по созданию областных хозяйственных органов и «разработать положение о губернских и уездных экономических совещаниях»⁵⁹.

Однако решения съезда в области развёртывания местной хозяйственной жизни ещё не обеспечивали полностью поставленных задач,

⁵⁸ Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчёт, стр. 117.

⁵⁹ Там же, стр. 282.

так как основные принципы руководства народным хозяйством оставались принципами военного коммунизма. В дальнейшем полностью развернуть экономическую жизнь на местах дал возможность только переход к новой экономической политике.

VIII съезд сделал первые шаги и по пути воссоздания местной и кустарной промышленности. Мелкие и средние предприятия были выделены из общей массы подчинённых ВСНХ заводов и фабрик, и управление ими было децентрализовано. В решении «О местных органах экономического управления» съезд дал указание об образовании специальной комиссии ВЦИК, которой поручалось в двухмесячный срок закончить составление списков крупных предприятий, остающихся в ведении центральных органов государства, и списка средних и мелких предприятий, переходящих в ведение местных хозяйственных органов. В этот же срок должна была быть закончена и передача средних и мелких предприятий губсовнархозам⁶⁰.

Съезд предпринял также первые шаги на пути пересмотра принятой в годы войны системы снабжения. В решении «О местных органах экономического управления» съезд предложил ВСНХ «принять меры к децентрализации вспомогательного снабжения предприятий... всех трёх групп подсобными материалами, сохраняя единство общегосударственного плана снабжения»⁶¹, и специальным решением «О местных фондах снабжения»⁶² предоставил губернским СНХ право создавать собственные фонды для снабжения своих предприятий и учреждений.

Перевод жизни страны с военных рельсов на мирные, первые планы по восстановлению народного хозяйства и первые шаги на пути перестройки системы руководства народным хозяйством вызвали необходимость пересмотреть систему работы высших экономических органов страны. Стало необходимо более тесное объединение различных наркоматов и всех хозяйственных организаций страны. Для работы над этим вопросом ещё до съезда была создана особая комиссия.

В. И. Ленин предложил съезду возложить координирование и согласование работы всех хозорганов государства, а также составление единого общегосударственного народнохозяйственного плана на Совет Труда и Оборона, так как, говорил Ленин, «все планы отдельных отраслей производства должны быть строго координированы, связаны и вместе составлять тот единый хозяйственный план, в котором мы так нуждаемся»⁶³. В соответствии с ленинскими указаниями съезд в решении «О Совете Труда и Оборона»⁶⁴ уточнил и определил функции СТО, созданного в годы гражданской войны как Совет Оборона, а в апреле 1920 г. реорганизованного в Совет Труда и Оборона. На основании решения съезда, СТО должен был действовать на правах комиссии СНК. «Совету Труда и Оборона, — писалось в резолюции съезда, — принадлежит согласование и усиление деятельности ведомств в области обеспечения обороны страны и хозяйственного строительства»⁶⁵. Постановления СТО становились обязательными теперь для всех ведомств и учреждений и могли быть отменены только ВЦИК.

Задачи мирного строительства со всей остротой поставили перед партией и правительством, перед всем советским народом вопрос о перестройке всей работы органов государственного управления страной.

⁶⁰ См. Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчёт, стр. 273—274.

⁶¹ Там же, стр. 274.

⁶² Там же.

⁶³ Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 43.

⁶⁴ Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчёт, стр. 281.

⁶⁵ Там же.

В отчётном докладе ВЦИК и СНК В. И. Ленин особо указывал на необходимость улучшения и перестройки советского аппарата, подчёркивая, что это один из главнейших вопросов повестки дня⁶⁶. Вопрос о советском строительстве ставился на пленарном заседании съезда, обсуждался на секции советского строительства и на коммунистической фракции съезда. Принятая съездом развёрнутая резолюция «О советском строительстве» включала следующие разделы: о ВЦИК, о Президиуме ВЦИК, о СНК, о взаимоотношениях центральных и местных органов; о работе местных советов и их исполкомов⁶⁷. Все принятые съездом решения выдвигали задачи укрепления и дальнейшего развития органов советской власти применительно к условиям мирной жизни. Всё внимание органов советской власти должно было быть сосредоточено на проблемах хозяйственной работы, а также на задачах широкого вовлечения народных масс в дело управления страной. ВЦИК и СНК были даны указания ускорить перестройку органов управления, упростив всю их работу, изживая бюрократизм и волокиту, привлекая трудящиеся массы к работе государственного аппарата⁶⁸. Съезд обязал ВЦИК и СНК уточнить функции различных государственных органов и пересмотреть их штаты с целью сокращения. Президиуму ВЦИК было поручено пересмотреть структуру наркоматов и их коллегий, а также разработать и утвердить новые положения о работе каждого народного комиссариата в отдельности. Выполнению этой задачи придавалось настолько важное значение, что уже 5 января 1921 г. была создана и приступила к работе комиссия по пересмотру состава народных комиссариатов и их коллегий. В эту комиссию вошёл И. В. Сталин⁶⁹. Одновременно была создана комиссия по пересмотру главков и центров⁷⁰. Эти комиссии работали в течение всего 1921 года.

Пересматривалась съездом и работа ВЦИК. В целях стабилизации государственной деятельности было твёрдо установлено, что декреты общегосударственного значения, касающиеся общих норм политической и экономической жизни, а также декреты, вызывающие коренные изменения в существующей практике государственных органов, обязательно рассматриваются предварительно ВЦИК. Съезд обязал ВЦИК усилить контроль над наркоматами, ведомствами и органами местной власти.

Освобождение почти всей территории Советской России от белогвардейцев и интервентов дало возможность съезду расширить состав ВЦИК, дополнив его новыми депутатами от освобождённых районов, в соответствии с этим съезд вынес решение об увеличении состава ВЦИК с 200 до 300 человек. Съезд дал также указание о регулярном созыве сессий ВЦИК (в годы войны из-за ряда трудностей они собирались крайне нерегулярно)⁷¹. Решения о Президиуме ВЦИК и о СНК были выдержаны в том же духе упорядочения и перестройки всей работы в соответствии с мирными условиями жизни страны.

Очень большое внимание уделил VIII Всероссийский Съезд Советов вопросам, связанным с работой местных органов советской власти и особенно местных советов.

Характерным для работы местных советов в годы военного коммунизма являлась большая централизация руководства, сосредоточение всей работы в руках узкого круга членов президиума советов, осуществлявших выполнение своих решений через технический аппарат советов. Пленумы советов не собирались или собирались редко, секции бездействовали, широкие слои трудящихся масс мало привлекались к по-

⁶⁶ См. Сессия ВЦИК 8-го созыва, стр. 131. 1921 год.

⁶⁷ См. Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчёт, стр. 277—279.

⁶⁸ См. там же, стр. 280.

⁶⁹ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 31, д. 3, л. 1.

⁷⁰ Там же, д. 2, л. 7.

⁷¹ См. Восьмой Всероссийский Съезд Советов. Резолюции, стр. 277.

вседневной работе исполкомов. Перевыборы советов не производились по несколько лет. Руководящие работники не избирались, а повсеместно назначались вышестоящими советскими органами. Ослабление жизни советов вызывалось военной обстановкой и тем, как это отмечалось в одном постановлении Президиума ВЦИК, что «ожесточённая гражданская война отвлекла большое количество лучших советских работников на фронты и создала обстановку, при которой работа советского гражданского аппарата, естественно, ослабла»⁷².

Необходимость укрепления органов советской власти на местах стала неотложной задачей, так как именно через них к управлению страной привлекались широкие круги рабочих и крестьян. Выступая на VIII Съезде Советов и отмечая особенности советской системы, В. И. Ленин указывал, что через советскую власть к активному участию в государственном строительстве привлекаются десятки миллионов тех, кто раньше не принимал участия в государственной жизни⁷³. На новом, послевоенном этапе советы становились органами всесторонней мобилизации города и деревни на восстановление народного хозяйства.

Съезд вынес решение об усилении работы советов и советских органов, о ликвидации излишней централизации, о расширении прав местных исполкомов, о широкой демократизации всей их работы, о превращении пленумов советов в деловой рабочий аппарат, о создании в советах отдельных секций и т. п.

Центральными решениями в области строительства местных советов явились постановления: «О взаимоотношениях центральных и местных органов»⁷⁴ и «О работе местных советов и их исполкомов»⁷⁵. Оба эти решения должны были помочь развёртыванию и усилению работы местных советов. Советам были предоставлены большая самостоятельность и инициатива. Усиливалась связь советов с массами. Съезд указывал, что с окончанием войны необходимо «производить регулярные перевыборы сельских, волостных, городских и других советов в установленные сроки, а также регулярно созывать Съезды Советов»⁷⁶. Волостным, уездным и губернским исполкомам вменялось в обязанность собираться в точно установленные сроки⁷⁷.

Для оживления работы советов и усиления их связи с вышестоящими и нижестоящими органами власти съезд предложил регулярно собирать расширенные совещания исполкомов, с приглашением на них работников нижестоящих органов местных советов, привлекать на заседания исполкомов избирателей, устраивать эти заседания на заводах и фабриках. Исполкомам предлагалось широко осведомлять трудящихся о всех мероприятиях советского государства⁷⁸. В целях широкого вовлечения рабочего класса в дело восстановления народного хозяйства и в дело управления страной съезд вынес решение о создании горсоветов «во всех поселениях городского типа»⁷⁹.

Решением «О взаимоотношениях центральных и местных органов власти» Съезд Советов упорядочил взаимоотношения государственных, хозяйственных и советских органов, укрепляя авторитет и необходимую самостоятельность местных советов. Съезд чётко определил функции, права и обязанности местных советских органов, запретил наркоматам отменять постановления местных советов и их исполкомов, указав, что

⁷² Собрание Указаний и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. № 11, § 72, 1921 г.

⁷³ См. Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 33.

⁷⁴ См. Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчёт, стр. 278.

⁷⁵ См. там же, стр. 279.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ См. там же.

⁷⁸ См. там же, стр. 280.

⁷⁹ Там же, стр. 279.

эта отмена разрешается только вышестоящим советским органам, ВЦИК и его президиуму.

В своё время наркоматам было дано право налагать на заведующих отделами советов дисциплинарное взыскание, теперь это право было отменено. Повышению роли и ответственности местных советов служило также решение о том, что центральные ведомства республики все свои дела на местах должны осуществлять только через местные советы и их отделы. Съезд указывал, что во исполнение этого правила все постоянные местные органы и административные хозяйственные учреждения всех комиссариатов, равно как и все органы, создаваемые временно для ударных работ, должны входить в соответствующие отделы губернских и уездных исполкомов или должны им непосредственно подчиняться⁸⁰.

29 декабря 1920 г. VIII Всероссийский Съезд Советов закончил свою работу. Сотни делегатов разъехались по стране, цеся в отдалённые уголки истерзанного войной государства первые указания о путях восстановления и дальнейшего развития разрушенного войной народного хозяйства. «Покончив с войной, Советская страна стала переходить на рельсы мирного хозяйственного строительства. Необходимо было залечить раны, нанесённые войной. Необходимо было восстановить разрушенное народное хозяйство, привести в порядок промышленность, транспорт, сельское хозяйство»⁸¹.

Партия большевиков, всоружённая глубоким знанием законов развития человеческого общества, всё своё внимание обращала на решение проблем экономического строительства, исходя из того, что только восстановление производительных сил страны, только высокая степень их развития могут создать условия для построения коммунистического общества, могут обеспечить военную безопасность советского государства.

Сразу же после окончания работы VIII Съезда Советов партия и правительство, весь советский народ широким фронтом развернули работу по осуществлению решений съезда и, в первую очередь, по осуществлению закона «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства». В течение января, февраля и марта 1921 г. Президиум ВЦИК, СНК, а также ряд народных комиссариатов и других органов советского государства вели напряжённую работу по проведению посевной кампании и созданию посевкомов. Разрабатывался ряд инструкций и положений: «О порядке и способах создания семенного фонда и сохранения семян», «Положение о комитетах по укреплению и развитию крестьянского сельского хозяйства» и ряд других. На местах образовывались посевкомы, создавались семенные фонды, перестраивалась работа Наркомзема, а также губернских и уездных земотделов. Всё внимание местных советов было направлено на проведение посевной. За границей советское правительство закупало первые партии сельскохозяйственного инвентаря. В сёлах создавались мастерские по ремонту износившегося старого сельскохозяйственного инвентаря. Проводилась «Неделя ремонта инвентаря». На работу в посевкомы ВЦИК направил ряд ответственных работников. Много сотен рядовых членов партии и квалифицированных рабочих были посланы на проведение посевной кампании.

Однако в ходе всей этой работы становилось всё более и более ясным, что при сохранении старой экономической политики, намеченные VIII Съездом меры оказывались фактически лишёнными экономического фундамента и сами по себе не могли обеспечить действительного подъёма сельского хозяйства. Опираясь в основном на принципы военного коммунизма и превращая задачи поднятия урожайности и улучшения

⁸⁰ Восьмой Всероссийский Съезд Советов, стенографический отчёт, стр. 279.

⁸¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 237.

качества обработки земли мелкотоварных производителей в дело их государственной повинности, закон фактически обходил пути массового экономического воздействия на всё крестьянство. Он не создавал повседневной экономической заинтересованности у каждого крестьянина в отдельности. Способствуя улучшению сельского хозяйства и проведению посевной кампании в 1921 году, закон в то же время не мог стать и не стал основной движущей силой в деле общего подъёма сельского хозяйства. Этой решающей силой явились решения X съезда РКП(б) и ленинский закон о замене продовольственной и сырьевой развёртки натуральным налогом, а также вся система мероприятий новой экономической политики. Однако и после введения налога мероприятия, намеченные VIII Съездом Советов в области сельского хозяйства, продолжали энергично осуществляться и заняли важное место в общей системе мер по восстановлению сельского хозяйства.

В свете решений X съезда РКП(б) и ленинского закона о продналоге указания VIII Съезда Советов «О порядке восстановления промышленности» претерпели известные изменения. Вместо немедленного восстановления тяжёлой промышленности, в интересах укрепления дальнейшего союза рабочего класса с крестьянством, развёртывания товарооборота города и деревни временно на первый план выдвинулась задача восстановления мелкой и кустарной промышленности.

Таким образом, VIII Всероссийский Съезд Советов, сделав первые шаги на пути перехода от войны к миру, на пути мирного социалистического строительства, отразил «как раз переломный, переходный период»⁴², который переживала страна накануне введения новой экономической политики.

⁴² Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 32.

УКРАИНСКИЕ БУРЖУАЗНЫЕ НАЦИОНАЛИСТЫ НА СЛУЖБЕ У ИНОСТРАННЫХ ИМПЕРИАЛИСТОВ

(Из истории Украинской буржуазно-националистической директории
1918—1919 гг.)

А. Лихолат

Наиболее верными защитниками интересов украинской буржуазии, боровшейся в 1918—1919 гг. в союзе с иностранными империалистами против восстановления советской власти на Украине, были буржуазные националисты. Они пытались оторвать украинский народ от великого русского народа и сделать его рабом западноевропейского капитала.

Классовая сущность буржуазного национализма с исчерпывающей ясностью показана в работах Ленина и Сталина. «Буржуазный и буржуазно-демократический национализм,— писал Ленин ещё в 1913 г.,— на словах признавая равноправие наций, на деле отстаивает (часто тайком, за спиной народа) некоторые привилегии одной из наций и всегда стремится к достижению больших выгод для «своей» нации (т.-е. для буржуазии своей нации), к разделению и разграничению наций, к развитию национальной исключительности и т. д. Толкуя больше всего о «национальной культуре», подчёркивая то, что разделяет одну нацию от другой, буржуазный национализм разделяет рабочих разных наций и одурачивает их «национальными лозунгами»¹.

Украинские буржуазные националисты, возглавляемые Грушевским, Винниченко, Петлюрой и другими изменниками украинского народа, боролись против советской власти под лозунгами «самостийности» и «незалежности» (независимости) Украины. Одновременно они усиленно пропагандировали насквозь фальшивую и ложную «теорию» о бесклассовости и безбуржуазности украинской нации, которой якобы извечно присущ демократизм. Под прикрытием демагогических лозунгов «самостийности» и «незалежности» Украины и проповеди национального единства и классового мира грушевские, винниченки и петлюры совершали сделки с русской буржуазией и иностранными империалистами за счёт жизненных интересов украинских рабочих и крестьян.

Созданная после февральской буржуазно-демократической революции блоком буржуазных и мелкобуржуазных националистических партий Украинская Центральная рада во главе с Грушевским, Винниченко и Петлюрой проводила с самого начала антинародную, контрреволюционную политику. Опираясь на организованные ею кулацко-националистические отряды «вольного казачества», она поддерживала все мероприятия буржуазного Временного правительства.

В июне 1917 г. Радой был создан Генеральный секретариат (кабинет министров), который главной своей задачей ставил охрану буржуазно-помещичьих порядков и борьбу против революционного движения украинских рабочих и крестьян. После победы Октябрьской социалистической революции в центре Рада выступила в роли спасительницы гибнущей русской буржуазии и одним из главных организаторов борьбы против советской власти. И. В. Сталин, разоблачая контрреволюционную сущность Центральной рады, в своей статье «Что такое Украинская Ра-

¹ Ленин. Соч. Т. XVII. стр. 124.

да?» писал: «Рада, или, вернее, её Генеральный секретариат, есть правительство изменников социализма, называющих себя для обмана масс социалистами. Точь-в-точь как правительство Керенского и Савинкова, тоже называвших себя социалистами. Рада, или, вернее, её Генеральный секретариат, есть буржуазное правительство, борющееся с Советами в союзе с Калединым. Раньше правительство Керенского в союзе с Корниловым разоружало Советы России. Теперь правительство Рады в союзе с Калединым разоружает Советы Украины. Рада, или, вернее, её Генеральный секретариат, есть буржуазное правительство, борющееся в союзе с англо-французскими капиталистами против мира. Раньше правительство Керенского оттягивало дело мира, обрекая миллионы солдат на роль пушечного мяса. Теперь правительство Рады старается сорвать дело мира, «оттянув перемирие до весны»².

Созванный в декабре 1917 г. в Харькове по указанию И. В. Сталина и по требованию украинских рабочих и крестьян I Всеукраинский съезд Советов провозгласил Украину республикой Советов и принял ряд важных законодательных актов, направленных к утверждению на Украине советского строя и ликвидации власти контрреволюционной Рады. 8 февраля 1918 г. Рада была изгнана из Киева украинскими революционными войсками, поддержанными красногвардейскими отрядами московских и петроградских рабочих.

После установления на Украине советской власти Центральная рада бросилась в объятия смертельного врага украинского народа — империалистической Германии. С помощью Троцкого Рада 9 февраля в Брест-Литовске продала Украину германскому империализму. Возвратившись на Украину в обозе австро-германских оккупантов, предатели-националисты из Центральной рады взяли на себя роль кровавых палачей украинского народа и помощников оккупантов в их грабительском деле. Оккупируя Украину, германские империалисты надеялись с помощью предательской Рады задушить революционное движение украинских рабочих и крестьян, получить хлеб, уголь, сырьё и создать базу для дальнейшего наступления на Страну Советов. Однако планам германских империалистов не суждено было осуществиться. Украинский народ ответил на нашествие немецких захватчиков освободительной, отечественной войной.

Немецким разбойникам уже в пограничных районах Украины пришлось встретиться с ожесточённым сопротивлением вооружённых отрядов рабочих и крестьян, руководимых большевиками. Борьба украинских трудящихся против оккупантов и их лакеев — националистов — с каждым днём приобретала всё более острые формы: непрерывно происходили восстания в уездах, забастовки в городах и на железных дорогах. Под руководством большевиков в различных районах Украины создавались партизанские отряды, которые совершали смелые нападения на немецкие гарнизоны, истребляя оккупантов и их ставленников.

Презираемые и ненавидимые украинским народом националистические предатели из Центральной рады не в состоянии были оказать немцам реальную помощь в борьбе с революционным движением на Украине. Убедившись в полной беспомощности Рады, немцы в конце апреля разогнали её, поставив у власти свою крестуру — гетмана Скоропадского, крупного помещика и бывшего царского генерала. Но установление открытой диктатуры буржуазии и помещиков не спасло германских оккупантов от разгрома. Партия большевиков развернула на Украине огромную политическую и организационную работу по мобилизации народных сил на разгром оккупантов и их гетманских лакеев. На борьбу за изгнание немецких захватчиков, за восстановление власти Советов поднялся весь украинский народ. Полумиллионная германская оккупацион-

² И. Сталин. Соч. Т. 4, стр. 21.

ная армия под ударами восставших рабочих и крестьян начала быстро разлагаться и терять боеспособность. Разложившиеся воинские части германское командование перебрасывало на запад, но этим оно лишь усиливало деморализацию Западного фронта и ускоряло революционный взрыв в стране.

9 ноября 1918 г. пришла весть о победе германской буржуазной революции, а 11 ноября на Западном фронте было подписано перемирие. Германский империализм сдался на милость победителей. «Разгром австро-германского империализма и победа германской революции изменили положение Украины в корне. Открылся путь освобождения трудовой Украины от ига империализма»³. Но этот путь был нелёгок. Впереди предстояла упорная борьба с империалистами Антанты, пытавшимися занять на Украине место германских оккупантов. В конце ноября на Черноморском побережье началась высадка десантов англо-французских интервентов, которые намеревались оккупировать всю Украину и развернуть наступление против Советской России.

Незадолго до начала англо-французской интервенции на политической арене снова появились вожди украинского национализма, агенты иностранных империалистов — Винниченко и Петлюра, которые создали новое буржуазно-националистическое «правительство», так называемую Украинскую директорию. За короткий срок господства (декабрь 1918—февраль 1919) опиравшаяся на созданные ею кулацко-националистические банды Директория успела проявить себя как подлое правительство иностранных наёмников, злейших врагов украинского народа. В задачу настоящей статьи и входит выяснение предательской роли украинской националистической Директории, боровшейся в 1918—1919 гг. вместе с германскими и англо-французскими империалистами против восстановления на Украине советской власти.

Украинская буржуазно-националистическая Директория была создана 14 ноября 1918 г. на заседании «Украинского национального союза»⁴. В состав её вошли представители руководящих партий украинской националистической контрреволюции: социал-демократов (Винниченко и Петлюра), эсеров (Швец и Макаренко) и социалистов-самостийников (Андриевский). Председателем Директории был избран лидер украинских социал-демократов Винниченко; «главным атаманом» войск «Украинской народной республики» (это название для украинской буржуазной националистической «державы» было принято ещё Центральной радой) был назначен Петлюра. Последний стал фактически главой Директории, организатором и идейным вождём украинских буржуазных националистов. Поэтому не случайно буржуазно-националистическое, контрреволюционное движение на Украине периода гражданской войны и иностранной интервенции стало носить название петлюровщины.

Разоблачая контрреволюционную, антинародную сущность Директории Петлюры — Винниченко, И. В. Сталин ещё в декабре 1918 г. показал, что истинным её предназначением являлось прикрытие англо-французской оккупации Украины: «В то время, как немецкий империализм доживает последние дни, а «гетманство» переживает последние судороги, англо-французский империализм сосредоточивает войска и готовит десант в

³ И. Сталин. Соч. Т. 4, стр. 175.

⁴ «Украинский национальный союз» — объединение украинских буржуазных и мелкобуржуазных «социалистических» партий: социалистов-федералистов, трудовиков, социал-демократов, эсеров, социалистов-самостийников и пр. Союз возник вскоре после известия о германской буржуазной революции и первых серьёзных успехах украинских партизан-повстанцев, когда стало ясно, что германскому оккупационному режиму на Украине и ставленнику немцев гетману Скоропадскому приходит конец. Главной задачей союз ставил не допустить восстановления советской власти на Украине и сохранить там буржуазно-помещичьи порядки.

Крыму для оккупации Украины... Вместе с тем всплывает на поверхность «Украинская директория» во главе с авантюристом Петлюрой, с лозунгом старой «самостийности» на «новый» лад,—новая, более удобная, чем «гетманство», ширма для новой англо-французской оккупации Украины!»⁵.

К концу 1918 г., когда германские оккупанты в своей борьбе с революционным украинским народом не могли уже больше опираться на доживавшее последние дни марионеточное «правительство» гетмана Скоропадского, они вновь призвали к себе на службу своих старых агентов, руководителей Украинской директории, матёрых контрреволюционеров Петлюру и Винниченко. Чтобы помочь Директории укрепиться на Украине, германские оккупанты оказывали поддержку создаваемым Петлюрой кулацко-националистическим отрядам, снабжая их оружием, обмундированием и другим имуществом.

Одновременно Директория с целью обмана масс и привлечения в свою армию крестьянства выступала с лживыми и демагогическими воззваниями, в которых обещала свергнуть гетманское правительство и произвести большие социальные перемены в стране. Так, в воззвании, выпущенном 21 ноября 1918 г., Директория обещала уничтожить гетманский режим, передать крестьянам помещичьи земли, возратить взысканные с крестьян помещиками контрибуции, разогнать карательные отряды, установить рабочий контроль над фабриками и заводами⁶.

В специальном «Наказе крестьянам» Директория предложила волостным управам произвести учёт помещичьих земель, живого и мёртвого инвентаря, якобы для того, «чтобы было из чего крестьянам взыскать свои убытки, причинённые помещиками». При этом крестьянам был дан наказ — «всеми способами просматривать, чтобы зарегистрированное имущество не было разграблено» и чтобы в сёлах не было «ни злоупотреблений, ни убийств, ни вообще беспорядков»⁷. Обещания Директории оказались на деле сплошным обманом. Приказ об учёте и охране помещичьих земель и сельскохозяйственного инвентаря был издан Директорией только для того, чтобы уберечь землю и имущество помещиков до того момента, пока Директория организует свои силы для вооружённого отпора попыткам крестьян вернуть помещичьи земли, переданные им советской властью в 1917 году.

Некоторая часть украинского крестьянства, не зная ещё о подлинных намерениях националистической Директории и веря вначале её обещаниям, пополняла ряды «армии» Петлюры и снабжала её продовольствием. Ядром петлюровского войска явился полк галицийских сечевых стрельцов, состоявший в основном из галицийских кулаков и офицеров бывшей австро-венгерской армии (этот полк был переброшен на Украину германским командованием в середине 1918 г. для подавления вооружённых восстаний украинских крестьян и охраны помещичьих имений). Кроме того, в «армию УНР» вербовались гетманцы, белогвардейцы, уголовники и прочие проходимцы, из которых сколачивался и её офицерский состав.

Во второй половине ноября Петлюра во главе своей кулацко-националистической «армии» начал продвижение из района Белой Церкви в направлении Киева. План петлюровского «наступления» на Киев был заблаговременно согласован с высшим германским командованием.

Пытаясь скрыть своё прислужничество оккупантам, Петлюра утверждал, что немцы являются его злейшими врагами, против которых он якобы ведёт вооружённую борьбу. О сговоре петлюровцев с немцами свиде-

⁵ И. Сталин. Соч. Т. 4, стр. 176.

⁶ «Вістник Української народної республіки» № 1 от 17 декабря 1918 года.

⁷ Там же.

тельствовал тот факт, что при продвижении на Киев петлюровцы нигде не встречали сопротивления ни со стороны немецких, ни со стороны гетманских войск.

Однако в ноябре 1918 г. Петлюре не удалось захватить Киев. Этому воспрепятствовал особоуполномоченный Антанты на Украине, французский консул Энно. По требованию последнего германское командование 28 ноября заключило с Директорией «перемирие», которое обязывало петлюровцев приостановить «наступление» на Киев и отойти от него на расстояние 20 километров. Согласно условиям «перемирия», петлюровцы не только сохраняли в своих руках всё переданное им немцами оружие, но могли и впредь пользоваться немецкими складами, находившимися в Киеве и других районах Украины. Узнав о столь выгодных для петлюровцев условиях «перемирия», Энно 29 ноября направил гетманскому министерству иностранных дел, высшему германскому командованию и Совету солдатских депутатов киевской группы немецких войск телеграмму, в которой писал: «Я отмечаю в своём сообщении правительствам держав Согласия особый пункт уже заключённого перемирия, касающийся оставления немцами войскам Петлюры складов оружия и амуниции, находящихся в разных местах страны. В случае оставления в силе уже заключённого перемирия, я буду просить моё правительство принять все необходимые репрессивные меры против немцев»⁸.

Основной причиной недоброжелательного отношения представителя Антанты к петлюровцам было наличие в составе их войск значительного количества обманутых националистическими лозунгами и различными посулами революционно настроенных крестьян, желавших скорейшего свержения гетманского буржуазно-помещичьего «правительства» и отобрания у помещиков земли. Энно с недоверием относился и к самому Петлюре, принимая его чуть ли не за «большевика» и «революционера» (очевидно, в то время Энно ещё не знал, что «революционные» лозунги Петлюры были средством маскировки контрреволюционной сущности возглавляемой им Директории).

Чтобы рассеять сомнения Антанты насчёт их пригодности в качестве слуг западноевропейского империализма, Петлюра и Винниченко послали в Одессу для переговоров с представителями англо-французского командования военного министра Директории бывшего царского генерала Грекова и начальника штаба генерала Матвеева. Кроме того в Яссы — временную столицу Румынии, где находились военные и дипломатические представители союзных держав — Англии, США, Франции и Италии, — была направлена делегация «Украинского национального союза» во главе с петлюровским дипломатом Сидоренко, бывшим министром Центральной рады. Факт отправки петлюровских эмиссаров к представителям Антанты в Яссы признал и глава Директории Винниченко. «Ещё организуя восстание, — писал он в своих мемуарах, — мы вступили в неофициальные сношения с представителями Антанты в Румынии».

В лагере Антанты одними из первых, по достоинству оценивших значение Директории как защитника интересов иностранного капитала, были империалисты США. 30 ноября 1918 г. информационное бюро петлюровской «армии» сообщало: «В главную штаб-квартиру прибыла миссия Украинского национального союза, возвращающаяся из Ясс. Она доложила Директории, что во время переговоров с уполномоченными представителями Соединённых Штатов выяснилось, что Соединёнными Штатами уже заранее предрешено, что, как и Финляндия, Украина должна стать самостоятельной народной республикой. Представители Соединённых Штатов придерживаются того мнения, что право на образование Украинской на-

⁸ «Киевская мысль» от 30 ноября 1918 года.

редной республики принадлежит только Директории и её республиканским войскам»¹⁰.

В результате переговоров миссии «Украинского национального союза» с дипломатическими представителями Антанты в Яссах и переговоров петлюровских министров Грекова и Матвеева с представителями союзного командования в Одессе Директория получила разрешение на занятие своими войсками главных городов Украины, в том числе Одессы, опорного пункта англо-французских интервентов. Петлюровские войска вступили в Одессу 12 декабря 1918 г.; добровольческие дружины, хозяйничавшие до этого в городе под покровительством интервентов, отошли во французскую зону. На протест добровольцев против передачи Одессы в руки петлюровцев Энно заявил: «Раз подписано соглашение, по которому Одесса передаётся украинским войскам, то оно должно быть выполнено. Только порт, Николаевский бульвар и некоторые кварталы центральных улиц будут считаться французской зоной»¹¹.

К петлюровским отрядам, вступившим в Одессу, присоединился 3-й корпус гетманской «державы», который принял деятельное участие в расстрелах одесских большевиков и рабочих¹². Одновременно с Одессой в руки петлюровцев перешёл и Николаев, где незадолго до этого высадился десант английской морской пехоты. Передача Николаева во власть петлюровцев состоялась на основе договора, подписанного 11 декабря 1918 г. между представителем Директории, атаманом Григорьевым, и германскими представителями: губернатором г. Николаева генерал-майором Гильгаузенем и председателем солдатского совета немецких войск прапорщиком Альбрехтом.

В договоре говорилось: «1. Смена должностных лиц должна произойти в полном порядке и спокойствии... Должностные лица и сторонники старого правительства не должны быть преследуемы и угрожаемы каким-либо способом. То же самое касается нижних чинов и офицеров, принадлежащих к германской армии. 2. Атаман Григорьев обязуется подавлять всякие большевистские выступления в пределах Херсонской губ., поскольку это является в его силах. 3. Атаман Григорьев обязуется способствовать отправлению германских войск на родину и не только в тех областях, которые ему подчинены, но и в прочих областях Директории... 4. Английский десант морских частей... считается так же, как и германские части, органами поддержания общественной безопасности»¹³.

Этот договор наглядно показывает трогательное единение немцев, англо-французских интервентов и петлюровцев в борьбе с украинскими рабочими и крестьянами. Аналогичные договоры между петлюровцами и немцами были заключены в Знаменке, Христиновке, Смеле, Черкассах и других городах¹⁴.

11 декабря 1918 г. в районе Фастова, в ставке Петлюры, начались переговоры о передаче власти Директории в столице Украины — Киеве. Для переговоров об условиях сдачи Киева войскам Директории в ставку Петлюры прибыли представители германского верховного командования

¹⁰ Материалы Секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны», ф. V тома, папка 6, д. 4, л. 46.

¹¹ «Чёрная книга». Сборник статей и материалов об интервенции Антанты на Украине в 1918—1919 гг., стр. 76. Государственное издательство Украины, 1925.

¹² Петлюровско-гетманские войска находились в Одессе менее недели. Убедившись в неспособности петлюровцев справиться с революционным движением одесских рабочих, союзное командование приказало им оставить город. Этот приказ последовал сразу же по прибытии в Одессу крупного десанта англо-французских войск: интервенты хотели сами безраздельно господствовать в Одессе. Командующий французской 156-й дивизией, высадившейся в Одессе 18 декабря 1918 г., заявил, что «берёт Одессу под своё высокое покровительство» («Чёрная книга», стр. 94). Губернатором Одессы союзное командование назначило белогвардейского генерала Гришина-Алмазова.

¹³ «Южное слово» № 49 от 12 декабря 1918 года.

¹⁴ Материалы Секретариата Главной редакции «Истории гражданской войны», ф. V тома, папка 6, д. 4, л. 34, 60, 62.

на Украине, делегаты Главного совета солдатских депутатов германских войск во главе с его председателем Кирхнером (правый социал-демократ) и представители гетманского «правительства» (полковник генштаба Удовиченко и др.). В переговорах с Петлюрой позже принял участие французский дипломат де Мулен (секретарь французского консульства), действовавший по указаниям Энно.

Поездка к Петлюре делегации Главного совета солдатских депутатов немецких войск была одобрена съездом солдатских Советов, происходившим в эти дни в Киеве. Съезд прервал свою работу до возвращения делегации. Перед этим председатель совета Кирхнер произнёс на съезде речь, полную нападок на русских и украинских большевиков, и призывал делегатов съезда поддержать все мероприятия германского командования по борьбе с большевиками. При этом Кирхнер сообщил, что «Главный совет солдатских депутатов в Киеве счёл нужным отправить германскому правительству телеграмму с просьбой вступить с Директорией в непосредственные сношения»¹⁵. Съезд германских солдатских Советов, большинство которого составляли шейдеммановцы, одобрил предательские действия Главного совета.

Германские представители во время переговоров с Петлюрой и другими членами Директории внесли предложение отложить вступление войск Директории в Киев до получения официального разрешения Антанты; за получением официального разрешения от Антанты они предложили послать в Одессу к представителям англо-французского командования специальных уполномоченных (германские представители после телеграммы Энно с протестом против передачи петлюровцам оружия, очевидно, не вполне были уверены в поддержке Антантой притязаний Директории на власть на Украине). В протоколе переговоров содержится следующий ответ Директории на предложение германских представителей: «В настоящий момент нашей основной задачей является занять столицу Киев, причём немедленно, чтобы водворить во всей стране порядок и спокойствие. Положение вещей не допускает оттяжки военных операций на Киев ввиду необходимости немедленного успокоения страны. Поэтому Директория считает невозможным оттягивать ответ, к чему привело бы откомандирование немецких представителей к Антанте, как того хотели немецкие представители. Украинское республиканское правительство само ведёт переговоры с уполномоченными представителями Антанты и на основе этого считает, что у немецкой армии нет причин препятствовать тому, чтобы украинские республиканские войска вошли в Киев»¹⁶. Разъяснения Директории и прибытие на следующий день в ставку Петлюры де Мулена, выступавшего в качестве уполномоченного Антанты по реорганизации украинского «правительства», рассеяли сомнения представителей высшего германского командования и Совета солдатских депутатов Киевской группы немецких войск. 12 декабря 1918 г. был подписан договор между Директорией и германскими представителями, согласно которому петлюровским войскам разрешено было вступить в Киев. В официальном сообщении высшего германского командования причины передачи Киева в руки петлюровцев объяснялись следующим образом: «Принимая во внимание, что в большей части Украины власть находится в руках Украинской директории, и ввиду того, что в Одессе — месте нахождения представителей союзников и в присутствии войск союзников — Украинская директория также взяла власть в свои руки, между германским высшим командованием и Солдатским советом, с одной стороны, и Украинской директорией — с другой, заключён договор, по которому германские войска не окажут сопротивления при

¹⁵ «Киевская мысль» № 238 от 12 декабря 1918 года.

¹⁶ Центральный государственный исторический архив УССР (ЦГИАУ), ф. 346, с. 2594, д. 72, л. 1.

вступлении Директории в Киев»¹⁷. Основное внимание в договоре между петлюровскими и германскими представителями было уделено обязательствам Директории по оказанию помощи германскому командованию в эвакуации немецких войск и вывозе хлеба, угля и другого имущества, награбленного оккупантами на Украине. Согласно ст. 2 договора, Директория должна была обеспечить ежедневное продвижение на линии Бахмач — Гомель — Минск трёх немецких эшелонов с войсками и грузами; на линии Киев—Коростень—Сарны — от трёх до пяти эшелонов; на линии Фастов — Казатин — Голобы — четырёх эшелонов и т. д. В целях обеспечения интересов германских промышленников и создания возможностей для проникновения германского капитала в украинскую экономику после ухода немецких войск в договор был вставлен пункт, по которому Директория обязывалась поддерживать с германскими хозяйственными организациями тесные экономические связи¹⁸.

Передовые петлюровские части вступили в Киев 14 декабря 1918 года. «Бои» за Киев, о которых так много потом шумели петлюровские писаки, свелись к нескольким артиллерийским выстрелам гетманских войск по никем не занятой территории на западной окраине Киева, от которых, как указывала на следующий день «Киевская мысль», «пострадало несколько железнодорожных зданий и будок»¹⁹. Вступившие в Киев петлюровские части были восторженно встречены делегацией городской думы, состоявшей из видных представителей киевской буржуазии. Накануне вступления в город петлюровских войск «гетман всея Украины» Скоропадский бежал в Германию, переодевшись в форму немецкого офицера.

Касаясь событий на Украине в декабре 1918 г., И. В. Сталин в статье «Дела идут» писал, что «бегство Скоропадского, разыгранное по ногам, и признание директории Винниченко Антантой раскрывают новую картину новых «работ» дипломатии Антанты. Очевидно, вчера ещё бряцавший мечом «самостийности» г. Петлюра сегодня склоняется в пользу «идуших» к нему на помощь войск Антанты, т. е. Краснова и Деникина. Главным врагом Украины объявлены повстанческие войска и Советы. Главным другом — «желанный гость» Антанта и её друзья, красновско-деникинские белогвардейцы, уже оккупировавшие Донецкий бассейн. Раз продавший немцам Украину, г. Петлюра теперь её заново продаёт английским империалистам. Нечего и говорить, что рабочие и крестьяне Украины учтут этот новый шаг предательства Винниченко — Петлюры. Час за часом разрастающееся революционное движение на Украине и начавшийся уже процесс разложения в рядах армии Петлюры достаточно убедительно говорят об этом»²⁰.

Не имея прочной опоры в украинском народе и надеясь лишь на иностранную помощь, главари националистической Директории продавали и перепродавали Украину всем, кто поддерживал их власть и кто помогал им в охране буржуазно-помещичьего строя и в удушении революционного движения украинских рабочих и крестьян. Директория Винниченко — Петлюры, подобно контрреволюционной Центральной раде и марионеточному гетманскому «правительству», являлась игрушкой в руках западноевропейских капиталистов и беспрекословно выполняла любые приказания своих иностранных хозяев. В период эвакуации германских войск из Украины Директория всячески заботилась о снабжении их продовольствием, об ограждении их от справедливого гнева украинских рабочих и крестьян, нападавших на бегущие немецкие части и отбиравших у них оружие и награбленное имущество. Об этом свидетельствуют многочисленные приказы и распоряжения бывшего заместителя, а потом

¹⁷ «Киевская мысль» № 240 от 15 декабря 1918 года.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ И. Сталин. Соч. Т. 4, стр. 185.

начальника генерального штаба «армии УНР» атамана Тютюнника. Так, в телефонограмме начальникам военных коммуникаций от 29 декабря 1918 г. Тютюнник требовал, чтобы коменданты железнодорожных участков и станций «строго следили за тем, чтобы проходящие немецкие эшелоны не обезоруживались и чтобы им не ставилось препятствий к отъезду»²¹. На донесения отдельных петлюровских комиссаров о грабежах немецкой солдатни он отвечал приказами не мешать немцам добывать себе продовольствие, за которое они якобы платят «наличными». Крестьяне хорошо знали эти «наличные»: пули, нагайки, виселицы, в лучшем случае ничего не стоящие бумажки, — и поэтому немецких «покупателей» они нередко встречали с оружием в руках. Об этом писали сами немцы: «Враждебное отношение крестьянского населения, которое при реквизиции фуража и хлеба не останавливается перед вооружёнными выступлениями против наших войск, продолжает расти»²².

Особым вниманием и заботой были окружены германские и австрийские дипломаты, которые, покидая Украину, пытались вывезти с собой целые эшелоны награбленного имущества. В охранной грамоте, выданной 24 января 1919 г. петлюровским министерством иностранных дел германскому послу Мейснеру, указывалось, что он «находится под личной охраной Директории и не может быть ни задержан, ни арестован, а также и его имущество»²³. Такое же удостоверение было выдано министерством иностранных дел графу Спаноччи и его штабу, вывозившим с Украины продовольственные запасы²⁴.

Подобные удостоверения и охранные грамоты выдавались не только послам и военным представителям Германии и Австро-Венгрии; они предоставлялись всем лицам, имевшим какое-либо отношение к германским и австро-венгерским военным или гражданским властям. В тех случаях, когда австро-германские дипломаты и их различные сопроводители при вывозе из Украины награбленного имущества терпели «убытки», т. е. если это имущество отбиралось украинскими партизанами, Директория немедленно возмещала его стоимость. Об этом, в частности, свидетельствует письмо министерства иностранных дел «УНР» германскому посольству в котором говорится о выплате «правительством УНР» «убытков» германского посольства на сумму 950 тыс. руб., понесённых в результате «ограбления» транспорта последнего на станции Здолбуново²⁵.

Ещё больше лакейской заботы и угодничества петлюровская Директория проявляла по отношению к англо-французским интервентам, на военную и финансовую помощь которых в борьбе против украинских трудящихся она особенно рассчитывала. Посылая в ноябре 1918 г. в Одессу к представителям союзного командования военного министра генерала Грекова и начальника штаба генерала Матвеева, Директория добивалась прежде всего заключения военного соглашения.

При непопулярности петлюровской идеи «самостийности» среди украинского народа и вполне очевидных симпатиях украинских рабочих и крестьян к большевикам и Советской России, Директория не рассчитывала собственными силами удержаться у власти, тем более что она не могла надеяться на полную благонадёжность той части петлюровской «армии», которая состояла из насильно мобилизованного крестьянства.

Один из ближайших сподвижников Петлюры, начальник оперативного отдела штаба петлюровской «армии» полковник Капустянский, в своём докладе от 30 декабря 1918 г. на вопрос: «Желает ли крестьянство и рабочая масса самостийности в чистом виде?» — отвечал: «Только наи-

²¹ Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР—УССР), ф. 1078, д. 34, л. 83.

²² «Крах германской оккупации на Украине», стр. 23. Огиз. 1936.

²³ ЦГИАУ, ф. 354, с. 2594, д. 17, л. 40.

²⁴ Там же, д. 20, л. 11.

²⁵ Там же, д. 17, л. 15.

более сознательное меньшинство охвачено национальной идеей. Остальные же хотят сотрудничества с Великобританией. Конечно, не подчинения ей, а федерации с ней на равных условиях. Вот главная мысль крестьянства и рабочих. Кроме того часть крестьянства, а особенно рабочие... питают большие симпатии к большевикам, считая, что они наиболее ярко выражают народные чаяния. Вот поэтому и тяжело заставлять наше мобилизованное войско бороться с большевиками»²⁶.

Доказывая выгоду для англо-французских империалистов военно-политического союза с Директорией, Капустянский писал, что «для союзников в этой борьбе (против Советской России. — А. Л.) особенно важно заручиться сотрудничеством Украины, как базы для наступления в главном направлении на Москву и обеспечения фланга и тыла Донской и Добровольческой армий»²⁷.

Директория прилагала отчаянные усилия к тому, чтобы добиться признания её главными империалистическими державами мира как «законного правительства» Украины и получить от них военную и экономическую помощь.

Сразу же после захвата власти на Украине Винниченко и Петлюра от имени Директории обратились по радио к главному командованию войск держав Согласия, к представителям Англии, Франции, Соединённых Штатов Америки, Италии в Румынии и к «народам всего мира» с призывом установить с «правительством УНР» официальные отношения с тем, чтобы «не допустить анархии на Украине» (обращение затем было разослано Директорией в виде официальной ноты всем иностранным правительствам). Это обращение было полно лакейского пресмыкательства перед западноевропейскими империалистами. Директория угодливо обязывалась уплатить соответствующую долю царских долгов и принять на себя все прочие обязательства, касающиеся Украины, согласно кабальным договорам, подписанным царским правительством с иностранными государствами²⁸. И, даже не дожидаясь официального признания, Директория сразу же назначила своих дипломатических представителей почти во все западноевропейские страны, используя при этом в большинстве случаев дипломатов, представлявших ранее выброшенные за борт истории «правительства» Центральной рады и гетмана Скоропадского. Так, дипломатическую миссию в Берлине возглавил известный предатель Порш, подписавший ещё во время Центральной рады кабальные экономические соглашения с Германией, а потом представлявший в Берлине гетманское «правительство». Главой петлюровской дипломатической миссии во Франции был назначен бывший министр Центральной рады Сидоренко; послом Директории в Швейцарии оказался авантюрист и взяточник, барон Василько, служивший ранее гетману.

Подписав в Одессе в январе 1919 г. соглашение с представителями союзного и денikinского командования, Директория обязалась передать все свои вооружённые силы в распоряжение Антанты, вступить в союз с Деникиным и уничтожить на территории Украины Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов²⁹. Соглашение не было обнародовано, однако оно скоро стало известно Одесской подпольной организации большевиков; текст его был передан в Киев, где соглашение было опубликовано киевским городским комитетом партии большевиков в виде листовки, распространённой среди населения города³⁰.

²⁶ Капустянский М. «Похід українських армій на Київ — Одессу в 1919 році». Ч. I і II, стр. 29. Львів. 1921.

²⁷ Там же, стр. 20.

²⁸ ЦГИАУ, ф. 346, с/2594, л. 66, л. 2, 4.

²⁹ «Чёрная книга», стр. 135.

³⁰ Винниченко, приведя в своей книге это тайное соглашение украинско-французской контрреволюции, сначала заявил о неправдоподобности данного документа, а затем писал, что, возможно, соглашение это и было подписано генералами Грековым и Матвеевым, но без его ведома. Однако подписание этого соглашения с англо-французским командованием

Украинские буржуазные националисты во главе с Петлюрой и Винниченко отдавали себе отчёт в том, что самый факт существования Страны Советов способствует усилению борьбы украинских трудящихся за ликвидацию буржуазно-помещичьих порядков на Украине и восстановление власти Советов рабочих и крестьянских депутатов. Поэтому вслед за подписанием договора с Антантой петлюровская Директория совершила новое чудовищное предательство национальных интересов украинского народа: 16 января 1919 г. она официально объявила войну Советской России. Объявлением этой войны главари националистической Директории хотели ещё раз продемонстрировать свою верность интересам империалистической буржуазии Запада, начавшей «крестовый поход» против Советской России, хотели снять с себя подозрения в причастности к большевизму, которые высказывались некоторыми представителями англо-французского командования по адресу Винниченко и Чеховского. Наконец, они хотели дать разрядку воинственному духу петлюровских атаманов, давно жаждавших войны с большевиками.

Официальному объявлению Директорией войны Российской Советской Федеративной Социалистической Республике предшествовала обработка общественного мнения, выразившаяся в бешеной кампании против русского народа и советского правительства, в направлении советскому правительству клеветнических, провокационных нот, а также в новой волне террора против проживающего на Украине русского населения.

Объявление петлюровцами войны Советской России вызвало величайшее возмущение и негодование украинских рабочих и крестьян. Они ответили на это предательство усилением борьбы за Советы, массовыми восстаниями против петлюровского режима, уходом в партизанские отряды и в ряды украинской повстанческой армии.

Имея в виду ослабить растущее недовольство украинских трудящихся режимом Винниченко—Петлюры и ввести их в заблуждение в отношении своих истинных планов, Директория за несколько дней до объявления войны Советской России послала в Москву чрезвычайную дипломатическую миссию во главе с украинским социал-демократом Мазуренко якобы с целью урегулировать все спорные вопросы и установить с РСФСР «мирные, добрососедские отношения»³¹.

Понимая истинные намерения петлюровской Директории, советское правительство тем не менее пошло на переговоры с ней с тем, чтобы сорвать с Директории маску миролюбия, разоблачить её как правительство наёмников иностранного капитала и тем самым облегчить борьбу украинского народа за советскую власть. Одновременно фактом переговоров с Директорией советское правительство имело целью разоблачить клевету империалистов Антанты о непримиримости большевиков и показать всему миру, что оно не отказывается от мирного урегулирования спор-

было совершено петлюровскими генералами с полного согласия и одобрения Винниченко, о чём свидетельствовали Остапенко, Назарук, Мазепа и другие уполномоченные Директории, вместе с генералами Грековым и Матвеевым принимавшие участие в переговорах с представителями Антанты и привлечённые к суду во время процесса украинских эсеров в 1921 году. «Когда собирался Трудовой конгресс,— показывал Остапенко на процессе,— меня послали вместе с доктором Назаруком в Одессу для переговоров с французами. Нам были даны следующие полномочия: заключать от имени Украины всякого рода политические, торговые и военные договоры. Мы были инструктированы несколькими словами, а именно: «Наше положение вам известно, крайне нужна помощь, чтобы спасти Киев» (Дело членов ЦК украинской партии социалистов-революционеров Голубовича, Петренко, Лызанивского, Часныка, Ярослава и др.) (Стенографический отчёт, стр. 251. Харьков. 1921). Остапенко подтвердил, что он ездил в Одессу с Назаруком по поручению Винниченко, который им лично вручил мандаты на право заключения с представителями англо-французского командования любых военных и политических соглашений. Он рассказал также, что Винниченко выдал отъезжающей вместе с ними в Одессу жене генерала Матвеева 5 млн. руб. для подкупа французского полковника Фрейденберга, с которым вели переговоры Греков и Матвеев (Дело членов ЦК УПСР, стр. 255).

³¹ ЦГИАУ, ф. 316, с/2594, д. 11, л. 27.

ных вопросов со всеми правительствами, в том числе и с украинской буржуазно-националистической Директорией.

Первая встреча членов дипломатической миссии «УНР» с советскими представителями состоялась 17 января. Открывая переговоры с представителями Директории, председатель советской делегации Мануильский заявил, что правительство РСФСР обязалось не вмешиваться во внутренние дела Украины, но оно не скрывает своих симпатий к революционному движению украинских рабочих и крестьян, борющихся за восстановление советской власти.

На первом совместном заседании дипломатической миссии «УНР» с советской делегацией представитель Директории Мазуренко, касаясь отношений петлюровцев с Антантой и деникинцами, пытался заверить советских представителей, что Директория будто бы противится оккупации Украины англо-французскими войсками и «считает себя в состоянии войны с Доном»³². В действительности же Директория не только не препятствовала высадке англо-французских интервентов на Черноморском побережье, но и способствовала распространению союзной интервенции в глубь Украины³³.

Столь же лживыми были заявления Мазуренко о лояльности Директории по отношению к правительству РСФСР и о готовности её пойти на примирение с Украинским советским правительством.

В то время как Мазуренко произносил в Москве миролюбивые речи, дипломатические представители петлюровской Директории в Чехословакии, Румынии, Германии, Финляндии, Прибалтике, Белоруссии, на Кубани, Дону и в других местах плели антисоветские интриги и помогали Антанте сколачивать военные и политические блоки против Советской страны. Возглавляемая Поршем дипломатическая миссия в Берлине была связующим звеном между украинскими буржуазными националистами, германской буржуазией и империалистами Антанты, одинаково заинтересованными в удушении революционного движения на Украине и ликвидации советской власти в России. Порш, опираясь в своей дипломатической деятельности на германских социал-демократов, в частности, на их лидеров Каутского, Гаазе, Давида, Зюдекума, на германских промышленников, финансистов, германский генералитет, на выехавших с Украины немецких колонистов, на еврейскую буржуазию и немецкую прессу, объединил вокруг себя находившихся в Берлине представителей буржуазно-националистических «правительств» Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии, Финляндии, Грузии, Чехословакии, Польши и других государств³⁴.

³² ЦГИАУ, ф. 366, с/2594. Протоколы переговоров дипломатической миссии «УНР» с РСФСР (протокол № 1), папка-россыпь.

³³ После подписания военного соглашения с представителями англо-французского командования и Добровольческой армии Директория обязалась восстановить прямое сообщение между Киевом и Одессой и передать французским войскам в качестве исходной базы для дальнейшего продвижения на север южные участки железных дорог между станциями: Одесса — Раздельная — Тирасполь — Бирзула; Одесса — Вознесенск — Помощная; Николаев — Херсон. Сообщая военным железнодорожным властям о передаче французам южных участков железных дорог, комиссар петлюровской «армии» Стрижевский разъяснял: «Мы (петлюровцы.— А. Л.) не только не воюем с Францией, но оказываем ей гостеприимство передачей указанных участков для нужд французских войск. Мы ещё раз подчёркиваем наше доброе отношение и предлагаем вам после передачи участков так же хорошо относиться к французским войскам, как относились до сего времени» («Известия ВЦИК» № 25 от 4 февраля 1919 г.). Таким же доброжелательным было отношение петлюровцев к англичанам, румынам, грекам и польским легионерам, принимавшим участие под руководством французских генералов в оккупации Южной Украины и Крыма.

³⁴ ЦГИАУ, ф. 346, с/2594, д. 15, л. 26—30. Представители социал-демократов, германских промышленников, военных кругов, а также германской буржуазной прессы постоянно присутствовали на проводимых Поршем в украинском посольстве совещаниях, на которых обсуждались вопросы борьбы с большевиками и Советами на Украине и в России.

Поршу удалось также наладить тесные отношения с военными и дипломатическими представителями держав Антанты. В целях пропаганды идеи союза западной и восточной «демократии», т. е. блока западноевропейских империалистов с контрреволюционными «правительствами» национальных окраин, при петлюровском посольстве в Берлине был создан специальный информационный отдел. Деятельность этого отдела, по сообщению Порша, велась под фирмой «Украинишер прессердинст» — немецко-петлюровского пропагандистского центра по распространению клеветы на большевиков и советскую власть³⁵.

Второй такой петлюровский пропагандистский центр находился в Праге и скрывался под вывеской украинского издательского общества «Всесвіт». Этим центром руководил глава дипломатической миссии «УНР» в Праге, Славинский, активными его сотрудниками были эмигрировавшие с Украины националисты Грушевский, Бочковский, Смаль-Стоцкий, Старый, Кушак и др.³⁶

Большую энергию по сколачиванию антисоветских блоков проявлял глава петлюровской миссии в Финляндии Лосский. Он должен был «двести дело до заключения военно-политического союза» «УНР» с Финляндией и буржуазными правительствами прибалтийских государств³⁷. Одновременно Лосский, а потом заменивший его некий Зализняк собирали шпионские сведения о Советской России и поддерживали контакт с англичанами, находившимися в Мурманске.

Идея антисоветского военно-политического союза встретила вполне сочувственное отношение буржуазно-националистических правительств Финляндии и Прибалтики. Но особенно благожелательно отнеслись к идее создания антисоветского военно-политического союза западных держав и окраинной контрреволюции буржуазно-националистические «правительства» Дона, Кубани и Белоруссии, которые с заключением этого союза связывали получение для себя военной и финансовой помощи от Антанты. Для выработки конкретных мероприятий по созданию антисоветского блока и составления для Антанты заявок на оружие и различные военные материалы в Одессе в конце января 1919 г. по инициативе заместителя министра иностранных дел «УНР» Марголина было созвано специальное совещание представителей окраинных «национальных правительств» (в этом совещании приняли участие представители Директории, Белорусской рады, Деникина, Краснова и др.). 5 февраля Марголин от имени участников совещания вручил представителям верховного командования союзников меморандум, в котором Антанте в борьбе против большевиков рекомендовалось использовать «местное население» (контрреволюционные банды Петлюры, Деникина, Краснова и других агентов иностранного капитала. — А. Л.) как источник живой силы³⁸. Для того чтобы белогвардейские банды могли сражаться против советских войск, Антанте надлежало только снабдить их оружием, деньгами и военным снаряжением. «В первую очередь, — писали участники совещания, — нам необходимы ружья, патроны, митральезы, тяжёлая артиллерия, в особенности танки и блиндированные автомобили»³⁹.

Однако вначале союзники медлили с подписанием военного договора с Директорией и предоставлением ей оружия и денег. Одной из основных причин задержки Антантой военной и финансовой помощи украинским

³⁵ Для распространения лживых сведений о Советской России и об Украинском советском правительстве Порш пользовался также услугами полуофициального бюро Вольфа и прессбюро Дамерта, снабжавших информацией свыше тысячи немецких газет; петлюровские материалы печатались также русскими белогвардейскими листками и даже выходившей в Берлине «Континентал таймс» (ЦГИАУ, ф. 346, с/2594, д. 36, л. 30).

³⁶ ЦГИАУ, ф. 346, с/2594, д. 50, л. 22.

³⁷ Там же, д. 37, л. 36.

³⁸ «Революция на Украине по мемуарам белых», стр. 379. ГИЗ. М.-Л. 1930.

³⁹ Там же.

националистам был отказ последних произвести перемены в составе Директории и кабинете министров «УНР». Готовясь к оккупации всей Украины и превращению её в свою колонию, англо-французские империалисты требовали удаления из Директории Петлюры, Винниченко и Андриевского, а из кабинета министров — Чеховского.

Сказавшиеся весьма полезными для Антанты на первом этапе англо-французской интервенции «социалисты» Петлюра, Винниченко, Андриевский и Чеховской не совсем подходили для осуществления дальнейших планов закабаления украинского народа: Петлюра — как отъявленный бандит и погромщик, Андриевский — как вообще ни к чему неспособный человек, Винниченко и Чеховской — из-за своих демагогических «большевистских» фраз, которые, по мнению интервентов, могли в дальнейшем иметь вредное влияние на массы.

Цепляясь за власть, Петлюра и Винниченко доказывали союзникам свою непричастность к большевикам и готовность помогать Антанте в осуществлении всех её захватнических планов по отношению к Украине и России. «Когда Директория посылала Грекова в Одессу, — вспоминал позднее Винниченко, — то я сам говорил атаману Грекову: «Если они будут бояться, что мы — большевики, то скажите им, чтобы они приехали сюда и посмотрели на наш режим: они совершенно успокоятся».

Тем не менее правители Антанты предпочли оставить у кормила власти только Петлюру. Винниченко вынужден был передать свой пост Петлюре и выехать за границу; был удалён из Директории также Андриевский, а из «правительства УНР» — Чеховской (его заменил украинский эсер Остапенко). После произведённых под нажимом Антанты перемен в составе Директории и «правительстве УНР» переговоры о заключении военного союза и предоставлении петлюровцам помощи в борьбе против украинских трудящихся и Советской России пошли ускоренным темпом. Торопиться с заключением союза с империалистами Антанты петлюровцев заставляли усиливающееся революционное движение украинских трудящихся и блестящие успехи украинских повстанческих войск, освободивших в течение двух месяцев своего наступления всю Левобережную Украину и изгнавших в начале февраля 1919 г. Директорию из Киева (после этого Директория бежала в Винницу)⁴¹.

Англо-французские империалисты потребовали от петлюровцев принятия кабальных условий, которые фактически превратили бы Украину в колонию западноевропейского капитала. Французское правительство поставило условием заключения военного соглашения выполнение следующих требований: «1) Франция получает концессию на 50 лет на все украинские железные дороги; 2) Украина берёт на себя обязательство уплатить Франции причитающиеся ей долги старого царского и Временного правительств; 3) уплата процентов гарантируется той частью доходов с железных дорог, которые причитаются украинскому правительству; 4) Директория должна в годичный срок организовать трёхсоттысячную армию; 5) вся финансовая, торговая, промышленная и военная политика Украины в течение пяти лет со дня подписания договора ведётся под непосредственным контролем представителей французского правительства»⁴².

Французское правительство направило в резиденцию Петлюры — Винницу — специальную миссию во главе с капитаном Ланжероном, получившим инструкцию требовать формального протектората над политической, экономической и военной жизнью Украины. По совету Ланже-

⁴¹ Киев был освобождён 1-й Украинской повстанческой дивизией. В боях за столицу Украины особенно отличились входившие в состав 1-й дивизии Богунский полк под командованием Щорса и Тарашанский полк, руководимый Боженко.

⁴² «Красные книги». I. «В защиту Советской Украины». Сборник дипломатических документов и исторических материалов, стр. 15—16. Харьков. 1921.

рона, Директория обратилась к французскому командованию с официальной нотой (текст её был составлен Ланжероном), в которой говорилось: «Директория, признавая сделанные ею ошибки, просит французское командование о помощи в борьбе против большевиков. Директория отдаёт себя под покровительство Франции и просит представителей Франции взять на себя руководство управлением Украины в областях военной, дипломатической, политической, финансовой, экономической и судебной в течение всего времени, пока будет продолжаться война с большевиками, и, наконец, Директория надеется, что Франция и другие державы Согласия проявят великодушие, когда после окончания борьбы с большевиками возникнут вопросы о территориях и нациях»⁴³. Эту ноту петлюровцев англо-французское командование приняло с большим удовлетворением.

В конце февраля в Бирзуле, где находился штаб англо-французских интервентов, наконец был подписан военный договор между «УНР» и западными империалистами. По этому договору Директория обязалась создать к 1 августа 1919 г. 300-тысячную армию для участия в наступлении против Советской России, а союзники для снаряжения этой армии обещали предоставить Директории заём на сумму в 500 млн. руб., который должен был быть обеспечен украинским государственным имуществом и концессиями. Кроме того союзное командование обязалось «снабжать украинскую регулярную армию всеми техническими средствами, применявшимися в борьбе с центральными государствами». Военные действия против Советской республики должны были вестись под единым командованием, назначенным Антантой⁴⁴.

Таким образом, петлюровская Директория взамен военно-финансовой помощи в борьбе против советской власти не только предоставляла англо-французским империалистам право распоряжаться своими вооружёнными силами, но и ставила под контроль иностранных империалистов всю украинскую экономику (украинская внешняя политика была подчинена Петлюрой интересам Запада ещё задолго до подписания военного договора), превращала украинских рабочих и крестьян в рабов англо-французских империалистов и в пушечное мясо в затеянной ими войне против Советской России.

За этим договором последовало соглашение Директории с панской Польшей, по которому польской шляхте была передана большая часть западноукраинских земель с гор. Львовом⁴⁵. После заключения этого соглашения Польша стала главным поставщиком оружия петлюровской «армии», перепродавая с большим для себя барышом оружие и военные материалы, получаемые ею у Антанты⁴⁶.

⁴³ Дело членов ЦК УПСР, стр. 264. Текст этой ноты был найден у застрелившегося белогвардейского генерала Гришина-Алмазова, бывшего во время англо-французской оккупации юга Украины генерал-губернатором Одессы. Нота фигурировала в качестве обвинительного документа на процессе эсеров в 1921 году. Эта же нота приводится генералом Деникиным в его книге «Очерки русской смуты». Т. V, стр. 35. Берлин. 1926.

⁴⁴ «Правда» № 52 от 7 марта 1919 года.

⁴⁵ Для ускорения сделки между Петлюрой и правителем Польши фашистским диктатором Пилсудским, а также для согласования планов наступательных операций против Советской России с запада в конце февраля во Львов, где велись переговоры между Петлюрой и польскими представителями, приезжала специальная миссия Антанты, состоявшая из большой группы высших офицеров английской, французской и американской армий (ЦГАОР УССР, ф. 1078, д. 36, л. 200). Польские империалисты принимали деятельное участие во всех контрреволюционных мероприятиях Антанты, направленных против Советской Украины и России. Более 6 тыс. польских легионеров участвовало в оккупации Одессы, выделяясь среди прочих антантовских наёмников исключительной жестокостью в обращении с местным населением.

⁴⁶ Кроме Польши, Директорию снабжали оружием Австрия, Чехословакия, Франция, петлюровцам передавали также излишки военных материалов Америка и другие империалистические государства Антанты. Посол Директории во Франции Сидоренко в рапорте Петлюре сообщал, что он «купил в Париже у правительства Соединённых

Получив оружие от стран Антанты, Петлюра приступил к формированию новых частей для борьбы с украинскими советскими войсками и партизанами. Главным местом набора новых контингентов для петлюровского войска была Галиция. Польское правительство разрешило Директории вербовать в «армию» Петлюры кулаков и уголовные элементы даже в тех районах Галиции, которые, по договору с «УНР», отошли к Польше. На территории Галиции была объявлена поголовная мобилизация мужчин от 18 до 35 лет. Все мобилизованные немедленно отправлялись в распоряжение Петлюры⁴⁷. В первых числах марта новые галицийские части были замечены у Казатина, под Коростенем, Жмеринкой и в других пунктах Правобережной Украины. Некоторое количество бандитского отребья Петлюре удалось на вербовать и в тех немногих уездах Подольской и Волынской губерний, которые находились ещё под властью Директории.

Все прибывавшие из Галиции полки сечевиков и вновь сформированные кулацко-бандитские отряды на Подолии и Волыни Петлюра с ходу бросал в контратаки против советских войск. Отсутствие у петлюровского сброда моральной стойкости и боевой выучки Директория пыталась компенсировать большим количеством военной техники. Петлюровские части в изобилии были оснащены всеми видами современного вооружения, как и было предусмотрено военным договором с Антантой, вплоть до самолётов. Но антантовская техника не спасла новые, наспех сколоченные полки Петлюры от разгрома. Горевшие желанием скорее освободить свою страну от петлюровских контрреволюционных банд и англо-французских интервентов украинские советские войска упорно пробивались к западным и южным границам Украины, громя на своём пути вражеские войска и захватывая их технику.

Большую помощь украинскому народу в его борьбе за восстановление советской власти оказывал великий русский народ. Руководителем и организатором этой героической борьбы были большевистская партия, её гениальные вожди Ленин и Сталин.

И. В. Сталину принадлежит решающая роль в создании Украинской Советской Армии и в разработке военно-стратегических планов разгрома интервентов и вооружённых сил украинской буржуазно-националистической контрреволюции. Он вёл решительную борьбу с Троцким и его агентами, противившимися организации Украинского фронта. И. В. Сталин принимал непосредственное участие в организации Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, организовывал посылку на Украину опытных командиров, отдельных воинских частей, оружия, военных материалов и т. д.

После разгрома петлюровских войск в начале февраля под Киевом и мощных ударов по деморализованным частям Петлюры под Фастовом и Белой Церковью 1-я Украинская советская дивизия нанесла новый сокрушительный удар по петлюровцам у Казатина; 7 марта после упорного боя Казатин был взят частями 1-й Украинской советской дивизии⁴⁸. В этой блестящей операции особенно отличился Богунский полк Щорса. Зайдя глубоко в тыл противника, богунцы нанесли сокрушительный удар по петлюровцам и обратили их в паническое бегство. У Казатина советские войска захватили богатые трофеи: более тысячи вагонов (большинство из них гружённые военным имуществом), 30 паровозов, много орудий различного калибра, бомбомётов, автомашин и другого имущества⁴⁹.

Штатов Америки военного имущества на сумму около 11 миллионов долларов в кредит на пять лет под обязательство Украинской народной республики».

⁴⁷ «Правда» № 47 от 1 марта 1919 года.

⁴⁸ «Известия» Исполнительного комитета Киевского Совета рабочих депутатов № 19 от 9 марта 1919 года.

⁴⁹ Там же, № 20 от 11 марта 1919 года.

Занятие советскими войсками Казатина, крупного железнодорожного узла и важного опорного пункта на путях к Виннице и Жмеринке, имело большое значение для дальнейших операций по очищению Украины от петлюровских войск.

Одновременно с Казатином был освобождён Бердичев. При этом были захвачены 28 орудий, 50 пулемётов, поезд со снарядами, 200 автомобилей, много военно-инженерного имущества, 36 тыс. тонн кожи, 100 тыс. пудов сахара⁵⁰. 14 марта советские части овладели городом Христиновкой, Уманью и Житомиром⁵¹. После этого главные силы 1-й Украинской советской дивизии устремились к Виннице, а части 2-й Украинской советской дивизии — к Вапнярке⁵².

Воспользовавшись переброской основных сил украинской советской армии на эти два главных направления, Петлюра сосредоточил на узком участке фронта крупные силы войск и во второй половине марта из района западнее Коростеня начал контрнаступление с целью занятия Киева и срыва советского наступления на Винницу. Но его наступление выдохлось на пятый день. Вооружённые отряды киевских рабочих вместе с подоспевшими им на помощь отрядами богунцев и тарашанцев задержали петлюровцев на дальних подступах к Киеву. А ещё через несколько дней штаб советских войск сообщил о полной ликвидации петлюровской авантюры на коростенском направлении: войска Директории, наступавшие на Киев, были обращены в бегство⁵³.

Богунский и Тарашанский полки под общим командованием Щорса после занятия Казатина с каждым днём усиливали темп наступления, продвигаясь ежедневно в среднем по 15—20 километров. Деморализованные части сечевиков по пути своего панического бегства оставляли технику, обозы, раненых; некоторые из петлюровских частей переходили на сторону советских войск. Стремительным ударом с двух сторон, с фронта и тыла, богунцы и тарашанцы 18 марта выбили петлюровцев из Винницы⁵⁴.

Петлюровская Директория за несколько дней до занятия Винницы советскими частями бежала в Проскуров. Но и там ей не удалось задержаться. На пятый день после прибытия петлюровских главарей в город проскуровские жители подняли вооружённое восстание. Директория спешно погрузилась в вагоны (основные её службы пребывали в вагонах со времени оставления Киева) и бежала далее на запад⁵⁴, почти на самую границу с Галицией и Румынией. Очередной столицей «Петлюрии» (так в насмешку называли тогда жалкие остатки петлюровской «державы») стал Каменец-Подольск. Вся территория «Петлюрии» теперь фактически ограничивалась несколькими уездами Подольской губернии.

Вскоре после утраты территории Директория потеряла и свою вновь сколоченную «армию». Не задерживаясь в Виннице, советские войска двинулись к Жмеринке. 20 февраля телеграф принёс радостную весть об освобождении этого крупного железнодорожного узла и важного стратегического пункта⁵⁶ Большую помощь советским войскам в освобож-

⁵⁰ Там же, № 19 от 9 марта 1919 года.

⁵¹ «Правда» № 58 от 16 марта 1919 года.

⁵² Во второй половине февраля 1-я и 2-я дивизии были включены в состав группы войск Киевского направления, перед которой была поставлена задача завершить очищение Украины от петлюровских контрреволюционных банд и войск англо-французских интервентов.

⁵³ «Известия Всеукраинского центрального Исполнительного комитета Советов рабочих и крестьянских депутатов и Харьковского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» № 14 (78) от 28 марта 1919 года.

⁵⁴ Там же, № 8 (72) от 21 марта 1919 года.

⁵⁵ В украинском народе ходила в это время меткая и едкая частушка: «В вагоне Директория, под вагоном территория».

⁵⁶ «Известия Всеукраинского Центрального Исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и Харьковского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» № 9 (73) от 22 марта 1919 года.

дении Жмеринки оказали жмеринские железнодорожники и крестьяне соседних сёл.

С занятием Винницы и Жмеринки был, по существу, снят весь петлюровский правобережный фронт; левый его фланг откатился в Галицию, а правофланговая группа попала в окружение в районе Вапнярки, где была вскоре ликвидирована. Советские войска, продвинувшись от Жмеринки далее на запад, установили связь с изгнанными петлюровцев из Могилёва и Подольска могилёвскими партизанами. Была также установлена связь с партизанами, действовавшими за Днестром, в Бессарабии.

Успехи советских войск западнее Винницы вызвали новую волну вооружённых восстаний против Директории в занятых её войсками уездах Подольской губернии, а также во многих районах Галиции. «Подольская губерния,— сообщало Бюро украинской печати,— представляет собой костёр восстания. Пробравшиеся через петлюровский фронт советские отряды вместе с восставшими отрядами рабочих и крестьян ведут ожесточённые бои в тылу отступающего противника. В ряде местностей власть захвачена восставшими. Утверждается советский строй. Петлюровцы отходят к австрийской границе дезорганизованными массами»⁵⁷.

24 марта в самом центре «Петлюрии» — Каменец-Подольске — вспыхнуло восстание⁵⁸. В восстании приняли участие рабочие всех заводов, фабрик, мастерских и мобилизованные солдаты. Гарнизон города отказался выступить на фронт против советских войск, заявив, что не признаёт Директорию. Не успела Директория справиться с восстанием в Каменец-Подольске, как Советы были образованы в Баре, Ялтушкове, Ямполе и Яроковичах⁵⁹.

К концу марта 1919 г. петлюровские силы в югозападных районах Украины, за исключением небольшой группы у Каменец-Подольска, были в основном ликвидированы; остатки разгромленных петлюровских частей в начале апреля бежали в Галицию.

Ликвидация контрнаступления Петлюры на Киев, разгром его сил в юго-западных районах Украины и занятие советскими войсками линии Жмеринка — Вапнярка — Бирзула означали военный и политический крах буржуазно-националистической Директории, а вместе с тем и крах надежд англо-французских империалистов на использование её в качестве орудия для осуществления своих колониальных планов на Украине.

Попытка интервентов спасти петлюровскую «армию» от разгрома путём ликвидации опорных пунктов партизан на юге — у Вознесенска и Тирасполя — и прорыва на север, — на соединение с петлюровцами, кончилась полной неудачей. Посланный против Вознесенска полк французской пехоты в жестоком бою был наголову разбит партизанами и в панике бежал к Одессе, бросив 6 орудий, 5 танков и много другого оружия. Такая же участь постигла французскую часть, направленную против Тирасполя. Интервентам удалось захватить город лишь при повторной атаке подошедших крупных сил польских легионеров и белогвардейцев, но прорваться далее, на север они не смогли. После поражений, понесённых интервентами в боях с партизанами, французский полковник Фрейденберг доносил: «Большевизм — движение народное, и большевистские войска по своим боевым качествам напоминают французские времён великой революции»⁶⁰.

Неудачи карательных экспедиций против партизан и усилившееся революционное брожение в англо-французских войсках заставили союзное командование отказаться от дальнейших попыток продвинуться на север. Петлюра так и не дождался союзников.

⁵⁷ Там же, № 10 (74) от 23 марта.

⁵⁸ Там же, № 13 (77) от 26 марта.

⁵⁹ «Правда» № 69 от 30 марта 1919 года.

⁶⁰ Д е н и к и и А. «Очерки русской смуты». Т. V, стр. 41.

В первых числах марта из района Помощная — Вознесенск началось наступление украинских советских войск на Черноморское побережье. Союзное командование принимало отчаянные меры, чтобы удержать в своих руках южные порты. В Одессе было объявлено осадное положение и затребованы подкрепления. Но интервенты не в силах были остановить наступление советских войск, поддержанных боевыми действиями местных партизан. После упорных трёхдневных боёв с французами, греческими и немецкими войсками советские части 10 марта заняли Херсон. Спасаясь бегством, интервенты оставили на поле боя 4 орудия, 2 броневика, 50 пулемётов, в порту — 5 пароходов, 30 барж и прочее военное имущество.

14 марта интервенты, оставив без боя Николаев, отступили к Одессе, которую они решили защищать до конца. Большие силы интервентов, находившиеся у Берёзовки, получили задание не пропустить советские войска к Одессе с севера. Но после двухдневных напряжённых боёв интервенты были разбиты; отступая, они оставили советским войскам большие трофеи, в том числе 5 танков. Разгром интервентов под Берёзовкой предрешил судьбу Одессы. Хотя союзники в Одессе и располагали крупными силами (более 27 тыс. пехоты, 15 тыс. кавалеристов, 76 батарей, 43 танка), они не смогли там долго удержаться. 6 апреля в Одессу вступили советские войска.

Так бесславно окончилась попытка англо-французских империалистов оккупировать Украину и с помощью украинских буржуазных националистов превратить её в свою колонию.

Выброшенные за пределы Советской Украины, украинские буржуазные националисты вместе с их главным атаманом Петлюрой ни на минуту не прекращали борьбы против советской власти. Нашедшее себе приют в империалистических государствах Западной Европы и Америки петлюровское охвостье стало тем резервом, из которого иностранные разведки враждебных СССР государств постоянно черпали кадры засылаемых ими на территорию Советского Союза шпионов, диверсантов и убийц.

Таков исторический путь предательства украинских буржуазных националистов, пытавшихся в 1919 г. создать на Украине под эгидой англо-французских империалистов свою «самостийну державу».

КРЕПОСТНАЯ ДЕРЕВНЯ ЛИТВЫ И ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА

Н. Улащик

До реформы 1861 г. взаимоотношения между помещиками и их крестьянами в Белоруссии, Литве и Правобережной Украине регулировались инвентарями. Полный инвентарь содержал в себе физико-географическое описание имения, подробное (до мелочей) описание всего имущества имения, поголовный, поименный список всех крестьян, описание участков и наличного имущества каждой крестьянской семьи и определение следуемых с каждой семьи повинностей. В инвентарь вносилось и некрепостное население, жившее в имении¹. Таким образом, инвентарь представлял полное хозяйственное описание имения с указанием размера получаемого с него дохода, что было очень важно при часто практиковавшейся сдаче имений в аренду. Инвентари (существовавшие с середины XVI в.) не ограничивали власти помещиков над крестьянами. Составлялись они владельцами имений и были до 1844 г. документами частными и необязательными и поэтому имелись не во всех имениях.

После польского восстания 1830 — 1831 гг. русское правительство, стремясь ослабить в крае политическое влияние польских помещиков и опасаясь крестьянских волнений, решило несколько ограничить власть помещиков над крестьянами, установив нормированные, определённые повинности для последних. Для этого необязательные инвентари были превращены в обязательные, утверждаемые государственными органами.

Составление инвентарных правил было поручено в 1840 г. Особому комитету западных губерний, созданному после восстания 1830—1831 годов. Комитет, состоявший из высших сановников государства, потратил на это четыре года; правила были утверждены Николаем Первым 15 апреля 1844 года².

Правила 1844 г. не затрагивали основ феодально-крепостнической системы. Крестьянин продолжал оставаться в полной зависимости от помещика. Помещик мог его продать, перевести с участка на участок или из одного имения в другое, мог отобрать у него надел или уменьшить его; мог перевести с барщины на оброк и обратно — с оброка на барщину; мог забрать в фольварк в качестве батрака и т. д. Правила не требовали проведения точного обмера и описания имений, и поэтому помещик имел возможность указывать преувеличенные размеры крестьянских участков и соответственно этому требовать увеличенных повинностей.

Формально объём всех повинностей с крестьян в пользу помещика должен был определяться в зависимости от размера земельного участка и плодородия почвы, т. е. от доходности участка, а не с души, не с семьи, однако фактически повинности отбывали и те крестьяне, которые не имели не только земли, но и хаты, так называемые кутники, — таким образом, повинность падала на личность крестьянина.

Для практического руководства всей работой, связанной с введением обязательных инвентарей, т. е. для определения следуемых с крестьян-

¹ См. «Состав и значение инвентарей в помещичьих имениях областей, возвращённых от Польши». Журнал Министерства Внутренних Дел (ЖМВД), стр. 244—245. 1843. Ч. 1-я.

² Центральный государственный исторический архив Ленинграда (ЦГИАЛ), ф. Комитета западных губерний, д. 33, 34.

ской семьи повинностей, утверждения инвентарей и наблюдения над их соблюдением были созданы губернские инвентарные комитеты, составленные из губернских чиновников и дворян. Председателями комитетов были гражданские губернаторы. Комитеты прежде всего занялись установлением принципов определения доходности крестьянских участков применительно к условиям каждой губернии. Таким образом были выработаны и утверждены в 1846 г. губернские правила составления инвентарей. Обязательные инвентари вводились с 1847 по 1852 год.

Согласно существовавшему в крае обычаю, крестьяне должны были давать помещику третью часть валового дохода со своих участков (отсюда название системы повинности — «третьяк»). повинность эта обычно выражалась в работе. Нет нужды разъяснять, что крестьяне должны были работать и платить намного больше того, что требовал от них старинный обычай. Инвентарные правила 1844 г. лишь закрепили уже выполнявшиеся крестьянами повинности, запретив помещикам произвольно увеличивать их. Крестьяне получили при этом право жаловаться на помещиков, если последние нарушали инвентари. Это постановление носило, однако, совершенно формальный характер, так как подать жалобу на помещика и добиться удовлетворения её крестьянину было очень трудно. Лишь в отдельных случаях, при вопиющих нарушениях инвентарей помещиками, признавалась правота крестьян и сверхинвентарные повинности отменялись.

В Литве и Западной Белоруссии господствовало подворное землепользование. Общинное землепользование было фактически уничтожено ещё в XVI в., в результате так называемой волочной померы — землеустройства, проведённого в государственных и частных имениях. При волочной помере для каждого отдельного крестьянского хозяйства нарезывалась волока — участок пашни размером около 21 гектара, разделённый на три поля, применительно к трёхпольной системе земледелия. На такой участок селились одна или несколько семей. повинности с волоки поступали независимо от того, какое количество человек сидело на участке. С течением времени, в связи с ростом фольварков, сократилось общее количество принадлежавшей крестьянам земли, крестьянство дифференцировалось, и размеры крестьянских участков не стали соответствовать волокам.

В таких условиях происходил процесс разложения феодально-крепостнической системы в Литве и Западной Белоруссии.

В 40-х годах XIX в. в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях процесс перехода от замкнутого натурального хозяйства к товарно-денежному чрезвычайно ускорился. Одновременно это означало быстрое разложение тех основ, на которых держалась феодально-крепостническая система.

Росту товарно-денежных отношений благоприятствовало наличие в рассматриваемых губерниях относительно большого числа потребляющего населения — перед реформой здесь насчитывалось 258 700 человек городских жителей³, что составляло 9,6% всего населения.

Среди потребителей следует учесть также войска и отходников (только на плотях и речных судах летом работало около 50 тыс. человек) и многочисленное еврейское неземледельческое местечковое население.

Особенно высокий процент неземледельческого, потребляющего населения был в западной части Гродненской губернии, где концентрирова-

³ Корева А. «Виленская губерния», стр. 307. СПб. 1861; Бобровский П. «Гродненская губерния». Ч. 1-я, стр. 697. СПб. 1863; Афанасьев Д. «Ковенская губерния», стр. 236. СПб. 1861.

лась значительная часть промышленного производства. В уездах Белостокском, Сокольском, Бельском и Гродненском было сосредоточено около трёх четвертей всей промышленности этих губерний.

Второй причиной, обуславливавшей рост товарно-денежных отношений в этих губерниях, была близость к балтийским портам, что облегчало и удешевляло сбыт продуктов на иностранные рынки.

Рыночные связи помещичьего хозяйства установились ещё в дореформенной Литве и Западной Белоруссии, причём наиболее прочными они были в западных уездах Литвы и Белоруссии. В отношении Жмуди (Западная Литва) один исследователь в 1859 г. писал, что там «большая часть зерновых произведений вывозится на продажу»⁴. То же можно сказать относительно западных уездов Гродненской губернии. Основными поставщиками товаров для рынка были помещики. Важнейшим продуктом, предназначавшимся для рынка, было зерно, точнее рожь. Количество зерна, собиравшегося только с собственно помещичьих полей, было очень значительно. В один из самых неурожайных предреформенных годов — 1854 — помещики собрали 2 232 163 четверти зерна, а в 1859 г. — 2 815 670 четвертей⁵. Нельзя, конечно, ручаться за точность приводимых цифр, тем более нельзя установить точное количество зерна, поступавшего на рынок, но, во всяком случае, оно составляло более полумиллиона четвертей.

Необходимо оговориться, что сбыт зерна на рынок носил здесь специфический характер. Помещики Литвы и Белоруссии имели право пропинации, т. е. производства и продажи водки. Поэтому рожь поступала на рынок преимущественно не в виде зерна или муки, а переработанная на водку, так как реализация её в таком виде была наиболее выгодной.

Мы не располагаем точными данными относительно того, какой именно процент ржи продавался в виде зерна и какой перерабатывался на водку, но источники указывают, что последний был значительно выше первого количества. Так, по сведениям Комиссии народного продовольствия, в одной только Гродненской губернии на водку ежегодно перерабатывалось 200 тыс. четвертей озимого и 67,5 тыс. четверти ярового хлеба⁶. Винокурни были рассеяны по всем трём губерниям и являлись чуть ли не обязательной принадлежностью каждого, сколько-нибудь значительного имени. «Выкурка вина, — писал виленский губернатор, — из хлеба и картофеля, как пособие для сельского хозяйства и как источник денежной выручки, распространена повсеместно»⁷. Всего в крае перед реформой было 876 винокурных заводов, которые вырабатывали в год продукции (водки) на сумму в 2 869 103 рубля⁸. Почти все винокурни принадлежали помещикам.

В естественном виде зерно сбывалось на местном рынке и экспортировалось за границу. По сообщению виленского губернатора, на ярмарках этой губернии «главный торг заключался в сбыте разного сорта хлеба, пеньки, огородных овощей, разного рода скота и вообще местных земледельческих плодов и произведений, доставляемых местными жителями»⁹. Один город Вильно потреблял за год ржи 82 тыс. четвертей, пшеницы 38 тыс. четвертей, ячменя 27 тыс. четвертей, овса 40 тыс. четвертей, гречихи 12 тыс. четвертей¹⁰.

⁴ Петерсон Е. «Об основаниях, условиях и последствиях перевода барщинных крестьян на наёмно-оброчное положение в некоторых поместьях Ковенской губернии». Журнал министерства государственных имуществ (ЖМГИ). 1860 г., март, стр. 140.

⁵ Цифры эти вычислены по таблицам сбора хлеба и картофеля, прилагаемым к отчётам губернаторов. ЦГИАЛ, ф. Департамента Общих Дел Министерства Внутренних Дел (МВД, ДОД). Отчёты губернаторов за 1848—1860 годы.

⁶ Бобровский П. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 325.

⁷ ЦГИАЛ, ф. МВД ДОД. Отчёт виленского губернатора за 1859 г., л. 14.

⁸ Корева А. Указ. соч., стр. 503—506; Бобровский П. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 277; Афанасьев Д. Указ. соч., стр. 466.

⁹ ЦГИАЛ, ф. МВД ДОД. Отчёт виленского-губернатора за 1856 г., л. 12.

¹⁰ Киркор А. «Историко-статистическое описание гор. Вильно», стр. 121.

Второй важнейшей товарной культурой являлся лён. Особенно большое значение он имел в хозяйстве Ковенской губернии, где его разводили как помещики, так и крестьяне. Современники были даже склонны считать лён главной культурой этой губернии. «Основание народного богатства в Ковенской губернии составляет возделывание льна», — писал в 1860 г. Михневич¹¹. Однако он преувеличивал значение льноводства в губернии, так как первое место всё же принадлежало зерновым культурам. Но это наблюдение указывает на значительный удельный вес льноводства в сельскохозяйственном производстве.

Крупными центрами производства льна были также Белостокский и Пружанский уезды, Гродненской губернии, и Дисненский уезд, Виленской губернии. Лён предназначался преимущественно на продажу, точнее на экспорт. В экспорте Литвы и Западной Белоруссии он занимал первое место. Этому способствовали высокие цены на лён. Берковец льна в 1860 г. стоил в Риге и Либаве 25—35 руб., а несколько раньше — 50—60 руб.¹² В 1854 (неурожайном) году в одном только Дисненском уезде, Виленской губернии, было получено 74 тыс. пудов льна, большая часть которого была продана в Риге¹³.

В 40-х годах XIX в. важной товарной культурой стал также картофель, который к этому времени являлся уже одной из основных полевых культур. В первой половине XIX в. картофель был основным заменителем хлеба в питании населения и зерна — в производстве водки. О размерах производства картофеля можно судить по тому, что в 1857 (урожайном) году на помещичьих полях трёх губерний было собрано 1 034 804 четверти картофеля, а на крестьянских — 968 273 четверти¹⁴. Несмотря на огромный для того времени размер производства картофеля, в качестве рыночной культуры он значительно уступал ржи или льну и использовался преимущественно как сырьё при производстве водки. Он совершенно не шёл на экспорт и относительно мало сбывался на местном рынке.

Остальные товарные сельскохозяйственные культуры — сахарная свёкла, горчица — имели слабое распространение и поступали на рынок в очень небольшом количестве.

Товарный характер приобретало в крае в дореформенный период также и животноводство. Сильнее всего оно было развито в Гродненской губернии, где «у каждого более зажиточного помещика был породистый скот»¹⁵. Наиболее развитой товарный характер в этой губернии имело овцеводство (разведение мериносов), так как шерсть мериносов целиком предназначалась для продажи. В 40-х годах в Гродненской губернии насчитывалось около 500 тыс. мериносов¹⁶. В дальнейшем число их вследствие сильных неурожавов сократилось, но всё же было значительно.

Многочисленные суконные фабрики этой губернии предъявляли большой спрос на шерсть, который местные овцеводы были не в силах удовлетворить. Поэтому большое количество шерсти привозилось в Гродненскую губернию из Украины и Польши.

Многие помещики заводили у себя породистый рогатый скот — коров голландской, тирольской, ливонской и жолавской пород¹⁷. С полной определённостью можно сказать, что в крае перед реформой происходил переход к молочному скотоводству. Помещики, имевшие наиболее рациональ-

¹¹ Михневич А. «Сельское хозяйство Ковенской губ. Памятная книжка Ковенской губ.», стр. 24. 1861.

¹² Там же, стр. 40.

¹³ ЦГИАЛ, ф. МВД ДОД. Отчёт виленского губернатора за 1854 г., л. 196.

¹⁴ Там же. Отчёты губернаторов. Приложения к отчётам.

¹⁵ Бобровский П. Указ. соч. Ч. 1-я, стр. 333.

¹⁶ ЦГИАЛ, ф. МВД ДОД. Отчёт гродненского губернатора за 1841 г., л. 31.

¹⁷ Корева А. Указ. соч., стр. 480, 481; Бобровский П. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 132, 133; Афанасьев Д. Указ. соч., стр. 252, 393; Арсеньев «Статистические очерки», стр. 299.

но поставленное хозяйство, заводили породистых коров, строили сыроварни и маслобойные заводы и сбывали готовую продукцию в Вильно и Гродно¹⁸. Один город Вильно потреблял в год 14 тыс. пудов коровьего масла¹⁹.

Широкое сбывая свою продукцию на рынок, помещики одновременно покупали большое количество разнообразных промышленных изделий. Для нужд помещичьих имений поступали не только предметы роскоши, но и сельскохозяйственный инвентарь — плуги, бороны, молотилки, — затем дешёвая мануфактура, топоры, обувь и пр. Таким образом, помещичье хозяйство было очень тесно связано с рынком.

Значительно более натуральный характер, чем помещичье, имело крестьянское хозяйство. Богатые крестьяне, особенно Жмуди и западных уездов Гродненской губернии, производили продукты для рынка. Только льня отдельные богатые жмудские крестьяне сбывали в год по 5—10 берковцев, каждый стоимостью от 25 до 60 рублей за берковец²⁰. Кроме того эти крестьяне имели значительные излишки зерна и скота, которые также сбывались на рынке. В обмен на свою сельскохозяйственную продукцию крестьяне покупали большое количество промышленных товаров: текстиль, сельскохозяйственные орудия и т. п. Кроме того эти крестьяне постепенно накапливали денежные средства, вкладывавшиеся ими преимущественно в собственное хозяйство; в промышленность и торговлю крестьяне вкладывали свои средства крайне редко. Однако основная масса — бедные и средние крестьяне — продавали на рынке очень мало продуктов. Необходимые им денежные средства — для уплаты государственной подати, чинша помещику, покупки совершенно необходимых вещей, таких, как соль, топоры, сошники, — крестьяне добывали преимущественно на лесоразработках, лесосплаве и на земляных работах. Хату, хозяйственные постройки, мебель, утварь, одежду и обувь они обычно изготавливали сами. «В своих хозяйственных орудиях и утварях (!) крестьянин обходится вовсе почти без железа, сбруей довольствуется мочальной и лыковой»²¹, — писал А. Киркор.

Внутренняя торговля в значительной мере осуществлялась на многочисленных ярмарках (в трёх губерниях была 181 ярмарка), небольших по размеру, имевших преимущественно местное значение. Крупная ярмарка имела только в маленьком местечке Зельве, Гродненской губернии. На эту ярмарку прибывали купцы из всей Белоруссии и Литвы, из Москвы, Петербурга, а также из губерний Нижегородской, Киевской, Смоленской, Владимирской, из Польши и Германии. Сюда же доставляли свои товары помещики и крестьяне соседних уездов. Товарооборот зельвенской ярмарки составлял около половины товарооборота всех ярмарок трёх губерний²². В 1858 г. на все ярмарки края было доставлено товаров на сумму 1 631 282 руб., в 1860 г. — на 1 829 940 рублей²³.

За границу шли прежде всего сельскохозяйственные товары: хлеб, лён, льняное семя, пенька, лес, дрова, а также незначительное количество промышленных изделий — гродненские текстили и водка — отправлялось в Пруссию. В 1849 г. из Гродненской губернии было отправлено за границу товаров на сумму в 2 146 331 руб.²⁴, в 1850 г. — на 1 944 815 рублей²⁵. По рекам Муховцу и Западному Бугу за границу шли лес и спирт²⁶, по Западной Двине — преимущественно лес и лён (из Дисненского уезда,

¹⁸ Кн ю п ф е р «Агрономическое путешествие». КМГИ № 20 за 1846 г., стр. 58—59.

¹⁹ Киркор А. Указ. соч., стр. 121.

²⁰ Михневич А. Указ. соч., стр. 40.

²¹ Киркор А. «Северозападный край империи». ЖМВД. 1843 г., кн. 1, стр. 224.

²² Бобровский П. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 429—466.

²³ ЦГИАЛ, ф. МВД ДОД. Отчёты губернаторов. Приложение к отчётам, табл. 17.

²⁴ ЦГИАЛ, ф. МВД ДОД. Отчёт гродненского губернатора за 1849 г., л. 31.

²⁵ Там же. Отчёт виленского губернатора за 1859 г., л. 92.

²⁶ Бобровский П. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 383.

Виленской губ.), по Днепро-Бугскому и Огинскому каналам — большое количество хлеба, сала, кож (но это были в большинстве случаев украинские товары). Значительное количество товаров — льна, зерна — жмудские уезды доставляли в Либаву и Ригу гужом.

Рост товарно-денежных отношений в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях подрывал основное условие существования феодально-крепостнической системы — натуральность хозяйства. «Крепостное поместье должно было представлять из себя самодовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром. Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старого режима»²⁷.

Перед реформой как Литва, так и Западная Белоруссия были районами крупного помещичьего землевладения. В Гродненской губернии помещикам принадлежало 58,5%, в Виленской — 69,5% и в Ковенской — 74,6% всей земли²⁸. При этом у 176 крупных помещиков (владевших имениями, в которых было свыше 500 душ крепостных), составлявших 3,4% всех лиц, владевших населёнными имениями, сосредоточивалось около 40% всех крепостных крестьян²⁹. В то же время у массы мелких помещиков, владевших имениями с населением до 21 души, было только 22,6% крепостных³⁰.

До 40-х годов XIX в. во всех губерниях господствовала барщина. Но в 40-х годах в Жмуди и около крупных городов в других районах начался быстрый переход от барщины к оброку, точнее к чиншу, т. е. к денежной ренте. Особенно ускорились темпы перехода на эту систему в последние, предреформенные годы. В 1854 г. Ковенский инвентарный комитет поставил уже вопрос об обязательном переводе всех повинностей крестьян на денежные.

При чиншевой системе крестьяне пользовались относительно большей свободой в своей хозяйственной деятельности, быстрее происходил рост наделов у отдельных крестьян и соответственно быстрее шло расслоение деревни; с одной стороны, вырастал слой богатых крестьян-фермеров, с другой, — прослойка безземельных и бездомных батраков.

Показателем роста товарно-денежных отношений является и то, что помещики стали переводить на деньги целый ряд натуральных повинностей и прежде всего дани — приношение кур, гусей, яиц, орехов, грибов и т. п. В части имений Виленской губернии и в большинстве имений Ковенской при перечислении повинностей помещики указывали денежный эквивалент дани³¹.

Какие причины заставляли помещиков переходить с барщины на чинш? Одной из причин послужили крестьянские волнения. В 1851 г. в Виленской губернии имели место волнения полесуитских крестьян³², прохо-

²⁷ Ленин. Соч. Т. III, стр. 140. Изд. 3-е.

²⁸ Бобровский П. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 6; Корева А. Указ. соч., стр. 108; Афанасьев Д. Указ. соч., стр. 459.

²⁹ Тройницкий А. «Крепостное население России по данным 10-й народной переписи», стр. 45. СПб. 1861.

³⁰ Там же.

³¹ Приложение к трудам Редакционных комиссий. Сведения о помещичьих имениях. Т. 6. Губернии Виленская и Ковенская.

³² Полесуитскими назывались крестьяне имений, принадлежавших до 1773 г. иезуитам. После уничтожения Иезуитского ордена эти имения были проданы шляхте, с условием платить в казну ежегодно 6% стоимости имений. Фактически эти имения являлись полной собственностью помещиков, но при разделе и продаже они подчинялись особым условиям.

дившие под лозунгом перевода повинностей по примеру государственных крестьян на чинш³³.

Позже, в 1856—1857 гг., с теми же требованиями выступили и добились перевода на чинш крестьяне Юрбургского майоратного имения Васильчикова³⁴. Чаще всего, однако, на чинш помещики переводили по своей инициативе, так как при чиншевой системе доход с имений обычно был выше, чем при барщине.

При барщинной системе «вся земля данной единицы земельного хозяйства, т.-е. данной вотчины, разделялась на барскую и крестьянскую; последняя отдавалась в надел крестьянам, которые (получая сверх того и другие средства производства—например, лес, иногда скот и т. п.) своим трудом и своим инвентарём обрабатывали её, получая с неё своё содержание»³⁵. Следовательно, барщинное хозяйство в «чистой» форме предполагало отсутствие собственного помещичьего инвентаря и скота, так как все работы по имению выполнялись крестьянами, их скотом и инвентарём. Эта «чистая» форма барщинного хозяйства перед реформой занимала уже в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях незначительное место. В большинстве случаев помещики имели у себя батраков из своих крепостных или вольнонаёмных, рабочий скот (лошадей, волов) и инвентарь (обычно улучшенный) — плуги, бороны, веялки, молотилки, соломорезки, и часть работ в имениях выполнялась с помощью этих батраков. Иногда часть работ выполняли вольнонаёмные рабочие. Так, в крупном имении Заблудове, помещика Крузенштерна (Гродненская губерния), администрация имения за одно лето истратила 2620 руб. на наём рабочих в помощь крестьянам³⁶. Однако основная масса работ, безусловно, выполнялась ещё барщинными крестьянами. Крестьяне пахали и борошили, сеяли и убирали урожай, косили и убирали сено, возводили постройки, рубили лес, отвозили готовую продукцию к месту назначения. Крестьянки жали, пололи огороды, мыли и стригли овец, пряли господский лён и т. д.

Однако непроизводительность принудительного бесплатного труда крестьян и частые крестьянские волнения заставили помещиков переменить форму эксплуатации, особенно в районах, расположенных вблизи рынков сбыта, а затем поставить вопрос и о ликвидации крепостного права.

Ярким показателем невыгодности принудительного труда являются цены на земли, заселённые и незаселённые. Средние цены в крае за одну десятину земли, проданной по купчим крепостям за период 1854—1859 гг., были³⁷:

	Заселённая	Незаселённая
В Виленской губернии	13 р. 56 коп.	12 р. 04 коп.
В Гродненской „	16 р. 53 коп.	22 р. 34 коп.
В Ковенской „	16 р. 75 коп.	21 р. 80 коп.

В тот же период десятина земли, проданной с публичных торгов, стоила³⁸:

	Заселённая	Незаселённая
В Виленской губернии	14 р. 69 коп.	16 р. 52 коп.
В Гродненской „	20 р. 09 коп.	23 р. 92 коп.
В Ковенской „	18 р. 41 коп.	20 р. 06 коп.

³³ Жидкова З. «Материалы по истории крестьянского движения в 50-х годах». (Рукопись Института истории Академии наук СССР), стр. 17. ЦГИАЛ. ф. МВД ДОД. Отчёт виленского губернатора за 1851 г., л. 67, 68, 69.

³⁴ Там же, стр. 428—435.

³⁵ Ленин. Соч. Т. III, стр. 139. 3-е изд.

³⁶ ЦГИА Литовской ССР, ф. канцелярии генерал-губернатора, 1860 г., д. 503, л. 45.

³⁷ ЦГИА Литовской ССР, ф. КГГ 1858 г., д. 1143, ч. 1-я, лл. 248—257, 131, 158, 86—103.

³⁸ Там же.

Следовательно, земли незаселённые, без крепостных крестьян, ценились значительно дороже, чем заселённые, за исключением более отсталой губернии — Виленской.

Одной из основных причин перевода крестьян на оброк была невозможность интенсификации хозяйства при барщине. Е. Петерсон, изучавший имения Ковенской губернии, перешедшие на оброк в предреформенные годы, писал: «Завести напряжённые хозяйства с плодосменными севооборотами при барщине совершенно невозможно, по чрезвычайной ленивости и небрежности тяглых людей, принуждённых трудиться без соразмерного вознаграждения; чтобы иметь хороших работников, нужно было нанять их по добровольно условленным ценам»³⁹. На невозможность при барщине интенсифицировать труд указывали также ковенские помещики, когда требовали перевода повинностей крестьян на оброк.

Что представляло собой помещичье имение после перехода на оброчную систему? Помещики переводили крестьян на оброк с тем, чтобы получить с имения больше дохода, чем они имели раньше. Оброчная система была явлением новым, и поэтому способы ведения хозяйства при ней в различных имениях были крайне разнообразны. В некоторых случаях помещики покупали скот, инвентарь, нанимали рабочих из своих же крепостных или из вольных людей и заводили своё хозяйство, крестьяне же оставались на прежних участках и переводились на оброк. В других случаях помещики сдавали фольварковые земли в аренду своим крестьянам, шляхте или вольным людям или заводили так называемый железный инвентарь.

Отказ от барщины и переход на оброк во многих случаях приводили к значительным результатам. Е. Петерсон писал: «В немногих имениях, которые в продолжение одного месяца я успел рассмотреть, оказалось, что введение плодосменных многосевных севооборотов с вольнонаёмными рабочими возвысило урожай хлебов и позволило увеличить производство кормовых трав. Вместо прежних урожаев, от сам 5 до сам 8, получают урожай от сам 6 до сам 10... Умножение кормов позволило содержать большое количество скота и лучше удобрять поля. Наём рабочих по вольным ценам устранил все затруднения, которые барщина противопоставляла употреблению усовершенствованных земледельческих орудий и лучшего упряжного скота, вследствие чего и ускорилось производство работ, так что они теперь исполняются своевременно и не подвергают хозяйства столь большим рискам, как прежде»⁴⁰.

В переходивших на оброк имениях обычно вводилось многополье, заводился хороший скот, появлялись машины. Возрастала производительность труда вольнонаёмных рабочих по сравнению с трудом крепостных. Оказалось, что вместо 100 пеших дней барщины требовалось только 60 дней труда вольнонаёмных, вместо 100 конных дней, при работе на тех же лошадях и при прежних кормах, — 80 дней, при подкармливании же лошадей овсом требовалось всего 60 дней, а при работе на хороших лошадях — только 40 дней⁴¹.

По сообщению Петерсона, помещиков вполне удовлетворял переход на вольнонаёмный труд, и они «выразили убеждение, что реформа им выгодна и что они ни под какими условиями не желают возвратиться к барщине»⁴².

Приведём несколько примеров помещичьих хозяйств, в которых помещики отказались от барщины. Одним из них было имение Р. Тизенгауза-Рокишки в Ново-Александровском уезде, Ковенской губернии. Это было крупное поместье, в котором насчитывалось 18 843 десятины удобной земли и 7607 крепостных крестьян. Большинство крестьян раньше

³⁹ Петерсон Е. Указ. соч., стр. 141.

⁴⁰ Там же, стр. 144.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, стр. 145.

были барщинными, частью полуоброчными и оброчными. Из 34 730 руб. повинностей, следовавших с крестьян, 11 426 руб. выплачивалось деньгами, остальные — работой. Повинности эти были настолько велики, что к 1852 г. крестьяне задолжали владельцу 71 тыс. рублей. В 1853 г. Тизенгауз перевёл крестьян на оброк, оставив лишь небольшую долю натуральных повинностей. При этом он «простил» им все долги. Мероприятие оказалось настолько эффективным, что уже со следующего года крестьяне уплачивали оброк полностью и во-время. С переводом на оброк крестьяне стали «заметно прилежнее», у них увеличилось количество скота, лучше стали обрабатываться поля, начали исчезать курные хаты, появилась школа, число корчем сократилось с 70 до 3 (в период с 1839 по 1859 г.). Благополучие это, однако, коснулось не всех крестьян, так как с переходом на оброк резко увеличилось расслоение крестьянства, и беднейшая часть его, оставаясь крепостной, попала ещё в кабалу к богатым крестьянам⁴³.

В Юрбургском майоратном имении князя Васильчикова (Россиенский уезд, Ковенской губернии) при переходе на оброчную систему крестьянам была оставлена земля, которой они раньше пользовались. Обработка помещичьей земли стала производиться с помощью нанятых рабочих. Были построены сарай для скота и инвентаря, дома для батраков, куплены скот и сельскохозяйственные машины (в Тильзите и Риге). В результате перехода на оброчную систему доход имения за год увеличился на 2297 руб. 77 коп.⁴⁴

В имении помещика Бурбы (Ковенский уезд) часть крестьян была переведена на оброк, а работа на господском поле выполнялась вольнонаёмными.

В северной части Ковенской губернии получил распространение так называемый железный инвентарь. Сущность этой системы заключалась в том, что помещик дробил имение на небольшие участки, возводил на них постройки, давал к ним скот и инвентарь, т. е. создавал небольшие самостоятельные хозяйства, которые предлагал арендовать за определённую плату любому желающему. Таким образом, всякий совершенно нищий крестьянин мог сесть на этот участок и начать хозяйничать. Это была ловкая приманка для батраков. Многие из них, соблазнённые перспективой стать хозяевами, брали участки, но мало кто мог выполнить условия аренды, так как помещик требовал очень высокую арендную плату, кроме того крестьянин нёс ещё ответственность за предоставленный в его пользование скот, инвентарь и постройки⁴⁵.

В некоторых случаях помещики отбирали у крестьян участки и превращали крестьян в батраков.

Естественно, что, интенсифицируя своё хозяйство, помещики переходили к новой технике, заводили более совершенные сельскохозяйственные машины, ускорявшие и улучшавшие процессы работ. Пахали ещё преимущественно сохой, но часто применяли и плуги. Плуг давно уже перестал быть новинкой и редкостью. Шпилевский, например, писал, что в соседней Минской губернии в 1853 г. «машиной косят и жнут, машиной молотят и сеют, машиной пашут»⁴⁶. Пахота машиной, конечно, — фантазия автора. Под машиной он, видимо, подразумевал плуг. Боронили деревянной и железной боронами, хотя не вышел ещё из употребления и первобытный смык. Применялись драпач и железный каток. Жали преимущественно серпами⁴⁷ (косили урожай редко), а в 50-х годах на полях появились жат-

⁴³ См. Петерсон Е. Указ. соч., стр. 145.

⁴⁴ Там же, стр. 148—156. При барщинном хозяйстве доход составлял 19 104 руб. в год, а после перехода на вольнонаёмный труд — 21 402 руб.

⁴⁵ Там же, стр. 146.

⁴⁶ Шпилевский П. «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю», стр. 108.

⁴⁷ Корева А. Указ. соч., стр. 437—438; Кнюпфер. Указ. соч. ЖМГИ. 1846, № 20, стр. 57.

ки как отечественного производства, так и заграничные⁴⁸. Молотили урожай молотилками и цепами, причём цепами молотили уже только в небольших имениях⁴⁹. Для окучивания картофеля употребляли бороздник⁵⁰. Широко применялись ручные и конные веялки и соломорезки. У помещика Виленской губернии Ясенского имелись: чугунный каток, норвежские бороны, плуги разных систем, американская молотилка и жнейка системы Мак Кормик⁵¹. Фабрика Вермана близ Риги предлагала для продажи плуги, сеялки, американские жатки, молотилки, веялки, машины для трепанья льна, для резки свёклы, для корчевания пней⁵². Все эти машины были иностранного происхождения. Однако уже имелся и собственный конструктор сельскохозяйственных машин. Это был владелец имения Достоево, в Пинском уезде, Минской губернии, Якушик. Якушик был неутомим в изобретениях. Каждый год он предлагал публике какую-либо из своих вновь изобретённых машин. Он изобрёл и пустил в продажу молотилку пароконную, трёх- и четырёхконную, жнейку (испытанную в Горыгорецком земледельческом училище), машины для копки канав и распилки досок и даже соху, «которая, будучи запряжена парю лошадей или быков, пашет за четыре сохи»⁵³. Повидимому, это были вполне пригодные для работы машины. Якушик так рекламировал свои изделия: «Если принять в уважение затруднения при ручном жатии и убытки, наносимые от опоздания снятия хлеба с полей, легко убедиться, что польза этой машины (жнейки.— Н. У.) несомненна, очевидна и с избытком вознаграждает издержки»⁵⁴. Объявления о машинах Якушика печатались в течение десяти лет. Он даже расширил своё производство, создав филиал Достоевской мастерской. Якушик не был одинок в деле изобретения сельскохозяйственных машин. Летом 1857 г. владелец имения Гервяты, Вилейского уезда, Виленской губернии, Казимир Домейко применил изобретённую им жнейку. О её пробной работе писал Игнатий Ходзько⁵⁵.

Механизация, конечно, не была всеобщей или даже широкой но, тем не менее, основы её были заложены ещё до реформы, а «применение машин к земледелию носит капиталистический характер, т.-е. ведёт к образованию капиталистических отношений и к дальнейшему развитию их»⁵⁶.

Помещичьих крестьян в рассматриваемых трёх губерниях в 1858 г. было 1 128 985 человек, или 41,1% всего населения. В Виленской губернии крепостных крестьян было 402 549 (45,95%), в Гродненской — 361 790 человек (40,97%) и в Ковенской — 364 646 человек (36,9%)⁵⁷. Перед реформой сократилось как абсолютное, так и относительное число крепостных крестьян. Хотя в связи с общим приростом населения с 1835 по 1858 г. (с 8-й по 10-ю ревизию) общее число мужчин возросло с 1 200 898 до 1 350 702 человек, число крепостных крестьян сократилось с 573 583 человек до 547 065 человек⁵⁸.

Сокращение числа крепостных при возрастающей интенсификации помещичьего хозяйства неизбежно вело к усилению и к поискам новых форм эксплуатации крестьян.

Основной причиной сокращения числа крепостных крестьян являлось прогрессирующее ухудшение положения крестьян в последние годы су-

⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. МВД ДОД. Отчёт гродненского губернатора за 1859 г., л. 11; «Виленский вестник» за 1857 г., № 68.

⁴⁹ Корева А. Указ. соч., стр. 439; Афанасьев Д. Указ. соч., стр. 368.

⁵⁰ Бобровский П. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 28.

⁵¹ «Виленский вестник» за 1857 г., № 68.

⁵² Там же за 1855 г., № 110.

⁵³ Там же за 1850 г., № 16, 18. Прибавление.

⁵⁴ Там же, № 16. Прибавление.

⁵⁵ Там же за 1857 г., № 68.

⁵⁶ Ленин. Соч. Т. III, стр. 169.

⁵⁷ Тройницкий А. «Крепостное поселение в России по 10-й народной переписи», стр. 49. СПб. 1861.

⁵⁸ Кеппен П. «Девятая ревизия», стр. 199. СПб. 1857; Тройницкий А. Указ соч., стр. 40, 60.

уществования крепостного права. Низкая техника крестьянского хозяйства, и то, что крестьяне все лучшие дни (а иногда и вообще все дни) работали у помещика, а на своих полях только по ночам или в ненастье, привела к тому, что неурожай и голод стали обычным явлением. Сильнейшие неурожай в Белоруссии (в Литве они были значительно слабее) имели место в 1844—1846 гг., а затем почти непрерывно — с 1849 по 1855 год. Кроме того с 1848 по 1852 г. свирепствовали холера и тиф, а с 1853 г. в связи с Крымской войной усилились всевозможные государственные повинности. В результате всего этого крестьяне разорялись, голодали, вымикали или разбегались. В имении Геронимово, в Бельском уезде, Гродненской губернии, по 9-й ревизии числилось 1195 душ, а по 10-й — 989; 73 двора этого имения опустело⁵⁹. В деревнях Скрибичи, Жуки, Кудричи (Белостокский уезд) опустело 11 дворов⁶⁰ и т. д. Как правило, помещики присоединяли эти опустевшие участки к фольварковой земле. Однако сокращение крестьянских земель происходило не только в результате уменьшения числа крепостных. Оно наблюдалось в течение всей первой половины XIX века (и раньше), в последние же годы перед реформой и, в частности, после опубликования рескрипта 20 ноября 1857 г. оно приняло огромные размеры. Помещики стали сгонять с земли целые деревни и выгонять обезземеленных крестьян из имений.

Система третьяка предполагала наличие у крестьян двух третей земли имений. В эпоху преобладания натурального хозяйства так, видимо, и было. Но перед реформой обрабатываемой земли, т. е. пашни и сенокосов, в Виленской губернии было: у крестьян — 52,9%, а у помещиков — 47,1%⁶¹. Почти то же явление видим и в Гродненской губернии, где у крестьян было 55,8%, а у помещиков — 44,2% земель⁶². Всей земли (с лесом) у помещиков было 66,6%, а у крестьян — 33,4%⁶³.

Таким образом, к моменту реформы произошло существенное перераспределение земель в пользу помещиков. Масса крестьян оказалась лишённой земельных наделов вообще, а ещё бо́льшая часть крестьян была переведена на карликовые участки, не обеспечивавшие им прожиточного минимума.

Но общее сокращение крестьянского землепользования происходило не в условиях нивелирования крестьянских участков, а, наоборот, в условиях дифференциации. Нормальным крестьянским участком в Литве и Белоруссии считалась волюка, т. е. участок размером около 21 гектара. При слабой урожайности почв и низкой технике земледелия это был минимум. Однако размеры стандартного участка претерпели большие изменения. С одной стороны, они уменьшились для большинства крестьянства, с другой стороны, у меньшинства крестьян они значительно увеличились. Всё это, а тем более появление большого числа безземельных крестьян указывало на происходившую среди крестьян дифференциацию⁶⁴.

Наиболее различались по размерам крестьянские участки в Ковенской губернии — от 3 до 80 десятин. Для Шавельского и Тельшевского уездов в имениях крупных помещиков наиболее типичными были участки в 30—40 дес., но встречались и в 60—80 десятин. В Ново-Александровском и Вилькомирском уездах преобладали 20-десятинные участки, в Ковенском и Поневежском — по 15—20 десятин⁶⁵. Хуже всего были наделены землёй крестьяне мелкопоместных помещиков (имевших менее

⁵⁹ ГЦИА Литовской ССР, ф. КГГ, 1858 г., д. 1139.

⁶⁰ Там же, д. 1158, лл. 1—2.

⁶¹ Корева А. Указ. соч., стр. 486.

⁶² Бобровский П. Указ. соч. Ч. 1-я, стр. 761.

⁶³ Там же.

⁶⁴ К сожалению, никаких сводных статистических данных о размерах крестьянских участков нет, и мы пользуемся разрозненными данными, но и они достаточно убедительно показывают, как далеко зашла перед реформой дифференциация крестьян.

⁶⁵ Приложение к трудам Редакционных комиссий. Сведения о помещичьих имениях. Т. 6. Ковенская губ., стр. 29—31.

21 души крестьян). Чаще всего крестьяне этих помещиков обычно работали батраками.

Но безземельные крестьяне имелись не только в мелких имениях, но и в средних и крупных. Наибольшее число безземельных было в более развитых уездах губернии — Шавельском, Тельшевском и Поневежском: в Тельшевском (без семей) — 6801, в Шавельском — 7976 и в Поневежском — 8720 человек⁶⁶; общий процент безземельных помещичьих крестьян Ковенской губернии составлял перед реформой 22,1.

Следовательно, важнейшее условие существования феодально-крепостнической системы, т. е. наделение непосредственного производителя средствами производства вообще и землёй в частности, было основательно подорвано.

В Виленской губернии лучше всего были обеспечены землёй крестьяне средних помещиков (имевших 21—100 душ). В Свенцяном уезде 12,1% всех крестьян средних помещиков имели земли несколько больше 20 десятин. Значительно хуже в этой губернии были наделены землёй крестьяне крупнейших помещиков — князя Витгенштейна, графини Замойской, графа Чапского. Из 1212 крестьянских хозяйств, принадлежавших Витгенштейну, 11,4% имели от 1 до 7 дес.; 61,2% — от 10 до 14 дес., 26% — от 15 до 20 и 1,5% — свыше 20⁶⁷. У Замойской типичны были наделы в 12—16 дес.⁶⁸, у Чапского — 10 и 15⁶⁹. Как и в Ковенской губернии, в Виленской крестьяне мелкопоместных помещиков являлись преимущественно батраками⁷⁰. По Гродненской губернии в нашем распоряжении имеются только средние данные по отдельным уездам: в Сокольском уезде на двор в среднем приходилось 10,5 дес., в Слонимском — 18 десятин⁷¹. Всего безземельных крестьян перед реформой (без семей) в Виленской губернии насчитывалось 3924, в Гродненской — 12 853 и в Ковенской — 32 063 человека⁷².

Одним из наиболее частых поводов к крестьянским волнениям в описываемый период наряду с жестокостями помещиков и требованиями повинностей сверх инвентарных было обезземеление крестьян и перевод их на уменьшенные или худшие участки. Инвентарные правила 1844 г., как и правила губернских инвентарных комитетов белорусских и литовских губерний 1846 г., не устанавливали неотчуждаемости крестьянских земель (такое правило было осуществлено только для губерний Правобережной Украины). Однако под влиянием настойчивых требований крестьян неотчуждаемость была установлена в проектах инвентарных правил 1850—1854 годов.

Как указывалось выше, крестьянство Литвы и Западной Белоруссии уже перед реформой было глубоко дифференцировано. Разница между зажиточным крестьянином и безземельным батраком была огромная. Наиболее мощной была прослойка богатых крестьян в Жмуди, где преобладающим типом хозяйства являлась ферма.

Размер земельных владений фермера составлял обычно 30—40, иногда 70—80 десятин. Крестьяне-фермеры имели по 4—6 рабочих лошадей, 12—18 коров, много свиней и овец. Жили они в просторных домах, хорошо питались, одежду и обувь носили фабричного изготовления. Они владели улучшенным инвентарём и начали переводить своё хозяйство на многополье. Значительное количество льна, зерна и скота фермеры сбывали на рынок, создавая таким образом денежные накопления.

⁶⁶ ГЦИА Литовской ССР, ф. КГГ, 1858, д. 1147, л. 239.

⁶⁷ Приложение к трудам Редакционных комиссий. Сведения о помещичьих имениях. Т. 6. Виленская губ., стр. 2—16.

⁶⁸ Там же, стр. 23—27.

⁶⁹ Там же, стр. 6.

⁷⁰ ГЦИА Литовской ССР, ф. КГГ, 1858, д. 1147, л. 4—5.

⁷¹ Там же, д. 1143, ч. 1-я, л. 376, 390.

⁷² ГЦИА Литовской ССР, ф. КГГ, 1858, д. 1143, ч. 1-я, л. 239, 376, 390.

Хозяин фермы сам в работе уже не участвовал. Основные работы производились нанятыми батраками⁷³. Если фермер или вообще богатый крестьянин был обязан отбывать барщину, он обычно посылал вместо себя батрака.

Основная масса безземельных крестьян не имела даже своих собственных хат и жила в домах своих хозяев — помещиков и крестьян. В Виленской губернии 3578 батраков жили в домах хозяев и только 346 — в своих; в Гродненской губернии — соответственно 11 371 и 1073 и в Ковенской — 2417 и 1263. Обычно этих безземельных батраков называли кутниками, т. е. обитателями углов, бобылями, или паробками, что по-белорусски означает батрак.

Батраки, работавшие у помещиков, жили в домах-казармах. За работу они получали деньги, продукты, корм для своего скота и небольшой участок для посева. В 1859 г. в Юрбургском имении Васильчикова (Россиенский уезд, Ковенской губернии) батраки получали за год 24 руб. деньгами, продуктов на 52 р. 11 к., участок земли в 400 сажен для посева, корм для коровы и квартиру. Всего на 100 руб. серебром. За это батраки должны были работать на хозяина (в своей одежде) шесть дней в неделю и кроме того по праздникам поочередно присматривать за скотом. Летом каждый батрак обязан был на 60 дней поставлять себе помощника не моложе 18 лет или двоих моложе 18 лет⁷⁴.

У крестьян батраки жили обычно на чёрной половине дома, зимой вместе с козами, овцами, поросятами⁷⁵. В Тауроженском имении батрак крестьянина в 1859 г. получал за год 24 руб. деньгами, продуктов на 19 руб., участок земли в 300 сажен и квартиру — всего на 74 руб. Работать батрак должен был шесть дней в неделю⁷⁶.

К безземельным батракам очень близко примыкали огородники, т. е. крестьяне, имевшие хату и огороды, и вообще крестьяне, имевшие менее 10 десятин земли. Такие участки не могли прокормить семью, и крестьяне, сидевшие на них, вынуждены были искать себе заработков. Такие бедняки в Гродненской губернии составляли 25% крестьянства⁷⁷.

Хотя размер повинностей крестьян в пользу помещиков определялся инвентарём, но злоупотребления со стороны помещиков были неизбежны, и все расчёты имели совершенно формальный характер.

Крестьянские повинности делились на основные и добавочные. К основным относились барщина (пригон) и сгоны, или гвалты. Обычно нормой барщины с волоки было три дня мужских конных и три дня женских пеших в неделю — 312 дней в году. Но в отдельных уездах (Дисненский уезд, Виленской губернии) крестьяне в большинстве случаев отбывали с волока по 4 дня в неделю, т. е. по 516 дней в году. Нередки были случаи, когда по 3 дня в неделю отрабатывали с участков в 13 — 14 десятин. Так было в имениях Старины, Сосновщина, Рогозны, Петровщина, Красняны, Гелиянов, Берёзовка, Ситце, Дорошкевичи, Лонка, Дубичи, Беница, Вишнево, Поречье и др.⁷⁸ В Ковенской губернии, где земли были плодороднее и доход с участков выше, барщина с волоки отбывалась от 4 до 6 дней в неделю.

Вторым видом основной повинности были гвалты, или сгоны. Вместе с данинами, т. е. разнообразными вещественными сборами, гвалты были древнейшей повинностью крестьян. Гвалтом называли срочный выход всего трудоспособного населения на работу. Чаше всего гвалты применя-

⁷³ Петерсон Е. Указ. соч., стр. 194. ЦГИА Литовской ССР, ф. КГГ, 1858, д. 468, л. 14—17; Tripplin. Dziennik podrozy po Litwie i Zmudi, odbytej w roku 1856», str. 72—73. Włno. 1858.

⁷⁴ Петерсон Е. Указ. соч., стр. 154—155.

⁷⁵ Tripplin. Указ. соч., стр. 72—73.

⁷⁶ Петерсон Е. Указ. соч., стр. 175.

⁷⁷ См. Бобровский П. Указ. соч., стр. 812, 813.

⁷⁸ Приложение к трудам Редакционных комиссий. Сведения о помещичьих имениях. Т. 6. Виленская губ., стр. 6—23.

лись при уборке сена и урожая. В Виленской губернии гвалты обычно следовали с рабочей души, а в Ковенской они чаще отбывались с участка. С души следовало гвалтов от 4 до 24 дней в году, чаще всего 12 дней. В некоторых случаях, количество сгонов с души поднималось до 30 дней (имения Роговки, Поливень и Вошокляны в Ковенском уезде), до 36 (имения Аненово в Ковенском уезде) и даже до 54 дней (имения Швабишки в Ковенском уезде)⁷⁹. В некоторых имениях сгоны заменялись определёнными уроками: обработать 2 десятины земли, сжать и свозить с них урожай (имение Конюхи, Виленского уезда)⁸⁰, сжать по моргу озимого и ярового хлеба⁸¹ и т. д. Крестьяне ненавидели этот вид повинности более чем пригон и считали его самым обременительным и разорительным⁸².

Основными видами дополнительной повинности были шарварки (строительные работы) и подводная повинность (подорощина). Эти работы производились обычно после окончания полевых работ и отбывались чаще всего с двора. С участка следовало строительной повинности от 6 до 12 дней в году. Подводная повинность, или подорощина, заключалась в перевозке различных грузов. Везли груз обычно к морским портам или речным пристаням. Предельное расстояние устанавливалось в 300 вёрст в один конец. Наиболее трудными были нормы подводной повинности в Гродненской губернии. К дополнительным повинностям относились также ночной караул и женские работы, или услуги, заключавшиеся в прядении льна, выделке холстов и сукон. К ним же относились дани, или вещественные сборы⁸³. Дани, повидимому, имели тенденцию переходить с натуральной оплаты на денежную. Размеры денежной дани были очень разнообразны. В имениях Замойской, в Виленской губернии, денежная стоимость дани колебалась от 1 руб. 59½ коп. до 3 руб. 51½ копеек⁸⁴. В Ковенской губернии дани назначались от 2 до 24 руб., но чаще всего 8—12 рублей⁸⁵.

Особой повинностью были окурки (ночная молотьба сушёного хлеба) и сторожество. Сторожество заключалось в рубке и доставке дров на место, топке печей, присмотре за скотом и птицей, обработке, посадке, поливке и прополке огородов⁸⁶.

Перечисленные повинности шли с крестьян, имевших пашню. С огородников, т. е. с крестьян, имевших только усадьбы и огороды, повинности поступали пропорционально доходности их участков⁸⁷. Безземельные крестьяне обычно отработывали 8 дней в году. При оброчной системе, по правилам, крестьянин должен был отдать помещику ⅓ валового дохода с участка, фактически же помещик брал столько, сколько мог выжать из крестьянина.

Кроме утверждённых инвентарями повинностей, на крестьянах лежала масса других, вытекавших уже из экономической зависимости крестьян от их владельцев. Так, в случае неспособности крестьян уплатить государственные повинности за них платил помещик, но затем крестьяне должны были ему отработывать.

При бедности крестьян они часто и в обычные урожайные годы брали у помещиков займы хлеб или деньги, тем более это приходилось делать в

⁷⁹ Приложение к трудам Редакционных комиссий. Сведения о помещичьих имениях. Т. 6. Ковенская губерния, стр. 10—11.

⁸⁰ Там же. Виленская губерния, стр. 4, 5.

⁸¹ Там же, стр. 18, 19.

⁸² Журнал Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Т. I, стр. 316.

⁸³ Первое издание материалов Редакционных комиссий. Т. IV. Инвентарные правила, стр. 22.

⁸⁴ Приложение к трудам Редакционных комиссий. Сведения о помещичьих имениях. Т. 6. Виленская губ., стр. 22—27.

⁸⁵ Там же. Ковенская губ.

⁸⁶ Там же. Ковенская губ., Виленская губ., стр. 22—23.

⁸⁷ Первое издание материалов Редакционных комиссий. Ч. 4-я. Инвентарные правила, стр. 9.

неурожайные годы, когда масса крестьян голодала. Ссуды эти давались крестьянам на кабальных условиях. Всяческие долги и проценты по ним накапливались десятилетиями и достигали колоссальных размеров. Крестьяне в предреформенный период часто оказывались в подчинении у помещиков не только как у феодалов, но и как у ростовщиков. Помещики строго взыскивали свои ссуды⁸⁸.

В случае, если помещик почему-либо не имел возможности использовать крестьян на работе у себя в имении, он отправлял их на работу на сторону: на постройку железных и шоссейных дорог, на сплав леса и т. д. Это была одна из самых тяжёлых форм эксплуатации. Помещик получал от подрядчика плату за рабочих вперёд, и крестьяне должны были работать бесплатно.

Не считаясь ни с какими инвентарями и нормами повинностей, помещики беспощадно эксплуатировали своих крестьян, заставляя их работать на себя круглый год.

В августе 1857 г. крестьяне имения Струнойць, Свенцянского уезда, Виленской губ., жаловались, что их помещик Масловский заставлял их работать все дни недели, кроме воскресенья, и довёл их до полной нищеты⁸⁹.

Помещик Виленского уезда Даукша гнал на барщину «без изъятия и в неделю из хаты по трём людям или сколько в хате находится, а записывал в книгу у себя будто бы один человек из хаты отбывает в неделю пять дней барщины». Кроме того он требовал шарварков, гвалтов по 24 дня и отвезти 4 раза грузы в Вильно. Сверх того Даукша требовал с крестьян ещё яиц, цыплят, полотна, а если у тех не было, избивал их так жестоко, что несколько человек умерли, некоторые были изувечены, а часть разбежалась. Даукша сам собирал с крестьян государственные подати, но собирал без счёта, т. е. больше, чем сдавал государству. Хлеб, собранный крестьянами в общественный магазин, он продал⁹⁰.

Эксплуатация крестьян в предреформенные годы достигла предела. Помещики обременяли крестьян всевозможными повинностями, отбирали землю или переводили на худшие участки, истязали, насиловали женщин и девушек. Крестьяне на всё это отвечали сопротивлением, имевшим самые разнообразные формы. Огромное число крестьян убегало от своих помещиков. Только в 1854 г. было задержано в трёх губерниях 2646, а в 1856 г. — 2177 человек⁹¹. Но недовольство крестьян проявлялось не только в пассивной форме. В целом ряде имений, преимущественно крупных, происходили активные выступления крестьян. Крестьяне оказывали сопротивление не только администрации имений, но и воинским командам, посылавшимся на их усмирение. Обычно крестьяне требовали перевода их в государственные или освобождения. Крупные волнения крестьян происходили в 1857 — 1861 гг. в имении Савичуны (Вилькомирский уезд, Ковенской губернии), принадлежавшем помещику Помарнацкому. Волнения в этом имении продолжались более трёх лет. Крестьяне держались очень стойко, несмотря на все применённые к ним репрессии. За три года они подали четыре жалобы императору. Крестьяне этого имения, бывшие частично на оброке, частично на барщине, отказывались выполнять барщину и заявляли, что больше не позволят наказывать себя. Они оскорбляли управляющего, а когда помещик вызывал одного, приходили все, чтобы уберечь товарища от репрессий. Прибывший в имение исправник сам ничего не смог сделать и попросил у Назимова воинскую команду. В имение была направлена комиссия, но и она ничего не добила. Тогда

⁸⁸ ГЦИА Литовской ССР, ф. КГГ, 1860, д. 500, л. 17—18; ЦГИАЛ, ф. Департамента законов Государственного совета, 1855, д. 28—31, л. 386.

⁸⁹ ГЦИА Литовской ССР, ф. КГГ, 1857 г., д. 449, л. 6; ЦГИАЛ, ф. МВД, ДПИ, 1858, д. 554, л. 2.

⁹⁰ Там же, 1857, д. 491, л. 1.

⁹¹ ЦГИАЛ, ф. МВД ДОД. Отчёты губернаторов.

Назимов послал чиновника особых поручений майора Михнева, а ковенский губернатор — жандармского полковника Скворцова. Они признали, что помещик неправ (повинности потребовались сверх инвентаря), но всё же наказали крестьян и потребовали, чтобы те пошли на барщину. Крестьяне отказались, и тогда весной 1858 г. в имение был направлен эскадрон кавалерии. Солдаты заставили крестьян работать, но «дух непокорности» у них остался. В октябре 1860 г. воинская команда всё ещё была в имении. Она совершенно разорила крестьян, но «дух непокорности» в них всё ещё жил⁹². Подобные же волнения происходили в имении Бытень, Гродненской губернии⁹³, Юрбургском майорате (Ковенская губерния)⁹⁴ и др.

В заключение можно сказать, что в Литве и Западной Белоруссии предреформенных лет были подорваны все основные устои феодально-крепостнической системы: хозяйство быстро превращалось из натурального в товарно-денежное, значительная масса крестьян была лишена всех средств производства, техника хозяйства сделала значительные успехи, личная зависимость верхушки крестьян от власти помещиков сильно ослабла. Всё это с наибольшей силой проявилось в западных уездах Литвы и Белоруссии.

В связи с ростом товарности хозяйства помещики стали проводить в своих имениях ряд рационализаторских мероприятий. Важнейшим из них была ликвидация чересплосицы. На практике уничтожение чересплосицы означало массовый перевод крестьян на худшие участки, уменьшение размеров участков и, наконец, сгон крестьян с земли и превращение их в безземельных батраков. Такого рода «рационализация» естественно вызвала энергичное сопротивление крестьян. Кроме того массовое обезземеление вызвало тревогу и у правительства.

Желание получить право неограниченного распоряжения всей землёй имения (так же, как и желание получить в собственность всё недвижимое имущество крестьян) было важнейшим обстоятельством, заставившим помещиков поставить вопрос о переводе повинностей на чинш, а затем об освобождении крестьян. Требуя освобождения крестьян, помещики в то же время хотели освободиться от всех обязанностей в отношении к крестьянам, т. е. от ответственности за уплату податей и от обязанности кормить крепостных во время голода. В то же время помещики были уверены, что, лишённые всех средств производства и даже прав на свои усадебные постройки, крестьяне и после «освобождения» будут в полной зависимости от них. В новом, рационализированном юнкерском поместье бывшие крепостные должны были стать кабальными арендаторами или батраками, и производительность труда таких арендаторов должна была быть значительно выше, чем крепостных.

Выступления крестьян против помещиков, ставшие особенно частыми в последние годы перед реформой, дезорганизовывали помещичье хозяйство; в обстановке хронически бунтовавшей деревни помещики не успевали во-время ни посеять, ни убрать урожай, кроме того это движение грозило существованию всего господствовавшего строя.

Все эти обстоятельства и заставили помещиков Литвы и Белоруссии поставить вопрос о ликвидации крепостного права.

⁹² ГЦИАЛ Литовской ССР, ф. КГГ, 1857 г., д. 502.

⁹³ Жидкова З. Указ. соч., стр. 362—369.

⁹⁴ Там же, стр. 428—435.

ИЗ ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПАЛЕСТИНОЙ

(1919—1930)

П. Осипова

События последних лет в Палестине, в особенности со времени решения II Генеральной ассамблеи организации Объединённых наций о разделе Палестины на два самостоятельных государства, показали что позиция Англии и США в палестинском вопросе целиком определяется интересами ближневосточной политики этих стран.

Пристальным вниманием к себе со стороны Англии и США Палестина обязана как близостью к источникам нефти, так и первостепенным стратегическим значением палестинского плацдарма в борьбе за мировое господство. Палестина сама, как известно, почти не имеет нефти, но соседние с нею арабские страны: Саудовская Аравия, Ирак и Сирия — обладают её богатейшими запасами. Кроме того Палестина — важнейшее звено в коммуникациях Британской империи. Она образует как бы «предмостное» укрепление к Суэцкому каналу и является центром британских позиций на Ближнем и Среднем Востоке, в Индии и в Австралии. «Весь район, — писал Эмери о территории, лежащей между Ливаном и Персидским заливом, — образует одну политическую и стратегическую проблему, возможно самую важную из тех, которые наша политика может направлять в ближайшем будущем. Ключевая позиция всего района — Палестина, прикрывающая Суэцкий канал с севера: с неё начинается воздушный путь и будущая железная дорога от Средиземного моря к Индии»¹.

Английскому тресту — Иракской нефтяной компании — принадлежит нефтепровод, по которому передаётся нефть из Киркука (в Ираке) на расстояние в 1200 миль. Одним своим концом нефтепровод выходит в палестинский порт Хайфу. В самой Палестине протяжённость нефтепровода составляет всего лишь 40 миль. Иракская нефтяная компания имеет в Хайфе свой собственный аэродром. Английское правительство затратило миллион фунтов стерлингов на реконструкцию хайфского порта. В настоящее время Хайфа — одна из лучших морских и воздушных баз в Средиземном море.

Всё это придаёт Палестине особо важное значение в глазах капиталистических держав, борющихся за мировое господство. «Палестина стала военным вакуумом, и если Британия уйдёт оттуда, другая держава войдёт туда».

В июле 1913 г. Уинстон Черчилль, тогда первый лорд адмиралтейства, с большой откровенностью сформулировал цели британского империализма в борьбе за нефтяные месторождения. «Мы должны, — говорил он, — черпать наши запасы нефти на таком большом расстоянии, какое только возможно, из источников, находящихся под британским контролем или британским влиянием и вдоль тех морских и океанских путей, которые наиболее доступны и наиболее обеспечиваются защитой флота»². А в 1937 г. в специальном меморандуме королевской комиссии, составленном в связи с обследованием событий в Палестине (цель этого

¹ Main E. «Palestine at the crossroad», p. 46.

² См. «The annals of the American Academy of political and social science». November 1932. p. 117.

меморандума, по признанию его автора, Герберта Сайдеботама³, состояла в освещении вопроса исключительно с точки зрения британских имперских интересов), экспансионистские империалистические цели Англии в Палестине были сформулированы гораздо более отчётливо, хотя британское правительство и стремилось изо всех сил придать им сугубо «оборонительный» характер. «Не будет преувеличением сказать,— гласил меморандум,— что если бы война не толкнула нас в Палестину, нынешний неустойчивый мир мог вынудить нас вступить туда... мы вступили туда во время войны потому, что считали недопустимым, чтобы наша главная линия коммуникаций с Востоком проходила между двумя воюющими фронтами... Точно такие же соображения, которые делают необходимым дружественный Египет на одной стороне канала, делают равно необходимой дружественную Палестину на другой. Границы Египта тянутся за восточной стороной канала, но опыт показывает, что невозможно удерживать этот далёкий берег... без проектирования нашей оккупации ещё дальше и включения по меньшей мере всей южной части Палестины, которая на протяжении веков играла такую важную роль в военной истории»⁴. Рассуждения, приводимые в меморандуме, никого не могут обмануть. Главное назначение всех этих разглаговольствований о необходимости «обороны» заключается прежде всего в том, чтобы прикрыть подлинные планы Англии о превращении Палестины и всего Ближнего Востока в базу антисоветских интриг и в плацдарм для нападения на Советский Союз.

В течение долгого времени в палестинских делах явно недооценивалась роль США. Между тем американский империализм уже давно играет активную роль на Ближнем Востоке. По мере того, как возрастал интерес к Палестине со стороны английских нефтяных компаний⁵, усиливался интерес и американских нефтяных компаний к нефти Ирака, а позднее и к богатейшим нефтяным залежам Саудовской Аравии.

В 1908 г. президент США Теодор Рузвельт послал в Турцию адмирала Честера. Последний вёл переговоры о железнодорожных и нефтяных концессиях. Начавшаяся мировая война и сопротивление европейских держав сорвали переговоры и на время отодвинули эти планы. Однако с того времени правительство США стало играть видную роль в международной борьбе за нефть, в первую очередь за нефть Ирака, а позднее во всех дипломатических контроверзах по поводу ближневосточных мандатов.

В значительной степени из нефтяных интересов родилась и активная поддержка Америкой английского плана создания в Палестине еврейского национального очага.

Первая мировая война закрепила власть Англии над месопотамской нефтью и контроль над её транспортными путями. Вопреки соглашению «Сайкс-Пико», предусматривавшему переход Мосула под французский контроль, он в 1918 г. был занят англичанами. Достигнутое в итоге англо-французской борьбы в Сан-Ремо соглашение (24 апреля 1920 г.) было заключено также к явной выгоде Англии. Однако на этот раз английская нефтяная политика на Ближнем Востоке встретила серьёзные препятствия со стороны нефтяных трестов США, особенно заинтересованных в мосульской нефти.

³ Видный английский буржуазный журналист, сотрудник «Sundy Times», «Daily Telegraph», «Times», «Daily Chronicle» и др.

⁴ Sidebotham H. «British imperial interests in Palestine», p. 2, Printed and published for the British Palestine Commission. Letchworth. England. 1937.

⁵ Ввиду огромной протяжённости морских коммуникаций Британской империи близость источников нефти к её военно-морским базам имеет для Англии первостепенное значение. Вот почему вопрос о снабжении нефтью военно-морских баз на Средиземном море — жизненной артерии Британской империи — с начала XX в. стал главным и определяющим в нефтяной политике английского империализма.

В течение всего 1920 и 1921 гг. вопрос об экономических правах держав-мандатариев на подмандатных территориях был предметом оживлённой дипломатической переписки между правительствами США и Англии.

Развернувшаяся по этому вопросу переписка свидетельствовала о твёрдом намерении американского правительства отвоевать нужные позиции и оттеснить выскочившего вперёд английского соперника. Внешне, однако, США выступали под флагом соблюдения мандатного принципа. Известно, что вильсоновские требования экономического равенства и «открытых дверей», являвшиеся центральным вопросом всей дискуссии о колониальных мандатах на Парижской мирной конференции 1919 г. (как и другие лицемерные требования «защиты интересов туземцев», выдвинутые Вильсоном в «14 пунктах»), были продиктованы стремлением США к экономическому проникновению в колонию. Добиваясь «открытых дверей», американский империализм рассчитывал, что его экономическая мощь в конечном счёте позволит ему вовсе избавиться от конкуренции в колониях. Протестуя против англо-французского соглашения о месопотамской нефти, Дэвис, например, писал, что подобная позиция британского правительства приведёт к серьёзному нарушению мандатного принципа экономического равенства держав, «который принят в целях устранения в будущем некоторых главных причин международных разногласий». «Нельзя игнорировать тот факт, — указывалось в ноте государственного секретаря США Кольби, — что отмеченные ресурсы Месопотамии интересуют общественное мнение США, Великобритании и других стран как потенциальный объект экономической борьбы»⁶.

В начале 1923 г. английское правительство снова столкнулось с резким противодействием США английским планам в отношении Мосула. На Лозаннской конференции Керзон настаивал на законности концессии так называемой Турецкой нефтяной компании (являвшейся фактически английской и получившей в 1914 г. от турецкого правительства обещание предоставить ей монопольное право эксплуатации месопотамской нефти), в то время как американцы оспаривали правомочия англичан, утверждая, что со стороны турецкого правительства в 1914 г. не последовало никакого предоставления концессии, а имело место лишь неопределённое обещание концессии в будущем. Американская делегация представила меморандум, в котором отвергла особые права этой нефтяной компании и настаивала на принципе «открытых дверей» для американских компаний.

В 1928 г. Турецкая нефтяная компания была реорганизована в Иракскую нефтяную компанию. 23,50% акций этой компании принадлежало двум рокфеллеровским компаниям — «Стандарт ойл компани оф Нью Джерси» и «Сокони-Вакуум».

Соглашением между иракским правительством и Иракской нефтяной компанией от 24 марта 1931 г. был пересмотрен и заменён ряд статей важного соглашения иракского правительства с Турецкой нефтяной компанией от 1925 года⁷. Специальная статья соглашения 1931 г., предусматривавшая значительное расширение площади концессии, обязывала Иракскую нефтяную компанию построить нефтепровод с пропускной способностью не менее 3 млн. тонн в год. 5 января 1931 г. представитель Иракской нефтяной компании подписал с верховным комиссаром Палестины конвенцию, регулирующую транзит нефти через Палестину. Ирак-

⁶ Department of State. Washington. «Mandate for Palestine». Prepared in the division of Near Eastern affairs, p. 31, 39.

⁷ Соглашение от 14 мая 1925 г. об условиях эксплуатации нефти и её транспорта из Ирака, через нефтепровод, было принято после долгой и острой борьбы между Англией и США и Англией и Ираком. Переговоры с иракским правительством длились около двух лет. Турецкая нефтяная компания представила свои предложения ещё в 1923 году.

ская нефтяная компания, согласно конвенции, получала исключительные экономические и финансовые привилегии, в том числе право закончить нефтепровод по своему усмотрению в любом пункте побережья Палестины, право строительства одного или нескольких портов, гаваней и т. п. Важное значение имел также пункт соглашения, по которому компании передавалось право пропуска судов в эти порты. Железные дороги Палестины на весь период прокладки нефтепровода предоставлялись в распоряжение компании по специальным тарифам, устанавливаемым компанией по соглашению с верховным комиссаром. Компания почти полностью освобождалась от всякого рода обложений, от земельных налогов⁸ и пошлин, налогов на доход, от импортных и транзитных пошлин. Компания получала право проводить собственные телеграфную и телефонную линии, иметь собственную радиостанцию, пользоваться всеми видами транспорта, всеми необходимыми материалами вплоть до рубки государственных лесов, использовать воду озёр и рек, засыпать и бурить колодцы и т. д. В то же время обязательства компании перед палестинским правительством были весьма умеренными; она обязывалась не принимать никаких работ на землях, прилегающих к святым местам или к местам, связанным с древностью, и использовать на своих работах местную рабочую силу. Но при этом была принята весьма эластичная оговорка о праве компании в случае недостатка местной рабочей силы ввозить последнюю. В договоре отсутствовали даже гарантии охраны имущества населения, через чьи земли проходила трасса нефтепровода (в Палестине нефтепровод проходит через цветущий сельскохозяйственный район), гарантии по охране вод озёр и рек, что в условиях палестинского земледелия играет исключительно важную роль. Единственное указание на необходимость «умеренного» пользования водой компанию ни к чему, понятно, не обязывало. Конвенция значительно укрепила экономические позиции британского империализма в Палестине; английское правительство связывало с постройкой нефтепровода большие военные и стратегические планы.

США ответили на заключение этой конвенции активизацией своей нефтяной политики. Вскоре они стали крупной нефтяной державой на Ближнем Востоке. В 1932 г. американцы получили концессию на Бахрейне, а в 1933 г. — исключительное право на нефтяные концессии Саудовской Аравии (сроком по 1999 г.). Через Иракскую нефтяную компанию американские нефтяные компании, как и английские и французские, создали дочерние предприятия в Палестине, Сирии, Ливане и Египте. Власть этих нефтяных монополий исключительно велика: она распространяется на коммуникации, воздушные базы и порты⁹.

Англо-американские нефтяные противоречия в Палестине не ослабевали на протяжении всего существования мандата и продолжают и в настоящее время. Со свойственным ему напором американский империализм быстро отвоевал исходные позиции для более решительного наступления на Англию на Ближнем Востоке и стал играть там одну из главных ролей. В зависимости от обстоятельств отношения английских и американских нефтяных монополий и стоящих за их спиной правящих кругов Англии и США принимают форму то полюбовной сделки, то открытой борьбы.

В самом начале войны 1914—1918 гг., когда Турция угрожала жизненным коммуникациям Британской империи, англичане, желая привлечь

⁸ В 1953 г. компания владела близ Хайфы 2250 дунамами земли, свободной от налогов. Дунам=¼ акра.

⁹ Во время второй мировой войны американцы для более интенсивной эксплуатации нефтяных ресурсов Саудовской Аравии запроектировали строительство огромного нефтепровода из Саудовской Аравии через Палестину к средиземноморскому побережью и постройку нефтеочистительного завода в Хайфе.

на свою сторону арабов, обещали им за помощь против турок создание независимого арабского государства в границах, предложенных Хусейном, шерифом Мекки. В октябре 1915 г. британский комиссар в Египте Мак-Магон в переговорах с Хусейном согласился признать границы будущего арабского государства, в состав которого должна была войти и Палестина, хотя определённое соглашение между ними не было заключено¹⁰.

Одновременно с переговорами с Хусейном англичане вели переговоры с французами. Уже в мае 1916 г. между ними было подписано так называемое соглашение «Сайкс-Пико», по которому Палестина исключалась из предполагаемого арабского государства и должна была после войны отойти под «международный контроль» (Англии, Франции и России). И, наконец, 2 ноября 1917 г. в известной декларации министра иностранных дел Бальфура в форме письма к банкиру Ротшильду последовало обещание создать в Палестине национальный еврейский очаг. Таким образом, во время войны английское правительство дало три противоречащих друг другу обязательства относительно Палестины.

Осенью 1917 г. войска генерала Алленби перешли в наступление в Палестине. В опубликованной в это время декларации Бальфура заявлялось: «Правительство его величества относится благосклонно к созданию в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для облегчения осуществления этой цели. При этом, разумеется, не может быть допущено никаких нарушений гражданских и религиозных прав существующих в Палестине нееврейских народностей или прав и политического положения евреев в других странах». Обещание было сформулировано в нарочито туманной форме, которая в дальнейшем позволила дать декларации иное толкование.

Этот «жест» в отношении евреев был продиктован сугубо политическими мотивами. Он был рассчитан на впечатление среди мирового еврейства (евреев союзных стран и евреев враждебной Германии) и в первую очередь на получение финансовой помощи от американских евреев¹¹. Разумеется, главный мотив был не в этом. Английский империализм стремился использовать притязания буржуазных сионистов на Палестину. Создавая с помощью сионистов национальный очаг в Палестине, английский империализм отчётливо преследовал две цели: превращение Палестины в английскую колонию и в оплот борьбы с национально-освободительным движением в арабских странах и укрепление своих позиций по отношению к Суэцкому каналу. Английское правительство категорически противилось всякому иному решению вопроса о Палестине, в частности резко возражало против французских планов расширения границ Сирии. Не случайно именно французское правительство возражало на конференции в Сан-Ремо против включения декларации Бальфура в мандат.

Мотивами в защиту декларации Бальфура были указания на исторические связи еврейского народа с Палестиной и на его цивилизаторскую роль. Расчёты английского правительства на эффект от этой декларации,

¹⁰ Из письма Хусейна от 14 июля 1915 г. следует, что арабские вожди требовали включения Палестины в независимое арабское государство («Great Britain and Palestine». The Royal institute of International affairs. 1937, p. 11). Позднее, желая воспользоваться содержащейся в ответном письме Мак-Магона Хусейну (24 октября 1915 г.) оговоркой об исключении из состава будущего арабского государства территорий, лежащих к западу от линии Алепо — Хама — Хоме — Дамаск, Черчилль в меморандуме от 3 июня 1922 г. заявил, что претензии арабов основываются на неправильном толковании письма Мак-Магона и что имеющаяся в этом письме оговорка постоянно рассматривалась английским правительством как исключая также и Палестину из обещаний Мак-Магона.

¹¹ Подобное же обещание содержалось и в резолюции американского конгресса в октябре 1922 г., заявлявшей, что «США относятся сочувственно к основанию в Палестине национального очага для евреев». 26 декабря 1918 г. американский конгресс евреев выступил с декларацией, высказывавшейся в пользу Англии как мандатария Палестины.

которая, как и обещания арабам, была в то же время и «военным мероприятием», оказались правильными; впрочем, сионисты при этом преследовали значительно дальше идущие цели. Это подтвердилось на мирной конференции 1919 г., где на вопрос государственного секретаря США Лансинга о том, что означает еврейский национальный очаг, президент всемирной сионистской организации Вейцман ответил: «В конечном счёте там (в Палестине.— П. О.) должны быть созданы такие условия, при которых Палестина должна стать еврейской, как Америка является американской и Англия английской». Лансинг согласился с такой интерпретацией вопроса о Палестине и вскоре публично заявил: «Я убеждён, что союзные народы с полного согласия нашего собственного правительства и народа ответят, что в Палестине должны быть заложены основы для будущего еврейского государства»¹².

Включение декларации Бальфура в преамбулу палестинского мандата породило ряд дополнительных противоречий и прежде всего дало основание утверждать, что создание национального еврейского очага составляет главную цель мандата. Во всех других мандатах группы «А» действительные аннексионистские цели прикрывались лживым заверением о стремлении мандатария обеспечить «благополучие» всего местного населения, но в мандате на Палестину они были представлены, как правильно отмечает один из видных апологетов мандатной системы, Стояновский, «также и, возможно главным образом, в интересах народа, чьи связи с Палестиной уже признаны, но который ещё находится за её пределами»¹³.

Декларация Бальфура, задуманная как предлог для фактического превращения Палестины в английскую колонию, была положена в основу мандата и обусловила передачу мандата на Палестину именно Англии. Эти подлинные расчёты английского империализма, лежавшие в основе декларации Бальфура, подчеркнул и английский представитель Ормсби-Гор, который на заседании мандатной комиссии Лиги наций 27 октября 1925 г. заявил: «Декларация Бальфура была причиной того, что британское правительство ныне управляет Палестиной»¹⁴.

Статья 22-я устава Лиги наций лицемерно ограничивала обязанности мандатариев группы «А» на подмандатных территориях «административным советом и помощью». Разумеется, ни один мандатарий не принимал всерьёз этой оговорки, справедливо рассматривая её лишь как формальную «дань времени». Но Англия и здесь получала исключительные права: статья 95-я Севрского договора возлагала на мандатария Палестины всю ответственность за осуществление декларации Бальфура об учреждении в Палестине национального очага для еврейского народа, а статья 1-я мандата наделяла мандатария всей «полной законодательной и административной властью».

В мандате на Палестину содержались определённые указания на обязательства мандатария. Статья 2-я гласила: «Мандатарий должен быть ответственен за приведение страны в такие политические, административные и экономические условия, которые сумеют обеспечить учреждение национального еврейского очага, как это изложено во введении». Статьи 4, 6 и 11-я предусматривали официально признанное существование еврейского агентства для консультирования и сотрудничества с палестинской администрацией в вопросах, касающихся национального очага и еврейского населения.

Если сионисты с полным основанием апеллировали к первой части декларации Бальфура, то с не меньшим основанием арабы апеллировали ко второй её части, которая утверждает, что другие народности —

¹² Gervasi F. «To whom Palestine?», p. 189. New York. 1946.

¹³ См. Steyanovsky J. «The mandate for Palestine», p. 42. London. 1928.

¹⁴ Société des Nations. Commission permanente des mandats. Procès-verbaux de la septième session. Octobre 1925, p. 111.

арабы и христиане («нееврейские общины») — не должны терпеть ущерба от национального очага. Что касается английского правительства, то двусмысленность декларации, включённой в мандат, даже благоприятствовала ему: создавалась «законная» опора для двойственной политики мандатария.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и последовавшего в дальнейшем отказа Советской России признать мандатную систему¹⁵ политическая активность и национальное самосознание и арабов и евреев значительно усилились.

В докладе на 2-м конгрессе Коммунистического Интернационала Ленин характеризовал положение подмандатных территорий как стран «с юридически бесправным населением... на которые выдан «мандат» финансовым разбойникам»¹⁶.

В беседе с иностранными рабочими делегациями 5 ноября 1927 г. И. В. Сталин говорил: «Советский Союз... не хочет брать на себя ответственности за империалистическую политику Лиги Наций, за «мандаты», которые выдаются Лигой Наций на предмет эксплуатации и угнетения колониальных стран»¹⁷.

Благоприятствовавшая вначале евреям интерпретация декларации Бальфура содействовала притоку еврейских иммигрантов. Правила о регулировании еврейской иммиграции основывались на пункте 6-м палестинского мандата, который обязывал палестинскую администрацию в сотрудничестве с еврейским агентством содействовать «компактной колонизации евреями страны, включая сюда государственные и пустынные земли, не отчуждённые для общественных целей». Но под влиянием серьёзных волнений среди арабов и поддерживавших их кругов в Colonial Office, английское правительство выступило в дальнейшем с программой ограничения иммиграции. В Белой книге Черчилля в 1922 г. задача ограничения иммиграции формулировалась следующим образом: «Иммиграция в целом не может быть так велика, чтобы превысить экономическую способность страны в каждый данный момент поглотить вновь прибывающих». Вначале под этим термином подразумевались чисто экономические условия — естественные и финансовые ресурсы страны. Официальным критерием для регулирования еврейской иммиграции в Палестину являлась «экономическая способность» страны¹⁸.

Однако с ростом еврейского и арабского населения всё более явно вырисовывался политический аспект этой проблемы. Быстрый рост еврейского населения, сопровождавшийся притоком американского, английского и еврейского капиталов, вызывал усиливавшиеся протесты со стороны арабов. Арабские националисты настаивали на прекращении еврейской иммиграции, утверждая, что она ведёт к численному превосходству евреев, которое в конечном счёте серьёзно угрожает арабам. В наиболее острой и конфликтной форме недовольство арабов проявилось в антиимпериалистических восстаниях 1920, 1921, 1929, 1933 и 1936 гг. против Англии, сопровождавшихся в ряде случаев арабо-еврейской резнёй — тем руслом, в которое колониальная администрация всегда стремилась направить возмущение и гнев обезземеленных и жестоко эксплуатируемых арабских крестьян и трудящихся евреев против английского империализма.

¹⁵ «Палестина и Сирия в настоящее время находятся в так называемом мандатарном состоянии. Российское правительство не признаёт этой новой формы международного положения» (нота представителя РСФСР в Лондоне Красина министру иностранных дел Великобритании Керзону, 18 мая 1923 г. «Внешняя политика СССР». Сборник документов. Т. II, стр. 783).

¹⁶ Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 338.

¹⁷ «Правда» от 13 ноября 1927 года.

¹⁸ Этот принцип в дальнейшем неоднократно подтверждался в ряде официальных документов, в том числе в изданном в 1933 г. указе об иммиграции и др.

Иммиграция в Палестину, которой фактически руководили буржуазные сионистские организации, носила открыто капиталистический характер. Изданный в 1933 г. указ об иммиграции делил иммигрантов на несколько категорий в зависимости от имущественного положения. Лица первой категории должны были владеть капиталом не менее тысячи фунтов стерлингов. Английские колониальные власти допускали въезд евреев, удовлетворявших требованиям о наличии капитала, и ограничивали фактически только четвертую категорию иммигрантов — рабочих, прибывавших в Палестину по специальному списку рабочих (Labour Schedule). Именно для этой части иммигрантов вытаскивалась пресловутая теория «способности поглощения». Отбор иммигрантов фактически вело еврейское агентство, отдававшее предпочтение сионистски настроенным элементам.

После начавшихся в гитлеровской Германии гонений на евреев еврейская иммиграция в Палестину стала быстро расти. Вместе с «нелегальной» иммиграцией общее количество иммигрантов за 1933—1935 гг. составило 140 тысяч. Поддержание иммиграции на уровне этих лет должно было через 25 лет привести к численному паритету евреев и арабов¹⁹.

Острым вопросом, разделявшим евреев и арабов в Палестине, явился вопрос о земле. Арабская буржуазия и крупные феодалы (им принадлежит около половины всей обрабатываемой земли) утверждали, что возможности Палестины принять новых еврейских иммигрантов уже исчерпаны²⁰. Однако при всей бедности почвенных и климатических условий Палестины очевидно, что еврейская иммиграция туда не угрожала местному трудящемуся населению. Основная масса арабских крестьян почти лишена земли и вынуждена арендовать её на кабальных условиях у арабских помещиков.

Самую значительную часть ещё молодого арабского рабочего класса составляют сельскохозяйственные рабочие. Рабочий класс Палестины численно вырос после первой мировой войны. Вследствие своей слабости он долгое время не выступал в качестве самостоятельно организованной силы. Руководство антиимпериалистическими восстаниями и сравнительно часто вспыхивавшими забастовками принадлежало феодально-буржуазному крылу национального движения. Немногие возникшие после войны союзы (печатников и возчиков) были значительно слабее даже сирийских, не говоря уже о египетских, и вскоре распались.

Следует отметить, что до декларации Бальфура и даже в последующие несколько лет отношения между арабами и евреями были мирными. Резкое ухудшение отношений между ними, доходившее до открытой вооружённой борьбы, и категорический отказ от сотрудничества начались именно со времени установления мандата.

Арабские националисты категорически отказывались признать законность декларации Бальфура. Военные обещания, утверждали они, были даны без согласия палестинского населения. Сионисты же утверждали, что Палестина не была обещана Мак-Магоном арабам, и под-

¹⁹ С 1922 по 1939 г. сильно возросло и арабское и в особенности еврейское население Палестины. В 1922 г. там насчитывалось 589 177 арабов и 83 790 евреев. В начале 1939 г. число арабов почти удвоилось и составило около миллиона, а еврейское население увеличилось в шесть раз — 530 тыс. человек. Еврейская иммиграция сопровождалась значительным притоком капитала. С 1933 по 1938 г. импорт капитала в Палестину составил около 47 млн ф. ст. Еврейские капиталисты, иммигрировавшие в Палестину из Германии, с ноября 1933 по середину 1939 г., перевели в Палестину 138 млн марок. В 1933 г. иммиграция еврейских капиталистов из Германии в Палестину составила 55% всего числа иммигрировавших капиталистов, в 1934 г. — 43%, в 1935 г. — 29%, в 1936 г. — 59%, в 1937 г. — 68% и в 1938 г. — около 65% («Palestine News», Vol. V, 1939, p. 169—170).

²⁰ За всё время еврейской иммиграции в Палестину до 1936 г. общая площадь земли, находившейся во владении евреев, достигала 1480 тыс. дунамов, что составляло всего лишь 6% всей земельной площади, или около 25% всей пригодной к обработке земли.

чёркивали помощь евреев в завоевании Палестины, ссылаясь при этом на заявление генерала Аленби ²¹.

Внедрение сионистского (в конечном счёте того же английского и американского) капитала в Палестину бесспорно способствовало капиталистическому развитию страны. Последнее не отрицали и арабы, испытывавшие на себе вместе с еврейским пролетариатом Палестины весь гнёт этой односторонней колониальной «цивилизации», а официальные представители английских правящих кругов эту «миссию», по понятным соображениям, прямо превозносили. Ещё в 1922 г. Уинстон Черчилль заявил в палате общин, что «предоставленные сами себе палестинские арабы и в тысячу лет не добились бы такого успеха в ирригации и электрификации Палестины». Ирригационные работы в Палестине действительно значительны. Но при этом следует принять во внимание ничтожно низкий исходный уровень этого развития.

До первой мировой войны в Палестине почти не было промышленных предприятий — имелись лишь несколько свечных, мыловаренных и деревообделочных заводов, предприятия, производившие строительные материалы, и мелкие кожевенные, текстильные и пищевые предприятия. Со времени первой мировой войны в Палестине стала развиваться химическая, строительная, цементная, текстильная промышленность, добыча поташа, развивалась крупная внешняя торговля, в особенности с Англией и США. Большая часть промышленных предприятий в Палестине принадлежит еврейской буржуазии.

Вывоз поташа и брома — ценных минеральных ресурсов, которыми богато Мёртвое море, — играл видную роль в индустриальном экспорте Палестины. Огромную долю палестинского экспорта составили апельсины и лимоны. Большая часть импорта в Палестину шла из Англии и Германии. По всем видам машин, за исключением электрических (половина всего импорта электрических машин и приборов английского происхождения), главное снабжение в Палестину шло из США. Экономика Палестины подчинена английскому и американскому капиталам, хотя удельный вес туземного капитала возрастает.

Большинство банков Палестины находится в тесной зависимости от иностранных банков ²². Английские власти в Палестине, разумеется, всемерно содействовали иностранным инвестициям, и в первую очередь английским, и тормозили рост местной промышленности, задерживая экономическое развитие страны. Национальный еврейский очаг Палестины создан в значительной степени на средства от займов английских и американских банков и в некоторой степени от денежных сборов различных филантропических обществ, главным образом американских. Англичане считают, что больше половины этих сумм — 60% — составляет американская помощь и только около 40% — собственные средства палестинских евреев; согласно официальным данным, США посылали ежегодно в Палестину пять с половиной млн. долларов ²³.

Проникновение капиталистических элементов в сельское хозяйство Палестины (хотя при этом в арабской палестинской деревне продолжают и до настоящего времени сохраняться феодальные отношения) усилило заинтересованность арабской буржуазии во внешнем рынке. Примерно с 1925 по 1927 г. эта новая арабская буржуазия берёт курс на отказ от политики «non-cooperation» — несотрудничества, и становится провод-

²¹ Последний в 1925 г. в речи на открытии еврейского университета заявил, что без моральной и материальной поддержки сионистов завоевание Палестины было бы невозможно.

²² Крупнейшие иностранные банки Палестины: Англо-палестинский, имеющий отделение в Лондоне. Тель-Авиве, Яффе, Иерусалиме, Хайфе и др.; Барклей-банк с отделениями в Иерусалиме, Хайфе, Тель-Авиве, Наблусе, Акре, Газа; Банко ди Рома; Оттоманский банк и др. («Palnews», 1939. Vol. V, p. 48).

²³ Williams - Thompson R. «The Palestine problem», p. 71. London.

ником реформистского течения в национальном движении, выступающего за соглашение с европейским капиталом и в первую очередь с английским империализмом.

Первые волнения среди арабов, вызванные решением конференции в Сан-Ремо о передаче Палестины под английский мандат и заявлением Вейцмана на мирной конференции, имели место в апреле 1920 года. Движение протеста против мандата особенно усилилось под влиянием успехов арабского национально-освободительного движения в Ираке и Сирии.

Незадолго до окончания военного режима в Палестину был послан со специальным заданием лидер английских либералов Герберт Самюэль. 1 июля 1920 г. он был назначен верховным комиссаром Палестины. Через три месяца после своего назначения Самюэль учредил консультативный совет в составе 10 британских чиновников и 10 палестинцев, из которых семь были арабы. В сентябре 1920 г. было введено первое положение о специальном регулировании иммиграции в Палестину. В феврале 1921 г. арабские националисты, собравшись в Хайфе на 3-й палестинский конгресс арабов, выступили с протестом против отделения Палестины от Сирии и потребовали отказа от еврейского национального очага, прекращения еврейской иммиграции и создания в Палестине национального правительства, ответственного перед советом, избираемым населением, проживавшим в Палестине ещё ко времени начала войны. Представленный арабским исполнительным комитетом в марте 1921 г. в Иерусалиме У. Черчиллю меморандум поддерживал эти требования, настаивал на признании правомочности арабского конгресса и протестовал против опубликованного проекта мандата, который, как говорилось в меморандуме, ставил Палестину в положение мандатов группы «С», т. е. самых отсталых колониальных стран. Меньше чем через месяц после отъезда Черчилля из Палестины в Яффе и Тель-Авиве среди арабов начались волнения, быстро распространившиеся по всей стране.

В мае того же года 4-й палестинский конгресс арабов подтвердил свой протест против британской политики в Палестине. Назначенная Г. Самюэлем комиссия по обследованию причин беспорядков констатировала, что они явились «результатом враждебного отношения арабов к евреям» и что последнее вызвано экономическими и политическими мотивами. Военные власти Яффы приостановили дальнейшую высадку еврейских иммигрантов, и 4 мая верховный комиссар объявил о полном прекращении иммиграции до пересмотра существующего законодательства. 6 июня 1921 г. было объявлено, что иммиграция будет впредь «ограничена экономическими возможностями страны». Одновременно давались заверения арабам в том, что их интересы не будут задеты в пользу евреев.

Требования арабов встретили живую поддержку со стороны некоторых групп английских консерваторов. Консерваторы имели свою агентуру и среди арабов и среди евреев и, поддерживая правящие верхушки тех и других, вели, по существу, провокационную политику. Лорд Перси в палате общин 4 июля 1922 г. приводил доказательства того, что английские «советники» помогали арабской делегации в Лондоне, вооружая её аргументами против мандата и сионистов.

Под влиянием событий в Палестине и требований оппозиции консерваторов в самой Англии, английское правительство решило изменить курс своей политики и попытаться путём ничего не стоящих обещаний создать видимость своей готовности к компромиссам. Первым шагом на этом пути явилось поручение Г. Самюэлю объявить 3 июня о подготовке конституции, предусматривающей частично «избранный» законодательный совет Палестины. Принять затем меры к тому, чтобы этими «избранными» оказались английские агенты, понятно, уже не представляло особого труда.

24 июля 1922 г. совет Лиги наций утвердил мандат Англии на Палестину. Мандат вступил в действие 29 сентября 1923 года. Англия получила «все права по законодательству и управлению», в том числе контроль над внешними сношениями, контроль над святыми местами, право содержать в Палестине оккупационные войска, право пользоваться её путями сообщения и т. д.

Постоянное балансирование между евреями и арабами, перемежающееся частичными уступками то реакционным кругам еврейской буржуазии, то феодально-буржуазной верхушке арабского национального движения, разжигание с помощью буржуазно-националистических элементов межнациональной розни, отвлекавшей широкие народные массы, стонущие под двойным гнётом, от политической борьбы за независимость, характеризуют деятельность английского мандатария на протяжении четверти века. С помощью этих средств все бывшие у власти в Англии правительства, и консерваторов и лейбористов, стремились замаскировать колониальную эксплуатацию страны и заглушить развивавшееся освободительное движение народов Палестины.

Опубликованная в феврале 1922 г. конституция Палестины, по существу, закрепляла полное бесправие населения и неограниченную власть верховного комиссара. Она предусматривала администрацию во главе с верховным комиссаром, срок пребывания которого у власти формально измерялся пятью годами; совещательный совет, составленный целиком из британских официальных чиновников, и лишь частично избранный законодательный совет, подчинённый верховному комиссару, за которым сохранялось право вето по отношению к решениям совета. Английское правительство учреждением законодательного совета рассчитывало успокоить арабские массы, выдвигавшие в числе других требований требование создания конституционного правительства. По мысли английских колонизаторов, этот совет должен был явиться удобным прикрытием для проводимой Англией политики в Палестине. Однако попытки создать законодательный совет были безуспешны. На одну из них арабы в 1923 г. ответили бойкотом выборов. О новых попытках создать законодательный совет правительство заявляло в Белой книге лорда Пассфилда (Сидней Вебб) в 1930, затем в 1932, 1934 и 1936 годах.

Согласно конституции 1922 г., законодательный совет должен был состоять из верховного комиссара (президент) и 22 членов: 12 выборных и 10 официальных. В числе выборных предусматривались 10 арабов (8 мусульман, 2 христианина) и 2 еврея. Такой состав создавал видимость получения арабами большинства в законодательном совете. На деле же это большинство неизбежно принадлежало бы английским чиновникам, которые в зависимости от обстоятельств могли блокироваться либо с выборными евреями либо с выборными арабами.

Арабская делегация отказалась признать предложенную систему представительства, которая не давала арабам абсолютного большинства. Арабские националисты заявили, что бесполезно устанавливать конституцию, пока не будет отменена декларация Бальфура, прекращена иммиграция и обещано арабам полное самоуправление.

Английское правительство пошло на уступки. 1 июня 1922 г. Г. Самюэль сделал попытку обсудить с представителями арабов проект официальной интерпретации декларации Бальфура. Переговоры ни к чему не привели, и 1 июля Черчилль (возглавлявший тогда министерство колоний), напуганный бурными событиями весны 1922 г., поспешил выступить с Белой книгой, в которой давалось соответствующее разъяснение политики Англии в палестинском вопросе. Вместе с Белой книгой была опубликована переписка министерства колоний с арабами и сионистами. Главный смысл Белой книги 1922 г. состоял в утверждении, что опасения арабов основываются на преувеличении значения декларации Бальфура. В Белой книге говорилось: «Делались необоснованные заявления о том,

что ставится задача создания целиком еврейской Палестины. Употреблялись такие фразы (это последнее имело целью дезавуировать заявление Вейцмана на мирной конференции.— П. О.), как... Палестина должна стать «так же еврейской, как Англия — английской»... Королевское правительство... не имеет такой цели... Оно также не имеет в виду исчезновения или подчинения арабского населения, языка или культуры в Палестине... Декларация не имеет в виду, что Палестина в целом должна быть превращена в еврейский национальный очаг, но такой очаг должен быть основан в Палестине... Когда спрашивают, что означает развитие еврейского национального очага в Палестине, можно ответить, что это не господство еврейской национальности над населением Палестины в целом, но дальнейшее развитие существующей еврейской народности при поддержке евреев других стран мира для того, чтобы Палестина стала центром, в котором весь еврейский народ в целом на основе религии и расы был бы заинтересован и которым мог бы гордиться. Но для того, чтобы этот народ имел лучшие перспективы развития, важно, чтобы он знал, что он находится в Палестине по праву, а не из терпимости»²⁴.

Таким образом, соответствующая часть декларации Бальфура в новой формулировке получила совсем иной смысл. Белая книга подчёркивала, что речь идёт уже не о превращении всей Палестины в еврейский национальный очаг, а о создании в Палестине национального очага для евреев на путях культурной автономии. Одновременно в ней указывалось на то, что еврейское агентство не имеет политической власти в стране. Новый план был далёк от декларации Бальфура 1917 года.

Отнюдь не стремясь содействовать получению Палестиной самоуправления, Белая книга ссылалась на якобы «специфические условия» страны, которые не позволяют осуществить его сразу. В качестве первого шага в развитии самоуправляющихся институтов Белая книга отмечала уже существующий консультативный совет; вторым шагом намечалось учреждение законодательного совета. Дальнейшие мероприятия в этой области английское правительство признавало возможными лишь по истечении известного времени.

Евреи и арабы по-разному встретили это правительственное заявление. Арабы доказывали неприемлемость английской политики в Палестине и настаивали на своих правах, как большинства населения, быть «утверждёнными в своём национальном доме». Отвергая сотрудничество, арабские националисты договаривались до того, что «природа исключает сотрудничество между двумя столь различными народами»²⁵. Ещё более энергично против новой интерпретации декларации Бальфура протестовали крайние сионисты. Тем не менее они соглашались участвовать в законодательной ассамблее из боязни, что в противном случае палатой общин не будет ратифицирован мандат²⁶. Вейцман в письме в Colonial Office заверил английское правительство в готовности сионистов «развивать свою деятельность в соответствии с изложенной политикой»²⁷.

Вначале сионистская организация имела в виду открыть для еврейской иммиграции также и Трансиорданию, составлявшую часть Палестины. Вскоре, однако, успехи национально-освободительного движения арабов и активность эмира Абдаллаха заставили сионистов отказаться от этого плана.

Эмир Абдаллах, второй сын шерифа Али ибн Хусейна, в начале 1921 г. неожиданно появился в Маане (тогда ещё не принадлежавшем Трансиордании). Он прибыл из Мекки по заброшенной железной дороге,

²⁴ British White Paper. 1700. The Churchill memorandum, June 3, 1922. Great Britain and Palestine 1915—1936. The Royal Institute of International affairs, p. 108—109.

²⁵ Там же, стр. 111.

²⁶ Сионисты на первых порах стояли за английский мандат.

²⁷ British White Paper. The Churchill memorandum, June 3, 1922. «Great Britain and Palestine», p. 111.

которая бездействовала с 1918 г. и которую в пути ремонтировала сопровождавшая эмира группа арабов. Для англичан было исключительно важно не дать группе Абдаллаха активизироваться и удержать в повиновении Трансиорданию, стратегическое значение которой определялось её центральным положением среди арабских стран²⁸. Нужны были срочные меры, и в марте 1921 г. Черчилль, далеко не случайно находившийся тогда в Палестине, встретился в Иерусалиме с Абдаллахом и договорился с ним об образовании трансиорданского эмирата под британским мандатом. В порядке «помощи» для «умиротворения» племён и наведения порядка, Трансиордании было отпущено Англией 180 тыс. фунтов стерлингов²⁹.

В представленном в сентябре 1922 г. лордом Бальфуром в совет Лиги наций меморандуме указывалось, что на Трансиорданию не распространяется применение статей палестинского мандата о создании национального еврейского очага. Против этого протестовали сионисты, указывавшие, что отделение Трансиордании означает уменьшение «национального очага» более чем наполовину.

Новый английский кабинет во главе с Бонар Лоу объявил о своей приверженности прежней английской политике в Палестине. Осенью 1923 г., когда сопротивление арабов показало, что их может удовлетворить только полный отказ от декларации Бальфура, министерство колоний издало приказ, уполномочивавший верховного комиссара закончить переговоры и управлять Палестиной с помощью совещательного совета. Так как арабы отказались участвовать и в совещательном совете, последний был составлен из одних британских чиновников.

Желая, однако, умиротворить арабов, правительство Бонар Лоу осенью 1923 г. заявило, что создаст наряду с еврейским агентством на совершенно аналогичных основаниях арабское агентство и будет консультироваться с ним в вопросах иммиграции. Арабы отвергли это предложение, заявив, что арабское агентство, аналогичное еврейскому, не может быть целью арабского населения Палестины.

На протяжении следующих лет палестинская администрация не решалась предпринимать новых попыток учредить свои «выборные» органы в стране. Доклад верховного комиссара о его деятельности в течение 1920—1925 гг. ярко рисует царившее среди арабов возбуждение: «Декларация Бальфура всё ещё рассматривается как анафема... хотя уход англичан не предполагается, требуют, однако, чтобы правительство контролировалось законодательным путём, в котором арабам должно принадлежать явное большинство. Пока эти уступки не будут сделаны, арабы будут продолжать политику отказа от сотрудничества»³⁰.

3 декабря 1924 г. была подписана англо-американская конвенция о Палестине. Согласно конвенции, на США распространялись все права и гарантии, получаемые государствами, членами Лиги наций, по мандату в Палестине. Американское правительство обусловило своё согласие на конвенцию рядом требований. В их числе были: принятие пункта, направ-

²⁸ Кроме того через Трансиорданию проходит нефтепровод Ирак — Хайфа, воздушный путь в Индию, автомобильная дорога Хайфа — Багдад и Хиджазская железная дорога — Дамаск — Медина.

²⁹ Английская «помощь» Трансиордании не ограничивалась этими расходами и затратами на организацию регулярной армии под командованием английских офицеров. Английские самолёты и броневики участвовали в подавлении волнений и после того, как в апреле 1923 г. (в конце 1922 г. Абдаллах побывал в Лондоне) было официально объявлено о признании английским правительством «независимого» правительства Трансиордании под главенством Абдаллаха. Мандат Лиги наций на управление Трансиорданием Англия получила в 1922 году. В феврале 1928 г. между мандатарием и эмиром Трансиордании был подписан кабальный договор на тех же основах, что и с Ираком. В договоре указывалось, что эмир Трансиордании подчиняется совету представителей мандатария в вопросах, касающихся мандата, финансов и т. д.

³⁰ Colonial № 15 (1925), p. 43—44. См. *Governing Palestine. The case against a parliament*, p. 21 by J. M. Machover. London. 1936.

ленного против дискриминации, гарантирование прав на получение концессий в Палестине, гарантии против монополизации естественных ресурсов страны самим мандатарием, признание неприкосновенности американской собственности в Палестине, свободный доступ миссионеров и учреждение американских научных филантропических и религиозных обществ и т. д. США требовали также включения в конвенцию ряда пунктов, содержащихся в незадолго до того (4 апреля 1924 г.) заключённой между США и Францией конвенции относительно Сирии и Ливана, и в частности неприкосновенности и привилегий для американских официальных лиц в Палестине. Бальфур, возглавлявший британскую делегацию в Вашингтоне, согласился с требованиями США, — они в сущности мало изменяли фактические права США в Палестине.

Включение текста мандата в англо-американскую конвенцию имело важное значение. Мандат стал интегральной частью конвенции, а статья 7-я конвенции указывала, что никакие изменения в конвенции не могут быть допущены без одобрения Соединённых Штатов (во время переговоров Керзон пытался добиться согласия США на указание лишь об обязательной консультации). Статья 7-я конвенции делала США официально заинтересованной стороной в создании еврейского национального очага.

Крупные события в Палестине, которые переросли в широкое антиимпериалистическое движение, имели место осенью 1929 года. Волнения начались с инцидента на религиозной почве 24 сентября 1928 г. из-за «Стены плача», спровоцированного самой же палестинской администрацией. Возбуждение арабов и евреев, оспаривавших права на остатки западной стены древнего храма Соломона, было огромным. Конфликт стал даже предметом рассмотрения мандатной комиссии Лиги Наций, которая отдалась посылкой в Палестину специальной комиссии в составе двух шведов и датчанина. Ожесточённая борьба достигла к осени 1929 г. исключительного напряжения. Особенно серьёзные столкновения произошли в Яффе, Хайфе, Хеброне. Только за 24 августа в Яффе и Наблусе, в результате вмешательства полиции, открывшей огонь, общее количество жертв составило около 300 человек. В несколько дней вся страна пришла в сильное движение, серьёзно угрожавшее палестинской администрации лейбористского правительства Макдональда. Последняя обратилась за помощью в Лондон и Египет.

Лейбористское правительство, по прямому наущению которого для борьбы с усилившимся арабским национальным движением в Палестине и было организовано столкновение из-за «Стены плача», снова выступило в роли арбитра. Правительству Макдональда во что бы то ни стало нужно было создать предлог для ввода новых войск и оправдания увеличения военных расходов в Палестине. Военное укрепление Палестины приобретало для Англии в тот момент особенное значение, поскольку во время переговоров с Египтом лейбористское правительство обещало эвакуировать английские войска из основных населённых центров Египта. В случае обострения англо-египетских отношений Палестина могла бы сыграть особую роль в скорейшем продвижении английских войск. Но это было далеко не единственное соображение английского правительства. Другой причиной, побуждавшей правительство Макдональда к усилению военных мероприятий в Палестине, была возросшая активность сионистских организаций, настаивавших на выполнении обязательств декларации Бальфура. Сионисты стали больше прежнего ориентироваться на американскую поддержку. В расширенном в 1929 г. еврейском агентстве усилилось влияние американских представителей³¹.

³¹ План расширения еврейского агентства путём включения в него еврейских капиталистов-несионистов был выдвинут Вейцманом ещё в 1925 году. Это требование мотивировалось тем, что создание национального очага больше не является задачей только сионистов, а становится целью всего еврейского народа. Вейцмана поддержали крупные американские еврейские организации. Сионистский конгресс в Цюрихе в ав-

И, наконец, к этому толкала английский империализм обострившаяся классовая дифференциация среди арабского и среди еврейского населения.

Положение еврейских трудящихся масс в Палестине в тот период лучше всего иллюстрируется фактом сокращения еврейской иммиграции; в 1927 г. число евреев-эмигрантов из Палестины даже превысило количество иммигрантов. Годы 1925—1928 характеризовались общей экономической депрессией в Палестине. Наступление сионистского капитала на жизненный уровень еврейских рабочих выразилось в резком снижении заработной платы последних, которая ранее в несколько раз превышала заработную плату арабских рабочих. Выросла безработица. Британская администрация усилила налоговый пресс.

Параллельно с этим происходили социальные сдвиги и в арабской среде. Непрерывавшаяся пауперизация феллахских масс в результате грабительских налогов и экспроприации земли толкала арабских крестьян в город, увеличивала городской арабский пролетариат. В ряде забастовок, экономических конфликтов и аграрных волнений стал намечаться процесс солидаризации эксплуатируемых еврейских и арабских масс.

Спровоцированная английскими империалистами с помощью еврейских и арабских клерикалов арабо-еврейская резня должна была, по замыслу лейбористского правительства, отвлечь внимание арабских масс, возмущённых тяжестями оккупационного режима. Однако на этот раз организованное британскими агентами столкновение из-за «Стены плача» вышло из уготовленных ему рамок. Вспыхнувшее в стране повстанческое движение получило широкие отклики в тесно связанных с Палестиной соседних арабских странах, в частности в Сирии, в широких демонстрациях протеста бедуинов и друзов. Живое сочувствие и активная поддержка, которые встретили события в Палестине в соседних арабских странах, вызвали в Англии большую тревогу³².

В сентябре 1929 г. было объявлено о посылке правительственной комиссии для обследования событий и споров о святых местах, а в октябре в Палестину прибыла посланная министром колоний Пассфилдом комиссия Вальтера Шоу. Выводы комиссии были значительно более благоприятными для арабов, чем заключения всех предыдущих обследований, и знаменовали новую стадию в английской политике в Палестине³³.

густе 1929 г. также одобрил этот план. Собственно, с этого времени и начинают усиливаться влияние США и англо-американская борьба в Палестине, которая долго протекала в скрытой форме. В еврейском агентстве имелись также представители английских и польских евреев. Из 21 члена агентства сионисты составляли теперь около двух третей. Руководство еврейским агентством сохранялось за сионистской организацией; председателем еврейского агентства оставался председатель сионистской организации.

³² Вскоре после восстания, в январе 1930 г., в Хайфе собрался первый арабский рабочий съезд, на который были приглашены также рабочие других арабских стран. На съезде присутствовал 61 делегат, представлявший от 4 до 6 тыс. арабских рабочих. Несмотря на то, что съезд проходил под знаком национал-реформистского уклона, на нём были обсуждены такие важные, принципиальные вопросы, как отношение к арабской буржуазии и её требованиям, вопрос о 8-часовом рабочем дне, повышении заработной платы и т. д.

³³ Выводы и рекомендации комиссии сводились к следующему: 1) главная причина волнений — вражда арабов к евреям, которая проистекает из страха арабов за своё будущее в результате еврейской иммиграции и продажи земли евреям; 2) требования арабских националистов, если их принять, делают невозможным выполнение обещаний евреям; 3) политика сокращения военных сил в Палестине и Трансиордании перед событиями 1929 г. зашла слишком далеко; 4) от королевского правительства требуется ясное изложение его политики, в частности регулирование иммиграции с целью предупредить повторение чрезмерной иммиграции 1925 и 1926 гг. и консультирование в этих вопросах с представителями нееврейских народностей; 5) научное исследование возможностей введения улучшенных методов культивирования земли и регулирование земельной политики в соответствии с этим; 6) возобновление заверения Белой книги 1922 г. о том, что особое значение, которое мандат отводит сионистской организации, не означает в какой

В мае 1930 г. английское правительство направило в Палестину комиссию во главе с Джоном Симпсоном (в прошлом крупный колониальный чиновник в Индии) для специального обследования экономических вопросов, связанных с иммиграцией и с приобретением евреями земли. Заключение комиссии были также явно благоприятны для арабов и направлены против дальнейшего расширения еврейского национального очага. Доклад констатировал большой рост обезземеливания арабов и категорически утверждал, что в Палестине нет ни одного клочка свободной земли, пригодной для сельскохозяйственных работ, за исключением той, которая имелась в резерве у еврейского агентства³⁴. Именно эта часть выводов Симпсона вызвала наибольшие протесты как среди сионистов, так и среди консерваторов.

Доклад Симпсона содержал очень важный вывод о том, что даже в случае раздела всей земли только между арабами обрабатываемого средним крестьянином участка нехватало бы для прокормления его семьи. На основании этого Симпсон приходил к заключению, что наличие еврейского большинства в Палестине обязательно означает лишение арабов земли. Симпсон предлагал на время прекратить иммиграцию; вместе с тем он констатировал, что в условиях развитого земледелия (ирригация, введение улучшенных методов обработки земли и т. д.) Палестина может прокормить дополнительно ещё не менее 20 тыс. семей иммигрантов.

На специально созванной в июне 1930 г. сессии постоянной мандатной комиссии Лиги наций политика мандатария в связи с событиями 1929 г. была подвергнута критике. Палестинская администрация, по мнению некоторых членов комиссии, оказалась недостаточно подготовленной для охраны общественного порядка и обеспечения развития национального очага; она не предусмотрела возможных волнений, вследствие чего не располагала необходимыми военными силами³⁵. В комиссии даже нашлись члены, упрекавшие британский империализм за недостаточную агрессивность его действий в Палестине. «Политика нерешительности и колебаний только поощряет экстремистов», — говорили они, протестуя против компромиссов и требуя решительных мер против «бунтующих арабов». Мандатная комиссия не соглашалась с заключением комиссии Симпсона о том, что восстание не было предумышленным и не было направлено против британских властей.

Как и следовало ожидать, выводы комиссий Шоу и Симпсона были встречены враждебно и арабами и евреями. Правда, выводы комиссии Шоу означали известное отступление от обещания евреям национального очага, но вместе с тем они не повлекли за собой немедленного прекращения иммиграции и продажи земли еврейским переселенцам, что разочаровало арабов. Сионисты, в свою очередь, протестовали против далеко идущих уступок арабам и приводили доказательства значительного улучшения экономического положения Палестины в результате притока еврейского капитала.

Доклад Симпсона был опубликован 20 октября 1930 года. Тогда же была опубликована Белая книга Пассфилда, в основу которой были положены выводы комиссии Симпсона. Белая книга 1930 г. не только повторяла прежние официальные заявления о культурной автономии ев-

бы то ни было степени права еврейского агентства разделять с правительством власть; 7) создания специальной комиссии для определения прав обеих сторон на «Стену плача»; 8) необходимость специального обследования полиции и т. д.

³⁴ «Great Britain and Palestine», 1915—1936.

³⁵ «Присутствие (в Палестине.— П. О.) 23 августа 1929 г. большого количества британских войск или полиции,— указывалось в официальном заявлении о британской политике,— вовсе не обязательно предупредило бы восстание. Опыт событий в апреле 1920 и мае 1921 г., когда имели место расовые волнения, несмотря на усиление гарнизона, говорит о другом. Королевское правительство в настоящее время серьезно занято вопросом об укомплектовании и усилении гарнизона в Палестине на будущее время» (Palestine Statement with regard to British policy, p. 10).

реев, но предусматривала дальнейшее сокращение еврейского национального очага путём более строгого ограничения еврейской иммиграции и покупки земли. Официально подтверждая равенство обязательств, по отношению к евреям и арабам, Белая книга вместе с тем заявляла, что ввиду отсутствия свободных земель возможности принять новых иммигрантов в Палестине уже исчерпаны.

Предложения Симпсона и Белая книга Пассфилда были гораздо более значительным отступлением от декларации Бальфура, чем все предыдущие Белые книги, и сионисты соответствующим образом реагировали на это. Вейцман³⁶ заявил о своём намерении уйти с поста президента еврейского агентства. Вместе с ним подали заявление об уходе и два других члена агентства. Возбуждение среди еврейского населения Палестины было настолько велико, что день 2 ноября (годовщина декларации Бальфура) в первый раз не был празднично отмечен евреями и было запрещено вывешивать флаги.

Совсем по-иному реагировали арабы. Впервые за десять лет в этот день они не призывали к забастовке, не закрывали в знак протеста своих предприятий, и не выпустили газет в траурном оформлении. Вся арабская пресса публиковала статьи о декларации Бальфура в свете правительственного заявления³⁷.

В Америке в этот день происходили массовые еврейские митинги протеста. Опубликование Белой книги совпало с заключительным заседанием еврейского конгресса в Америке, превратившимся в митинг протеста против политики Англии.

22 октября «Таймс» сообщала, что еврейские партии в Палестине и различные течения внутри сионистской партии объединились в своём негодовании и решимости противиться всеми силами объявленной политике. Они решили послать делегацию из представителей всех сионистских и несионистских партий к президенту Гуверу, чтобы просить его через американского посла в Лондоне сделать соответствующее представление английскому правительству³⁸.

Оказалось, что министерство колоний, хотя и консультировалось с сионистскими лидерами по поводу Белой книги, полностью не информировало сионистов о своих планах. Ещё за два дня до опубликования Белой книги Пассфилд при встрече с Вейцманом заявил ему, что правительство больше не имеет в виду менять условия декларации.

Протест сионистов поддержали лидеры консерваторов: Стенли Болдуин, Остин Чемберлен и Леопольд Эмери. В открытом письме в «Таймс» они критиковали новый курс палестинской политики и заявляли, что правительственная декларация противоречит всем прежним правительственным заявлениям. Авторы письма не скрывали своих опасений перед неблагоприятной реакцией в Америке. За этим протестом последовали другие. 27 октября премьер Южно-африканского союза Сметс в телеграмме Макдональду потребовал немедленного отказа от Белой книги.

28 октября, при открытии сессии парламента, была предпринята новая атака на правительство со стороны консерваторов и либералов. Ллойд Джордж³⁹ потребовал дискуссии по палестинскому вопросу и 17 ноября в палате общин эту дискуссию открыл. По словам Ллойда Джорджа, Белая книга 1930 г. означала полный отказ от мандата. Даже арабы поняли, говорил он, «что это означает конец созданию национального очага

³⁶ Он был исключительно последовательным поборником английской политики в Палестине, что неоднократно подчёркивалось в официальных заявлениях английских государственных деятелей, в частности группой консерваторов, в письме в «Таймс» от 2 октября 1930 года.

³⁷ Там же от 4 ноября 1930 года.

³⁸ Там же от 22 октября.

³⁹ Ллойд Джордж, Сметс и Бальфур были членами военного кабинета во время обращения Бальфура к Ротшильду.

в Палестине... Это государственный документ, который, по нашему убеждению, меняет весь мандат». Тогда же Ллойд Джордж дал такое объяснение декларации Бальфура, которое полностью признавало особые права евреев на Палестину. «Доминирующая идея состоит в том, что в Палестине должен быть национальный очаг для евреев, признание особого положения еврейского народа в стране, чьё имя они сделали бессмертным. Это возможность возрождения древнееврейской культуры... это должен быть вклад народа, живущего в своём собственном доме. Это не колонизация, это не поселение — это национальный дом»⁴⁰.

Испугавшись размаха политических откликов, которые вызвал протест сионистов, правительство сделало несколько заявлений, означавших фактический отказ от Белой книги. 28 октября Макдональд объявил в парламенте, что правительство не намерено изменять политику в палестинском вопросе и что последняя будет строго соблюдаться. 6 ноября в «Таймс» было опубликовано письмо лорда Пассфилда, в котором он предлагал ограничения в иммиграции распространить только на категории иммигрантов-рабочих⁴¹. Результатом этой кампании в прессе и дебатов в парламенте явилось известное письмо Макдональда Вейцману 13 февраля 1931 г., прозванное арабами «чёрным» письмом. Письмо это было откровенным отказом от всех главных выводов комиссии Симпсона. Макдональд заявлял, что английское правительство попрежнему считает положительным обязательством мандата облегчение еврейской иммиграции, ограничиваемой единственно экономическими мотивами, содействие поселению евреев на земле и т. д.

Письмо Макдональда давало новое разъяснение, которое существенно уменьшало обещания Белой книги о предоставлении безземельным арабам преимущественного права на получение государственных земель. Английская общественность правильно расценила позицию правительства как изменение его политики в палестинском вопросе. Но и евреев и арабов вся история с Белой книгой Пассфилда лишней раз убедила в успешности сопротивления. Петиция арабов, адресованная мандатной комиссии Лиги наций в июне 1930 г., не только не содержала отказа от враждебных выступлений, но, напротив, предупреждала, что они совершенно неизбежны, если не последует радикальное и немедленное изменение политики⁴².

Аналогичные требования, но в ещё более решительной форме, заключались в сопроводительном письме исполнительного комитета арабов к петиции арабов (5 января 1931 г.) и в петиции арабов в октябре — ноябре 1931 года. Типичным примером националистической арабской трактовки вопроса были рассуждения Амин Рихани, крупного арабского писателя, который в 1929 г., когда Палестина была охвачена восстанием, заявил: «Если надежды сионистов сбудутся, то через 20 лет в Палестине будет миллион евреев. Это будет означать, что арабское население будет полностью изгнано, потому что страна не может обеспечить больше населения, чем имеется. Представим себе, что это будет так, и арабы будут изгнаны на север и восток, в Сирию и Трансиорданию. Допустим, что это будет осуществлено мирным путём. Тогда миллион евреев притянет ещё миллион, и вместо счастливого Сиона Палестина станет страной гетто, если не будет получена новая территория. Сирия, Трансиордания и даже Ирак — все они на карте генерального штаба»⁴³.

⁴⁰ Official report. Parliamentary debates. House of commons. November 17, 1930. Vol. 245, p. 78—80.

⁴¹ «Таймс» от 6 ноября 1930 года.

⁴² Макдональд предложил рассматривать его письмо как официальную интерпретацию Белой книги и сообщил, что оно будет в качестве официального документа представлено Лиге наций и включено в инструкцию верховному комиссару.

⁴³ «The Arab-Jewish conflict in Palestine». Current History. Vol. XXXI, № 2. November 1929, p. 277.

Эти рассуждения одного из идеологов арабского национального движения интересны также тем, что в них содержится до известной степени верное освещение тогдашних английских планов на Ближнем Востоке. Автор утверждал, что арабы ничего не имеют против местного туземного еврейского населения и что он сам видел на одном из знамен надпись: «Туземные евреи — наши братья». Но арабы, утверждал он, боролись и будут бороться против тех, кто прибыл в страну в течение последних десяти лет «с капиталами из Америки в одной руке и с декларацией Бальфура в другой» — авангард мечты о завоевании, мечты об империи⁴⁴.

В последующие годы атмосфера в Палестине всё более накалялась. В марте 1933 г. исполнительный комитет арабов принял резолюцию об отказе от сотрудничества с правительством и бойкоте английских и еврейских товаров. Начавшаяся в стране 27 октября 1933 г. всеобщая стачка сразу же переросла в восстание, сопровождавшееся полным отказом от сотрудничества с англичанами и призывом к объединению Палестины с другими арабскими странами⁴⁵. В Яффе, Иерусалиме, Хайфе и Наблусе произошли столкновения с полицией и имелись убитые. В ноябре делегация арабов угрожала новому верховному комиссару, Артуру Ваукопу, ещё более серьёзными волнениями, если их требования не будут удовлетворены. Перепуганный Ваукоп поспешил за инструкциями в Лондон. Английское правительство оказалось вынужденным пойти на новые переговоры о конституционных реформах и на обещание более прогрессивной конституции. Арабам было обещано также неофициальное большинство в законодательном совете и нейтральный председатель. Но арабов не удовлетворили эти заверения. В заключении мандатной комиссии подчёркивалось упорное сопротивление арабов политике мандатария и невозможность примирить арабов и евреев: «Не может быть хороших отношений между евреями и арабами, ещё менее возможно сотрудничество. Политика обоюдного участия... не удалась. Сотрудничество арабов... с британским правительством тоже невозможно... Они не хотят иметь дело даже с законодательным советом. Они требуют... независимости и свободы в союзе с другими арабскими странами»⁴⁶.

Новые петиции арабов отличались тем, что, не ограничиваясь протестом против политики создания еврейского национального очага, были прямо направлены против английского правительства. При встрече с верховным комиссаром в ноябре 1935 г. Рагиб-бей-Нашашиби, представитель наиболее реакционной арабской политической группировки, тесно связанной с Англией и всегда выступавшей за сотрудничество с англичанами, обратил его внимание на новый характер антиправительственных выступлений арабов и на ту огромную потенциальную опасность, которую они таят. Официальное коммюнике сообщало следующее его заявление: «Недавние волнения были направлены против правительства; это демонстрация против сил закона и порядка. Они не могут сравниться с предыдущими беспорядками. Они более серьёзны. Это потому, что мы не испытываем прежнего страха. Они могут стать, ваше превосходитель-

⁴⁴ Там же, стр. 278.

⁴⁵ Летом 1937 г., во время всеобщей стачки, когда возбуждение дошло до того, что 137 арабских чиновников в органах мандатария объявили об открытой поддержке восставших, английское правительство, с целью парализовать влияние палестинских событий в странах арабского Востока, сделало безуспешную попытку использовать в роли «посредников» между английским правительством и арабскими националистами правительства Трансиордании и Ирака. Собравшаяся в Сирии в сентябре 1937 г. национальная конференция арабов, состоявшая из 500 представителей Сирии и соседних арабских стран, в том числе Египта, приняла резолюцию, торжественно обещавшую продолжать борьбу за освобождение палестинских арабов и установление в Палестине арабского правительства. Аналогичные заявления имели место в Индии (индийская мусульманская лига) и в других странах («Great Britain and Palestine», 1915—1945, p. 104—105).

⁴⁶ Permanent mandates commission XXV Session, 1934. Minutes, p. 134—135.

ство, прелюдией к чему-то ещё более серьёзному, чем мы просим сегодня»⁴⁷.

И, действительно, националистическая пропаганда среди арабов нарастала ускоренными темпами, отчасти вследствие усилившейся еврейской иммиграции, главным образом из нацистской Германии. Широкое антиимпериалистическое восстание 1936 г. по своему масштабу и силе превосходило все предшествовавшие восстания в Палестине⁴⁸.

На чрезвычайной сессии мандатной комиссии Лиги наций в июле — августе 1937 г. английский представитель Ормсби-Гор в своей речи вынужден был охарактеризовать подлинные чувства «признательного» населения Палестины и те глубокие сдвиги, которые произошли со времени установления мандатной системы: «Евреи настроены критически, разочарованы, жалуются, но полны сдержанности... Арабы открыто враждебны и в настоящее время так же враждебны к нам — мандатариию Палестины, как и в отношении к евреям... ситуация в соседних с Палестиной странах изменилась со времени установления мандата. В те дни мы являлись мандатарием Ирака; Франция имела мандат на Сирию, мы — протекторат над Египтом... Самым значительным фактом, отмеченным королевской комиссией, является огромный интерес, который соседние арабские страны проявляют к палестинским делам». Далее Ормсби-Гор лицемерно продолжал: «Ситуация изменилась: Ирак теперь — суверенное независимое государство. Французский мандат на Сирию стал неузнаваемым... британская власть в Египте прошла... и срок нашей оккупации определён. Как долго в этих условиях мы можем быть строго привержены мандату в Палестине, установленному семнадцать лет назад? Наконец, мы имеем достаточные доказательства того, что это движение не ограничится арабским миром»⁴⁹.

Все эти соображения послужили мотивировкой для последовавшего накануне второй мировой войны резкого изменения английской политики в Палестине. Правительство мандатария шло от одной уступки арабам к другой, впрочем, они имели исключительно декларативный характер. В 1935 г. была обещана новая конституция, предоставлявшая арабам большинство в законодательном совете, а в начале 1936 г. английский парламент отклонил этот проект. Затем последовали довольно неопределённые обещания ограничения продажи земли евреям до тех пор, пока арабам не останется «жизнеспособный минимум», и строгого регулирования иммиграции. Белая книга Чемберлена 1939 г. обещала вовсе закрыть иммиграцию евреев в Палестину в 1944 году.

Было бы, однако, совершенно неправильно думать, что арабо-еврейский антагонизм в Палестине охватывал решительно все слои арабского и еврейского населения. Прогрессивная общественность обеих народностей Палестины, в особенности в связи с ростом в последние годы пролетариата, стояла и стоит за сотрудничество, считая его вполне возможным.

Как среди арабских, так и среди еврейских партий выкристаллизовалось левое крыло, отстаивающее возможность и желательность арабо-еврейского сотрудничества, которое должно найти своё выражение в создании двунационального государства. Расхождение в программах арабских и еврейских партий и более чёткое их размежевание стали оказывать влияние уже во время второй мировой войны, после принятия

⁴⁷ Official communiqué См. *Governing in Palestine*, p. 25.

⁴⁸ Освещение этого восстания, как и других крупных событий в Палестине, предшествовавших посылке королевской комиссии Пила, выходит за хронологические рамки данной статьи.

⁴⁹ Permanent mandates commission. Minutes of the Thirty-second (extraordinary) session, p. 17.

в 1942 г. «Балтиморской программы». (Главные ее пункты: требование передачи функций по регулированию иммиграции еврейскому агентству, отказ от ограничений в продаже земли и объявление конечной целью создание еврейского государства, как только в стране будет достигнуто еврейское большинство.) Даже внутри сионистской организации есть течение, которое стоит за создание в Палестине арабо-еврейского государства. Среди еврейских организаций, отстаивающих арабо-еврейское государство, следует отметить также «Ассоциацию арабо-еврейского сближения». У арабов на такой же позиции стоит «Лига национального освобождения». Наиболее последовательную борьбу против иностранных поработителей за национальное равноправие арабов и евреев ведёт коммунистическая партия Палестины.

Опыт 25-летнего английского управления Палестиной, резко обострившего внутренние противоречия, обнаружил полное банкротство мандатной системы. Это стало очевидным уже в первые годы существования мандата и было признано позднее официальной комиссией лорда Пила, обследовавшей Палестину в 1937 г. и предложившей произвести раздел Палестины на три части: еврейское и арабское государства (предполагалось, что арабская часть Палестины может быть присоединена к Трансjordании) и мандатную территорию, включающую Иерусалим, Вифлеем, Лидду, Рамле и выход к морю в Яффе⁵⁰. Попытка английского империализма сохранить своё господство на Ближнем Востоке при помощи этой новой формы колониального порабощения не удалась. Перед всем миром были разоблачены империалистический характер и цели этого хозяйничания, сокрытие которых было одной из главных целей замены открытой аннексии мандатом. Мандат на Палестину, говорит Герберт Сайдеботам, «не только даёт позицию, без которой мы (англичане. — П. О.) были бы не защищены от укоров и зависти, но и облекает нас в наших (английских. — П. О.) интересах ореолом международного долга»⁵¹.

Английские колонизаторы управляли Палестиной по всем правилам колониального режима. Острыми конфликтами, которые они же сами и провоцировали, англичане пользовались для увеличения численности своих войск и усиления полиции в Палестине. Каждая новая Белая книга, каждое обследование немедленно сопровождалось указанием на необходимость в целях «охраны порядка» ввода новых войск и реорганизации полиции⁵².

С помощью колониальной бюрократической администрации английское министерство иностранных дел руководило всеми делами Палести-

⁵⁰ По плану комиссии Пила, площадь еврейского государства должна была составить от 5500 до 6000 кв. км. («Palnews», 1938, стр. 24). Предлагаемый Пилом раздел получил одобрение в правительственной Белой книге 1937 года. Мандатная комиссия Лиги наций также пришла к выводу о непригодности мандата в дальнейшем (Permanent mandates commission 32 session, p. 228—229).

⁵¹ Sidebotham G. Указ, соч., стр. 3. В высказываниях Сайдеботама мы встречаемся с таким откровенным признанием действительных целей Англии в Палестине, на которое не решаются другие апологеты английского империализма в Палестине. В представленном в 1937 г. королевской комиссии Пила меморандуме он высказывает ряд мыслей, проливающих дополнительный свет на действительные пружины английской политики. Он утверждает, что, давая обещание содействовать созданию национального очага, Ллойд Джордж и Бальфур просто не предвидели размеров оппозиции арабов против еврейской иммиграции, «иначе британские государственные деятели в 1917 г. могли бы разработать какой-то план изоляции»... вплоть до того, что «беспокойные арабы Палестины могли быть переселены в Месопотамию». (Указ, соч., стр. 4). Сайдеботаму нельзя отказать в последовательности. Допуская возможность выселения арабов с территории, издавна обитаемой ими, он пытается подвести под этот свой тезис и «теоретическую» базу: «Это ошибочная точка зрения демократического или либерального направления, полагающая, что если какой-либо расе или нации довелось занять ту или иную территорию, то эта территория её собственная на все времена» (Указ, соч., стр. 11—12).

⁵² Из бюджета в 12 млн. ф. ст. только 1684 тыс. ф. расходовалось на нужды образования, здравоохранения и другие общественные мероприятия, и более 6 млн. тратилось на полицию и тюрьмы (Miller M. «Crisis in Palestine», p. 8. New York. 1948).

ны. Во главе департаментов стояли английские чиновники. На руководящие посты привлекались, кроме сионистов, лишь отдельные представители наиболее влиятельных партий арабской национальной буржуазии и помещиков-феодалов. Власть муниципалитетов была очень ограничена. Они не имели права расходовать собственные фонды без разрешения окружного комиссара,⁵³ и даже назначение мелкого чиновника с окладом в 36 фунтов в год требовало утверждения районного комиссара. Право участия в выборах в муниципалитеты было тоже очень ограничено.

Значительную роль в новой ориентации английской политики, наиболее отчётливо проявившейся к началу второй мировой войны, сыграло стремление империалистических кругов США (связанное с общими планами мирового господства) создать систему американских стратегических баз во всём мире и закрепить экономические и политические позиции на Ближнем и Среднем Востоке. Наступление американского империализма на страны Ближнего Востока вызвало ответное усиленное заигрывание англичан с арабами⁵⁴. С другой стороны, к изменению политики Англию побуждал — и это уже составляет основу англо-американского сотрудничества и сколачивания блока против СССР — огромный рост популярности Советского Союза среди угнетённых народов арабского Востока. Живой пример успешного разрешения национального вопроса в многонациональном Советском Союзе вдохновлял широкие народные массы арабов, как и евреев, на борьбу за национальное освобождение. Англия и США вынуждены были действовать на Ближнем Востоке с оглядкой на СССР.

На протяжении 25-летнего мандатного управления Палестиной между Англией и США существовало своеобразное разделение в колониальной эксплуатации страны — «несвященный союз американского золота и британской политики штыка».

Арабо-еврейская война 1948 г. в Палестине — первая открытая трещина в англо-американских отношениях со времени второй мировой войны — обнажила глубокие противоречия, издавна разделявшие Англию и США на этом ответственном участке мировой политики. Впрочем, это не помешало обоим империалистическим хищникам в очень короткий срок сговориться о совместных действиях и разделе страны. Понятно, что здесь действовали и действуют мотивы более сильные, чем разногласия англо-саксонских держав в палестинском вопросе: их общая антисоветская политика, совместная подготовка палестинского плацдарма для новой мировой войны, общий страх империалистов Англии и США перед национально-освободительным движением угнетённых народов Ближнего и Среднего Востока.

⁵³ Английский чиновник, являющийся правителем округа.

⁵⁴ Накануне второй мировой войны среди арабов очень усилилась германская и итальянская пропаганда. В мае 1941 г. в выступлении министра иностранных дел Антони Идена новая ориентация получила официальное подтверждение: «Некоторое время тому назад я сказал, что королевское правительство питает большую симпатию к стремлению Сирии к независимости. Но я пойду дальше. Многие арабские мыслители хотят для арабского народа большей степени единства, чем имеется. В достижении этого единства они надеются на нашу поддержку. Никакой такой призыв наших друзей не должен остаться без ответа. Мне представляется естественным и правильным, чтобы культурные и экономические узы между арабскими странами укреплялись. Королевское правительство окажет полную поддержку любому плану, который получит общее одобрение» («To whom Palestine?», p. 137).

СООБЩЕНИЯ и ПУБЛИКАЦИИ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В. Н. ТАТИЩЕВА

П. Алефиренко

В ограниченной исторической литературе о В. Н. Татищеве ничего не говорится об его экономических взглядах. Даже исследователи Татищева Н. П. Попов и Бестужев-Рюмин не уделяли внимания экономическим воззрениям Татищева, хотя Н. П. Попова нельзя упрекнуть в незнании материалов по этому вопросу. Правда, некоторые весьма интересные документы Н. П. Попову не были известны. Такое игнорирование экономических взглядов Татищева нельзя признать правильным, и не потому только, что эти взгляды характеризуют разносторонность вопросов, которыми занимался этот крупный мыслитель первой половины XVIII века. Экономические воззрения Татищева сами по себе представляют большой интерес и свидетельствуют о дальнейшем развитии русской экономической мысли в послепетровское время.

Начало XVIII в. было богато экономическими «проектами» современников Петра I. В их основе лежали меркантилистские идеи, диктовавшиеся ходом развития русской действительности того времени. В своих экономических воззрениях Татищев также выступает последователем меркантилизма мануфактурного периода, считая источником богатства страны развитие промышленности и торговли. Для Татищева, современника Петра I, меркантилизм не был простым пережитком петровских воззрений. Правильность своих экономических принципов Татищев проверял в ходе своей практической деятельности на протяжении 30—40-х годов XVIII века. Следует отметить, что все экономические записки Татищева были им написаны в тот же отрезок времени, т. е. в те же 30—40-е годы XVIII века. Источником экономических взглядов Татищева являлись реформы и законодательство Петра I, а также практическая деятельность самого Татищева. Однако Татищев не игнорировал и экономическую литературу. «Всё можем в уставах, законах и учреждениях премудрого Петра Великого обрести, если кто оные правильно разуметь и употребить может, а к тому мудрых философов политические и экономические книги способствуют»¹, — заявлял Татищев. В своих экономических записках Татищев выступает отнюдь не как слепой подража-

тель экономической политики петровского времени, а как практик и теоретик, который критически переработал и обобщил богатый экономический опыт реформаторской эпохи Петра I.

Экономические записки Татищева представляют не простые теоретические рассуждения, а живой отклик на конкретные вопросы экономической политики и хозяйственной деятельности преемников Петра I. Татищев был свидетелем того, как преемники Петра I отказывались от экономической политики великого преобразователя, и считал такое положение вредным для дальнейшего развития России. Докладные записки Татищева были призваны, как он многократно высказывался, вернуть петровских преемников к политике великого реформатора.

В экономической записке «Например представление о купечестве и ремёслах», где он наиболее полно рассматривает состояние промышленности и торговли в стране, Татищев подвергает резкой критике экономическую деятельность ближайших преемников Петра I, характеризуя её как разрушительную. «Магистрат был разорён, — писал Татищев императрице Елизавете Петровне, — берг- и мануфактур-коллегия засунуты были в угол коммерц-коллегии; заводы овчарные и другие совсем разорены, училища не токмо вновь не устроены, но и устроенные оставлены, и многие полезные его величества уставы и учреждения отринуты или пременены»².

Однако и в экономической деятельности самого Петра I Татищев не всё считал правильным, так как видел, что жизнь внесла немало поправок, изменений и дополнений к экономическим мероприятиям Петра I. Поэтому, оставаясь в основном верным политике Петра I, призывая Елизавету Петровну вернуться к этой политике, Татищев считал не переменным учёт назревших изменений и дополнений к ней: «Но понеже по естеству все дела человеческие сначала никогда в совершенство приведены быть не могут, но требуют от времени до времени исправления,

¹ Татищев В. «Рассуждение о ревизии поголовной и касающейся до оной»; Попов Н. «Татищев и его время». Приложение, стр. 720. М. 1861.

² Татищев В. «Например представление о купечестве и ремёслах». Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР, архив Воронцовых № 380. Труды Комиссии составления Проекта Нового уложения. В дальнейшем: Представление о купечестве и ремёслах. Архив Воронцовых.

дополники и пременения, якоже и приключения нечаянные тому причиною бывают, так и всем, что до купечества и рукоделей принадлежит, мно нечто исправить, дополнить или пременить»³.

Не занимаясь специально изучением теоретических вопросов экономики, Татищев тем не менее пытался по-своему решать сложный вопрос об источниках богатства и благосостояния страны или «мудрости экономии», по его выражению. Источники для процветания государства Татищев видел 1) «во умножении народа»; 2) «в довольствии всех подданных»; 3) «в побуждении... к трудолюбию, ремёслам, промыслам, торгам и земским работам»; 4) «во умножении всяких плодов от животных и рощений»; 5) «в научении страху божию и благонравию»; 6) «в умеренном употреблении имения». «Через сии способы, — говорит Татищев, — вся собственно и все государство обогащается, усиливается и славу приобретает»⁴.

Татищев выступал противником тех экономистов, которые видели источник богатства страны в накоплении денег. Несостоятельность такого взгляда он доказывал ссылкой на Испанию: «Испания не большия ли от всея Европы из Индии золотом, серебром, алмазы и другими драгоценными товарами богатство každогодно получает, к тому, и внутренними многими весьма изобилует, но за недостатком прилежности к рукоделиям и торгу весьма оскудевает; ибо для помосчи и засчисления в войнах принуждена своими богатствами других снабдевать и славу свою оным уступать»⁵.

Основным источником богатства он считал промышленность и торговлю. «Всем искусным в гражданстве известно, — говорил он, — что всякой области богатство, сила и честь происходит единственно от прилежности народа к рукоделиям и доброго состояния купечества... где рукоделия и купечество в добром состоянии, тамо все жители, земские крестьяне и пр. богаты и доволни... чрез что крестьянин, не токмо владельцу и государю недлежасчее без тягости заплатит, но и сам предовольно имеет»⁶.

В развитии промышленности и торговли Татищев видел могучее средство для обеспечения экономической и политической независимости страны.

Придавая большое значение промышленности, Татищев выступал сторонником создания разнообразных мануфактур и ремёсел для изготовления готовой продукции из отечественного и даже привозного сырья, чтобы удовлетворить внутренние нужды и обеспечить вывоз: «Умножение рукоделий или... мануфактур... которые из родящихся в своём государстве припасов делаются или те при-

пасы из других государств... получать и с прибылью переделывать можно, дабы оными привоз из других государств... пресечь... сделанные, а не сырые в другие государства продавать, дабы за работы оных свои подданные, а не чужие получали»⁷.

Управляя Астраханской губернией, Татищев всячески способствовал развитию шёлковых, хлопчатобумажных, шерстяных мануфактур и ремёсел. Он первый поставил вопрос о разведении хлопка в Астраханской губернии, чтобы создать свою сырьевую базу для хлопчатобумажной промышленности. «Здесь же при Астрахани... по опытам довольно видно, что делание шёлка и сеяние бумаги хлопчатой немалую приносить может пользу»⁸, — доносил Татищев императрице Елизавете Петровне. Эти мероприятия, по мнению Татищева, должны были не только сократить привоз шёлковых тканей из Персии и хлопчатобумажных из Голландии, но и постепенно подготовить их вывоз за границу: «Из Голландии привоз пресечь и ещё свою за границу отпускать»⁹.

Особое внимание уделял Татищев развитию металлургии. Он предлагал построить на Урале и в Сибири десятки казённых и частных металлургических заводов, которые могли бы не только удовлетворить потребность России в железе, но и обеспечить его вывоз в размере до 300 тыс. пудов ежегодно. «Железные здешние заводы рассудили мы устроить и содержать в таком состоянии, чтобы сверх внутренних потреб и мелких фабрик, могли každогодно в заморский отпуск годного делать до 300 000 пудов»¹⁰, — доносил Татищев в Правительствующий сенат.

Наряду с развитием мануфактур Татищев предлагал всячески поощрять развитие разнообразных ремёсел, которые могли бы способствовать удовлетворению спроса на внутреннем рынке, вытеснению иностранных товаров, а также увеличению вывоза. Одновременно он настаивал на создании в законодательном порядке цехов для ремесленников. Этим цехам надлежало бы следить за качеством продукции, так как низкое качество товаров значительно уменьшало бы их способность конкурировать с иностранными товарами. «Ремесленники, — говорил Татищев, — не видя никакого о себе учреждения, вместо надлежасчей от них пользы вредными являются, ибо все их рукоделия прилежат токмо как бы дешевле сделать... купца обмануть... что не токмо стыд, но государственный убыток; что мы весчи каких со избытком дома иметь можем, принужде-

⁷ Татищев В. «Рассуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной»; Понов Н. «Татищев и его время». Приложение, стр. 719.

⁸ Татищев В. Письмо к императрице Елизавете Петровне и барону И. А. Черкасову. Архив АН СССР, ф. 95, д. № 42, л. 220.

⁹ Татищев В. Письмо из Астрахани к барону И. А. Черкасову от 2 мая 1745 года. Архив АН СССР, ф. 95, д. № 42, л. 153.

¹⁰ Экстракт доношения Татищева. Архив АН СССР, ф. 95, д. № 51, л. 742.

³ Там же.

⁴ Татищев В. «Написание на присланное росписание высоких и нижних государственных и земских правительств». Литературный сборник «Утро», стр. 383. М. 1859.

⁵ Татищев В. «Представление о купечестве и ремёслах». Архив Воронцовых № 380 л. 114.

⁶ Там же.

ны с убытком и усчербом наших ремесленников из других государств купить»¹¹.

Татищев предлагал путём введения высоких пошлин оберегать русскую промышленность от конкуренции иностранных товаров, к которым в первую очередь относил парчи с золотом и серебром, парчи шёлковые, бархат, хлопчатобумажные ткани и другие.

Итак, в области промышленности Татищев рекомендовал вернуться к протекционистской политике петровского времени. Он выступал не только за развитие промышленности в России, но и за повышение её технического уровня, предлагая внедрить в русскую промышленность и даже в сельское хозяйство машины. Будучи знаком со шведской промышленностью и отчасти с английской, он видел их преимущества перед русскими промышленными предприятиями.

Большое значение для выработки экономических взглядов Татищева, в частности его взглядов на значение техники для создания богатства и мощи страны, имело то обстоятельство, что сам он был технически широко образованным для того времени человеком. Татищев окончил артиллерийскую военную школу, служил несколько лет капитаном артиллерии, построил ряд заводов на Урале и в Сибири. По поручению Петра I два года изучал промышленность Швеции.

Наиболее полно выражены взгляды Татищева на значение техники в его донесении на имя императрицы Екатерины Первой, в котором он подробно излагал своё мнение о шведской промышленности и её технике. Описывая шведские рудники, Татищев отмечал, что стоимость шведской руды значительно ниже русской, несмотря на худшие условия добычи в Швеции по сравнению с Россией: большая глубина рудников, недостаточность леса и более высокая, в два раза, заработная плата рабочих. «Причиною же сему (низкой стоимости руды) многообразные машины, действующие водою, в которых за несколько сот человек одно колесо исправляет»¹², — объяснял Татищев.

Говоря о других заводах, он отмечал: «При протчих же заводах различные машины подают великую в работах помощь»¹³. В том же донесении Татищев предлагал закупить машинное оборудование для разных отраслей промышленности, как то: самые сильные насосы, водяные двигатели, станки для выделывания пил, машины, делающие плотину, станки, изготавливающие части часов, машины для изготовления чулок, шерстяной и бумажной пряжи.

Не забыто в донесениях и сельское хозяйство. Татищев отмечал ряд машин: «Модель жита молотить водою не токмо с великою поспешностью, но с великою прибылью, что зерно в соломе не останется, без ветру зёр-

на от мякин отделяются и падают в замкнутую скрыню, которого работающий взять не может»¹⁴, а также «модель сечку водою резать, лён пеньку поскомить, глину... мять, что скорее и лучше, нежели людьми или скотом можно делать»¹⁵.

Выступая сторонником развития техники в России, Татищев понимал, что разрешить эту задачу без подготовки соответствующих технически грамотных людей нельзя. Эти люди нужны были как для освоения ввозимого из-за границы оборудования, так и для производства в России машин и другого вида техники. Поэтому Татищев придавал весьма большое значение вопросу о подготовке технических кадров для России. Временной мерой в этой области он считал посылку учеников в Швецию для работы и обучения на шведских заводах. Сам Татищев, будучи в Швеции, прилагал много усилий для лучшего и более целесообразного размещения посланных Петром I учеников на лучших шведских заводах. «О учеников русских при заводах шведских роздал шестнадцать человек... устройению и содержанию промыслов и заводов, — доносил Татищев Екатерине, — двух машинному, двух обжигательному, двух плавильному меди, двух пробирному и знаменному, двух при серебряных заводах всему заводскому поступку, двух серному, купоросному и квасцовому учеников отдать не достано. Оные отданные ученики при мне уже в ремёслах своём положили доброе основание и надеются, конечно, немалую от них пользу заводам российским получить»¹⁶.

Но, придавая большое значение посылке людей на обучение за границу, Татищев считал также необходимым создавать технические кадры для России в самой России путём организации ремесленных школ, которые должны были открывать магистраты технических училищ и академии ремёсел. Татищев напоминал Елизавете Петровне о попытках Петра насаждать в России техническое образование путём организации академии ремёсел: «Яко же для купечества и ремёсел к лучшему и благорассуднейшему произведению и всегдашнему всех незоданных исправлению устроил Академию наук и ремёсел»¹⁷. Эти попытки Петра I были прерваны его смертью.

Равным образом, по мнению Татищева, не удалось открыть академию ремёсел и Анне Ивановне потому, что ей помешали придворные немцы, опасавшиеся экономического развития России. «Академия ремёсел в 1730 году, — пишет в своём «Лексиконе»

¹¹ Татищев В. «Представление о купечестве и ремёслах». Архив Воронцовых № 380, л. 418.

¹² Донесение В. Татищева императрице Екатерине Первой из Швеции от 17 октября 1726 года. ЦГАДА, ф. Государственного архива, разр. IX. Кабинет Петра Великого, II отд., кн. 81, л. 35.

¹³ Там же.

¹⁴ Татищев В. Письмо в кабинет ея императорского величества Екатерины Первой от 2 июля 1725 года. ЦГАДА, ф. Государственного архива, разр. IX. Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. 74, л. 63.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Татищев В. Доношение императрице Екатерине Первой из Швеции от 17 октября 1726 года. ЦГАДА, ф. Государственного архива, разр. IX, кн. 81, л. 37.

¹⁷ Татищев В. «Представление о купечестве и ремёслах». Воронцовское собрание, д. № 380, л. 415 об.

Татищев, — императрица Анна Иоанновна ко устройению оной соизволенне своё объявить, и на содержание ея по 12 000 рублей в год дать изволила, в которой быть ремёслам: 1) архитектуре, 2) живописи, 3) образности, 4) механики, и людей: главным Татищева в архитектуре, Еропкина в живописи, Каравака в скульптуре, Рястрелия в механике, из профессоров искуснейшаго, но Остерман, по некоей ненависти удержал, и указ, изготовленной к подписке уничтожил, и такое сие весьма государству полезное дело в забвении осталось»¹⁸.

Татищев считал необходимым также практиковать посылку учащихся академии за границу для ознакомления с передовой техникой Европы, Америки по примеру Швеции: «Берг-коллегия имеет двух человек в посылке по заводам чужестранных, выбирая охотников и способных к поятию, имеющих в физике, математике и химии основания, которые на иждивение государства ездят не токмо в Европу, но и в Азию и Америку по всем заводам, и когда оные возвратятся, то их определяют к надзору заводов и производят в члены берг-коллегии, а на их места других отпускают, и даётся на год человеку по пяти сот рублёв, чрез что не токмо в коллегии, но и по заводам людей искусных довольно имеет»¹⁹.

Одновременно с вопросом о внедрении техники в промышленность и сельское хозяйство и о подготовке технических кадров для России Татищев придавал огромное значение вопросу о распространении в России грамотности. Он не мог не понимать, что без общей грамотности населения нельзя создать технически грамотных работников для промышленности и сельского хозяйства. Татищев настаивал поэтому на открытии школ при приходских церквях, в которых должны были обучаться грамоте дети «подлых людей», т. е. недворянского сословия: «Весьма бы нужно, — говорил он, — при церквях приходских школ для обучения в городех гражданских, а в сёлах дворовых людей и крестьянских детей хотя писать и читать училища учредить и учителей иметь, дабы чрез то как в домоуправлении, так и в войске грамотные не оскудевали, о чём во всех христианских государствах прилежно стараются»²⁰.

Связывая развитие промышленности с ростом торговли России, Татищев, как меркантилист, отводил последней видное место в народном хозяйстве. «Купец, имея довольство товара яко внутри своей области, тако за границу с прибылью продаёт и тем пошлину в казну, а себе прибыль и свой торг от часа умножает. Следственно все доходы государственные какого б оные звания не были единственно от купечества происхо-

дят»²¹. Он считал, что торговлей должно заниматься только купечество, а задача государства — лишь содействовать купечеству, последнее же должно располагать правом торговать всеми видами товаров без ограничения. Татищев был против имевших место при Петре I подрядов и откупов отдельных купеческих компаний на некоторые товары, ибо считал, что они способствовали разорению среднего и мелкого купечества и наносили ущерб государству: «Тако купечество, где оное свободно торгует тамо и богато, а когда купечество богато, то всё государство сильно и почтенно»²².

В области торговли Татищев также следовал основным экономическим принципам Петра I, которые сводились к политике активного торгового баланса и регламентации ввоза иностранных товаров. На основе этих принципов он предлагал много новых практических мероприятий, которые должны были содействовать росту торговли России. Татищев отдавал предпочтение внешней торговле: «Внешней заграницы торг наибольшее богатство и пользу приносит»²³.

Учитывая, что России трудно будет конкурировать на западных рынках, он выдвигал на первое место торговлю с Востоком, более доступным для русских промышленных товаров и сельскохозяйственных продуктов. Для расширения вывоза на Восток Татищев предлагал снять запрет с ряда товаров, наложенный в своё время Петром I и его преемниками в интересах восточной военной политики. К таким товарам относились верёвки, канаты, кожи, полотна, кремни, медь, олово, порох, сталь, железо и железные изделия. Своё мнение Татищев мотивировал следующим рассуждением: «Железо не в деле сие запрещено, мною, для удержания от войны, дабы им оружия не доставало, токмо сие мнение чаю не весьма право, если рассудить, что не железо ниже самое оружие, но люди воюют и побеждают»²⁴.

Будучи сторонником широкого развития внешней торговли, Татищев всё же оставался на позициях протекционизма и предлагал регламентировать торговлю с учётом интересов отечественной промышленности и нужд государства. Для этого он считал необходимым разрешить беспошлинный ввоз в Россию дефицитного сырья (шерсть, шёлк-сырец), а также золота, серебра и лекарств. Вывозить же без пошлины он разрешал в первую очередь своё сырьё (табак, вина, соль), а также золото и серебро в позументах, кружева, парчу и товары других государств, если «привозную пошлину более провозной платили»²⁵. Ввоз дорогих изделий он

¹⁸ Татищев В. «Лексикон». Ч. 1-я, стр. 19—20. Спб. 1793.

¹⁹ Татищев В. Доношение императрице Екатерине Первой из Швеции от 17 октября 1726 года. ЦГАДА, ф. Государственного архива, разр. IX, отд. II, кн. 81, л. 35 об.

²⁰ Татищев В. «Рассуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной». Попов Н. Указ. соч., стр. 735.

²¹ Татищев В. «Представление о купечестве и ремёслах». Архив Воронцовых № 380, л. 416 об.

²² Татищев В. «Рассуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной». Попов Н. Указ. соч., стр. 719.

²³ Татищев В. «Доношение об астраханском торге». Архив АН СССР, ф. 95, д. № 31, л. 4 об.

²⁴ Там же, л. 16.

²⁵ Там же, л. 10.

считал необходимым облагать высокими пошлинами.

Он предлагал ряд мероприятий, способствовавших улучшению внутренней торговли. Наиболее важными из них были улучшение монеты и создание государственного кредита для ремесленников и купечества. Татищев наблюдал за возрастанием банкротства среди купечества: «Ныне на Руси надмерно много является банкротов из купечества, чего прежде не бывало»²⁶—и старался вскрыть причины этого опасного явления, чтобы скорее его устранить.

Используя опыт петровского времени, Татищев пришёл к заключению, что низкое качество серебряной монеты в России того времени было одной из причин, задерживавших развитие торговли и промышленности в стране. Ссылаясь на опыт Петра I и Англии, Франции и Швеции. Татищев неоднократно ставил вопрос об улучшении качества серебряной монеты, предлагая повысить вес серебра в монете на 15%. Это должно было, по его мнению, прекратить отлив золота из государства и предотвратить разорение купечества. «Казна от удобрения монеты не токмо убытки не понесёт, но ещё и прибыль получит, а народу как выше показано никакого убытка быть не можно то, да хотя б казне и той прибыли не было то довольно, что лучшую и весьма порядочную монету в государстве иметь будем, через что кроме пользы в купечестве слава государственная более, прибыли почитаться может»²⁷.

В то же время Татищев хорошо сознавал, что одним повышением качества серебряной монеты нельзя было восполнить потребность промышленности и торговли в денежных средствах. Отсутствие правильно поставленного государственного кредита — вот что ставило русскую промышленность и торговлю в тяжёлое финансовое положение и вызывало банкротство среди купечества. По мнению Татищева, необходимо было организовать постоянный государственный кредит для купечества и ремесленников путём открытия специальных банков, которые могли бы использовать лежащие без движения денежные средства частных лиц: «Для исправного и порядочного торгу нужно иметь кредит... для ремесленников или мануфактур великая в том нужда случается... Шляхетство и духовные... имея во избытки деньги... купцам давать для многих обстоятельств опасаются. Того ради во всех почитай сильных в купечестве областях устроены банки, где всяк свои деньги за определённую лихву положить без опасности, а купцы и ремесленники из оного с прибавкою лихвы за поруки или заклад получить могут из чего великая государствам польза происходит, ибо из того... казна государственная ис-

правною заплатою податей и пошлиною от оных прибиток имеют»²⁸.

Наряду с такими основными мероприятиями, как организация кредита и улучшение денежного обращения, Татищев считал нужным провести и ряд других улучшений, без которых нельзя было правильно организовать торговлю. Он предлагал упорядочить работу ярмарок, таможен и почты, а также улучшить сообщение внутри страны путём прокладки новых дорог и постройки каналов и пристаней. Признавая большую роль ярмарок в развитии внутренней торговли, Татищев считал необходимым развернуть и наладить работу почты, при помощи которой купцы могли бы своевременно получать нужные сведения, как то: о сроке работы ярмарок, о спросе и предложении товаров и т. д. «Немалой недостаток купечеству, что во время ярмарок великих в те места почты нет, а надлежало бы всякую седмицу от всех знатных мест два раза отпускать, чтоб купцы всюду знали, каких товаров тамо требуют или каких на ярмарке со избытком и недорого продают, которое бы не мало купечеству ползовало и казне не меньше дохода приносило, токмо настоящее почты состояние весьма неисправно»²⁹.

Татищев находил также нужным отменить установленный Петром I постой полевых полков у горожан, который оказывал влияние на разорение ремесленников и купечества, и находил более целесообразным размещать полки в казармах, построенных на средства городского населения: «От постоев беспорядочных граждан весьма разоряются, токмо до днесь о том достаточного устава не сочинено, и в разводе квартир манистрат почитай никакой власти не имеет, но единственно полиция и определённые от оной офицеры властвуют, которые так купечество, а наипаче ремесленников в конец разоряет и строению домов препятствует»³⁰. Без проведения этих мероприятий, по мнению Татищева, не только нельзя было рассчитывать на дальнейшее развитие торговли, но и предупредить разорение купечества и падение существующей торговли.

Татищев интересовался как расширением торговли и ростом оборота, так и упорядочением самой торговли, требуя повышения качества обрабатываемых на рынке товаров и устранения обмана и плутовства со стороны купечества. Он считал, что «непорядочная» торговля наносит ущерб государству, так как население вынуждено обращаться к иностранным купцам. Татищев поэтому требовал поставить маклеров для контроля над торговлей во всех крупных торговых центрах наравне с приморскими городами. «Наши купцы и их приказчики,—говорил он,—воровством и подлогом в товарах вред государству и разорение купечеству наносят и, хотя по уста-

²⁶ Татищев В. «Представление о купечестве и ремёслах». Архив Воронцовых № 380, л. 419.

²⁷ Татищев В. «Мнение о переделке серебряной монеты 1730 г.». Архив АН СССР, ф. 95, д. № 52, л. 2 об.

²⁸ Татищев В. «Представление о купечестве и ремёслах». Архив Воронцовых № 380, л. 420.

²⁹ Там же, л. 417 об.

³⁰ Там же, л. 416 об.

ву магистратскому для смотрения правостей в товарах велено в знатных купецких городех определить маклеру, однакож оных кроме приморских нигде не определено и законом им (магистратам.— П. А.) не предписано, через что многих плутовства и вредительные обманы видим»³¹.

Главную роль в развитии торговли и промышленности в стране Татищев отводил государству. Он считал, что государство должно взять всецело на себя инициативу руководства и направления народного хозяйства. Являясь представителем дворянства, Татищев не верил в инициативу и самостоятельность «подлого люда», т. е. недворянского сословия. Он подчёркивал, что купцы и ремесленники ленивы и без принудительных мер со стороны государства останутся бездеятельными. В связи с этим Татищев предлагал восстановить петровские законы и созданные им учреждения для управления торговлей и промышленностью со всеми их функциями и правами, внося, однако, необходимые изменения и исправления. Так, предлагая восстановить городские магистраты, он вносил некоторые изменения в положение о них. Он предлагал заменить купеческое руководство в магистратах дворянским и установить контроль магистрата над деятельностью и даже над некоторыми сторонами частной жизни купечества, опасаясь, что последнее будет перенимать широкий образ жизни дворянства, а это повлечёт за собой разорение его.

По мнению Татищева, дворянское управление магистратом и контроль последнего над купечеством должны были оградить городское сословие не только от разорения, но и от злоупотреблений со стороны крупного купечества, а также губернаторов, воевод и судебных органов.

В своих записках Татищев останавливается на вопросах землевладения, помещичьего и крестьянского хозяйства, а также на вопросе крепостного права. Выступая ярким защитником помещичьего землевладения и дворянских привилегий, Татищев отстаивал существовавшие сословные различия между дворянством и «подлыми», всё, что могло бы нарушить эти различия, вызывало у него протест. Так, в «Рассуждении о беглых» Татищев резко осуждал предоставленное «подлым» право приобретать землю у дворянства: «У нас между шляхтичем и подлым никакой разности, ни закона о том нет, а почитаются все имеющие деревни: подьячие, поповичи, посадские, холопы, имеющие отчины, купленные или иным случаем полученные, за шляхетство гербы себе берут кто какой сам вымыслит и почитаются по богатству, чего нигде не ведётся»³².

³¹ Там же, л. 420.

³² Татищев В. «Рассуждение о беглых мужчинах и о пожилых женщинах за побег». Попов Н. Указ. соч., стр. 771. В другом месте Н. Попов даёт этот документ под следующим правильным названием: «Рассуждение Татищева о беглых мужчинах

Ослабление сословных перегородок Татищев рассматривал как явление опасное и вредное для экономической и социальной жизни России. Он предлагал отменить право купечества покупать к своим мануфактурам землю с крестьянами, разрешив им лишь аренду, так как право купечества владеть деревнями лишало шляхетство возможности нести свою гражданскую и военную службу, а купечество заниматься промышленностью и торговлей. Татищев обращался за примером к западным государствам: «Многие богатые купцы, не имея никакого в том смысле, ни прилежности... ища к своему и казённому вреду противу древних законов, деревни купить, которыми ни мало управлять не разумеют... тем сами разорились и деревни разоряют... Сие есть весьма дивно, для чего такое вредное обстоятельство противу законов и ползы им допущено, ибо видим во Франции, Англии, Голландии и проч. великие фабрики, но деревень купцам купить нигде не позволено, разве мельницы и другие нужные места купить, отчины же не иначе как арендую иметь, доколе ему потребно могут. И ежели сей вред не пресечётся, то опасно, чтоб всё наше купечество торгу не лишилось, и так мы как купцов для торгу, так шляхетства для службы иметь достаточно не будем»³³.

Главным тормозом к развитию помещичьего хозяйства Татищев считал плохое размежевание земель, которое создавало постоянные неурядицы между помещиками, мешало правильной постановке хозяйства и приводило к разорению средних и мелких помещиков. В интересах большинства дворянства и государства он полагал необходимым безотлагательно провести генеральное размежевание, предварительно подготовив в Академии наук геодезистов: «У нас великия вражды, беспокойства и смертныя убийства, крайняя разорения немощим от сильных, недоборы в казённых податях от неразмежевания земель происходят,— писал Татищев графу Разумовскому, предлагая обратить внимание на подготовку и работу геодезистов,— а хотя и геодезисты посылаются, но и те полуделить неучёны и обидят людей или разоряют по их воле»³⁴.

Татищев занимал также вопрос о форме управления помещьем и о системе хозяйства. Он полагал, что помещик обязан управлять своим хозяйством сам, не передавая его своим приказчикам и старостам. Только в этом случае он допускал барщинную систему хозяйства, при других же условиях считал выгодным лишь оброчное хозяйство. «Всякому помещику должно иметь на пашне деревни в одном

и женщинах и о пожилых за побег». Там же, стр. 606.

³³ Татищев В. «Представление о купечестве и ремёслах». Архив Воронцовых № 380, л. 417 об.

³⁴ Татищев В. Письмо графу Разумовскому от 11 августа 1747 г., с. Болдино. Архив АН СССР, ф. I, оп. 3, д. № 34, л. 202 об.

месте для того, чтоб сам всю экономию мог видеть, а прочия иметь на оброке по рассмотрению своих дачь и всяких угодьев. Ежели же помещик сам по случаю своей экономии видеть за отлучкою не может, то отдав всю землю и всякия угодья крестьянам, пользу себе получит сим положением полезнее, нежели заочно содержать приказчика или старосту»³⁵.

Помещичье хозяйство, по мнению Татищева, должно было быть организовано с учётом опыта предков и достижений агрономии. Во всём должна быть видна рачительность, домовитость, умеренная расчётливость. В хозяйстве «ничего пропадать напрасно не может»³⁶, поучал Татищев.

В неразрывной связи с помещичьим хозяйством Татищев уделял много внимания и крестьянскому хозяйству, которое являлось не только главным источником благосостояния помещика, но и одним из важнейших каналов государственных доходов, а также поставщиком сырья для промышленности. Исходя из этого, Татищев считал, что крестьянское хозяйство должно быть поставлено в такое положение, которое давало бы ему возможность не только удовлетворять помещика, казну и купечество, но и самому расширяться. В своих письмах Татищев не раз отмечал бедственное состояние и падение крестьянского хозяйства: «Многие крестьяне чем сеять не имеют»³⁷.

Для укрепления и поднятия крестьянского хозяйства Татищев предлагал увеличить количество пахотной земли на тягло, состоящее из мужа и жены, до 2—3 десятин в каждом поле, а также иметь «лошадей работных 2-х, быков кладеных двух»³⁸. Предложение Татищева о количестве земли на тягло почти совпадает с предложениями экономиста Рычкова о норме земли на тягло до 1½—2 и более десятин пахотной земли в каждом поле, и Посошкова, который в «Книге о скудости и богатстве» предлагал установить на двор до 2—3 десятин пахотной земли в каждом поле и 2 десятины покоса — итого 8—11 десятин на двор.

Татищев полагал, что при таких условиях крестьянское тягло будет иметь возможность ежегодно обработать по десятине в каждом помещичьем поле и скосить 120 пуд. сена, а кроме того сможет «заплатить... каждое тягло без тягости в год помещику 10 рублей»³⁹. Крестьянское тягло,

по мнению Татищева, должно было работать на помещичье и своё хозяйство зимой и летом по 16 часов в сутки. Это весьма высокие размеры барщины и оброка. Татищев делал ставку на зажиточного крестьянина, имевшего много разного скота и другого домашнего скарба. За крестьянской беднотой он отрицал право ведения самостоятельного хозяйства и предлагал отдавать в батраки к зажиточным крестьянам: «А кто всего вышеписанного в доме своём иметь не будет, таковых отдавать другому в батраки без заплаты, который будет за него платить всякую подать и землю его владеть, а его ленивца будет иметь работником, пока он заслужит хорошую похвалу»⁴⁰.

Отстаивая сохранение крепостных отношений, Татищев в своих взглядах на крестьянство не поднялся выше обычного рассуждения заскоруждого крепостника-помещика, считая, что крестьянство самостоятельно, без направления со стороны помещика, не в состоянии правильно вести своё хозяйство. Он заявлял, что крестьянин ленив, безинициативен и не может быть рачительным хозяином: «И... во время работы с крестьянами старосте и приказчику с великою строгостью и прилежностью обращаться надлежит... Работу же производить сделав сперва помещичью, а потом принуждать крестьян свою, а не давать им то на волю, как то есть в худых экономиях, то не смотрят за крестьянскою работою, когда они обращаются к собственной своей работе, понеже от лениности в великую нищету приходят, а после произносят на судьбу жалобу»⁴¹.

Исходя из этого, Татищев требовал установления постоянной опеки со стороны помещика над всей жизнью крестьянина и отдавал его под наблюдение старост и приказчиков помещика. «Крестьян в чужую деревню в батраки и пастухи не пускать и в свою не принимать, вдов и девок на вывод не давать под жестоким наказанием... В своей деревне между собою кумовства не иметь, затем чтоб было можно жениться»⁴². «Доброму старосте и приказчику всего того смотреть надлежит, ибо за хорошее смотрение должны получить хорошую заплату, а за нерадение штраф или наказание»⁴³.

Особое внимание Татищев уделял вопросу о крестьянских побегах. Крестьянские побеги, отмечал он, наносят сельскому хозяйству больше вреда, чем плохое состояние с межеванием помещичьих земель. Он предлагал бороться с побегами как путём улучшения экономического положения крестьянства, так и путём проведения административных мероприятий — увеличить крестьянский надел, количество рабочего скота, повысить доходность крестьянского хозяйства, требовать «крепости» от крестьян с переходом их в город или дру-

³⁵ Татищев В. «Краткая экономическая до деревни следующая записка». «Временник Императорского московского общества истории и древностей Российских», кн. 12, стр. 29. М. 1852.

³⁶ Там же, стр. 23.

³⁷ Татищев В. Письмо Ивану Антоновичу Черкасову от 27 декабря 1745 года. Архив АН СССР, ф. 95, д. № 42, л. 204.

³⁸ Татищев В. «Краткая экономическая до деревни следующая записка». «Временник», кн. 12, стр. 21.

³⁹ Там же, стр. 20.

⁴⁰ Там же, стр. 28.

⁴¹ Там же, стр. 21.

⁴² Там же, стр. 22.

⁴³ Там же, стр. 21.

гое село, тщательно проводить ревизии, установить урочные годы сыска и т. д.

Однако всего этого, по мнению Татищева, было мало для эффективной борьбы с побегами крестьян и с тем злом, которое эти побеги причиняли помещикам, казне и всему народному хозяйству. Перед Татищевым встал вопрос о коренном изменении системы ведения помещичьего хозяйства.

Вопрос о взаимоотношениях между помещиками и крестьянами неоднократно привлекал внимание Татищева и затрагивался им в разных работах. В «Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищ» Татищев выдвигал положение, что закрепощение крестьян носило временный характер и было установлено в результате добровольного договора крестьян с помещиками, в силу которого крестьяне отказывались от свободы, а взамен этого помещик должен был их кормить и защищать. «Договор-то, разумется, когда один другому что-либо обещает... например, один сам себе пропитания, одежды и жилища премыслить или от неприятеля защищаться не способен, а другой тем изобилует, да работать или в дальния места отлучиться не может, то требует помощи и услуги. Тогда они согласятся, договорятся, что сей обещает сему служить и его воле повиноваться; противно же тому, оной обещает пищею, одеждою и жилищем снабдить и от обиды защищать, через что тот, отдающийся в волю другого, своей воли не имеет... Из сего договора происходит неволя холопа или слуги»⁴⁴.

В 1738 г. в книге «Правда русская и судебник царя и великого князя Ивана Васильевича» к статье 86-й Татищев сделал весьма интересное примечание: «Вольность крестьян и холопей хотя во всех европейских государствах узаконенное, и многую в себе государствам пользу заключает, что может и у нас тогда от обычая пользовало, особливо когда крестьяне беспутными отчинники утесняемы, и к победам с их разорением понуждаемы не были... Тогда в добрых, верных и способных служителях мы такого недостатка не терпели. Но оное с нашею формою правления монаршевского не согласует, и вкоренившейся обычай неволи переменить небезопасно»⁴⁵. В этом суждении Татищев признаёт пользу вольности крестьян в интересах государства и дворянства, но считает её невозможной и небезопасной в условиях монархии, опирающейся на прикрепление помещиков к службе и крестьян к помещикам.

Через десять лет Татищев в записке «Рассуждение о беглых мужчинах и женщинах и о пожилых за побег» вновь останавливается на вопросе об утраченной

вольности крестьян. И на этот раз он считает невозможным его решить. «У нас по приятии христианства до царя Фёдора Ивановича были все крестьяне вольные и жили кто за кем хотел, пленники токмо были невольные, но их дети свободны. Царь Борис, по кончине царя Иоанна, вольность сию отнял и учинил крепостными, но видя из того великое беспокойство, паки волю дал. Царь Василий Шуйский, видя, что тем беспокойство в шляхетстве умножилось, паки вольность крестьянам отнял, однако же в его указе включения были весьма изрядные, которое сочинённым Уложением в большую невольность, а в судах неясностию многим распрям и ябедам способы причинило. Ныне же можно ли ту вольность без смятения возобновить и все те распри, коварства и обиды пресечь, требует пространного рассуждения и достаточно мудрого учреждения дабы ища в том пользы, большего вреда не нанести: для того я оное оставляю в прежнем и в обычаях вкоренившемся порядке»⁴⁶. На основании приведённых документов можно предполагать, что Татищев видел назревавшую необходимость замены крепостного права новой системой помещичьего хозяйства — системой вольного перехода крестьян (посредством освобождения крестьян без земли), и он искал подтверждения этому в русской истории и практике современных государств. Однако он только ставит этот вопрос, но не решает его и не предлагает провести в жизнь, считая его весьма сложным и опасаясь недовольства помещиков и особенно крестьянских восстаний, которым реформа Татищева сулила «свободу от земли». Он остался сторонником сохранения крепостных отношений, высказываясь лишь против излишней жестокости и хозяйской нерачительности помещиков.

Итак, Татищев высказывался по всем основным экономическим вопросам своего времени и решал их как убеждённый меркантилист. Экономические взгляды Татищева складывались не под впечатлением современной экономической литературы, с которой он был, без сомнения, знаком, а под влиянием преобразовательной деятельности петровского времени. Окончательно же они оформились в 30—40-е годы XVIII века, когда Татищев имел уже возможность обобщить и проверить правильность экономической политики петровского времени на практике. Однако Татищев руководствовался экономической политикой Петра не догматически; он считал необходимым вносить в неё изменения и дополнения, которые способствовали бы дальнейшему преодолению экономической отсталости России.

Татищев, как меркантилист мануфактурного периода, видел источник богатства государства не в накоплении денег, а главным образом в развитии мануфактур и торговли. К источникам государственных

⁴⁴ Татищев В. «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ», стр. 140—141. М. 1887.

⁴⁵ Татищев В. «Правда русская и судебник царя и великого князя Ивана Васильевича», стр. 147. Издание мышкинской земской библиотеки 1899 года.

⁴⁶ Татищев В. «Рассуждение о беглых мужчинах и о пожилых женщинах за побег»: Попов. Н. Указ соч., стр. 760.

доходов он отнесл также развитие сельского хозяйства и увеличение народонаселения.

Для обеспечения экономической и политической независимости государства Татищев считал необходимым ускорить, по сравнению с петровским временем, темпы развития мануфактур как лёгкой, так и тяжёлой промышленности и вернуться к протекционистской политике Петра.

Считая необходимым техническое развитие России, Татищев и при преемниках Петра продолжал свою деятельность по внедрению в производство машин. Особенно большое внимание он уделял вопросу о подготовке грамотных технически людей для промышленности через заводские школы и Академию наук. Этот вопрос он связывал с необходимостью введения всеобщего начального обучения для всех сословий и обязательного среднего образования для детей дворянства.

Оставаясь в области торговли на меркантилистских принципах Петра I, Татищев внёс ряд новых предложений, к которым надо отнести отмену откупов и подрядов, усиление торговли с Востоком, организацию банков для купцов и ремесленников, отмену постоев полевых полков в домах ремесленников и купцов и улучшение работы почты как средства для оживления деятельности ярмарок в стране. Названные мероприятия должны были содействовать дальнейшему развитию отечественной торговли и промышленности.

Татищев полагал, что успешное экономическое развитие страны всецело зависит от мероприятий государства.

Не меньше внимания уделял Татищев состоянию помещичьего и крестьянского хозяйства, как одному из источников богатства государства. Основным тормозом для развития сельского хозяйства, по его мнению, являлись неналаженное межевание земель и крестьянские побегы. Первое государство должно было устранить путём генерального межевания. Сложнее было разрешить крестьянский вопрос, остроту которого Татищев считал возможным смягчить рядом административных мероприятий. Но для окончательного разрешения его требовалось коренное изменение взаимоотношений между помещиками и крестьянами.

Признавая значение для дворянства и фискально-государственных интересов раскрепощения крестьян без земли, Татищев тем не менее отказался разрабатывать этот вопрос практически и отрицал возможность проведения его в жизнь. Он остался на крепостнических позициях, и его программа мероприятий в области сельского хозяйства сводилась, по сути дела, к интенсификации крепостного хозяйства.

Экономические взгляды Татищева явились выражением передовой части господствующего класса — дворянства, — которая понимала необходимость преодоления экономической и культурной отсталости России и выдвигала ряд экономических мероприятий, объективно благоприятствовавших развитию капиталистических отношений в стране, но при полном сохранении крепостнических общественных отношений.

ИЗ ИСТОРИИ ПРАЖСКОГО ВОССТАНИЯ 1848 ГОДА

И. Удальцов

В истории революционного движения в Чехии в 1848 г. центральное место занимает Пражское восстание. Отношение к Пражскому восстанию являлось и является в значительной степени и до сих пор одним из основных критериев при определении политической позиции и политических взглядов как современников событий, так и чешских общественных деятелей или учёных более позднего времени, обращавшихся в той или иной связи к истории политических движений 1848 г. в Чехии. Это обстоятельство проявилось уже в ходе событий 1848 г., в особенности в период оформления чешских буржуазных политических партий того времени, на что указывает, например, Тоболка, говорящий, что «основным вопросом, разделявшим обе¹ партии, было отношение к вооружённому восстанию, как средству до-

стижения национальных целей»². О том же пишет и Масарик: «Различия в обеих партиях проявились с наибольшей определённою в том, как оценивали они святодуховские события и их политические последствия»³. О том же свидетельствует и ряд других авторов. Отметим, однако, что позиция радикалов по отношению к восстанию известна главным образом по сообщениям их политических противников, поскольку политические произведения и воспоминания руководителей и участников восстания до настоящего времени не публиковались (исключением являются воспоминания И. В. Фрича) и всячески замалчивались чешской бур-

² T o b o l k a Z d. Politické dějiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby. Díl I, s. 150. Praha. 1932.

³ M a s a r y k T. G. Karel Havlíček. Snahy a tužby politického probuzení. Újď. 2. v Praze. 1904, s. 62—63.

¹ Национально-либеральную и радикально-демократическую.

жуазной историографией. Так, до сих пор не были изданы сколько-нибудь полно относящиеся к 1848 г. политические статьи и выступления Сабини, Арнольда, Сладковского и других радикалов. Зато мнения либералов пропагандировались весьма усиленно, а их позиция по отношению к восстанию всячески восхвалялась. По сути дела, точка зрения чешской буржуазной историографии по этому вопросу представляла собой развитие, обоснование и пропаганду взглядов, высказанных Палацким, позиция которого в этой историографии изображается как единственно правильная и соответствовавшая подлинным интересам всего чешского народа.

В наиболее определённой форме отношение Палацкого к Пражскому восстанию сформулировано им в послесловии к первому чешскому изданию его политических статей — «Radhosti» — в следующих словах: «Я не знаю ни одного события на нашей памяти, которое имело бы столь роковые и вредные последствия для народа, как это «святодуховское восстание» (12 марта и позже)»⁴. Палацкий напоминает, что ещё до этого восстания он предвидел возможность революционных народных выступлений и стремился предотвратить их: «Я и по сей день⁵ совершенно убеждён в том, что если бы мои просьбы, высказанные мною в Национальном Комитете 12 мая (и ещё чаще в других местах), — чтобы мы не покидали своих моральных позиций и избегали бы всякой апелляции к насилию, — если бы, говорю я, эти просьбы были надлежащим образом выполнены, то народ чешский уже в течение 1848 года достиг бы той степени национальных и территориальных прав, которой он до сих пор напрасно добивается, и вся история как чешских земель, так и Австрийской империи приняла бы значительно более утешительное направление, чем это случилось»⁶.

В чём же видел Палацкий тот «непоправимый вред», который якобы нанесло чешскому народу Пражское восстание? «Наибольший вред и источник всего дальнейшего зла заключался в гибели сейма чешского королевства, созыв которого был не только назначен на июнь 1848 г., но и подготовлен. Если бы этот сейм собрался и законным образом сформулировал бы земские пожелания, нет сомнения, что он в высших инстанциях встретился бы с ещё большей уступчивостью, чем сейм венгерский»⁷. Подобную же точку зрения Палацкий высказывает в своей автобиографии⁸ и в целом ряде других мест. Эта точка зрения была полностью поддержана политическими сторонниками Палацкого из лагеря либеральной

буржуазии, такими, как Ригер, Томек⁹, Малый¹⁰ и другие. Малый, например, называет восстание «несчастливым, погубившим всякую общественную жизнь в Праге»¹¹. Такую же оценку восстанию дают и чешские буржуазные историки более позднего времени. Ян Чёрный утверждает, что «в чешском, а следовательно, и пражском обществе не было никаких причин для революции» и что восстание «было делом агитации гостей съезда»¹². Осуждает восстание, называя его последствия роковыми, и один из крупнейших чешских буржуазных историков — Йозеф Пекарж¹³. В специально посвящённой Палацкому работе¹⁴ И. Пекарж пишет: «Славянский съезд был погублен святодуховским пражским восстанием — одной из сумасброднейших и бессмысленнейших революционных выходов неопытной молодёжи». Этим сумасбродством, «столь роковым по своим последствиям», «чешские политические усилия, до сих пор столь счастливые... были скомпрометированы... и наступил период упадка и безнадёжности»¹⁵. К точке зрения Пекаржа полностью присоединяется и Вацлав Халопецкий в своей монографии о Палацком¹⁶. Подобная характеристика Пражского восстания и его роли в истории чешского народа является типичной для всей чешской буржуазной историографии. Однако в этой историографии можно указать на две основных группы работ. Перечисленные выше и примыкающие к ним работы, давая общую отрицательную оценку восстания, не дают конкретного описания его фактической стороны, не останавливаются на ходе событий, всячески стремясь обойти эти события и сконцентрировать внимание читателей на деятельности чешской либеральной буржуазии и дворянства и на ходе буржуазно-национального движения. Но есть и другая группа работ, авторы которых, не расходясь принципиально с первой группой в общей оценке восстания, дают довольно подробное описание хода восстания. Сюда относятся работы Тоужимского¹⁷, Тоболки¹⁸, а

⁹ См. его *Novejší dějepis Rakouský*, s. 524. Praha. 1887; а так же: *Paměti z mého života*, díl. I. Praha. 1904.

¹⁰ Malý J. *Naše znovuzrození. Přehled národního života českého za posledního půlstoletí*; část II. Praha. 1880.

¹¹ Там же, стр. 71.

¹² Černý J. M. «Slovanský sjezd v Praze r. 1848», str. 49. Praha. 1888. Речь идёт о Славянском съезде в Праге 2—12 июня 1848 года.

¹³ Pekař Jos. «Dějiny naší říše», s. 148. Praha. 1914.

¹⁴ Pekař Jos. «Fr. Palacký», str. 125. Praha. 1912.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Chaloupecký V. Fr. Palacký «Zlatoroh», sv. 10—12, str. 119. Praha. 1912.

¹⁷ Toužimský Jos. «Na úsvitě nové doby. Dějiny roku 1848 v zemích českých». Díl. I—II. Praha. 1898.

¹⁸ Tobilka Zd. «Slovanský sjezd v Praze r. 1848». Praha. 1901; Tobilka «Politické dějiny», díl. I.

⁴ Palacký F. *Radhosti. Sbirka spisův drobných z oboru řeči a literatury české, krásovědy, historie a politiky*, díl. III, str. 281. Praha. 1871.

⁵ Т. е. в 1871 году.

⁶ *Radhosti*, III, s. 281.

⁷ Там же.

⁸ *Vlastní životopis Františka Palackého*. Vydává M. Cervinková-Riegrová, str. 35. Praha. 1885.

позже Казбунды¹⁹ и других. Эти работы вводят в научный оборот целый ряд новых документальных материалов, относящихся к восстанию, и вскрывают некоторые ранее неизвестные стороны событий. Некоторые из этих авторов несколько видоизменяют своё отношение к восстанию, отказываясь от изображения этого восстания как национальной катастрофы (Тоболка, Казбунда).

По сути дела, на такой же точке зрения стоит и Томаш Масарик, работы которого оказали значительное влияние на чешскую историографию. Масарик заявляет, что он «не считает, что святодуховское восстание имело те политические последствия, которые ему приписывают доктор Ригер и сам Палацкий (а за ним Малый и др.)»²⁰, указывает на важность участия в восстании рабочих²¹, говорит о социальном характере восстания²² и т. п., стремясь показать отличие своей точки зрения от позиции Палацкого, Малого и других. Однако на деле, если отбросить фразеологию, Масарик солидаризируется с Палацким и изображает восстание примерно так же, как и он. Работа Масарика о Гавличке в значительной своей части посвящена компрометации чешских радикалов. Масарик говорит здесь о присущей радикализму политической близорукости²³, о политической неспособности радикалов²⁴, об их фантазерстве, об отсутствии у них философских принципов²⁵. «Коротко говоря, — пишет Масарик, — наш радикализм 1848 года не представлял собой ни продуманных, ни осмысленных действий: радикалы не были сильной, организованной партией, выступающей с сознанием ответственности, самостоятельно и определённо, но они были политическими импровизаторами, полными революционного возбуждения и раздражения»²⁶. В конечном итоге Масарик стремится привести читателя к выводу о бессмысленности Пражского восстания. Он доказывает, что чехи не были подготовлены к революции, поскольку они духовно не созрели для неё²⁷. «Вооружённая революция (у нас) была невозможна, была бессмысленна и не совершилась. Святодуховские баррикады не были революцией»²⁸. Вывод ясен: неопытные политически, недостаточно образованные, неорганизованные и склонные к фантастике и необдуманному поступкам, легко возбудимые, радикалы вызвали в Праге беспорядки — не революцию! — нарушившие естественный ход событий и повредившие национальным интересам. Но каков же был правильный путь? И Масарик спешит здесь солидаризироваться с Гавличком, который «понял, что вооружённая революция не нужна... что для нас необходима

революция духовная»²⁹. Именно доказательству необходимости отказа от вооружённой революции, пропаганде идеи духовного усовершенствования посвящены труды Масарика. Его точка зрения вполне типична для представителя уже восторжествовавшей над феодализмом буржуазии, боящейся революционных выступлений пролетариата и крестьянства и стремящейся предотвратить их. Работы Масарика знаменательны тем, что, заключая в себе значительное количество соответствующей духу времени (90-е—900-е годы) псевдодемократической и псевдосоциалистической фразеологии, они были направлены к защите реакционной буржуазной идеологии против формирующейся и завоевывавшей всё более широкие массы идеологии пролетарской. Не случайно основные труды Масарика посвящены борьбе с марксизмом.

Такое же положение сохранялось в чешской буржуазной и социал-демократической историографии в течение всего периода существования первой республики. Но и после окончания второй мировой войны положение первое время оставалось прежним. Целый ряд работ, изданных в Чехословакии в 1945—1947 гг., продолжал игнорировать Пражское восстание, посвящая ему буквально лишь по несколько фраз. Так, в изданной в Праге в 1947 г. «Истории Чехословакии» К. Крофты³⁰ из 914 страниц лишь 11 строчек посвящены восстанию, изображаемому как случайное столкновение пражских радикалов, главным образом студентов, с военным командованием. Совершенно обходит Пражское восстание Одложилек в вышедшем из печати в 1945 г. пятом издании его «Очерка чехословацкой истории»³¹. Ольдржих Ржига, стремящийся в своей книге об экономическом и социально-политическом развитии Чехословакии в 1790—1945 гг.³² встать на марксистские позиции, сохранил, однако, старую схему изложения причин и следствий восстания и уделил ему всего лишь несколько фраз³³. То же можно сказать и о книге Ольдржиха Фидрмуса «Обзор чехословацкой и русской истории», изданной в 1946 г.³⁴, и о некоторых других работах.

Вполне понятно, что подобное отношение к одному из крупнейших революционных выступлений чешских народных масс, совершенно естественное для буржуазных историков и идеологов, не могло удовлетворять обращавшихся к этому периоду чешской истории представителей пролетарской идеологии. Одним из первых выступил против буржуазной и социал-демократической концепции разбираемого вопроса один из руко-

¹⁹ Kazbunda K. «České hnutí roku 1848». Praha. 1929.

²⁰ Masaryk «Karel Havlíček», str. 80.

²¹ Там же, стр. 59.

²² Там же.

²³ Там же, стр. 61.

²⁴ Там же, стр. 67.

²⁵ Там же, стр. 72, 76.

²⁶ Там же, стр. 79.

²⁷ Там же, стр. 72—73.

²⁸ Там же, стр. 73.

²⁹ Там же.

³⁰ Krofta K. «Dějiny československé», str. 622. Praha. 1947.

³¹ Odložilík O. «Nástin československých dějin». Praha. 1946.

³² Ríha O. «Hospodářský a sociálně-politický vývoj Československa 1790—1945». Praha. 1946.

³³ Там же, стр. 29—30.

³⁴ Fidrmaš O. «Přehled dějin československých a ruských», str. 211—212. Praha. 1946.

водителей чешской компартии. Ян Шверма, сформулировавший свою точку зрения ещё в 1933 г. во вступительной статье к изданию чешскими коммунистами сборнику «Маркс—Энгельс—Ленин—Сталин об Австрии и чешском вопросе»³⁵. Выступая против изображения Пражского восстания как случайной, бессмысленной и авантюристической вепьшки, Шверма доказывает, что это восстание явилось логически закономерным проявлением нараставшего в среде народных масс Чехии демократического движения. «Главным представителем радикального движения было мелкобуржуазное студенчество, — пишет Шверма, — а главной массовой силой этого движения... был чешский пролетариат... Его принципиальный классово-идеологический характер был мелкобуржуазно-демократическим»³⁶. Шверма показывает, что отношение радикалов и демократов к революционным методам борьбы не было проявлением их политической неопытности или сумасбродства, а, напротив того, явилось именно результатом учёта опыта политической борьбы как в Чехии, так и в других странах. Радикалы считали, что «революция — это дело борьбы, а не фразы, что только последовательное развёртывание революционной борьбы и привлечение к этой борьбе самых широких народных масс может спасти революцию и уничтожить реакцию, что для этой борьбы необходимо объединить все действительно революционные и демократические элементы всех народов». Чешские революционеры и демократы во главе со Сладковским понимали, что «компромисс в момент борьбы — это гибель революции, и, резко выступая против трусливой и реакционной политики официальных вождей, с воодушевлением приветствовали борьбу венского студенчества и пролетариата»³⁷.

Мы видим здесь уже совершенно иную концепцию, совершенно иную оценку чешских радикалов, вставших во главе восстания. Шверма даёт иную оценку также и самого восстания как социального выступления, отодвинувшего на задний план национальные раздоры и объединившего на баррикадах как чешских, так и немецких пролетариев и мелкую буржуазию. «Студенты и пролетарии не были достаточно «разумны» для того, чтобы считаться с конкуренцией между чешской и немецкой буржуазией, с интересами борьбы за рынки, с интересами буржуазных карманов. Между чешскими и немецкими студентами и пролетариями не было этих раздоров конкурентной борьбы, которые на смерть делили обе буржуазии»³⁸. Шверма даёт новую оценку и роли чешских демократов, поражение которых в Пражском восстании он объясняет не безрассудством и фантазёрством, а организационной слабостью демократического направления. Шверма правильно оценивает роль аграрного вопроса в событиях 1848 г.

и одной из важнейших причин неудачи буржуазной революции считает отказ чешской буржуазии от вовлечения в политическую борьбу крестьянства — решающего резерва революции³⁹. Он указывает, что причиной этого явилось определённо выраженное в течение всего движения стремление буржуазии к компромиссу с реакцией, решение заранее принести в жертву интересы крестьянства, чтобы для себя выторговать у реакции уступки. Шверма пишет, что «чешская буржуазия, направлявшая всю свою политическую линию на компромисс с реакцией, совершенно не заботилась о привлечении на свою сторону крестьянства. Требование уничтожения крепостной зависимости не могло успокоить обнищавшую массу крестьянства. Сила шляхты и нищета крестьянства коренились не только в крепостном праве, но и в монопольном праве собственности на землю, которое принадлежало шляхте. Ключ к радикальному и последовательному разрешению аграрного вопроса лежал в земельном вопросе. И это последовательное разрешение аграрного вопроса было необходимой предпосылкой победы революции»⁴⁰. Шверма показывает далее, что целью чешской либеральной буржуазии было не развёртывание, а прекращение крестьянского движения, и именно к этой цели были направлены главные её политические усилия. Июньская революция в Праге, говорит Шверма, способствовала подъёму крестьянского движения, но не смогла организовать и возглавить его. Однако «этот недостаток не является позором для неё — она не сделала этого не из трусости, а из-за своей слабости»⁴¹. Говоря об отношении к Пражскому восстанию со стороны немецкой буржуазии, Шверма подчёркивает, что она, как и буржуазия чешская, не оказала восстанию никакой поддержки. Лишь венские пролетарии и студенты выражали свои симпатии по отношению к нему, и лишь один последовательный революционер призывал к поддержке восстания — Карл Маркс, говорит Шверма.

Статья Швермы явилась, по существу, первой попыткой подойти к анализу событий 1848 г. с марксистских позиций, с позиций классовой борьбы, что, несомненно, знаменовало собой начало нового этапа в историографии изучаемого нами вопроса.

В течение 15 лет, последовавших за выходом в свет статьи Швермы, в Чехословакии не появилось специальных работ о революционном движении в Чехии в 1848 г., которые подходили бы к истории этого движения с позиций марксизма. Следующая такая попытка была сделана в опубликованной в начале 1948 г. небольшой книге Арношта Климма «1848 год в Чехии»⁴². Несмотря на отдельные ошибочные или спорные положения, содержащиеся в работе Арношта Климма, его книга свидетельствует о значи-

³⁵ «Marx — Engels — Lenin — Stalino Rakousku a české otázce». Praha, 1933. Šverma J. «Rok 1848 v Čechách».

³⁶ Там же, стр. 83.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, стр. 84.

³⁹ Там же, стр. 85.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Klíma A. «Rok 1848 v Čechách». Praha, 1948. См. нашу рецензию на эту книгу в журнале «Вопросы истории» № 7 за 1948 год.

тельном приближении некоторых чехословацких историков к марксистским позициям. Правильная оценка значения и характера Пражского восстания даётся и в работе Вацлава Гуса, опубликованной в недавно вышедшем в свет сборнике статей, посвящённых славянскому съезду 1848 г. в Праге⁴³.

Однако точка зрения Швермы, Гусы и Климы не стала ещё господствующей в чешской историографии. Мы указывали уже на целый ряд работ, вышедших в послевоенный период (Фидрмуца и др.), далёких ещё от марксистской оценки событий 1848 года. Добавим к этому, что с мнением А. Климы и В. Гусы серьёзно расходятся ещё и такие современные чешские историки, как И. Мазурек, Ф. Роубик и другие. Сошлёмся, например, на прочитанную год назад Ф. Роубиком лекцию «Святодуховское восстание и славянский съезд», опубликованную в том же сборнике статей о славянском съезде. В этой лекции наряду с целым рядом интересных наблюдений содержатся и многие сомнительные и прямо неверные положения. Роубик солидаризируется с Карлом Гавличком, «постоянно призывавшим прежде всего к повышению всеобщей образованности широчайших слоёв народа, как наилучшему оружию против временного физического превосходства реакции»⁴⁴. Роубик фактически возвращается к типичной для буржуазной историографии точке зрения, видевшей главное следствие восстания в срыве славянского съезда. Он утверждает, что пользу из Пражского восстания извлёк, бесспорно, «прежде всего Кошут и его мадьярская, антиславянская политика»⁴⁵. Ни слова Роубик не говорит о прогрессивной роли восстания в ходе общевосточной революции. Существенное различие между оценкой восстания Климой или Гусой, с одной стороны, и Роубиком — с другой, является одним из свидетельств отсутствия в чешской историографии единого мнения по вопросам, связанным с Пражским восстанием.

Для того чтобы сделать правильные выводы относительно характера Пражского восстания, обратимся к основным моментам восстания и к связанным с ним документам.

Демократическое движение в Чехии, которым руководили чешские радикалы, принадлежавшие к кругам мелкобуржуазной интеллигенции, студенчеству, отчасти ремесленникам, началось уже в первые дни мартовских событий. Не повторяя данных, приведённых уже нами в опубликованной в 1947 г. статье «К вопросу о революционном движении в Чехии в 1848 г.»⁴⁶, отметим некоторые дополнительные факты.

⁴³ Husa V. «Slovanský sjezd r. 1848 s dnešního hlediska». В кн.: «Slovanský sjezd v Praze 1848». Sborník přednášek slovanského ustavu, str. 129—130. Praha. 1948.

⁴⁴ Roubík F. «Svatodušní bouře a slovanský sjezd», там же, str. 104.

⁴⁵ Там же, стр. 110.

⁴⁶ См. «Вопросы истории» № 5 за 1947 г., стр. 23—47.

характеризующие демократическое движение в чешских землях в доиюньский период.

С началом революционного движения в Австрийской империи радикалы развернули широкую агитацию среди чешского населения и в войсках. Уже 5 марта в руки полицейских властей попала листовка, начинавшаяся словами «Братья! Италия восстала и борется против несправедливостей австрийского правительства», называвшая итальянское восстание «благородным и справедливым» и выражавшая возмущение тем, что другие австрийские народы, в том числе и чехи, принуждаются австрийским правительством проливать кровь и жертвовать жизнью для усмирения восставших итальянцев. Листовка заканчивалась словами «Братья, наступил конец всем жертвам для трона, который считает нас рабами, притесняет нас, давит жестокими налогами. Итальянцы — наши братья, мы не будем сражаться против них, ибо они так же несчастны, как и мы. Собирайте силы и не допускайте новых вербовок, восстаньте, соединяйтесь, вооружайтесь и освободитесь сами от господского и королевского угнетения и добейтесь для себя конституции, основанной на равенстве, согласии и свободе. 20 марта 1848 года — всеобщее восстание!»⁴⁷.

7 марта в руки полиции попали ещё две листовки, призывавшие к немедленным действиям с целью завоевания конституции, свободы печати и свободы народа вообще⁴⁸. В течение последующих дней по Праге и по всей Чехии в огромных количествах распространялись листовки на чешском и немецком языках, причём часть их разбрасывалась и расклеивалась на улицах, а часть рассылалась почтой по домам⁴⁹.

Одним из главных центров, откуда выходили листовки демократического, революционного содержания, было возникшее ещё в 1846 г. тайное общество «Рипиль», объединившее наиболее радикально настроенных представителей мелкой буржуазии и студенчества. Это общество явилось инициатором и организатором первого массового политического выступления в Чехии — Святовацлавского собрания 11 марта 1848 г.⁵⁰, принявшего текст петиции к императору и создавшего первый в Чехии политический орган — Святовацлавский комитет. Организаторы собрания ориентировались главным образом на участие в нём возможно большего количества рабочих и ремесленников, о чём свидетельствует тот факт, что собрание было назначено на вечер субботы, т. е. на такое время, когда наибольшее количество рабочих свободно от рабо-

⁴⁷ Листовка извлечена из архива наместничества в Праге и опубликована Казбундой — «České hnutí roku 1848», Příloha I, str. 361—362.

⁴⁸ Там же, стр. 37.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Frič J. «Paměti», sv. II, str. 247. Praha. 1891; Klíma «Rok 1848 v Čechách», str. 26; Kazbunda «České hnutí roku 1848», str. 38.

ты, и что место собрания было выбрано в максимальной близости к рабочим районам города — Подекалью и Смихову. Рипилисты же подготовили и проект текста петиции, которая носила определённо выраженный социально-политический характер. Только один пункт из двадцати касался национального момента — требование равенства чешского языка с немецким в школах и судах. Все остальные пункты содержали требования политических преобразований (уничтожение привилегий дворянства и духовенства, утверждение налогов и законодательства для Чехии чешским сеймом, общинное самоуправление и т. д.), реорганизации судопроизводства, демократических свобод (слова, печати, собрания, личности, вероисповеданий), ликвидации военно-политического режима (сокращение постоянного войска, учреждение гражданских гвардий, уничтожение существующей полиции), реорганизации налоговой системы. Особое значение имеют требования уничтожения барщины и других феодальных повинностей без выкупа и «организации труда и его оплаты»⁵⁴. Эти последние требования отражали нужды широких масс населения чешских земель — крестьянства и пролетариата. То обстоятельство, что рипилисты выдвинули эти требования уже в самом начале движения, подтверждает наличие у них связей с пролетариатом и крестьянством, намерение в предстоящей политической борьбе опереться именно на эти слои населения. Важно отметить, что в ходе собрания наиболее решительную борьбу с буржуазными либералами радикалы вели за требование отмены феодальных повинностей без выкупа и организации труда. Радикалов на этом собрании возглавлял поэт Карел Сабина.

Опубликование 15 марта императорского манифеста, возвещавшего скорый созыв представителей от провинциальных сеймов с усиленным представительством от городов для обсуждения проекта конституции империи, вызвало появление в чешских землях целого ряда различных толкований конституции, причём либералы всячески стремились объяснить чешскому народу, что и после введения конституции он прежде всего должен будет соблюдать порядок, подчиняться властям, платить налоги и выполнять феодальные повинности до тех пор, пока они не будут выкуплены⁵².

Выступили со своим толкованием принципов конституции и радикалы, причём в центре их внимания было стремление разъяснить народу прежде всего права. Так, например, К. Сабина посвящает своё «Объяснение конституции»⁵³ главным образом доказательству того, что основная обязанность государства состоит в соблюдении, сохранении и гарантии прав народа, что правительство обязано выполнять волю народа, а народ — постоянно контролировать действия правительства. Народ сам опреде-

ляет степень и границы своих прав и контролирует законодательство.

Осуществлявшаяся в различных формах агитация радикалов находила благоприятную почву как среди крестьянства, широко развернувшего антифеодальную борьбу, так и среди пролетариата, всё решительнее выступавшего с требованиями улучшения своего экономического положения. Донесения из провинции вызвали всё большее беспокойство властей. Красные гетманы из Локетского, Писецкого, Ичинского и других районов чешских земель доносили о волнениях среди рабочих, требовавших работы и хлеба, об усилении среди рабочих агитации радикалов⁵⁴.

17 марта 1200 пражских ситцепечатников потребовали от властей конкретных мер по улучшению их материального положения⁵⁵. Властям пришлось создать специальный комитет по обеспечению работой безработных⁵⁶, а через политическое общество чешской буржуазии — «Мещанскую Беседу» — была организована выплата безработным небольшого пособия⁵⁷. Одновременно Святоцлавский комитет, стремясь «разгрузить» Прагу от безработного пролетариата, являвшегося наиболее опасным для существующего «порядка» элементом, вступил в переговоры с провинциальными фабрикантами о предоставлении пражским рабочим работы в провинции, а с пражскими фабрикантами о том, что пока будут продолжаться волнения, они воздержатся от дальнейших увольнений рабочих со своих фабрик⁵⁸. 17 марта среди пражской буржуазии началась паника в связи со слухами о приближении к Праге тысяч крестьян. Паника не уменьшилась, когда оказалось, что это были не крестьяне, а рабочие из района Пардубиц. Земским властям пришлось предпринять меры для концентрации вокруг Праги воинских частей в целях поддержания «порядка». Демократическая часть образовавшейся в Праге буржуазной национальной гвардии — студенческий легион — вступила в столкновение с войсками. В этой обстановке радикалы стали распространять среди солдат листовки с призывом не выступать против народа, а соединиться с ним в его борьбе, поскольку у народа и войска одни интересы и войско состоит из представителей народа. Одна из таких листовок, написанная в стихотворной форме⁵⁹, призывала солдат «не быть больше слепым орудием, рабами чужой воли», напоминала им, что «гражданин и солдат — одно тело» и что они должны выступать вместе с народом, а не против него. Примерно такого же содержания была и другая листовка, начинавшаяся обращением к «храбрым солдатам, дорогим землякам и братьям»⁶⁰.

⁵⁴ K a z b u n d a. Указ. соч., стр. 62.

⁵⁵ T o b o l k a Z d. «Počátky dělnického hnutí v Čechách», str. 32. Praha 1923.

⁵⁶ K a z b u n d a. Указ. соч., стр. 62.

⁵⁷ T o b o l k a. Указ. соч., стр. 33.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ «Vojáci pozor!» K a z b u n d a. Указ. соч. Приложение X, стр. 372—374.

⁶⁰ Там же, стр. 374.

⁵¹ K l í m a. Указ. соч., стр. 30.

⁵² См., например, статью Палацкого «Co jest Konstituce?». «Radhost», III, str. 3—6.

⁵³ S a b i n a K. «Objasnění konstituce». ИМЭЛ. Фонд листовок 1848 года.

Одновременно распространялись листовки и среди сельского населения. Обращаясь к «дорогим братьям поселянам», чешские демократы заявляли, что они стремятся к освобождению крестьян от крепостной зависимости, к тому, чтобы крестьянство стало свободным и участвовало в управлении страной. «Прага намерена,—говорилось в одной из листовок,—взять сейм из рук господ и передать его в руки самого народа, чтобы народ сам определял для себя земское устройство»⁶¹. Авторы листовки призывали крестьян в целях обеспечения своих прав и интересов «вооружиться и немедленно обучаться военному делу для того, чтобы иметь возможность защищаться от всех неприятелей»⁶².

25 апреля правительство объявило возведенную ещё в марте императорским рескриптом конституцию. Однако эта конституция не явилась результатом совещаний представителей от всех земских сеймов «с усиленным представительством городского сословия и с соблюдением существующих провинциальных конституций», как это было обещано в марте. В обсуждении конституции принял участие лишь небольшой круг близких к правительству лиц. Ни одного представителя от чешского королевства при этом не было.

Конституция провозглашала неприкосновенность национальности и языка, свободу совести, вероисповедания, печати, право собраний и подачи петиций, независимость судов, публичное и устное судопроизводство и суды присяжных. Вместе с тем конституция вводила двухпалатное парламентское устройство, при котором первая палата — сенат — должна была состоять из принцев императорского дома, достигших 24-летнего возраста, из назначаемых императором пожизненных членов и из 150 представителей крупных землевладельцев. Вторая палата — палата депутатов — должна была избираться всем населением и состоять из 383 членов. Конституция предусматривала, «что способ вознаграждения за тяготеющие на земле повинности, объявленные подлежащими отмене», будет установлен рейхсратом, заранее предпрешая, таким образом, что феодальные повинности будут отменены за выкуп.

9 мая в соответствии с этой конституцией был издан избирательный закон, согласно которому при выборах в палату депутатов 1 депутат должен был избираться от 50 тыс. жителей при двухстепенной системе выборов. При избрании выборщиков избирательного права лишались рабочие, получавшие подённую или понедельную плату, прислуга и лица, пользовавшиеся вспомоществованием из общественных благотворительных учреждений⁶³.

Опубликование этой конституции, оставлявшей без внимания все основные требова-

ния демократических элементов и организаций, вызвало выступление в Вене народных масс в защиту демократических свобод, что привело к изменениям в составе министерства и к бегству императорского двора в Инсбрук. Известия о победе народа в Вене послужили толчком для нового подъёма массового движения в чешских землях, прежде всего в Праге.

Революционные события 1848 г. пробудили к политической активности самые широкие слои чешского народа. «В огромных количествах стали возникать в провинциальных городках политические газеты, стали в массе выходить политические брошюры и листовки. Весь народ был втянут в политическую жизнь»⁶⁴. — пишет в своих воспоминаниях современник событий Якуб Малый. Всё более возрастал среди населения чешских земель авторитет чешских радикалов, усиливших через газеты и листовки активную агитацию в массах и организовавших целый ряд народных манифестаций⁶⁵. Низкая заработная плата рабочих, рост цен на продукты питания, безработица в городах, неразрешённость аграрного вопроса в деревне, тяжёлое положение ремесленников — всё это создавало благоприятную почву для демократической агитации. Агитационные листовки принимали всё более широкое распространение. Наиболее революционным содержанием отличались листовки, составленные и подписанные Штепаном Доновским. Под псевдонимом Доновского выступал 24-летний безработный подмастерье Вацлав Жижала⁶⁶. Листовки Доновского были направлены прежде всего против шляхты и апеллировали к силе широких слоёв вооружённого народа. Доновский призывал народ обеих национальностей к совместной борьбе за конституционные свободы.

9 мая полиция захватила в типографии Веттера большое количество экземпляров отпечатанной там на чешском и немецком языках листовки за подписью Доновского. Листовка была демократического, республиканского⁶⁷ содержания и резко выступала против династии, правительства, дворянства, церкви, бюрократии, войска и конституции. В листовке указывалось, что австрийские императоры незаконно правят не избравшим их чешским народом, что от правительства нельзя ждать никаких полезных народу дел, поскольку оно состоит из консервативных, эгоистичных людей, борющихся против свободы. Резко выступая против шляхты, заявляя о том, что от предстоящего сейма нечего ожидать, так как он будет в руках дворянства, Доновский единственную надежду и спасение видит в вооружении всего народа для защиты против королев-

⁶⁴ Malý «Naše znovuzrození», II, str. 102.

⁶⁵ Heidler J. «Antonín Springer a česká politika v letech 1848—1850», str. 42. Praha. 1914; Traub H. «Z počátků rozkolu v České politice». «Český časopis historický». T. XXXVI, sešit I, str. 90. Praha. 1930.

⁶⁶ Roubík F. «Svatodušní bouře a Slovanský sjezd», str. 95.

⁶⁷ Kazbunda «České hnutí r. 1848», str. 172.

⁶¹ «Mili vesničané a bratři!» Klíma. Указ. соч. Приложение III, стр. 146—147.

⁶² Там же.

⁶³ См. о конституции 25 апреля: Бах М. «История австрийской революции», 1848 г. М.-П. 1923, стр. 216—219; Kazbunda «Česke hnutí r. 1848», str. 158—159; Klíma «Rok 1848 v Čechách», str. 72—74.

ских прислужников, против войска. Призывая к сотрудничеству между чехами и немцами, между пролетариатом обеих национальностей, Доновский указывает, что лозунги демократической, республиканской свободы вновь восстановят союз между этими национальностями, между чешскими и немецкими угнетёнными и борющимися за социальную свободу классами. Доновский ни одним словом не упоминает о разделявшем в это время чехов и немцев вопросе о Франкфурте, стремясь подчеркнуть общность интересов чешских и немецких народных масс в борьбе с феодализмом и реакцией⁶⁸. Арест в связи с отсутствием владельца типографии его служащего Гролла вызвал народное возмущение в Праге, заставившее полицейские власти освободить Гролла⁶⁹.

Всё большее участие принимает в политической жизни пролетариат. 9 апреля рабочие текстильной фабрики Пржибрама потребовали ограничения рабочего дня 10 часами в зимнее время и 12 в летнее⁷⁰. Земские власти, к которым было обращено это требование, ответили, что определение продолжительности рабочего дня является предметом добровольного соглашения между рабочими и фабрикантами. Этот ответ, разумеется, не удовлетворил рабочих Пржибрама, которые были поддержаны рабочими ряда других фабрик. В результате многочисленных выступлений рабочих им удалось на некоторых фабриках добиться сокращения рабочего дня⁷¹. Всё сильнее раздавались требования повышения заработной платы и ограничения применения машин. Появляется множество листовок, составленных рабочими, с призывами к борьбе против фабрикантов. В этих листовках конкретно показывалось, какие колоссальные прибыли (до 360 тыс. золотых в год) получали фабриканты за счёт жестокой эксплуатации рабочих. В листовках живо описывалось бедственное положение пролетариата, хотя тон листовок был отнюдь не революционный.

«Если бы Ваш ласковый взгляд мог проникнуть в наши истекающие кровью сердца, — говорилось в одной из листовок, обращённой к пражскому населению, — в Ваших сердцах должен был бы отозваться проникновенный голос наших голодных, ломающих руки детишек: «Паночка, ради Бога, уже два часа дня, а мы ничего не ели...» Кто-кто возражает нам: работы достаточно, можете работать подённо за 20 крон, каждый вполне может быть жив. Бродячее животное тоже живо, но как? Неужели люди должны, как собаки,дохнуть на свалке, гибнуть от голода?.. Мы не в состоянии дальше выдерживать... мы уже видим перед своими глазами смерть; мы ищем справедливости, и мы её заслуживаем — ведь мы люди, сыновья одной с Вами Родины... имейте человеческое чувство, помогите, ибо

⁶⁸ Эта листовка Доновского опубликована в качестве приложения № XIII к книге Казбунды «České hnutí r. 1848», str. 382—384.

⁶⁹ Там же, стр. 175.

⁷⁰ Tobolka Zd. «Počátky dělnického hnutí v Čechách», str. 34. Praha, 1923.

⁷¹ Там же, стр. 35.

мы уже на краю гибели...»⁷². В конце мая началась забастовка типографских рабочих, проходившая под лозунгом борьбы за повышение заработной платы. 3 июня произошли волнения на текстильных фабриках около Праги⁷³, на императорских мельницах в Бубенче⁷⁴, в Карлине. Текстильщики требовали повышения заработной платы. Предвидя возможность возникновения волнений фабриканты ещё накануне, 2 июня, затребовали от властей присылки на их фабрики регулярных войск. Войска были присланы, и волнения были прекращены военной силой.

Не добившись ничего от фабрикантов, рабочие ряда фабрик обратились со своими требованиями в муниципалитет, опубликовавший, однако, 10 июня заявление, призывавшее рабочих к соблюдению порядка и разрешавшее фабрикантам использование любых машин. Ответом на это заявление были новые волнения текстильщиков. Волнения происходили и среди рабочих других профессий.

Росло и антифеодальное движение в провинции. Чешские радикалы развернули революционную агитацию и среди крестьянства, выдвигая в качестве главного лозунга лозунг безвозмездной отмены феодальных повинностей. Иозеф Фрич рассказывает в своих «Воспоминаниях», что «уже в мае Гауч, Арнольд и другие завязали связи с крестьянством. Они были намерены призвать крестьян в Прагу для того, чтобы их демонстрациями ускорить решение предстоящим сеймом вопроса об отмене феодальных повинностей и крепостной зависимости вообще без всякого вознаграждения бывшим господам»⁷⁵.

Агитация в провинции, среди сельского населения приняла столь обширные размеры и радикальный характер, что стала внушать серьёзные опасения представленной в Национальном комитете чешской буржуазии, по требованию которой Национальный комитет обратился 4 мая к населению с воззванием, в котором говорилось, что «Национальному Комитету стало известно, что в провинции тут и там появляются люди, выдающие себя за представителей вышеупомянутого Комитета. В связи с этим Национальный Комитет заявляет, что он вплоть до настоящего времени... ни одного представителя в провинцию не посылал, и призывает всех не оказывать никакого доверия тем лицам, которые, выдавая себя за представителей Национального Комитета, не смогут предъявить выданного в подтверждение этого президентством удостоверения»⁷⁶. Острые демократической пропаганды было направлено прежде всего против шляхты, причём радикалы требовали полного уничтожения всех её привилегий. На созванном 27 мая радикалами народном собра-

⁷² Там же, стр. 40.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Horáček C. «Počátky českého hnutí dělnického», str. 26. Praha, 1933.

⁷⁵ Frič Jos. «Paměti», dil. III, str. 121. Praha, 1891.

⁷⁶ Malý J. «Naše znovuzrození». Č. II, str. 90.

нии в Святовацлавских купальнях было принято подписанное затем 4 тыс. человек заявление, требовавшее, чтобы представители дворянства допускались в чешский сейм только в том случае, если они будут избраны народом⁷⁷.

В своей агитации чешские радикалы использовали многочисленные провинциальные филиалы «Славянской Липы» и других политических организаций, а также местную периодическую печать. Главными печатными органами радикалов в Праге были газеты «Pražské Noviny», редактировавшиеся К. Сабинной, и начавший выходить с 1 июня «Pražský Večerní List», вокруг которого радикальная группа стала создавать ядро будущей самостоятельной радикально-демократической партии⁷⁸. В составе чешского студенческого политического союза «Славия», имевшего радикально-демократический характер, была организована военная секция под командой Йозефа Фрича; задачей этой секции являлось изучение стратегических вопросов на случай возникновения вооружённой борьбы против войск. Чешские радикалы предвидели необходимость вооружённой борьбы, готовились к ней сами и стремились подготовить к ней народные массы.

Дошедшие в это время до Праги известия о майской революции в Вене ещё более революционизировали обстановку в чешских землях. 20 мая в Прагу прибыл для вступления в командование пражским гарнизоном князь Виндишгрец. В период мартовских событий в Вене Виндишгрец, вызвавший ненависть венского населения, вынужден был временно удалиться в своё поместье, откуда он продолжал, однако, внимательно следить за событиями в стране в уверенности, что вскоре ему удастся снова активно участвовать в этих событиях. Естественно, что особый интерес вызвала у него обстановка в чешских землях, поскольку с 1840 г. он находился в должности командующего расположенными в Чехии войсками. После майской революции в Вене и бегства императора Виндишгрец решил, что настало время действовать, и отправился в Прагу, сообщив при этом военному министру графу Латуру: «Я еду в Прагу, куда меня призывает мой долг; дело идёт о благе моего монарха, императорского дома и всех честных людей»⁷⁹.

Прибыв в Прагу, Виндишгрец имел уже давно продуманный план вооружённого подавления народного движения. Материалы военного архива в Вене показывают⁸⁰, что военным командованием ещё в марте 1848 г. разрабатывался секретный план военного захвата города. В плане указывалось на непригодность для военных целей правого берега Влтавы ввиду большой протяжённости города с его узкими улицами и большим ко-

личеством площадей⁸¹. Вместе с тем отмечалось, что господствующие над городом позиции (Вышеград, Петржин и др.) вполне достаточны для того, чтобы держать город в руках. Особо подчёркивалось значение Вышеградской крепости, с которой можно было держать под огнём пролетарский район Праги — Подскалье⁸². Действуя в соответствии с этим, разработанным заранее планом, Виндишгрец немедленно по прибытии в Прагу начал стягивать к ней войска и осуществлять ряд других военных приготовлений. С первых дней июня в Праге начинаются непрерывные военные смотры и учения, город наводняется войсками, на бастионах Петржина и Вышеграда устанавливаются орудия.

По приказу Виндишгреца город был буквально наполнен пешими и конными военными патрулями, проходившими по всем улицам города ежедневно с 5 час. утра до 9 час. вечера на расстоянии видимости друг от друга. Ночью количество патрулей несколько сокращалось, но практически город находился на военном положении. Всё это вызывало огромное недовольство в самых различных слоях пражского населения. Редактировавшаяся Карлом Гавличком газета «Národní Noviny» писала 8 июня: «С огромным возмущением должен смотреть каждый честный человек на те постоянные воинские учения и демонстрации, которые совершаются перед глазами пражан. Бесчисленные патрули часто с кавалерией непрерывно днём и ночью проходят по Праге»⁸³.

Особого напряжения обстановка в Праге достигла 7 июня, когда Виндишгрец провёл в центре города смотр войскам гарнизона, устроившим ему грандиозные демонстративные овалы. Виндишгрец поддерживал постоянную связь с австрийскими войсками в Италии и в Галиции: успехи Радецкого и поражение краковского восстания он рассматривал как сигнал для выступления против чешской демократии. Однако чешские демократы не были напуганы военными манипуляциями Виндишгреца и готовились к отпору наступлению реакции. Инициаторами требований о прекращении военных приготовлений Виндишгреца выступили пражские студенты, поддерживавшие связи со студентами Вены. 8 июня они организовали большое собрание пражан, на котором в качестве главного оратора выступал возвратившийся незадолго до этого из Вены (где он слушал университетский курс) Карел Сладковский. Уже здесь Сладковский наряду с требованиями об устранении Виндишгреца от командования и о прекращении военных приготовлений против Праги выдвинул требование об уничтожении сословных привилегий при предстоящих выборах в зем-

⁷⁷ Heidler. «Antonín-Springer a česká politika», str. 42.

⁷⁸ Там же, стр. 42.

⁷⁹ Toužimský «Na úsvitě nové doby», I, str. 533.

⁸⁰ Kazubunda «České hnutí roku 1848», str. 245.

⁸¹ В начале второй половины XIX в. в Праге насчитывалось 52 площади, 266 улиц и 3494 дома. См. Topograficko-statistický slovník Čech... sestavili Jan Orth a František Sládek, str. 589. Praha. 1870.

⁸² Kazubunda «České hnutí roku 1848», str. 245.

⁸³ Tobiola Zd. «Slovanský sjezd v Praze r. 1848», str. 176.

ский сейм⁸¹. 9 июня студенты расклеили на улицах Праги плакаты, приглашавшие население на собрание для обсуждения угрожающего поведения войск. На следующий день, в 10 час. утра, студенты собрались в одном из университетских зданий — Клементинуме, — где сформулировали требования об устранении артиллерийских батарей с Вышеграда, Петржины и Краледворских казарм и о выдаче студенческому союзу одной артиллерийской батареи, 2 тыс. ружей и 80 тыс. боевых патронов. Специальная делегация была отправлена для вручения этих требований заместителю Виндишгреца эрцгерцогу Карлу-Фердинанду. Сославшись на отсутствие необходимых полномочий для решения этого вопроса, эрцгерцог переадресовал делегацию непосредственно к Виндишгрецу. Прежде чем вступить с ним в переговоры, студенты обратились к населению Праги с воззванием, в котором указывали на опасность, грозившую со стороны реакции, и просили о поддержке своих требований⁸².

Листовки с воззванием были расклеены по городу. По приказу земского президента графа Льва Туна и начальника национальной гвардии эти листовки были сорваны, однако на месте каждого сорванного воззвания появлялись два новых⁸³. Напряжение в городе возрастало. Властями была созвана находившаяся под командованием князя Лобковица буржуазная национальная гвардия. Радикалы со своей стороны обратились к поддержке пролетариата, в частности к забастовавшим за несколько дней до этого швейникам и ситцепечатникам⁸⁴. Принявший студенческую депутацию Виндишгрец отверг предъявленные ему требования, отказавшись их обсуждать и заявив: «Я поставлен на это место императором и только перед ним обязан отвечать за свои поступки»⁸⁵. Собравшиеся в актовом зале университета студенты были возмущены ответом Виндишгреца. Среди студентов присутствовали словаки Гурбан и венский студент-юрист Тифтрук, призывавшие пражан не уступать Виндишгрецу и реакции. Тифтрук заявил при этом: «Мы должны защищать свободу и в случае необходимости строить баррикады. Мы, венские студенты, покажем вам, как это делается»⁸⁶.

На состоявшемся в тот же день в Свято-вацлавских купальнях собрании пражан Карел Сладковский призвал население требовать удаления Виндишгреца и отвода из Праги войск⁸⁷ и принять участие в изна-

ченном на следующий день торжественном богослужении во имя братства, с целью продемонстрировать недовольство населения Праги действиями Виндишгреца. Инициаторы этой демонстрации обратились с призывом участвовать в ней к рабочим Праги, в частности к печатникам, среди которых было особенно много безработных⁸⁸. В результате 12 июня, утром, на Конской площади, где должно было состояться богослужение, собралась огромная толпа народа, в том числе около 2500 рабочих⁸⁹. «Студенты во главе с Фричем их восторженно приветствовали, обнимались с ним и целовались, демонстрируя братство»⁹⁰. После окончания службы её участники толпами пошли по улицам Праги. Одна такая толпа направилась ко дворцу Виндишгреца для выражения протеста против его действий, но была расстреляна солдатами. Это послужило сигналом к восстанию. На улицах города немедленно возникли сотни баррикад, на которых рабочие, ремесленники, мелкая буржуазия и революционная интеллигенция вступили в сражение с войсками Виндишгреца.

Восстание вспыхнуло стихийно; оно не явилось осуществлением какого бы то ни было определённого плана и не имело единого руководящего центра. Это легко понять, если учесть, что повод для восстания явился случайно и те революционные элементы, которые имелись в стране, не были к этому моменту достаточно организованы и подготовлены.

Напротив того, войска уже давно готовились к выступлению против народа. В распоряжении Виндишгреца находилась сорокатысячная армия, в составе которой было 25 стрелковых батальонов, 3 егерских батальона, 3 батальона гренадер, 41 кавалерийский эскадрон, 8 артиллерийских батарей, 20 специальных подразделений и т. д.⁹¹. Значительная часть этих войск дислоцировалась в Праге. Тем не менее ещё 11 июня Виндишгрец вызвал в Прагу подкрепления из Кутной Горы и Кралева Градца. Вслед за ними были вызваны ещё 3 батальона пехоты, подразделения кирасир и уланов из Терезина и др.⁹². Уже в полдень 12 июня вызванные Виндишгрецом провинциальные гарнизоны вступили в Прагу⁹³ и начали немедленное наступление на восставших. Мы не ставим своей задачей подробное изложение хода восстания, описанного в целом ряде работ, из которых по использованному материалу наиболее интересна работа Казбунды⁹⁴. Рассмотрим лишь те факты и документы, которые представляют интерес для характеристики отдельных по-

⁸¹ Klíma «Rok 1848 v Čechách», str. 102—103.

⁸² Kazbunda «Česke hnutí r. 1848», str. 248—249.

⁸³ Там же, str. 248.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Tobolka «Slovanský sjezd», str. 178.

⁸⁶ Toužimský «Na úsvětě nové doby», I, str. 551.

⁸⁷ Popsání vypuknutí zbourání v Praze dne 12 června 1848, na základě ouředního vyšetřování sestavené. Otevřený list hraběte Lwa z Thunu panu Janu Slavíkovi měšťanu pražskému strany udalostí pražských za dnů svato-dušních Příloha I, str. 14. Praha. 1849.

⁸⁸ Tobolka «Slovanský sjezd», str. 180; Klíma «Rok 1848 v Čechách», str. 103—104.

⁸⁹ Popsání str. 14, Klíma «Rok 1848 v Čechách», str. 104.

⁹⁰ Klíma «Rok 1848 v Čechách», str. 104.

⁹¹ Эти данные, содержащиеся в дислокационном плане Виндишгреца, приведены Казбундой: «České hnutí», s. 330.

⁹² Там же, стр. 252.

⁹³ Tobolka «Slovanský sjezd», str. 184.

⁹⁴ Kazbunda «České hnutí roku 1848», str. 245—276.

литических направлений и уяснения характера восстания.

Весть о событиях в Праге привела в волнение и провинцию⁹⁷, где немедленно стали формироваться отряды для помощи пражанам.

Вставшие во главе повстанцев люди понимали важность и необходимость поддержки со стороны провинции усилий сражавшихся пражан и предприняли попытку распространить восстание на все чешские земли. Для этой цели утром 13 июня в окрестные города и деревни были отправлены делегаты, в числе которых мы видим Петра Фастра, братьев Шульц и других радикалов⁹⁸. Среди сельского населения распространялись листовки, в которых говорилось: «Не платите налогов, не исполняйте барщины и идите немедленно с цепями и косами или другим оружием в Прагу...»¹⁰⁰. Деревня начала болноваться. Многочисленные крестьянские отряды направились к Праге. Одним из таких отрядов была занята железная дорога Прага — Пардубице¹⁰¹.

Восстание грозило распространиться на всю Чехию. В Праге повстанцами был взят в плен земский президент граф Лев Тун. Рабочее и ремесленное население района Праги Подскалье превратило свой район в крепость и выстроило понтонный мост через Влтаву, соединивший Подскалье с остальной частью города. Продолжали укрепляться и другие районы. В такой обстановке, напуганные перспективой общечешской революции, чешские либералы и консерваторы уже 13 июня предприняли попытку выступить посредниками между восставшими и Виндишгрецем, чтобы добиться прекращения борьбы. Взятые на себя посредничество Палацкий, Шафарик, Гавличек и барон Нейберг, поддержанные бургомистром и членами магистрата¹⁰², получили от Виндишгреца обещание прекратить военные действия, если восставшие освободят графа Туна и уничтожат баррикады. Однако, когда в результате настояний Палацкого, Шафарика и Гавличка Тун был выпущен и в одном из районов города — Малой Стороне — баррикады были разобраны, ружейный обстрел города не прекратился. Это заставило жителей Старого и Нового города продолжать борьбу. Выпущенный на свободу президент Тун немедленно опубликовал два воззвания. Первое из них было адресовано к гражданам Праги и призывало их убрать баррикады и прекратить сопротивление. В этом воззвании Тун указывал, что он «получил сообщение, что студенты и горожане отправили посланцев в провинцию, чтобы призвать к себе на помощь и сельское население»¹⁰³.

⁹⁸ Там же, стр. 271, 273.

⁹⁹ T o b o l k a «Slovanský sjezd v Praze r. 1848», str. 184.

¹⁰⁰ K a z b u n d a. Указ. ссч., стр. 280.

¹⁰¹ O u ř e d n í z p r á v y o b e c n í c h s t a r š í c h k r. h l. m ě s t a P r a h y o u d a l o s t e c h s v a t o d u š n í c h: B a j e r o v á «Z české revoluce», str. 94.

¹⁰² K a z b u n d a. Указ. соч., стр. 252—253. K l í m a. Указ. соч., стр. 106.

¹⁰³ Z e m s k é p r e s i d i u m k o b y v a t e l ů m m ě s t a P r a h y. Č e r n ý «Boj za právo», I, str. 306. P r a h a. 1893.

Тун обещал прекратить военные действия против города в том случае, если восставшие уберут баррикады, прекратят нападения на войска и откажутся от помощи «незаконно призванных крестьян»¹⁰⁴. В случае выполнения этих условий Тун гарантировал отвод войск в казармы, прекращение бомбардировки города и освобождение захваченных в плен войсками студентов и горожан. Второе воззвание было обращено непосредственно к крестьянам, отряды которых уже приближались к городу. В нём говорилось: «Дорогие селяне! Вы были различными лицами призваны к тому, чтобы поспешить на помощь пражским гражданам, либо, может быть, сами полагаете, что здесь требуется Ваша помощь. Я должен Вас строго предостеречь от всякой попытки проникнуть в город. Ваша помощь здесь не требуется, так как спокойствие и порядок будут восстановлены самими пражскими гражданами. Если же Вы осмелитесь попытаться обеспечить себе проход в город силой, то против Вас будут применены, к Вашему большому вреду, законные силы. Послушайте же моего отцовского совета, возвратитесь спокойно назад в свои жилища и заботьтесь о том, чтоб у Вас дома покой и порядок не были нарушены»¹⁰⁵.

Эти документы лишней раз подтверждают, что провинция немедленно реагировала на восстание и что крестьянское движение с самых первых дней восстания приняло весьма широкие масштабы, серьёзно напугавшие правительственные органы. Вопреки призывам земского президента борьба продолжалась. В ответ на воззвания Туна чешские радикалы развернули массовую агитацию. 13 июня в Праге была расклеена студенческая прокламация, написанная Карелом Сладковским и Франтишком Гавличком и отпечатанная в архиепископской типографии Клементинума. В прокламации ответственность за кровопролитие возлагалась на провокационные действия Виндишгреца и на реакционное офицерство национальной гвардии. Авторы прокламации призывали солдат национальной гвардии выбрать себе новых офицеров и идти с народом. Далее в прокламации выдвигались следующие условия восстановления спокойствия: «1) Князь Виндишгрец немедленно покинет город; 2) войска останутся в Праге только в таком количестве, какое необходимо для несения стражи, которая будет, однако, нести как в городе, так и у городских ворот, войском совместно с горожанами и студенчеством; 3) немедленно Временное правительство, как ответственное перед народом Министерство, от имени Его милости императора и короля нашего начнёт управлять чешской землёй»¹⁰⁶.

14 июня среди повстанцев распространилась другая прокламация, указывавшая, что отвод войск в казармы или даже вывод их

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Z e m s k é p r e s i d i u m k v e n k o v a n ů m 13 č e r v n a 1848: Č e r n ý «Boj za právo», I, str. 307.

¹⁰⁶ T o u ř i m s k ý «Na úsvitě nové doby», č. III, str. 616.

из города не могут решить вопроса, так как в последнем случае город оказался бы блокированным этими войсками.

Между тем Виндишгрец закончил все приготовления к бомбардировке города, и 14 утром бомбардировка началась.

Одновременно в Прагу прибыли из Вены правительственные комиссары: бывший в 30-х годах воинским начальником в Чехии семидесятилетний генерал от кавалерии граф Эммануил Менсдорф и надворный советник, референт министерства внутренних дел по чешским делам Иосиф Клецанский, — посланные Пиллерсдорфом с заданием добиться прекращения восстания. В соответствии с инструкцией, данной этим комиссарам (от 13 июня), они были уполномочены установить причины восстания, добиться освобождения Туна, в случае необходимости отстранить Виндишгреца и Туна от занимаемых ими постов, перенять у них власть, отвести частично или полностью военный гарнизон из Праги и обещать амнистию повстанцам¹⁰⁷. Многочисленные депутации обратились к комиссарам с просьбой о немедленном отстранении от командования Виндишгреца и о выводе войск из Праги. В течение 14 июня комиссаров посетили депутации от магистрата, студентов, из провинции (Пардубиц и др.). Виндишгрец, решив сопротивляться, вывел в ночь на 15 июня гарнизон из города и вновь подверг его бомбардировке, вызвав новое возмущение по всей Чехии.

Под влиянием народных выступлений Виндишгрец согласился было на временную передачу командования генералу Менсдорфу. 15 июня комиссары опубликовали заявление, в котором говорилось, что «...генерал от кавалерии граф Менсдорф принимает на себя временное осуществление главного командования в Чехии. Войска будут выведены из главного города Праги по мере того, как будут убраны стоящие до сих пор баррикады. О немедленной уборке этих баррикад город позаботится сам. Патрульную службу отныне должны будут нести совместно войска и национальная гвардия...»¹⁰⁸.

Однако Виндишгрец вовсе не был намерен действительно отказаться от командования и при помощи офицерства организовал демонстрацию недовольства солдат вмешательством комиссаров. Немедленно была возобновлена бомбардировка города, причём от имени войск было заявлено, что в случае отстранения Виндишгреца от командования Прага будет сметена с лица земли. Виндишгрец опубликовал заявление о том, что он вновь принимает на себя командование, и 15 же июня обратился совместно с Туном к восставшим со следующей лицемерной прокламацией: «13 сего месяца вечером мною были прекращены все военные мероприятия, причём условием восстановления мира было поставлено освобождение земского президента графа Льва Туна и уничтожение в городе баррикад. Старый и Новый Город не выполнили этого условия; чтобы не продолжать кровопролития возобновлением борьбы,

войско отошло вчера вечером на занимаемые им теперь позиции. Однако едва оно отошло, как было обстреляно с правого берега Влтавы. При таких обстоятельствах о переговорах не может быть уже и речи. Старый и Новый город должны теперь до 12 часов завтрашнего дня безоговорочно капитулировать и сложить всё имеющееся оружие...»¹⁰⁹. Однако восставшие не сложили оружия и продолжали борьбу.

Руководители восстания предприняли новые меры для привлечения в Прагу на помощь повстанцам провинциальных отрядов. 16 июня И. В. Фрич, ещё раньше отправивший в провинцию целый отряд своих представителей, сам покинул Прагу, чтобы сделать новую попытку ввести в Прагу крестьянские отряды и провинциальные национальные гвардии, направлявшиеся к столице из Кутной Горы, Хрудима, Колина¹¹⁰ и ряда других мест. Однако было уже поздно. Виндишгрец принимал все меры к тому, чтобы не допустить к городу эти отряды, численность которых превышала уже несколько десятков тысяч человек. Необученные, плохо вооружённые крестьяне не могли противостать регулярным войскам и 17 июня были разбиты у Беховиц¹¹¹, в результате чего Пражское восстание не получило действительной поддержки извне.

Ещё 16 июня пражским бургомистром было опубликовано объявление, сообщавшее, что «придворная комиссия вплоть до сегодняшнего утра ожидала, что согласно вчерашним условиям баррикады будут устранены, и законный порядок снова восстановится». Отмечая, что восставшие не только не устранили баррикады, но стали возводить новые и что войска потребовали возвращения Виндишгреца к командованию, бургомистр сообщал, что «придворная комиссия, которая всеми средствами стремилась к восстановлению порядка в городе, вынуждена теперь отказаться от дальнейших переговоров, передать сегодня же вечером командование князю Виндишгрецу и лишь продлить срок капитуляции города до 6 часов завтрашнего утра. По истечении этого срока город будет объявлен осаждённым и подвергнется бомбардировке»¹¹².

Далее бургомистр выдвигает те же требования о прекращении стрельбы, уничтожении баррикад и т. п. Как одно из свидетельств большого количества жертв, имевших место в ходе восстания, отметим третий пункт требований бургомистра, в котором он предлагает восставшим прежде всего убрать трупы, лежавшие по всему городу и создававшие угрозу распространения болезни¹¹³.

Восторжествовавший таким образом Виндишгрец вместе с президентом Туном предъявили восставшим новый ультиматум, в котором говорилось, что «императорско-

¹⁰⁹ Toužimský. Указ. соч., III, стр. 541.

¹¹⁰ Šenský Ferd. «Z dob našeho probuzení. Sbirka přátelských dopisů», str. 200. Praha. 1875.

¹¹¹ Kazbunda. Указ. соч., стр. 274. См. об этом ниже.

¹¹² Toužimský. Указ. соч. Т. III, стр. 636—637.

¹¹³ Там же, стр. 638.

¹⁰⁷ Kazbunda. Указ. соч. Příloha XVII, str. 390—396.

¹⁰⁸ Toužimský «Na úsvitě nové doby», III, str. 627—628.

королевская придворная комиссия прекратила свою официальную деятельность и просила князя Виндишгреца вновь вступить в командование» и принять необходимые военные меры против восставших. «Старый и Новый Город должны теперь безоговорочно капитулировать, уничтожить все баррикады, разрушить вновь сооружённый на Подскальи понтонный мост и сдать всё оружие. Для исполнения этого устанавливается срок до 12 часов дня и предписывается для обеспечения этого выдать в качестве заложников следующих лиц: Брабца Мартина — торговца деревом, Бракку — члена технического легиона, Фрича Иозефа — доктора прав, Фрича — его сына, Гаклика — городского кассира, Камнелика Кирилла — доктора медицины, Клауди — доктора прав, подтрибуна юридической когорты, Патрубана Карла — доктора медицины, трибуна медицинской когорты, Ратценбека Франтишка — доктора медицины, Шмидта — члена «Свободности», Сладковского — кандидата прав, Тыла Бранимира, Веземана — парикмахера, Водку — члена юридического легиона. Если же повстанцы не выполнят этих требований, земскому правительству не останется ничего другого, кроме как принудить город к сдаче обстрелом. Орудия стоят уже на необходимых местах, однако обстрел города откладывается до завтрашнего полудня»¹¹⁴.

Повстанцы не вняли угрозам Виндишгреца и Туна и продолжали борьбу. Тогда граф Туи ввёл в городе осадное положение и объявил, что все арестованные за любые преступления будут предаваться военному суду и наказываться по военным законам, что войска примут самые строгие меры против баррикад и что всякое скопление более 8 человек будет разгоняться и расстреливаться¹¹⁵. Одновременно Виндишгрец отдал приказ о новой бомбардировке города. Эта бомбардировка, наиболее жестокая из всех, сломала силы восставших. В результате артиллерийского огня были подожжены староместские мельницы и городская водокачка, пылавшие всю ночь на 17 июня. 17 июня вечером город капитулировал, причём часть руководителей восстания успела бежать.

В городе заработала чрезвычайная военная комиссия, начались массовые аресты участников восстания. Специальные меры были приняты против представлявшегося властям наиболее опасным элементом — пролетариата. 18 июня был издан приказ о том, что все безработные, не принадлежавшие к пражскому населению, должны немедленно покинуть город¹¹⁶. На основании этого приказа из Праги были выселены сотни людей. Власти воспользовались ситуацией для репрессий не только против радикалов и демократов, но и против либералов и даже консерваторов. Был распущен Национальный комитет, а вслед за ним и Временный правительственный совет; арестованы даже граф Дейм, барон Виллани, либералы — доктор Браунер и доктор Фрич и др.; разог-

наны все виды гражданского ополчения. Властям не удалось, однако, арестовать руководителей восстания И. В. Фрича, К. Сладковского, Миковца, Камнелика и др.

Несмотря на то что город капитулировал, Виндишгрец не ввёл в него немедленно войска, оставив их в полной боевой готовности на господствующих над городом высотах, что объясняется прежде всего серьёзными опасениями командующего, что распространявшееся по провинции движение может вызвать возобновление вооружённого выступления в Праге, которое приняло бы в случае соединения с силами крестьянских отрядов и национальных гвардий значительно большие размеры и распространилось бы на все чешские земли. Нет никакого сомнения в том, что у военного командования и земских властей имелись серьёзные и вполне конкретные основания бояться восстания в провинции. Об этом говорит прежде всего целый ряд официальных документов и заявлений этого времени. Так, 16 июня к Виндишгрецу явилась делегация от Биджовского и Бодеславского краёв под руководством священника Винаржицкого и крестьянина Яна Кроусского. Делегация потребовала прекращения бомбардировки Праги, поскольку эта бомбардировка могла, по мнению делегации, привести к вооружённому восстанию в провинции и придать крестьянскому движению характер «коммунистических бесчинств»¹¹⁷. Казбунда указывает, что бомбардировка Виндишгрецом Праги создала ему в провинции больше врагов, чем посланные повстанцами эмиссары. Действия Виндишгреца вызвали возмущение как среди чехов, так и среди немцев¹¹⁸. Казбунда пишет: «Как и предвидел Винаржицкий, движение в провинции во многих местах проявлялось в коммунистических бесчинствах»¹¹⁹. Под «коммунистическими бесчинствами» Казбунда имеет в виду осуществлявшийся крестьянами в целом ряде мест захват дворянских замков и земель. В Хоэне и Хрудимском крае велась активная агитация против шляхты. При этом использовался тот тезис, что шляхта сама намеренно вызвала восстание в Праге и других местах для того, чтобы, подавив это восстание, «снова взвалить на крестьянина барщину»¹²⁰. Во многих поместьях происходили целые сражения бунтующих крестьян с охраной замков. Один из крупнейших землевладельцев Чехии, князь Вишценц Ауэрперг, ещё во время Пражского восстания, 16 июня, вынужден был бежать из своего замка в Слатинянах, который был штурмом взят крестьянами. Со всех сторон из провинции приходили столь тревожные для земских властей сообщения, что земское президентство стало подготавливать мероприятия для введения осадного положения по всей стране. Прежде всего были использованы издававшиеся во множестве приказы и воззвания.

¹¹⁴ Toužimský. Указ. соч. Т. III, стр. 588.

¹¹⁵ Там же, стр. 589.

¹¹⁶ Tobolka Zd. «Počátky dělnického hnutí v Čechách», стр. 42.

¹¹⁷ Kazbunda «České hnutí r. 1848», стр. 271.

¹¹⁸ Там же, стр. 272.

¹¹⁹ Там же, стр. 273.

¹²⁰ Там же.

16 июня Тун издал и разослал следующее воззвание: «Дорогие поселяне! Многие злонамеренные люди распространяют по сёлам полное лжи сообщение о том, что в Праге войска выступили против населения для того, чтобы лишить столицу и все сельские общины тех принципов свободы, которыми Его Императорское Королевское Величество изволил их обрадовать, в частности будто бы имелось намерение отказаться от освобождения крестьян от барщины и возвратит их к выполнению этой прежней повинности. Дорогие крестьяне! Не верьте этим лживым сообщениям... и не позволяйте злонамеренным людям нарушать покой в ваших сёлах, откажитесь от того намерения, если вы уже склонились к нему, чтобы силой прорваться в Прагу и поддержать эти беспорядки... терпеливо ждите, пока в Праге восстановится и укрепится порядок»¹²¹.

В другом воззвании (от 18 июня) Тун и Виндишгрец объясняли, почему они после капитуляции Праги оставили войска на боевых позициях. Мотивировкой служили их опасения, что восстание может возобновиться, так как руководители повстанцев «ушли в провинцию, вооружившись, чтобы возбудить сельское население и призвать его на помощь повстанцам в Праге, как это действительно и происходит злодейским способом уже с 12 сего месяца»¹²².

Виндишгрец и Тун были уверены в наличии непосредственных связей пражских повстанцев с повстанцами провинциальными, что с несомненностью следует из следующей фразы того же воззвания: «Опасность возникновения нового восстания появилась из Праги, и вполне в силах пражан подавить её тем же самым способом, каким они её вызвали. До тех пор, пока это не будет сделано, войска не отойдут со своих первоначальных позиций и объявленное осадное положение будет продолжаться»¹²³. Это воззвание распространялось в провинции как на чешском, так и на немецком¹²⁴ языках, что лишней раз подтверждает положение о том, что в провинциальных волнениях принимало участие и чешское и немецкое население страны. Примерно такого же содержания воззвание «Ко всем жителям Праги» было опубликовано того же 18 июня за подписями графа Туна и бургомистра Ванки¹²⁵. 19 июня Виндишгрец и Тун издали новый приказ, согласно которому категорически запрещались любые собрания и воззвания к населению, если они не получили официального правительственного разрешения¹²⁶. Целый ряд документов свидетельствует о том, что ни Пражское восстание, ни провинциальные выступления крестьян и горожан отнюдь не носили узко национального характера, но представляли собой ши-

рокое революционно-демократическое социальное движение народных масс. Приведём свидетельство графа Льва Туна по этому вопросу, содержащееся в его воззвании от 21 июня, опубликованном в начале работы следственной комиссии и имевшем целью обосновать производимые этой комиссией массовые аресты наличием некоего «широко разветвлённого заговора», охватившего все чешские земли. Несмотря на то, что следственной комиссии в конечном итоге так и не удалось доказать наличия такого заговора, это воззвание весьма интересно. В нём говорится следующее: «События, свидетелями которых мы явились, доказали всему миру то, что в течение долгого времени многими отрицалось, а именно, что и в Чехии замышлялось всеобщее восстание, подготовляемое распространённым союзом. Без всякого повода, который подало бы правительство каким бы то ни было несправедливым распоряжением, а также без предъявления какой-либо исходящей от всех жалоб вспыхнуло сразу восстание в главном городе Праге. Все улицы города были покрыты баррикадами одновременно, что невозможно себе представить без определённого плана и умысла; угрозами и силой мирные граждане были принуждены принять участие в борьбе против войска нашего императора и короля, а когда оказалось, что злодейский бой на улицах против мужественного и верного войска не может принести успеха, было побуждено к восстанию сельское население. Были использованы все средства, насилие и самая гнусная ложь, чтобы каждого, в зависимости от его положения и обстоятельств, как можно вернее толкнуть к открытой борьбе против порядка. Хотя подлинный план, зависимость и цели этого гнусного предприятия только теперь вскрываются судебным следствием, всё же уже заранее ясно, что дело идёт ни о чём меньшем, как о революции, против законного правительства и уничтожении тех, кто ей мужественно сопротивлялся, о гражданской войне во всей стране со всеми её страшными последствиями»¹²⁷. Изложенная здесь точка зрения на восстание была принята затем как официальная точка зрения. Существенный интерес представляет разосланная земским президентом Туном 23 июня инструкция красным гетманам с подробными указаниями на необходимые мероприятия для восстановления порядка в провинции. К числу таких мероприятий граф Тун прежде всего относит необходимость немедленного расследования всех случаев «возбуждения крепостных (poddaných) там, где оно имело какой-либо успех, или там, где оно имеет место до сих пор»¹²⁸. Президент обязывал, далее, красных гетманов собрать и представить официальные данные на руководителей и зачинщиков волнений в провинции, «которые могли бы

¹²¹ Toužimský «Na úsvitě nové doby», с. III, str. 591.

¹²² Там же, стр. 637.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же, стр. 597.

¹²⁶ «Karla Havlíčka. Borovského politické spisy», díl. II. «Narodní Noviny» (1848—1850). С. I, str. 51—52.

¹²⁷ Zemské předsidium o udušení bouře svatodušní v Praze: Černý «Boj za právo». I, str. 312—313; Toužimský, Указ. соч., III, стр. 669.

¹²⁸ Cirkulář c. k. gub. presidenta krajským hejtmanům 23 června 1848; Černý «Boj za právo», I, str. 314.

явиться доказательством перед судом. Эти данные должны быть немедленно представлены соответствующим уголовным судам, наиболее виновные лица арестованы, те же, чьё нарушение закона несомненно, посажены в тюрьмы»¹²⁹. При этом Тун всячески подчёркивал необходимость ускорения всех этих мероприятий ввиду опасности дальнейшего распространения движения в провинции. Говоря далее о необходимости не вызывать своими действиями нового раздражения, Тун разъясняет, что «пражское восстание вовсе не было национальным движением славянского населения против немецкого, но это было революционное движение против правительства и вооружённых сил, движение, которое вне всяких сомнений было вызвано и поддержано агентами революционной партии венских студентов и в котором приняли участие люди революционного образа мыслей без различия национальностей, хотя большинство восставших и возмутителей и принадлежало к славянскому населению»¹³⁰. В ряде других циркуляров Тун требовал поддержки правительственных мероприятий со стороны духовенства, разоружения местных национальных гвардий там, где они попытались бы поддержать пражских повстанцев или провинциальные волнения, разоружения и ареста тех студентов, которые оказались бы в провинции с оружием¹³¹. Со своей стороны генерал Виндишгрец организовал в провинции систему воинских мобильных колонн, предоставив право местным представителям власти в случае необходимости вызывать от ближайшего военного командования пехотные и кавалерийские части для разоружения крестьянских и городских отрядов, а также для борьбы с принявшим в деревне широкие размеры захватом крестьянами помещичьих земель, порубкой лесов и т. п.¹³² Казбунда приводит данные о том, что князь Виндишгрец и военное командование с самого начала восстания были вынуждены отправить часть войск против вооружённых крестьянских отрядов, причём указывает, что первым выступило на помощь Праге население Стржешовицкого района. Виндишгрецу пришлось выслать специальные воинские части для непрерывной рекогносцировки ближних и дальних подступов к Праге и занять железнодорожные станции. Командовавшему подразделением гусар сыну Виндишгреца Гуго было поручено занять первую станцию перед Прагой — Беховице — и не допускать продвижения крестьянских отрядов. Именно на этой станции произошло кровопролитное сражение войск с крестьянскими отрядами из Чаславского, Кутногорского и Колинского районов, пытавшимися неудачно прорваться в Прагу. Разоружив эти отряды, войска устроили беспощадную резню безоружных крестьян, встретившую полное одобрение со стороны Виндишгреца, рассчитывавшего на то, что эта резня послужит предостережением для дру-

гих провинциальных отрядов¹³³. В результате военных мероприятий Виндишгрецу действительно удалось не допустить провинциальные отряды на помощь Праге. Однако весьма важным является факт широкого распространения в Чехии движения поддержки Пражского восстания. Кроме названных выше отрядов, на помощь Праге выступали национальные гвардии и крестьянские отряды из районов Ичино, Илемница, Сушице, Раби, Бороуна¹³⁴ и многих других. Важным является то обстоятельство, что в этом движении приняли участие и отряды из Гостинного, Трутнова и других немецких районов Болеславского края¹³⁵.

Однако далеко не всё немецкое население чешских земель поддержало Пражское восстание и революционное движение в провинции. Вполне естественно, что поддержка шла прежде всего и почти исключительно со стороны немецкого пролетариата, отчасти крестьянства, мелкой буржуазии и ремесленников и демократического крыла мелкобуржуазной интеллигенции, т. е. как раз тех же самых слоёв населения, которые приняли участие в восстании и среди чешского народа. Вполне понятно, что ни немецкая, ни чешская буржуазия не участвовала в движении, хотя и по различным внешним причинам. Чешская буржуазия, напуганная массовым революционным движением, в момент восстания резко и открыто повернула в сторону реакции и прилагала все усилия для того, чтобы свернуть движение на путь национальной борьбы. Именно с этой целью уже во время восстания, а особенно непосредственно после него, чешские либералы всячески распространяли версии о том, что это восстание является делом рук различных инонациональных эмиссаров, причём одни утверждали, что это — дело рук эмиссаров немецких (эту версию поддерживал и Тун), а другие (в том числе и Палацкий) приписывали организацию восстания медьярским агентам. С целью опорочить восстание, отвлечь чешские народные массы от революционных методов борьбы чешские реакционеры создали ещё в 1848 г. легенду о том, что Пражское восстание могло принести и действительно принесло пользу только «национальным противникам» чехов — немцам и венграм. Мы отмечали уже, что, как это ни странно, в некоторых чешских работах (Роубик) эта легенда благополучно дожила и до настоящего времени. Вполне очевидна необоснованность и нелепость подобной «теории». Вместе с тем вполне естественно, что эта теория была создана и распространялась чешскими буржуазными либералами, поскольку она вполне соответствовала их классовым и политическим целям и интересам.

Немецкая буржуазия, которая также из классовых соображений не поддержала и не могла поддержать восстание народных масс, в свою очередь стремилась придать событиям националистическое толкование, с той лишь разницей, что создала свою вер-

¹²⁹ Там же, стр. 315.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Казбунда. Указ. соч., стр. 273.

¹³² Там же.

¹³³ Там же, стр. 274.

¹³⁴ Там же, стр. 275.

¹³⁵ Matšian R. «Čechové a němci r. 1848 a boj o Frankfurt», str. 169. Praha. 1898.

сию об антинемецком характере Пражского восстания и движения в провинции. Немецкая буржуазия, как и буржуазия чешская, ещё до восстания стремилась раздуть национальные противоречия между чехами и немцами. 12 июня, в момент начала восстания, у Виндишгреца находилась многочисленная делегация пражского немецкого союза, требовавшая от главнокомандующего военных мероприятий для «поддержания порядка» в столице¹³⁶. В ходе восстания эти защитники «порядка» стали распространять мнение, что Пражское восстание является антинемецким и имеет своей задачей осуществление панславистских идей, что Виндишгрец является защитником немецкого дела. Подобные же утверждения распространялись и в Вене с целью напугать венское население и настроить его против пражских повстанцев, причём главным мотивом этих слухов снова являлись утверждения о готовящемся якобы присоединении чехов к России, о предстоящей вскоре с этой целью русской интервенции и т. д.¹³⁷ Франкфуртский парламент 20 июня даже принял решение о том, чтобы призвать прусское, саксонское и баварское правительства выслать в случае необходимости на помощь австрийскому правительству или его органам в Чехии войска для защиты немцев и их имущества¹³⁸. Для опровержения слухов об антинемецком характере Пражского восстания в Вену из Праги 17 июня прибыла депутация из десяти человек, в которую входили как чехи (Сладковский, Клауди, Брабец), так и немцы (Гаазе, Гаймерль). От имени всего населения Праги они потребовали удаления из Чехии Виндишгреца, прекращения военных действий со стороны войск, амнистии участников восстания. «Депутация решительно отвергла обвинения в том, что Пражское восстание было вызвано национальными противоречиями, и требовала от правительства специального заявления по этому поводу»¹³⁹.

Наконец, чтобы покончить с вопросом о национальном моменте в Пражском восстании, приведём показания ещё одного документа — корреспонденции одного немца (имя которого не названо) из Праги от 24 июня, приводимую Марксом в статье «Внешняя политика Германии и последние события в Праге», опубликованной в «Новой Рейнской газете» 11 июля 1848 года¹⁴⁰. То обстоятельство, что автор корреспонденции был известен редакторам «Новой Рейнской газеты» и что его сообщение было опубликовано без каких-либо примечаний и возражений с их стороны, говорит о том, что приводимые в корреспонденции сведения заслуживают полного доверия и серьёзного внимания.

Разоблачая античешские выступления немецких газет и союзов, автор корреспонденции решительно возражает против утверждений о националистическом характере Пражского восстания. «В Германии,

повидимому, повсюду господствует мнение, — пишет он, — что борьба на улицах Праги велась во имя подавления немецкой части населения и во имя основания славянской республики. О последнем мы не будем говорить, потому что такой взгляд слишком наивен. Что же касается первого, то во время боёв на баррикадах не замечалось ни малейшей тени соперничества между национальностями. Немцы и чехи стояли рядом, одинаково готовые защищаться»¹⁴¹. Автор приводит ряд фактов, свидетельствующих об отсутствии у восставших единого командования, о стихийности возникновения и хода восстания, и отвергает официальную версию о наличии в Чехии антинемецкого заговора. «Операции командовавшего генерала тоже не указывают на то, что приходилось защищать немцев от чехов. Вместо того чтобы привлечь к себе немецкое население разъяснением событий, взять баррикады и охранять жизнь и собственность «верных» жителей города, — генерал... расстреливает вместе и немцев, и чехов, так как бомбы и пули, попадавшие в старый город, не могли отыскивать одних лишь чехов, а поражали одинаково всех, не справляясь с кокардой. Какие же имеются, здраво рассуждая, основания предполагать существование славянского заговора...?»¹⁴² — спрашивает автор. Далее он рассказывает о героизме защитников баррикад, возникавших неожиданно всюду, где собиралось 10—12 человек, о том, как «храбро» императорские войска набросились в полдень 12 июня на беззащитную толпу и как шесть часов спустя «те же императорско-королевские гренадеры обстреливали в течение получаса картечью и шестидюймовыми снарядами баррикаду на Цельтнерштрассе, которую защищало не больше двадцати человек, и всё же не взяли её до тех пор, пока её защитники не покинули её около полуночи»¹⁴³. Остановившись на речи немца — доктора Страдаля из Теплица, заявившего, что «пражские газеты содействовали проведению чужих интересов», под которыми должны были пониматься интересы русские, автор корреспонденции заявляет, что это — «или крайнее незнание фактами, или подлая клевета»¹⁴⁴. Говоря о целях, которые ставила перед собой «свободная пражская печать», автор пишет, что она «не имеет других стремлений, кроме защиты независимости Богемии и отстаивания прав обеих национальностей»¹⁴⁵. Автор разоблачает осуществлявшуюся в Австрии политику стравливания национальностей, проявившуюся и в измышлениях по поводу Пражского восстания. «Отлично известно, — пишет он в заключение, — что немецкая реакция стремится спровоцировать узконационалистические тенденции как в Poznани, так и в Италии для того, чтобы подавить революцию внутри

¹³⁶ K a z b u n d a. Указ. соч., стр. 248.

¹³⁷ Там же, стр. 255.

¹³⁸ K l i m a. Указ. соч., стр. 113.

¹³⁹ K a z b u n d a «Ceské hnutí roku 1848», стр. 266.

¹⁴⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 242—245.

¹⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 243.

¹⁴² Там же, стр. 243—244.

¹⁴³ Там же, стр. 244—245.

¹⁴⁴ Там же, стр. 245.

¹⁴⁵ Там же.

Германии, отчасти же для того, чтобы подготовить солдатчину к гражданской войне»¹⁴⁶.

Основоположники марксизма знали, что движение чешского пролетариата не носило ни в какой степени антинемецкого характера, о чём их информировали сами чешские немцы. Энгельс в 1890 г. вспоминал, как в 1848 г. у Маркса произошла встреча с вождем немецко-богемской фракции австрийского рейхсрата Борошем, жаловавшимся на национальную вражду между чехами и немцами. «Маркс спросил его, — пишет Энгельс, — как же в этом отношении обстоит дело с богемскими рабочими. «Ну, — ответил Борош, — это совсем другое дело; как только рабочие вступают в движение, этому приходит конец, тут уже нет речи о чехах или немцах, тут уже все — заодно»¹⁴⁷.

Поскольку Пражское восстание способствовало развитию революционной ситуации в Австрийской империи, оно приветствовалось и поддерживалось Марксом и Энгельсом, внимательно следившими за событиями в Праге.

Непосредственно Пражскому восстанию они посвятили две статьи в «Новой Рейнской газете». В первой из них, написанной ещё в ходе восстания и опубликованной 17 июня 1848 г. под названием «Пражское восстание», Маркс и Энгельс подробно анализируют происходившие в Праге события. Передавая кратко обстоятельства начала восстания, они прежде всего указывают, что «австрийская военщина утопила в чешской крови возможность мирного сожительства чехов и немцев»¹⁴⁸.

Авторы подчёркивают, что именно представитель австрийской военщины князь Виндишгрец произвёл приготовления к военному выступлению против чехов: «Концентрируются войска, и готовится нападение на Славянский конгресс и чехов»¹⁴⁹. Маркс и Энгельс совершенно отчётливо показывают, что немецкие буржуазные революционеры по отношению к чехам, как и к ряду других народов, не проявили революционной последовательности в национальном вопросе. «Французы, — пишут они, — даже там, куда они приходили как враги, умели снискать себе признание и симпатии. Немцы же нигде не признаются и нигде не встречают симпатии. Даже там, где они выступают великодушными апостолами свободы, их отталкивают с горькой насмешкой. И по заслугам»¹⁵⁰. Далее в статье показываются причины этого: «Нация, позволившая превратить себя на протяжении всей своей истории в орудие угнетения всех других наций, — такая нация должна раньше доказать на деле свою действительную революционность. Она должна это доказать не только двумя-тремя половинчатыми революциями, которые не имеют никаких иных результатов, кроме сохранения под другими личинами старой нерешительности, сла-

бости и отсутствия единства, — революциями, во время которых Радецкий остаётся в Милане, Коломб и Штейнхеккер — в Познани, Виндишгрец — в Праге, Гюзер — в Майнце, как будто ничего не случилось.

Революционная Германия должна была, особенно в отношении соседних народов, отречься от всего своего прошлого. Вместе со своей собственной свободой она должна была провозгласить свободу тех народов, которые доселе ею угнетались. А что сделала революционная Германия? Она совершенно подтвердила и осветила старое угнетение Италии, Польши, а затем и Богемии при помощи немецкой всенщины. Кауниц и Меттерних совершенно оправданы»¹⁵¹.

Мы видим, между прочим, что высказанные здесь взгляды основоположников марксизма на национальную политику немецких буржуазных революционеров совпадают с высказываниями по тому же поводу великого русского революционера-демократа Н. Г. Чернышевского. «Франция и Германия, — писал Чернышевский, — страны, населённые одним племенем: число немцев во Франции, поляков в Германии так незначительно по сравнению с господствующим племенем, что не могло иметь важного влияния на ход дел. Парижские французы, берлинские и франкфуртские немцы могли не заботиться о других народностях. В Австрии не то. Венские немцы были представителями лишь незначительного меньшинства жителей империи. Судьба и всего государства, и самой столицы зависела от того, в какие отношения австрийские немцы и представители их венские граждане станут к другим племенам. Прежняя система развила в этих племенах недоверие и вражду к немцам. Следовало бы, кажется, подумать об этом, следовало бы позаботиться о том, чтобы расположить другие народности в пользу венского движения. Венским простякам не пришло в голову такое мудрёное соображение»¹⁵².

Известно, как резко осуждали Маркс и Энгельс реакционную теорию австрославизма, предполагавшую неперемное сохранение габсбургской Австрийской империи, одного из главных врагов европейской революции. Однако Маркс и Энгельс не отвлекались от причин возникновения этой теории. Они считают естественным отказ чехов от участия в выборах во Франкфуртский парламент, их борьбу против включения Чехии в состав Германии. В цитируемой нами статье вслед за приведённым выше отрывком они пишут: «И после этого немцы требуют, чтобы чехи им доверяли! И после этого осуждают чехов за то, что они не желают присоединиться к нации, которая, освобождаясь сама, в то же время угнетает и оскорбляет другие нации! Осуждают их за то, что они отказались избрать депутатов в такое представительное собрание, как наше незадачливое, трусливое, за свой собственный суверенитет дрожащее франкфуртское Национальное со-

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 53.

¹⁴⁸ Там же, Т. VI, стр. 184.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же, стр. 185.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Чернышевский Н. Г. Предисловие к нынешним австрийским делам. Собр. соч. Т. 8, стр. 96. СПб. 1906.

брание! Вменяют им в вину, что они отrekliсь от импотентного австрийского правительства, которое со своей беспомощностью и парализованностью, кажется, для того только и существует, чтобы не предупредить или, по крайней мере, организовать распад Австрии, а только констатировать его, — от правительства, которое само слишком слабо для того, чтобы освободить Прагу от пушек и солдат какого-нибудь Виндишгреца!»¹⁵³. Маркс и Энгельс заканчивают статью предположением, что такая политика революционной Германии неизбежно должна толкнуть чехов в сторону царской России. «Благодаря четырёхвековому угнетению со стороны немцев, которое продолжается теперь в уличных боях в Праге, чехи толкаются в объятия русских»¹⁵⁴. Предполагая, что в ближайшее время должна была начаться революционная война против царской России, Маркс и Энгельс пишут: «В той великой борьбе между Востоком и Западом Европы, которая вспыхнет в самое короткое время... несчастная судьба поставит чехов на сторону русских, на сторону деспотизма против революции. Революция победит, и чехи будут первыми, которые будут сию подавлены. Вину за это поражение чехов опять-таки несут немцы. Ибо немцы предали их русским»¹⁵⁵.

В другой своей статье, написанной спустя три недели после подавления восстания и опубликованной в «Новой Рейнской газете» 11 июля 1848 г. под названием «Внешняя политика Германии и последние события в Праге», Маркс и Энгельс приводят цитированное нами выше сообщение одного немца из Праги от 24 июня. Приводя это сообщение, Маркс и Энгельс подчеркивают, что, «несмотря на патриотический шум и завывание почти всей немецкой печати, «Новая Рейнская газета» с первого же момента выступила в защиту поляков в Познани, итальянцев в Италии, чехов в Богемии»¹⁵⁶. Известно, как высоко ценили основоположники марксизма революционную борьбу польского народа. Весьма важным по этому является то обстоятельство, что они сравнивают в приведённой цитате борьбу поляков с борьбой чехов, ставят их на одну доску. Маркс и Энгельс выражают возмущение «макиавеллистской» политикой Германии. Они с гневом пишут о том, что «в тот самый момент, когда немцы борются со своими правительствами за внутреннюю свободу, их заставляют под командой этих же самых правительств предпринять крестовый поход против свободы Польши, Богемии, Италии. Какая глубина соображения! Какой исторический парадокс!»¹⁵⁷. Они резко осуждают «расовую войну»,

«которую Германия запятнала свою новую эру»¹⁵⁸. Своё сочувственное отношение к революционной борьбе чешских народных масс Маркс и Энгельс подчеркивали и позже, в сентябре 1848 г., когда они в третьей статье о Шлезвиг-Гольштинской войне писали: «Уличная борьба в Праге, вопреки всем стараниям национальной прессы, будила в народе симпатии только к побеждённым, а не к победителям»¹⁵⁹. И дальше: «...в Италии, Познани и Праге немцы боролись против революции... Война с Данией, это — первая революционная война, которую ведёт Германия»¹⁶⁰. Итак, очевидно, что революционная борьба чешского народа, ведшаяся на первом этапе движения 1848 г., завершившемся Пражским вооружённым восстанием, высоко оценивалась и поддерживалась Марксом и Энгельсом, поскольку эта борьба усиливала лагерь революции. Вместе с тем очевидно и то, что антиславянская, шовинистическая политика германских буржуазных революционеров, как и националистическая политика чешской либеральной буржуазии, подверглась резкой критике и осуждению со стороны Маркса и Энгельса, поскольку она обостряла национальные противоречия и создавала предпосылки и условия для отвлечения народных масс, как чешских, так и немецких, от социальной, классовой борьбы и толкала их на путь национальной вражды.

Ограничимся приведёнными фактами и подведём некоторые итоги. Очевидно, что июньское восстание в Праге явилось следствием развития революционной ситуации в чешских землях, а не было результатом «сумасбродных и бессмысленных действий политически неопытной молодёжи», как это утверждала чешская буржуазная историография. Очевидно также, что восстание это имело определённо выраженный социальный характер, а не было националистическим антинемецким выступлением, как это утверждала немецкая буржуазная историография. Пражское восстание нашло широкий отклик в провинции, вызвав подъём антифеодалного движения в деревне и усиление движения пролетариата в городах. Всё это поставило австрийскую реакцию перед вполне конкретной угрозой демократической революции в чешских землях, вынудив императорский двор сосредоточить в чешских землях сорокатысячную армию Виндишгреца, в связи с чем эта армия не могла быть использована в этот период для подавления революционного движения в других частях империи. Несомненно, всё это способствовало ослаблению сил австрийской реакции и укреплению сил демократии. Очевидно, таким образом, что Пражское восстание сыграло важную роль в революционном движении 1848 г., способствовав развитию революционной ситуации в Австрийской империи.

¹⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Т. VI, стр. 185.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же, стр. 185—186.

¹⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Т. VI, стр. 242.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же, стр. 427.

¹⁶⁰ Там же.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ФЮСТЕЛЬ ДЕ КУЛАНЖА

М. Алпатов

Научные труды Фюстель де Куланжа (1830—1889), одного из столпов буржуазной историографии, составляют заметный рубеж в развитии буржуазной науки о средних веках и древнем мире. Историческая теория и методы научного исследования Фюстель де Куланжа оказали огромное влияние на всё последующее развитие буржуазной историографии как во Франции, так и за её пределами. Привлечённые им исторические документы прочно вошли в научный обиход. Умами буржуазных историков с тех пор владеет убеждение, что без трудов Фюстель де Куланжа нельзя изучать позднюю Римскую империю и историю средних веков.

Проповедниками идей Фюстель де Куланжа во Франции были многочисленные его ученики, среди которых наиболее известны Поль Гиро и Камилл Жюллиан. Влияние «куланжистских» идей чрезвычайно сильно сказывается во французской историографии и по сей день (Фердинанд Ло и др.). Фюстель де Куланж приобрёл многочисленных почитателей во всех странах, в том числе и в царской России. Русские «куланжисты» откровенно преклонялись перед своим учителем. Один из наших крупных дореволюционных историков, И. М. Гревс, в своём предисловии к русскому переводу главного труда Фюстель де Куланжа «История общественного строя древней Франции» писал: «Само положение нашей образованности среди других и наша сравнительно интеллектуальная юность побуждают нас черпать в глубоком и превосходном источнике западной науки и западной поэзии обильные и разнообразные элементы цивилизации и вдохновения»¹. И лучшим источником этой западной «цивилизации и вдохновения» И. М. Гревс считал Фюстель де Куланжа, который по его мнению, «без всякого сомнения принадлежит к числу таких первоклассных умов, работа которых могущественным образом двигает не только успехи избираемой ими отрасли науки, но и общее развитие идей и теоретического мышления»².

Но историческая теория Фюстель де Куланжа с самого начала встретила и прямые возражения. Против взглядов Фюстель де Куланжа во Франции выступила целая группа историков либеральной школы (Глассон, Жюбанвиль, Виолле и др.). Больше всего возражений вызвал тезис, занимавший центральное место в социальной теории Фюстель де Куланжа, — тезис об отрицании крестьянской земельной общины в средние века. Завязавшая по этому поводу дискуссия навсегда приковала Фюстель де Куланжа к раннему средневековью; его главный труд, который, по первоначальному замыслу автора, должен был включить всю историю Франции, на деле не вышел за рамки эпохи

Каролингов, хотя и вырос до размеров шести больших томов.

Однако эти противники Фюстель де Куланжа были весьма непоследовательны в своей критике; существование крестьянской земельной общины они признавали фактически лишь для Меровингской эпохи³; кроме того эта община, по их мнению, не имела широкого распространения у народов Европы⁴. «Ясно, что многие учёные, — писал главный оппонент Фюстель де Куланжа, Е. Глассон, — злоупотребляли вопросом об аграрном коммунизме и видели режим общины там, где его не существовало»⁵. Они никогда не переставали доказывать, что их общинная теория не имеет ничего общего не только с коммунизмом, но даже с теорией Маурера.

Что касается немецких противников Фюстель де Куланжа (Вайц, Зомм, Бруннер и др.), то они критиковали его тезис об общине, как и всю его историческую теорию, с чисто националистических позиций: фальшивой романистической концепции Фюстель де Куланжа они противопоставляли свою, не менее фальшивую концепцию воинствующего германизма.

Наибольшие заслуги в критике реакционной исторической теории Фюстель де Куланжа принадлежат русской науке. Статьи таких русских учёных, как П. Г. Виноградов⁶ и М. М. Ковалевский⁷, представляют самое ценное, что имеется во всей обширной буржуазной литературе о Фюстеле. Дело в том, что русская либеральная школа историков не только не разделяла, по понятным причинам, шовинистических взглядов немецких учёных, но в отличие от всей зарубежной исторической науки она защищала «общинную» научную традицию, что было прямым выражением политической оппозиции русских либералов полукрепостническим порядкам в пореформенной царской деревне. Русские историки-либералы второй половины XIX и начала XX в. весьма настойчиво разрабатывали проблемы развития крестьянской общины не только в самой России, но и в других странах. Объектом их изучения сначала была община во Франции; именно на этой почве выросла известная «русская историческая школа» (Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский), создавшая науку об аграрном строе Фран-

³ Monod G. «Bulletin historique». «Revue historique», XI—XII, p. 350. 1890.

⁴ G l a s s o n E. «Histoire de droit et des institutions de la France». T. I. 1887.

⁵ G l a s s o n E. «Les communaux et le domaine rurale à l'époque franque», p. 134. Paris. 1890.

⁶ Виноградов П. «Фюстель де Куланж. Итети и приёмы его учёной работы». «Русская мысль» за январь 1890 года.

⁷ Ковалевский М. «Древнегерманская марка (ответ Фюстель де Куланжу)». «Юридический вестник» № 5 за 1886 год.

¹ Фюстель де Куланж «История общественного строя древней Франции». Т. I. Предисловие И. М. Гревса, стр. VII. 1901.

² Там же.

ции Старого порядка. Но, по мере того как русский либерализм становился всё более консервативным, интересы русской либеральной интеллигенции переместились в Англию; выражением этого явилась школа П. Г. Виноградова, давшая буржуазной исторической науке широко распространённую теперь теорию аграрного строя средневековой Англии. Не будет преувеличением сказать, что разработка аграрной истории этих двух стран была проделана прежде всего русскими историками под влиянием борьбы за буржуазное разрешение аграрного вопроса в России. Естественно поэтому, что теория Фюстель де Куланжа, начисто вычёркивавшая сбшину из истории, встретила со стороны русских учёных наиболее решительный отпор.

Однако буржуазно-либеральные критики Фюстель де Куланжа, в том числе и русские буржуазные историки, были неспособны вскрыть действительные причины, породившие его реакционную теорию. Их не интересовали политические и методологические взгляды Фюстель де Куланжа, которые являлись основой его исторической теории. Борьба, которую вели с Фюстелем его буржуазные оппоненты, ограничивалась, в конечном счёте, критикой его исследовательского метода, его способов истолкования исторических текстов.

Обнажить основу реакционной исторической теории Фюстель де Куланжа, дать объективную оценку его политическим и методологическим взглядам и проследить историю их формирования в связи с политической обстановкой во Франции того времени возможно только с позиций марксистско-ленинской исторической науки.

Политическая концепция Фюстель де Куланжа формировалась в условиях второй половины XIX века. Этот период, особенно во Франции, существенно отличался от первой половины века как по характеру классовой борьбы, так и по своей идеологии. Одним из важнейших этапов первой половины XIX в. во Франции, как известно, были годы феодальной реставрации, когда буржуазии приходилось вновь ставить вопрос о завоевании власти. Историческая наука в это время была главным идейным оружием буржуазии, подобно тому, как философия была таким оружием в эпоху Просвещения.

Именно в эти годы французские историки достигли идейной вершины буржуазно-исторической мысли: они создали свою буржуазную теорию классовой борьбы, на что в своё время обращал внимание Маркс в известном письме к Вейдемейеру⁸. Осью идеологической борьбы буржуазии в этот период была французская буржуазная революция конца XVIII века. Значительная группа историков с Минье и Тьером во главе посвятила себя изучению этой революции. Другая группа историков, и прежде всего О. Тьерри и Гизо, обратилась к изучению французского средневековья, поставив перед собой задачу создать историю третьего сословия и тем са-

мым исторически оправдать революцию 1789—1794 годов. У О. Тьерри и Гизо при этом их теория классовой борьбы выступала в тесной связи с расовой теорией: история Франции изображалась ими как история борьбы двух народов, образовавшихся в результате варварского завоевания Галлии в V в., — потомка порабождённых галло-римлян (буржуазия) и потомка завоевателей-франков (дворянство). О. Тьерри и Гизо были представителями романистической точки зрения в историографии, поскольку для них история Франции была историей борьбы и окончательной победы романского элемента, т. е. буржуазии. Этот романизм первой половины XIX в. по своей форме значительно отличался от буржуазного романизма XVIII века. Французские романисты века Просвещения (Фрерэ, аббат Дюбо и др.) исходили из отрицания «германского» завоевания Галлии, отвергая таким путём исторические права дворянства на власть во Франции; в отличие от них О. Тьерри и Гизо признали это завоевание, но рассматривали его как причину для борьбы с дворянством.

Революция 1830 г., приведшая к окончательному свержению дворянской власти во Франции, внесла крупные коррективы в теории буржуазных историков периода Реставрации. Они всё с большей решительностью начинают выдвигать идею примирения с дворянством, ибо союз с этим вчерашним врагом был для них необходим для борьбы с врагом сегодняшним — пролетариатом. Наиболее отчётливо это выразил О. Тьерри, отстававший вначале антидворянскую и антимоноархическую концепцию французской истории, какой она была в его «Подлинной истории Жака Простака», он перешёл к прославлению монархии и протянул руку примирения дворянству в своих поздних работах «Рассказы из времён Меровингов» и «История происхождения и успехов третьего сословия».

Революция 1848 г., когда впервые выступил пролетариат как самостоятельная сила в борьбе за власть, сломала все исторические схемы буржуазной науки и привела буржуазных историков Франции к окончательному отказу от теории классовой борьбы. Написанная под свежим впечатлением событий 1848 г. книга Гизо «De la démocratie en France» и последние части его «Истории английской революции» являются ярким тому доказательством. Вместе с отказом от теории классовой борьбы исчезла во французской буржуазной историографии и германо-романская проблема как проблема антидворянская, служившая своеобразной формой для этой буржуазной теории.

Отказ буржуазных историков от теории классовой борьбы означал, что идейное восхождение буржуазной историографии закончилось. Не случайно рождение марксизма также датируется 1848 годом, когда вышел в свет «Манифест Коммунистической партии», содержащий основы марксистской теории классовой борьбы; не случайно первая крупная историческая работа К. Маркса называется «Классовая борьба во Франции» и посвящена революции 1848 г. — событию, которое привело к первому идейному кризису буржуазной исторической мысли и яви-

⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXV, стр. 145—146.

лось ярким доказательством величия марксистской теории классовой борьбы. С этого рубежа началась эпоха марксизма и его исторической науки.

Во вторую половину XIX в. французская буржуазия вступала под непосредственным впечатлением революции 1848 года. Монархия Наполеона III была прямой реакцией буржуазии против революции рабочего класса. Наступила реакция и в области идеологии; она чрезвычайно остро сказалась на таком участке, как историография. Основной чертой французской буржуазной историографии 50—60-х годов было резкое перемещение интересов с проблем революции 1789—1794 гг. и проблем средневековья в область истории религии и древней истории. Это было своего рода антитезой тому увлечению античностью, которое имело место во время буржуазной революции конца XVIII века. Если тогда Руссо, Мабли, Морелли и многие другие обращались к античности, чтобы черпать там аргументы в защиту равенства и справедливости, то историки второй половины XIX в. искали в античности оправдания для требования «порядка» и «социальной дисциплины». Если в своё время, готовя революцию, буржуазия, по выражению Маркса, «думала о религии лишь настолько, насколько религия загораживала ей дорогу»⁹, то теперь она рассматривала религию как орудие охраны своей собственности и власти. Наиболее откровенно в начале 50-х годов выразил это настроение буржуазии один из влиятельнейших французских историков того времени, А. Токвиль: «Какой француз подписался бы теперь под произведениями Дидро и Гельвеция? Кто пожелал бы их читать? Я готов почти спросить — кто знает их заглавия? Даже той неполной опытности, которую мы приобрели за последние шестьдесят лет в политической жизни, было достаточно, чтобы оттолкнуть нас от этой опасной литературы. Посмотрите, как уважение к религии постепенно восстановило свою власть в различных классах общества, по мере того, как каждый из них приобретал этот опыт в суровой школе революций. Старое дворянство, бывшее самым неверующим классом до 89-го года, сделалось самым набожным после 93-го. Оно первое было поражено, и первое же обратилось. Когда сама буржуазия почувствовала себя поколебленной в своём торжестве, и она, в свою очередь, стала возвращаться к религиозным верованиям. Мало-помалу почтение к религии проникло повсюду, где у людей было что терять в народных беспорядках, и неверие исчезло или, по крайней мере, стало прятаться по мере того, как выступала наружу боязнь революции»¹⁰.

Наиболее крупным представителем этой тенденции во французской историографии очень скоро стал Э. Ренан, вошедший в буржуазную историографию как великий скептик и рационалист, но на деле являвшийся воинствующим реакционером, который пытался при помощи рационализма приспособо-

бить религию для политического служения буржуазии. «Отныне править миром либерализм будет не один, — писал этот потомок энциклопедистов. — Англия и Америка ещё надолго сохранят следы влияния библии, и даже у нас социалисты, чуждые учению еврейских пророков, должны будут считаться с их влиянием при проведении в жизнь своей рационалистической политики»¹¹.

Такова была политическая обстановка во Франции, когда выступил как начинающий историк Фюстель де Куланж. В 1858 г. он обратил на себя внимание двумя докторскими диссертациями; одна из них была посвящена вопросу о значении культа Весты в истории древнего Рима, другая — известному позднегреческому историку Полибию. Только учёта идейную атмосферу, царившую в тогдашней французской историографии, можно понять, что выбор этих тем был далеко не случайным. Фюстель де Куланж счёл себя обязанным поддержать обе модные тогда тенденции: рядом с сочинением на гражданскую тему из древней истории он поставил труд на тему из истории религии. В полном соответствии с господствовавшими тогда идеями находилось и самое содержание этих ранних работ Фюстель де Куланжа. В сочинении о Полибии Фюстель де Куланж ставил своей прямой задачей поднять на щит этого античного идеолога сильного государства в противовес тем греческим элементам, которые пытались отстаивать независимость Греции против всеподавляющей мощи римской дисциплины. Как указывал Габриель Моно, Фюстель де Куланж в лице этих запоздалых защитников демократии «показал роль либералов между аристократической и демократической партиями, их слабость и непоследовательность»¹². Он заставил Полибия вести дискуссию против своих «слабых и непоследовательных» соратников — французских либералов. Книга Фюстель де Куланжа о древних событиях была весьма недалеко от собитий его современности.

Что касается его сочинения о культе Весты, то оно явилось конспектом тех идей, которые составили потом содержание крупного труда Фюстель де Куланжа «La cité antique» (1864), принесшего автору мировую известность. Основная идея «La cité antique», по словам самого Фюстель де Куланжа, состояла в том, чтобы показать, что в основе всей древней истории лежит религия: «Мы изложили здесь историю верования, оно водворилось, и возникает известный строй человеческого общества. Оно начинает изменяться, и общество проходит ряд переворотов. Оно исчезает, и общество становится совсем не то. Таков был закон античной эпохи»¹³. Фюстель де Куланж так сформулировал политический смысл своей книги: «В силу ошибочного взгляда на

¹¹ Ренан Э. «История израильского народа». Т. I, стр. 26. 1907.

¹² Monod G. «Fustel de Coulanges». «Revue historique», p. 279. Septembre—décembre, 1859.

¹³ Фюстель де Куланж «Гражданская община античного мира», стр. 536. М. 1867.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 656.

¹⁰ Токвиль А. «Старый порядок и революция», стр. 174. М. 1896.

учреждения державного города древности, воображали, что можно воскресить их и ныне. Свобода новейших народов подвергалась опасности из-за того, что заблуждались насчёт значения свободы у древних. Последние восемьдесят лет французской истории показали ясно, что одно из главных препятствий, мешающих прогрессу нового общества, — привычка его всегда иметь перед глазами греческую и римскую древность»¹⁴.

Иначе говоря, книга Фюстель де Куланжа была целиком направлена против античных идей, оказавших влияние на деятелей буржуазной революции 1789—1794 годов. Недаром Фюстель де Куланжа интересовали «последние восемьдесят лет французской истории». Своей «*Cité antique*» он давал бой тем демократическим идеям, которые питались античными традициями, — идеям Руссо, Мабли и Морелли. Апеллируя к античности, он пытался выбить историческую почву из-под самой идеи революции, доказывая, что все древние «перевороты» были порождены религией, а не движением масс. Это были те мнимые «перевороты» в прошлом, при помощи которых Фюстель де Куланж боролся против угрозы действительных переворотов в настоящем.

Нужно решительно отвергнуть тезис, который проповедывался во французской историографии почитателями Фюстель де Куланжа, о том, что период Второй империи был для него тем безмятежным временем, когда его не коснулись никакие политические страсти. Особенно настойчиво эту версию поддерживал Камилл Жюллиан. По его мнению, как Фюстель де Куланж, так и его современники И. Тэн и Э. Ренан стояли в тот момент «вне всякой политической борьбы; жизнь всех троих заключалась во внутренних размышлениях и бескорыстных исканиях... Не было в их жизни ни «молний июля», которые поразили Мишле в 1830 г., ни борьбы за свободу, которая сделала из Тьерри историка. Созревшие в эпоху политического затишья и всеобщей депрессии, все трое посвятили все силы своей молодости и стремления своего ума науке. Они занимались наукой для науки, как Флобер и многие другие в то же время и по тем же причинам занимались искусством для искусства»¹⁵. Мы видим, насколько это было далеко от действительности.

В течение всего периода 50-х и 60-х годов Фюстель де Куланж был поглощён разработкой проблем древней истории. Эпоха средневековья не привлекала его внимания. Более того: судя по опубликованным П. Гиро отрывкам курса, который Фюстель де Куланж читал в течение десяти лет в Страсбурге, его отношение к средним векам было резко отрицательным. Средневековье для него было эпохой смут и завоеваний, где «как в победителях, так и в побеждённых всё печально, мелко, отвратительно. Велики одни страдания. Огюстен Тьерри рассказывает как художник; он вызывает в нас со-

чувствие к жертвам; он усыпает их могилы цветами. Я не стану подражать ему»¹⁶.

В самом начале 70-х годов произошёл резкий поворот научных интересов Фюстель де Куланжа от древнего мира к средним векам. Причиной этого поворота явились изменения в самой политической концепции Фюстель де Куланжа. Именно в этот момент окончательно складываются те политические взгляды Фюстель де Куланжа, которым он остался верен до конца жизни и основой которых была ещё более обострившаяся ненависть к пролетариату и социализму.

Где лежали истоки этих перемен в политических взглядах Фюстель де Куланжа? Он никогда не устал доказывать, что его политические воззрения родились из изучения опыта мировой истории. Из его французских биографов этот тезис особенно настойчиво поддерживал П. Гиро. По поводу исторических исследований Фюстеля начала 70-х годов он писал, что именно эти исследования дают нам «ключ к политическим доктринам Фюстель де Куланжа. Убеждённый в том, что политика есть наука опытная, он возводил в закон уроки прошлого, согласно которому определял будущее и настоящее»¹⁷.

Не подлежит сомнению, что эту формулу П. Гиро следует перевернуть: не уроки прошлого возводил Фюстель в законы настоящего, а наоборот: уроки настоящего он возводил в законы прошлого. И этим уроком настоящего, событием, которое сыграло решающую роль в окончательном формировании политических взглядов Фюстель де Куланжа, была прежде всего Парижская коммуна. Фюстель де Куланж был очевидцем Коммуны, и это зрелище породило в нём страх и ненависть. Революция рабочего класса представлялась ему как борьба за народную диктаторскую монархию. «Он видел Францию, с завязанными глазами идущую навстречу демократии, а следовательно, навстречу монархии, которая по его словам, составляет необходимое дополнение первой, и это зрелище причиняло ему сильнейшее беспокойство, так как та народная монархия, которую он примечал на горизонте, была далеко не успокоительного свойства. То будет не кажущаяся и фиктивная монархия, не декорация, прикрывающая собою свободу и республику. То будет настоящая монархия, угнетающая свободу, деспотически властвующая над душой и телом, не признающая никаких ограничений и не слушающая возражений. То будет монархия, которая захочет сама всё устраивать, всё решать и всё делать, которая захочет по-своему организовать труд, уничтожит соревнование, заглушит всякую самостоятельность, понизит богатство страны до уровня общей бедности, сведёт к нулю всякое умственное и нравственное превосходство и водворит в печальной и мрачной Франции равенство невежества и нищеты»¹⁸.

Смертельно напуганный Коммуной, Фю-

¹⁴ Фюстель де Куланж «Гражданская община античного мира», стр. 536.

¹⁵ Julian C. «Extraits des historiens français du XIX-e siècle», p. LXXXVIII. Paris. 1912.

¹⁶ Гиро П. «Фюстель де Куланж», стр. 17. М. 1898.

¹⁷ Там же, стр. 54.

¹⁸ Там же, стр. 65.

стель де Куланж размышлял над созданием во Франции такого политического порядка, который не только сделал бы невозможным повторение пролетарской революции, но и поставил бы пролетариат вне политической жизни страны. В бумагах Фюстеля сохранился составленный им проект конституции Франции, в котором чётко сформулировано его политическое кредо. В противоположность «народной монархии», где господствует пролетариат, он рисует Францию республикой, где должна господствовать аристократия, богатство которой «порождает довольство трудящихся, её роскошь даёт хлеб беднякам»¹⁹. Что же касается народных масс, то он считал, что не будет «несправедливостью отдалить от государственных дел всех тех, кого приниженность положения или ничтожество ума делают неспособными к роли деятельного гражданина. Право вотировать и управлять не таково, чтобы его следовало давать всем без различия; эту службу следует предоставлять достойнейшим, особенно же в республике»²⁰.

Фюстель де Куланж допускал всеобщее избирательное право, но вместе с тем сводил его к пустой формальности. Помимо верхней палаты и президента, без которых уже не может быть принят никакой закон, он выдвигает верховный суд, которому принадлежит полный контроль над всей законодательной властью. Опорой верховного суда является мощный юридический корпус, охватывающий всю страну, задачи которого состоят в охране «того, что не должно уничтожаться или изменяться, чего не может касаться своеволие народа или случайности революций — охрана закона, т. е. уважение к чужой жизни, собственности, свободе и совести». Таким образом, «меньшинство было бы защищено от насилия большинства, а само большинство предохранялось бы от собственных увлечений»²¹.

Образцом для Фюстель де Куланжа служили Соединённые Штаты Америки, которые против революции воздвигли надёжную стену в виде всеильной юридической корпорации с верховным судом во главе, и именно поэтому Соединённые Штаты могут «твёрдо держаться среди бурь: в этой стране всё может быть поставлено под вопрос, всё может быть потрясено и уничтожено, за исключением магистратуры и права»²².

Для беспокойной Франции такой юридический порядок Фюстель считал тем более обязательным, ибо при наличии всеобщего избирательного права здесь было бы «большой неосторожностью отдавать в руки одних политических собраний власть издавать законы. Того, что должно меняться медленно, не надо доверять тому, что меняется почти каждый год... Не исключено, что политический корпус даст

себя увлечь в ужасный риск, а есть вещи, которые следует поставить вне пределов его досягаемости. Всё предвидеть — значит всё мочь»²³.

Фюстель де Куланж устанавливает, далее, пропорциональный налог, который основной своей тяжестью падает на имущие классы, беднота же полностью освобождается от налога. Но подобная «демократическая» мера имела лишь ту цель, чтобы поставить немущих в бесправное положение, ибо крупные налогоплательщики полностью контролируют казну при помощи счётной палаты, которую они выбирают; эти собственники «будут пользоваться особенным влиянием во всех делах, касающихся государственных финансов, они будут доставлять средства казне, но они же будут и управлять ею. Сверх того, казна будет избавлена от вождений социализма, и налог не изменит своему нормальному назначению для того, чтобы, как желают некоторые, обратиться в средство для уравнивания состояний между всеми людьми»²⁴.

Фюстель де Куланж был озабочен не только тем, чтобы обезопасить от посягательств пролетариата государственные органы буржуазии, но и тем, чтобы устранить пролетариат даже из коммунальных учреждений. Это казалось ему тем более важным, что парижский муниципалитет был использован пролетариатом для организации своей власти после восстания 18 марта 1871 года.

Организации муниципальных учреждений посвящена специальная статья Фюстель де Куланжа «Les libertés communales en Europe», опубликованная им 1 июля 1871 г. под свежим впечатлением Парижской коммуны. Фюстель де Куланж прежде всего настаивает на том, что лучший способ закрыть доступ в муниципалитеты для пролетариата — это следовать опыту англичан, которые давно научились устранять бедноту из своих муниципальных организаций. «На первый взгляд кажется, что там царит демократия со своими волнениями и со своим невежеством. Это не так. Против демократической опасности Англия имеет защиту — налог в пользу бедных. Этот институт полезен не только потому, что он позволяет хоть немного удовлетворить и усыпить аппетиты бедных, но это также чудесный предлог для того, чтобы устранить от руководства коммунальными интересами тех, кто мог бы внести в них потрясения. Действительно, чтобы быть членом прихода, недостаточно быть там только жителем, надо ещё быть внесённым в списки платящих налог в пользу бедняков. Таким образом одним ударом... все неплательщики налогов, все неизвестные и бродяги лишаются права голоса. Что может быть более естественным?»²⁵.

Устранив из муниципалитетов народ, нужно отдать их в руки имущих; англичане, по мнению Фюстеля, изобрели мудрый принцип, который применяется ими не только в коммунальных учреждениях, но даже в госу-

¹⁹ Гиро П. «Фюстель де Куланж», стр. 57.

²⁰ Там же, стр. 58.

²¹ Там же, стр. 62.

²² Fustel de Coulanges «L'organisation de la Justice dans l'antiquité et les temps modernes». «Revue des deux mondes», I, octobre 1871, p. 601.

²³ Там же.

²⁴ Гиро П. Указ. соч., стр. 63.

²⁵ Fustel de Coulanges «Les libertés communales en Europe». «Revue des deux mondes», I—VII, 1871, p. 236—237.

дарственном аппарате, — принцип неоплачиваемости должностных лиц. Поскольку в Англии крупные чиновники не получают жалования, то по необходимости их выбирают «из тех жителей графства, у кого материальное состояние обеспечивает досуг и независимость», иначе говоря, из числа «наиболее богатых собственников»²⁶.

Далее, коммунальные учреждения нужно отделить от центральной власти и оградить сферу политики от их вмешательства. Это нужно сделать прежде всего для того, чтобы гнев народа не мог обрушиться на центральное правительство. Следует учесть печальный опыт чрезмерной политической централизации во Франции: «Во Франции всё недовольство и все желания нововведений связываются в один узел против центральной власти и опрокидывают её каждые 15—20 лет»²⁷. Именно это обстоятельство вызывает больше всего беспокойство Фюстель де Куланжа. Со всей страстью он бранит французов, у которых бесконечные революции отняли, по его мнению, всякий здравый смысл: «Множество революций, которые мы пережили, потрясли наш ум; на каждой из этих революций, как на иглах кустарника, мы оставляли что-либо от нашего здравого смысла, от нашей чести, справедливости и ума, и сегодня я не уверен, что народ наш не утратил даже самого понятия о настоящей свободе»²⁸.

В комментариях к своей конституции Фюстель де Куланж заявляет, что давно пора отбросить отживший лозунг буржуазной революции: «Свобода, равенство и братство!» По его мнению, свобода и равенство несовместимы, ибо свобода есть атрибут аристократии, а самое господство аристократии неизбежно отрицает равенство, являющееся конечной целью народных масс: в этих условиях братство на деле является лишь вредной фикцией. При помощи подобных лозунгов французы «отстраняют от дела высшие классы, которые одни только способны управлять ими, и отдают в руки невежественной и слепой толпы не только принцип, но и самое осуществление верховной власти»²⁹.

Таким образом, политические требования Фюстель де Куланжа сформулированы им с предельной ясностью. Они сводятся к подавлению революции пролетариата, к устранению рабочего класса из политической жизни страны в рамках аристократической буржуазной республики.

Но следует иметь в виду, что как в своей ненависти к революции, так и в своей политической программе Фюстель был вовсе не оригинален. Его программа борьбы с революцией сложилась под прямым влиянием А. Токвиля. Последние два века французской истории представлялись Токвилю как история гибели политической свободы и роста политического равенства. Носителем

идей равенства был сам французский народ — «чернь». Ещё в «Демократии в Америке» (1835) Токвиль писал: «Бедность так же как и несчастье — самые душевные защитники равенства»³⁰. Наиболее простой путь достигнуть равенства — это установить деспотизм, ибо перед властью деспота все граждане государства выступают как единая бессильная масса, а всякие политические привилегии имущих классов теряют своё значение. Народ, заинтересованный в уничтожении привилегий богатых, всегда является сторонником деспотической монархии, которая выступает у Токвиля как демократическая тирания, опирающаяся на народное большинство.

Этой деспотической «народной» монархии Токвиль, как известно, противопоставлял аристократическую республику, где должно быть уничтожено равенство и где должна господствовать политическая свобода. Власть в такой республике принадлежит дворянско-буржуазной аристократии; эта власть строится на основе политической децентрализации государства при огромной роли местного самоуправления. В этом состоит гарантия того, что власть не может быть захвачена одним ударом, и поэтому устраняется опасность установления деспотизма. Органом охраны власти имущих классов в республике должен явиться мощный юридический корпус с верховным судом во главе. Идеалом такого порядка Токвиль считал Соединённые Штаты Америки.

Таковы основные положения политической теории Токвиля. В качестве отдельных мыслей мы встречаем их в его ранней работе «Демократия в Америке», а в качестве окончательно созревшей теории в применении к Франции они выступают в его «Воспоминаниях» и особенно в «Старом порядке и революции». Несомненно, крупнейшую роль в окончательном оформлении этой теории сыграл государственный переворот Наполеона III, когда республика во Франции «была уничтожена шестью миллионами крестьянских голосов»³¹. Эти бонапартистские иллюзии французского крестьянства Токвиль перенёс на весь французский народ, и это послужило ему основанием считать народные массы носителем деспотизма. Именно поэтому Токвиль глубоко ненавидел монархию Наполеона III, а борьбу за республику, против деспотизма, провозгласил делом всей своей жизни. В этой концепции Токвиля нетрудно разглядеть схему политической теории Фюстель де Куланжа. Приверженность последнего к аристократической республике в противовес «народной» монархии, противопоставление свободы равенству, все атрибуты его республики — децентрализация власти, требование местного самоуправления, всемогущий юридический корпус и т. д. — всё это заимствовано им у Токвиля.

Буржуазная историография³² не смогла

²⁶ Там же, стр. 236.

²⁷ Fustel de Coulanges «Les libertés communales en Europe». «Revue des deux mondes», I—VII, 1871, p. 238.

²⁸ Там же.

²⁹ Гаро П. Указ. соч., стр. 66.

³⁰ Токвиль А. «Демократия в Америке». Т. I, стр. 24. Киев. 1860.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 405.

³² Кареев Н. «Французские историки второй половины XIX века и начала XX века». Л. 1924; Jacques H. «Alexis de

объяснить такого странного на первый взгляд явления: почему дворянин Токвиль получил огромную популярность во всей последующей буржуазной литературе? В самом деле, дворянские истоки политической теории Токвиля не подлежат сомнению. В наиболее законченном виде дворянские идеалы Токвиля выступают в его главном труде — «Старый порядок и революция». Здесь Токвиль ставит феодализм в политическом отношении выше капитализма, а феодальную аристократию — выше буржуазии. Основной политической функцией аристократии он считал общественное служение, а основную её цель видел в достижении политической свободы, ибо аристократия, борясь за свои вольности, не терпела никакого деспотизма. Идеал буржуазного общества — это погоня за наживой, поэтому здесь господствует частный интерес, безразличие к общественной деятельности и к политической свободе; для буржуазного общества гораздо важнее равенство. Победа капитализма над феодализмом в политическом отношении есть не что иное, как гибель свободы и торжество равенства. Токвиль никогда не переставал ненавидеть французскую буржуазную революцию 1789—1794 гг. за уничтожение аристократии, в которой он видел истинного носителя свободы. Токвиль не переставал упрекать буржуазию за то, что её идеал равенства стал лозунгом «чёрни» в борьбе за установление деспотической «народной» монархии.

Не в пример своим предшественникам Токвиль был восторженно принят буржуазной историографией, был ею канонизован, потому что он выступил в тот политический момент французской истории, когда старые счёты между буржуазией и дворянством отошли на задний план и вчерашние враги сближались для борьбы против общего врага — пролетариата, составив две фракции правящего класса. Обе стороны спешили друг другу навстречу. Буржуазные историки, решительно выступавшие в годы реставрации против дворянства под знаменем буржуазной революции 1789—1794 гг., теперь, после революции 1848 г., в поисках мира с дворянством испровергли своего собственного кумира — революцию прошлого века. Гизо был признанным вождём этого течения буржуазной исторической мысли во Франции. В то же время Токвиль, дворянин по рождению и своим симпатиям, вовсе не был воинствующим дворянином времён Реставрации. Это уже был дворянин, который если и «ничего не забыл», то, во всяком случае, «многому научился»; он был своего рода «дворянином в мещанстве», который становился в одну шеренгу с потомственными буржуазными историками. Его теория была модернизированной дворянской теорией, её остриё было направлено не против буржуазии, а против пролетариата. Токвиль был олицетворением гражданского мира между буржуазией и дворянством, символом их единого фронта против социализма; именно в этом кроется

тайна огромной популярности Токвиля во французской историографии второй половины XIX века.

Но Токвиль был не только союзником буржуазии: он был её учителем. Как известно, французские буржуазные историки начала XIX в. являлись сторонниками монархии. Не случайно Маркс называл Тьера не иначе, как «неприкрытая монархическая реставрация»³³. Токвиль был первый в правящих кругах, кто выдвинул идею республики, и именно с этих пор среди реакционной части буржуазии и буржуазной интеллигенции начинает крепнуть та республиканская традиция, которая в 70-х годах окончательно побеждает во Франции. Для буржуазной историографии причина этой победы республиканских идей во Франции XIX в. осталась полной загадкой. Причину этой победы республики открыла только марксистская наука. Наиболее исчерпывающее объяснение её дал Ленин, который, обозревая пути борьбы за республику во Франции, писал: «И демократия Франции, с рабочим классом во главе, вопреки колебаниям, изменам, контрреволюционному настроению либеральной буржуазии, создала, после долгого ряда тяжёлых «кампаний», тот политический строй, который упрочился с 1871 года. В начале эпохи буржуазных революций либеральная французская буржуазия была монархической; в конце долгого периода буржуазных революций — по мере увеличивающейся решительности и самостоятельности выступлений пролетариата и демократически буржуазных... элементов — французская буржуазия вся была переделана в республиканскую, перевоспитана, переобучена, перерождена»³⁴.

Таким образом, не что иное, как борьба пролетариата, заставила буржуазию признать республику, а революция 1848 г. была одной из тех тяжёлых «кампаний» пролетариата, которые явились республиканской школой для правящих верхов Франции. Именно в этом состояла действительная причина появления республиканских идей Токвиля — политического учителя Фюстель де Куланжа.

Естественно, что буржуазия проходила республиканскую школу с большим сопротивлением, и как только представился удобный момент, она ухватилась за монархию Наполеона III. Однако рабочий класс свергнул эту монархию, а затем последовала Парижская коммуна. Несмотря на новое поражение пролетариата, буржуазия на этот раз не посмела отменить республику. Буржуазия, как подчёркивает Ленин, «должна была создать такой политический строй, который более угоден её антиподу»³⁵. Теперь за республику вместе с пролетариатом выступила не только мелкая буржуазия города, но и крестьянство. Утеря французским крестьянством бонапартистских иллюзий имела огромное значение; по словам Энгельса, этот факт показал, что «всякая монархическая реставрация отныне во Фран-

Tocqueville...». W. 1876; Michel H. «L'idée de l'Etat», p. 1895. Эйхталь Е. «Алексис Токвиль и либеральная демократия». 1902 и др.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VII, стр. 107.

³⁴ Ленин. Соч. Т. XV, стр. 342—343.

³⁵ Там же, стр. 343.

ции стала безнадежной»³⁶. Но и теперь буржуазия, как известно, принимала республику с большой осторожностью. Самая конституция 1875 года была воплощением этого страха буржуазии перед республикой. Вводя республиканский строй, французская буржуазия в то же время не решилась его открыто провозгласить и окружила республику целой стеной монархических институтов. Всё это должно было служить спасительным барьером на тот случай, если бы республика открыла дверь для революции. Республика для господствующей буржуазии ещё не была проверена политической практикой и не являлась единственной государственной формой для буржуазной Франции, потрясенной Парижской коммуной.

Политическая программа Фюстель де Куланжа явилась ярким отражением тогдашних политических настроений французской буржуазии. Только после анализа судьбы вопроса о монархии и республике во Франции на протяжении XIX в. становится понятным источник республиканских убеждений как самого Фюстель де Куланжа, так и его учителя Токвиля. Этим несомненным республиканцем Фюстель вошёл во всю буржуазную историографию. Но в этот установившийся канон необходимо внести существенный корректив, ибо Фюстель де Куланж был не только выразителем республиканских идей французской буржуазии: он отразил также и весь страх буржуазии перед республикой. Отстаивая республику, он не хотел вместе со всей буржуазией связывать себе руки в борьбе за укрепление буржуазного порядка во Франции.

Буквально вслед за своими республиканскими статьями Фюстель де Куланж писал: «Мнения людей по политическим вопросам очень изменчивы. Бывают эпохи, когда народ увлекается общим стремлением самостоятельно управлять своими судьбами, но бывают и другие, когда единственное его желание — быть управляемым. И то и другое состояние умов может вызывать одинаково сильное воодушевление»³⁷. Главным критерием, с точки зрения которого Фюстель де Куланж решал вопрос в пользу республики или монархии, была способность той или иной государственной формы обеспечить в данный момент прочный политический порядок. Таким образом, «ключ к политическим доктринам Фюстель де Куланжа» лежит вовсе не там, где его искала буржуазная историография: не в изучении опыта мировой истории, а в борьбе французской буржуазии за свои коренные политические интересы.

Другим важнейшим источником его основных идей была франко-прусская война 1870—1871 гг. и жажда реванша за поражение Франции. Фюстель де Куланж известен своими антинемецкими статьями, из которых наиболее значительными были статьи, написанные во время немецкой осады Парижа: «La politique d'envahissement», «A messieurs les ministres du culte évagélique de l'armée

du roi de Prusse» и «L'Alsace est-elle allemande ou française?»³⁸. В них он в чрезвычайно острой форме высказал много верных суждений о воинствующем немецком шовинизме и немецкой агрессии; в них он скрещивает шпаги с Теодором Моммзеном по вопросу об Эльзасе и, безусловно, одерживает победу над своим немецким противником; в них, наконец, он определяет моральные и политические последствия немецкой агрессии для самой Германии. «Война, — пишет он, — причинила морали в Германии такое зло, последствия которого трудно учесть. Она изменила характер, привычки, образ мышления и манеру восприятия этой нации... Народ не втянули бы в такое предприятие, если бы не извратили глубоко его душу; на место духа труда поставили дух победы... народу привили болезнь честолюбия и лихорадочную жажду величия»³⁹. Фюстель де Куланж убежден, что в будущем на Германию неизбежно будет обрушен гнев миролюбивых народов, ибо «она не может больше рассчитывать на симпатии какого-либо народа. Никто с этого времени не будет радоваться её успехам; придёт момент расплаты, и никто не будет сочувствовать её страданиям»⁴⁰.

Однако, разоблачая немецкий шовинизм, Фюстель де Куланж и сам остаётся на реакционных, шовинистических позициях; он изображает все войны Франции, начиная с Людовика XIV и кончая Наполеоном III, как войны во имя мира и справедливости; он прилагает все усилия к тому, чтобы изобразить французскую буржуазию в роли постоянного миротворца и переложить вину за агрессивность официальной Франции на французские народные массы. «Надо было опуститься в самые низшие слои общества, — заявляет он, — чтобы среди наиболее невежественных и наиболее наивных найти ещё людей, мечтающих о захватнических войнах»⁴¹.

Свои антинемецкие настроения Фюстель де Куланж перенёс и на всю немецкую историческую науку. Об этом свидетельствует его статья «De la manière d'écrire l'histoire en France et en Allemagne» (1872). Фюстель подчёркивает, что наука у немцев — «не цель, а средство. За наукой немцы видят родину; они делают учёными только потому, что они патриоты. Интересы Германии — это конечная цель неутомимых изыскателей... Немец — во всём человек практичный, он хочет, чтобы его учёность служила чему-либо, чтобы она наносила удар»⁴². Именно поэтому немецкая наука всегда была «одновременно средством властвовать и оружием войны. Внутри страны она заставляла молчать партии, сокрушала оппозицию, склоняла народ к повиновению и создавала моральный централизм... Вне она расчищала дорогу к победе и ещё во время полного мира создавала врага для беспощадной войны»⁴³. И Фюстель де Куланж изображает перед своими соотечественниками солдатскую

³⁸ «Questions historiques». Paris. 1893.

³⁹ Там же, стр. 499.

⁴⁰ Там же, стр. 500.

⁴¹ Там же, стр. 487.

⁴² Там же, стр. 10.

⁴³ Там же.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 405.

³⁷ Фюстель де Куланж «История общественного строя древней Франции». Т. I, стр. 212—213.

поступь немецкой науки. «Этот народ, — указывает он, — обладает в науке теми же качествами, что и на войне... Его историки составляют единую организованную армию, где различаются начальники и солдаты... Дисциплина там чудесная — идут все в ряд, полками и ротами; каждый маленький отряд имеет свою обязанность, свой девиз, свою миссию, свою цель... Общая и единая воля циркулирует в этом огромном учёном теле, которое имеет единую жизнь и единую душу»⁴⁴. Задача французской исторической науки — противопоставить организованности немецкой науки свои собственные организованность и единство.

Таковы политические взгляды Фюстель де Куланжа, навеянные франко-прусской войной⁴⁵.

Политические идеи сыграли решающую роль в научной деятельности Фюстель де Куланжа; они круто повернули направление его исторических интересов от древнего мира к средним векам. Эпоха средних веков была историческим прошлым Франции, потрясённой гражданской войной, и именно там, в этом средневековом прошлом, лежали, по мнению Фюстель де Куланжа, главные истоки этой гражданской войны. Свою обязанность он видел в борьбе против революции и социализма при помощи истории. Историческую науку он считал важнейшим идейным средством в этой борьбе, ибо исторические взгляды людей определяли, по его мнению, их политические убеждения. «Посмотрите, — доказывал Фюстель, — почему два человека думают по-разному о вопросах государства и политики. Это почти всегда потому, что они имеют разную манеру судить о древних порядках»; если в наши дни люди «спорят об общественных делах, вы думаете, что у них речь идёт о современных интересах? Нет... именно потому, что у них разногласия относительно прошлого, у них нет согласия и в споре о настоящем... один увидел в истории права сеньёров, и он роялист, другой увидел в этих правах сеньёров что-то своё, и он республиканец. Итак, история формирует наши убеждения... Сколько манер рассматривать средние века, столько и партий во Франции. Наши исторические теории — это они нас разделяют, они отправная

точка, из которой истекает наша деятельность, они почва, на которой выросла наша ненависть»⁴⁶.

Отсюда следовал вывод, что если эпоха средних веков является причиной классовой борьбы во Франции, то задача состоит в том, чтобы сделать наоборот — добиться того, чтобы средневековье стало источником классового мира среди французов. Для этого, по мнению Фюстель де Куланжа, нужно теориям предвзятым, сеющим ненависть, противопоставить теории «точные и научные» — и тогда наше прошлое, вместо того, чтобы нас волновать, может быть, нас успокоит, потушит страсти, вспыхнувшие во имя его и претендующие во имя его иметь власть над нами. Когда мы увидим, как простыми и справедливыми идеями регулировалась жизнь в прошлом, мы, может быть, перестанем доверять сомнительным теориям и прекрасным принципам, которыми мы так страшно злоупотребляем. Когда мы увидим, при каких условиях и без громких фраз устанавливалась свобода в прошлом, у нас, может быть, появится вкус добиваться немногим больше этого, а не того, о чём мы слишком много говорим. Особенно, когда мы узнаем, как различные классы приходили к соглашению между собою и как, за очень редким исключением, они умели жить в гармонии, — это, без сомнения, нас научит не так сильно ненавидеть. Знание средних веков, точное и научное, искреннее и не предвзятое, имеет для нашего общества первостепенный интерес. Оно — лучшее средство положить конец бесконечным сожалениям одних, пустым утопиям других, ненависти всех. Чтобы восстановить спокойствие в настоящем, необходимо сначала разрушить предвзятость и заблуждения о прошлом. История, изученная превратно, нас разделяет; дело примирения должно начаться с правильного изучения истории»⁴⁷.

Винновниками того, что история Франции стала историей гражданской войны, были, по мнению Фюстель де Куланжа, историки времён Реставрации. Вина их прежде всего состоит в порочной теории германского завоевания. Это завоевание они изобразили как «источник, из которого произошёл весь старый порядок. Феодальные сеньёры являются потомками германцев, крепостные — потомками галлов. Иначе говоря, завоевание, этот жестокий акт, представлялось как единственное начало древнего французского общества. Все крупные факты нашей истории объяснялись и оценивались с точки зрения этой первопричины. Феодализм представлялся как господство завоевателей, освобождение коммун — как пробуждение побеждённых, а революция 1789 года — как их реванш»⁴⁸.

⁴⁶ Fustel de Coulanges «L'organisation de la Justice dans l'antiquité et les temps modernes». «Revue des deux mondes», 1 août 1871, p. 536—537, 538.

⁴⁷ Там же, стр. 538.

⁴⁸ Fustel de Coulanges «L'invasion germanique en V-me siècle, son caractère et ses effets». «Revue des deux mondes», 15 mai 1871, p. 241.

⁴⁴ «Questions historiques», p. 7—8.

⁴⁵ Почти все французские биографы Фюстель де Куланжа или прямо отрицают влияние этих событий на политические взгляды Фюстеля или обходят этот вопрос, что также является своеобразной формой отрицания. Помимо упоминавшейся книги П. Гиро см. также Julian C. «Extraits des historiens français du XIX-e siècle». P. 1913; Seignobos Ch. «Fustel de Coulanges» в книге «Histoire de la langue et de la littérature française». V. VIII. P. 1899; Monod G. «Portraits et souvenirs». P. 1897; Sorel A. «Notice sur les travaux de Fustel de Coulanges». «Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques». V. CXXXV; Dodu G. «Fustel de Coulanges» — «Revue des études historiques» № 166, 1933 и др. Не даёт ответа на эти вопросы и известная книга Е. Фютера «Geschichte der neueren Historiographie». München. 1925.

Эта теория, по мнению Фюстеля, причинила вред Франции в двух отношениях. Во-первых, она расколола Францию на два враждующих лагеря и на протяжении долгого времени служила поводом для классовой войны между французами. Она до сих пор гяготееет над их сознанием и «зарождает в сердцах худое чувство ненависти и мести»⁴⁹. С другой стороны, она привела к подчинению французской исторической науки науке немецкой. Фюстель де Куланж бросает обвинение французским историкам в прямой измене родине. Он заявляет, что до сих пор историки Франции лишь славословили Германию и восторгались всем германским: «Восторгались вопреки документам, вопреки тому, что было написано на протяжении веков, вопреки общезвестным фактам... Наши историки относились к Галлии только с презрением, а к германцам — с неизменной симпатией. Галлия была разложение и низость, а Германия — добродетель, чистота, бескорыстие, сила, свобода. В маленькой книжке Тацита мы не хотели читать ничего, кроме хвалебных строк германцам, наши глаза отказывались видеть, что говорит историк об их пороках... Если мы встречали факты, указывающие на их необузданность, мы говорили, что это любовь к свободе, и доходили даже до предположения, что парламентский режим нам достался от них, что именно они научили нас быть свободными. Их вторжение рассматривалось как возрождение человечества»⁵⁰. Этим самым французская историческая наука «сражалась за Германию против Франции. Она уничтожила патриотизм у нас и укрепила его у наших врагов. Она научила нас разъединению и научила других объединяться против нас»⁵¹.

Причину этой антипатриотической позиции французской исторической науки нужно искать в самой Франции. «Это извращение наших историков, — доказывает Фюстель, — является следствием наших внутренних разногласий», ибо «мы всегда осложняем войну с чужеземцами войной гражданской, и это присуще всем нам, предпочитающим победу своей партии победе отечества. Мы это делаем и в истории... История сделалась у нас особой формой перманентной гражданской войны. Она научила нас прежде всего ненавидеть друг друга... Быть патриотом для многих из нас значило быть врагом прежней Франции. Наш патриотизм в большинстве случаев заключается в проклятиях королям, в ненависти к аристократии и в злословии на все наши учреждения. Этот вид патриотизма, по существу, — только ненависть ко всему французскому; он внушает нам лишь недоверие и неповиновение. Вместо того, чтобы объединять нас против иностранцев, он толкает нас прямо в гражданскую войну»⁵².

Фюстель де Куланж призывает «беспристрастным» изучением истории успокоить классовую ненависть среди французов, за-

воевать для французской исторической науки почётное место в Европе и доказать превосходство французской науки над наукой немецкой. Эта задача, по его мнению, может быть решена лишь при том условии, если французские историки объявят решительную войну пагубной теории германского завоевания. Нужно вернуться к исторической теории первого романиста XVIII в. — Фрерэ, ибо она, по мнению Фюстеля, есть «подлинная», «чистая» наука, она теория классового мира; её нельзя было бы «заподозрить в том, что она разделяет наши грустные чувства» или служит «нашим законным сожалениям... Мы любим историю такой, какой она была во Франции прежде, эту истинную науку, такую простую, спокойную науку... История того времени не знала ни партийной, ни расовой ненависти, она искала только истину... Она не звала к захватам и реваншам»⁵³.

Но что означала на деле эта «спокойная» романистическая теория Фрерэ, разъяснил сам же Фюстель де Куланж. Указав на тот факт, что после франко-прусской войны среди французских историков стало увеличиваться число противников теории германского завоевания, он пишет: «Сегодня мы живём в эпоху войны... Всё в борьбе вокруг нас и против нас, поэтому неизбежно, что наука вооружается мечом и щитом». Франция атакована толпой немецких эрудитов. «Можно ли злословить на неё за то, что она будет мечтать о парировании этих ударов? Законно, что наши историки отвечают, наконец, на эти бесконечные нападения... и защищают, пока не поздно, границы нашего национального сознания»⁵⁴.

Так Фюстель де Куланж пришёл к романистической теории XVIII века. Он не называет аббата Дюбо, но называет его предшественника и единомышленника Фрерэ и призывает следовать за ним. Совершенно очевидно, что подобная теория понадобилась Фюстелю де Куланжу потому, что она представляла для него весьма удобную форму для перенесения его политических идей на историческую почву. Теория Фрерэ — Дюбо была теорией непрерывного развития и поэтому не оставляла места для революции. Отрицая германское завоевание, она тем самым не оставляла места и для самих германцев, поэтому своим внешнеполитическим остриём она могла быть направлена против победившей Германии. Иначе говоря, она соответствовала обеим политическим задачам Фюстеля де Куланжа.

Как такая теория должна выглядеть в применении к истории Франции, говорит статья Фюстеля де Куланжа «L'invasion germanique en V-me siècle, son caractère et ses effets», напечатанная в 1872 г. и представляющая как бы программную декларацию, в которой автор впервые воплотил в исторический материал свою политическую концепцию. Здесь он доказывает, что между Римской империей и франкской Галлией не было и не могло быть никакого германского завоевания, ибо варвары были слишком слабы для этого; они представляли собой не

⁴⁹ Там же, стр. 242.

⁵⁰ Fustel de Coulanges «De la manière d'écrire l'histoire en France et en Allemagne». «Questions historiques», p. 3—4.

⁵¹ Там же, стр. 7.

⁵² Там же, стр. 5.

⁵³ Там же, стр. 15.

⁵⁴ Там же, стр. 5.

народы и не армии, а обломки разгромленных Римом племён. Проникать в империю они могли лишь в качестве рабов, колоннов или наёмных солдат. Во всех событиях V века современники видели не переворот и «не завоевание страны иностранцами; они скорее видели империю, завоевавшую подданных-иностранцев»⁵⁵.

Приход варваров на территорию империи не вызвал никаких социальных перемен. «Ни порабощения, ни закрепощения не принесло с собою вторжение; они гораздо древнее самого вторжения. Были рабы у галлов, были рабы и у германцев... Что касается крепостничества... то оно в одинаково тяжёлой форме существовало по обоим берегам Рейна»⁵⁶. Не принесли с собою варвары и никаких перемен политических, ибо у варваров не было никаких политических учреждений. Точно так же не принесли варвары и никакой свободы, ибо если она когда-нибудь и была у них, то давно покинувшие свою страну германцы успели забыть об этой свободе. Не могли они принести и какой-либо культуры, ибо нельзя принести того, чего не имеешь. Результатом варварского вторжения было лишь заметное понижение культурного уровня в Римской империи. Таким образом, история Франции есть прямое продолжение истории древнего Рима, и германцы в прошлом Франции не оставили никакого следа.

Такова романистическая концепция, представляющая собой результат применения к истории Франции политических идей Фюстель де Куланжа. Если поставить вопрос, какое из двух событий его современности — Коммуна или франко-прусская война — оказало решающее влияние на его политическую, а следовательно, и на историческую теорию, то следует признать, что таким событием была Парижская коммуна.

Такой вывод прямым образом вытекает из анализа политических статей Фюстеля. Опасность народного восстания для него всегда была страшнее, чем немецкая победа над Францией. Реакцией Фюстель де Куланжа на седанский разгром была его статья «*Les institutions militaires de la république romaine*», вышедшая в ноябре 1870 года. Это был период, когда пришли в движение огромные массы вооружённого французского народа, создававшего демократическую армию для защиты Франции. Фюстель де Куланжа в этот момент интересуется вовсе не обороной Франции — в лице вооружённого народа он увидел прежде всего опасность революции и указал на это сам, определяя смысл своей статьи: «Есть обязательная связь между институтами военными и политическими. Согласие между ними, каково бы ни было правительство, обеспечивает прочность и устойчивость. Разногласия неизбежно ведут к революции. Если армия не устроена по об-

разцу государства, она переделает государство по своему образцу»⁵⁷.

В своих антинемецких статьях, написанных в осаждённом Париже, Фюстель не помышлял призывать на борьбу с немцами французский народ. Крайнее средство, на которое он решился, — это угрожать Германии судом истории. После 18 марта 1871 г. антинемецкие статьи Фюстеля вовсе обрываются, а предательская политика правительства «Национальной обороны», вступившего в прямой союз с немцами для подавления Коммуны, не встречает никакого протеста со стороны Фюстель де Куланжа. Весь 1871 год Фюстель был поглощён разработкой внутренних политических вопросов, поставленных Парижской коммуной. И только в 1872 г., когда прошёл первый испуг перед пролетарской революцией, Фюстель вспомнил о своих антинемецких настроениях. Но и теперь, противопоставляя французскую и немецкую науку, он, как мы видели, ищет причину слабости французской исторической науки в самой Франции, а именно в том, что здесь господствовала теория гражданской войны.

Наконец, на самой исторической теории Фюстель де Куланжа антинемецкие мотивы сказались целым годом позже по сравнению с влиянием Коммуны. В 1871 г. в своей статье об организации юстиции, где Фюстель был занят проблемами борьбы с революцией и где была уже в достаточной мере очерчена его историческая теория, он был ещё далёк от той антинемецкой позиции, которую он сформулировал через год в статьях о германском вторжении V века и «О манере писать историю во Франции и Германии». В статье об организации юстиции в 1871 г. Фюстель ещё не отрицал варварского завоевания и крушения Римской империи. Говоря с разрыве между античной и средневековой юстицией, он писал: «Юридическая организация, которую Римская империя установила, не пережила империю. В тот день, когда германцы сделались господами Галлии, императорские должностные лица были удалены, а поскольку эти лица были одновременно и судьями, то весь юридический порядок был сразу уничтожен. Юстиция, которая была составной частью администрации, была опрокинута вместе с нею»⁵⁸. Здесь, даже после своей военной полемики с немцами, Фюстель говорил о «германском достоинстве» и доказывал, что «не следует относиться презрительно к германской свободе»⁵⁹.

Таким образом, антинемецкие взгляды Фюстель де Куланжа всегда выступали как нечто второстепенное, прямым образом подчинённое его основной политической идее — борьбе с революцией. Иначе говоря,

⁵⁵ Fustel de Coulanges «L'invasion germanique en V-me siècle, son caractère et ses effets». «Revue des deux mondes», 15 mai 1871, p. 244.

⁵⁶ Fustel de Coulanges «L'invasion Germanique en V-me siècle, son caractère et ses effets». «Revue des deux mondes», 15 mai 1871, p. 257—258.

⁵⁷ Fustel de Coulanges «Les institutions militaires de la république romaine». «Revue des deux mondes», 15 novembre 1870, p. 314.

⁵⁸ Fustel de Coulanges «L'organisation de la justice dans l'antiquité et les temps modernes». «Revue des deux mondes», 15 mars 1871, p. 281.

⁵⁹ Там же, стр. 275.

приоритет Парижской коммуны по сравнению с франко-прусской войной в деле формирования политических и исторических взглядов Фюстель де Куланжа не подлежит сомнению. Это значит, что надо решительно покончить с легендой о Фюстель де Куланже как патриоте, которую создала французская буржуазная историография. Не патриотом был Фюстель де Куланж: он был ярким представителем той французской буржуазной реакции, которая с давних пор известна своим антипатриотизмом и которая всегда, когда грозила опасность со стороны пролетарской революции, предавала интересы своего собственного народа иноземному врагу.

Все шесть томов главного труда Фюстель де Куланжа «История общественного строя древней Франции» не вносят почти ничего нового в его теорию по сравнению с его политическими статьями начала 70-х годов. Методологически исходным моментом его труда является тезис о том, что социальные и политические институты средневековой Европы есть не что иное, как прямое продолжение римских социальных и политических институтов, изменявшихся во времени, но остававшихся римскими по своему происхождению и по своей природе. Варварское завоевание не остановило традиционного романского развития Европы и не внесло в него почти никаких изменений. Этим самым Фюстель де Куланж наносил удар немецким расовым теориям, исходящим из того, что именно древние германцы создали средневековую Европу на развалинах завоеванной ими Римской империи. «Рим никогда не выдвигал в своей политике расовых противоположностей»⁶⁰, точно так же как «жестокая и слепая национальная ненависть, к которой склонен германец наших дней, не была свойственна его предкам»⁶¹.

Но этой односторонней германистической концепции Фюстель де Куланж противопоставлял не менее одностороннюю романистическую концепцию средних веков. Вместе с расовыми моментами Фюстель выбрасывал за борт истории и всё социально-политическое наследство варваров, сыгравшее, как известно, крупную роль в истории средневековой Европы. В особенности он стремился уничтожить все германские истоки происхождения Франции и связать её только с римской традицией. «Рим совершил политическое воспитание страны, которая должна была сделаться Францией»⁶², — писал Фюстель о Галлии. Больше того: именно Галлия, по его мнению, была своего рода душеприказчиком и передатчиком римского наследия другим странам Западной Европы. Именно здесь прежде всего «утвердились мнения, привычки, учреждения, которые должны были надолго

пережить самую Римскую империю и передаваться через Галлию Германии и Англии»⁶³.

Однако анализ трудов Фюстеля приводит к бесспорному выводу о том, что своим политическим остриём его историческая концепция была направлена не столько против Германии и немцев, сколько против революции в самой Франции. Его выпады против германизма вызваны главным образом тем, что с идеями «германского» завоевания Европы V века связывались идеи социально-политического переворота, идеи свободы и демократии. Опровергнуть германизм для Фюстель де Куланжа означало доказать, что история в своей естественной постепенности не знает скачков и революций. Романизм Фюстель де Куланжа был лишь оборотной стороной этой же идеи; сам Фюстель настойчиво подчёркивал, что его труд о средневековых учреждениях направлен против тех, кто считает, что «только грубая сила могла их установить и что для их происхождения необходим был огромный переворот»⁶⁴. В противоположность этому его задача состоит в том, чтобы доказать, что для происхождения этих учреждений не было необходимости «в насильственной революции или завоевании одного народа другим»⁶⁵.

Против какого класса и против какой революции направлена историческая теория Фюстель де Куланжа? Бесспорно, нельзя игнорировать мнения, высказанного некоторыми биографами Фюстеля, и прежде всего К. Жюллианом, что «История общественного строя древней Франции» — это полемический труд, направленный против историков периода Реставрации, против идей буржуазной революции. И действительно, Фюстель никогда не устал бороться с концепцией О. Тьерри и Гизо, причём его полемика с ними шла в двух главных направлениях: во-первых, она была обращена против их теории классовой борьбы, составной частью которой было признание варварского завоевания как исходного момента истории Франции. Навязчивой идеей самого Фюстель де Куланжа была идея классового мира. Именно гармония между классами, по мнению Фюстеля, была залогом исторического прогресса, в то время как классовая борьба всегда была сильнейшим тормозом в историческом развитии и самой глубокой причиной трагедий в жизни народов. Стремясь показать всемогущество Римской империи, он рисует эту империю как пример гражданского единства, а её успехи — как показатель того, «чего могла достигнуть дисциплина римского государства»⁶⁶. Наоборот, прямой причиной бессилия Галлии перед Римской империей была в его глазах классовая борьба, и естественно, что подчинение Галлии Риму было неизбежным исходом для страны, «в которой утеряна социальная и военная дисциплина»⁶⁷.

⁶⁰ Фюстель де Куланж «История общественного строя древней Франции». Т. II, стр. 487. 1904.

⁶¹ Там же, стр. 392.

⁶² Там же. Т. I, стр. 180.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, стр. XXXIII—XXXIV.

⁶⁵ Там же, т. II, стр. 240.

⁶⁶ Там же, т. I, стр. 77.

⁶⁷ Там же.

История германцев, по мнению Фюстеля, была историей непрерывной социальной и политической деградации, причиной которой была непрекращающаяся классовая борьба среди германцев. Германцы не могли поэтому не только завоевать Римскую империю, но даже от неё защищаться. «Защиту народам дают сила их общественных учреждений и их социальная дисциплина»⁶⁸; потерявшие же своё гражданское единство германцы должны были неминуемо склониться перед Римом. Именно по этой причине Фюстель де Куланж приходил к отрицанию германского завоевания V века, служившего исходным пунктом для теории О. Тьерри и Гизо.

Во-вторых, полемика Фюстель де Куланжа была направлена против взгляда старого поколения историков на дворянство как на противника буржуазии. В противовес О. Тьерри и Гизо, Фюстель доказывал, что давно пора отрешиться от мысли, что дворянство «жестоко угнетало своих крестьян и во все времена мечтало только о том, чтобы раздавить буржуазию»⁶⁹. Не осуждения, а хвалы достойно французское дворянство, ибо оно боролось, чтобы установить во Франции общественный строй, «подобный тому, что процветал по другую сторону Ламанша».

Фюстель чрезвычайно сожалеет о борьбе буржуазии против дворянства во французской истории; он упрекает французскую буржуазию в том, что она не последовала примеру буржуазии английской, которая была союзницей дворянства в своей стране. У палаты общин, где заседала буржуазия, «не было интересов или мнений собственно демократических. Одной своей стороной она примыкала к знати, составляя с ней одно целое. Она не помышляла становиться к ней во враждебные отношения; ни происхождение, ни права, ни интересы, ни чувства не ставили барьера между двумя палатами»⁷⁰.

Вся эта дискуссия Фюстель де Куланжа с историками старого поколения, ещё вдохновлявшегося идеями буржуазной революции, показывает, как далеко ушла французская буржуазная историография второй половины XIX в. по пути реакции.

Но не борьба со старым поколением историков явилась главной целью Фюстель де Куланжа. Для него, как и для его современников — Н. Тэна, Э. Ренана и др., — отрицание идей революции 1789—1794 гг. было не целью, а лишь средством в борьбе с социализмом. Начало этой борьбы во французской историографии положили, как известно, те же историки времён Реставрации, в том числе О. Тьерри и Гизо. Буржуазные биографы Фюстеля, указывая на его разногласия с О. Тьерри и Гизо, забывают признать, что Фюстель был не только их противником, но и ревностным учеником.

⁶⁸ Там же, стр. 102.

⁶⁹ Fustel de Coulanges «Rapport sur le concours relatif à la noblesse en France et en Angleterre». «Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques», t. C. IV, p. 419.

⁷⁰ Там же, стр. 420.

Он вёл борьбу с ранними О. Тьерри и Гизо, как последними пророками буржуазной революции, но он был прямым наследником поздних Тьерри и Гизо — буржуазных историков, направивших свои удары против социализма. Борьба с социализмом является той общей почвой, которая объединяет Фюстель де Куланжа с его противниками, и его «История общественного строя древней Франции» явилась дальнейшим развитием реакционных идей предшествующего поколения французских историков.

Книга Фюстеля о древней Франции в действительности была книгой о Франции современной, средством борьбы за её буржуазный порядок. Это была попытка учёного-реакционера доказать, что извечными и естественными законами исторического развития являются незыблемость крупной собственности и нерушимость политического господства крупных собственников. Всё это должно было служить не чем иным, как исторической мотивировкой главного политического тезиса Фюстель де Куланжа — о том, что Парижская коммуна и её идеал — социализм — были резким нарушением естественных законов истории, и поэтому они — явления случайные, лишённые всякой исторической почвы.

Вначале была собственность — таков исходный тезис социальной теории Фюстель де Куланжа. «Историческая наука, — заявляет он, — не создаёт себе больше иллюзий о древнем праве предков. Она не верит больше в исконное равенство всех людей, в полюбовный раздел земель, в независимость и во все вообще добродетели, которые когда-то приписывались естественному состоянию»⁷¹.

Таким образом, Фюстель де Куланж в своей книге не оставил места для общинно-родовых порядков, для коллективной собственности на землю, для общинных порядков вообще. Именно в этой связи он выдвигает свой знаменитый тезис об отсутствии крестьянской земельной общины в средние века. Он подчёркивает, что прочитал все исторические документы об аграрном строе эпохи Меровингов, «прочитал не один, а несколько раз, и не выдержками, а полностью, от доски до доски. После этого я могу твёрдо заявить, что в них нет ни одной строки, которая упоминала бы об общинном пользовании землёй или о сельской общине. Все законы регулируют частную собственность, ни один не рассчитан на общинное пользование»⁷². Отсюда следовал вывод, что всякая теория, утверждающая существование как родовой собственности на заре истории, так и сельской марки в средние века, есть «чистый вымысел», и поэтому «этот роман, введённый в историю тридцать лет тому назад, должен быть отвергнут... всяким, кто согласно с нами считает историю наукой»⁷³.

В противовес этому Фюстель выдвинул свою так называемую «вотчинную» теорию,

⁷¹ Фюстель де Куланж «История общественного строя древней Франции». Т. I, стр. 363.

⁷² Там же, Т. IV, стр. 209. 1910.

⁷³ Там же, стр. 240.

сущность которой он выразил в краткой формуле «Вилла — противоположность сельской общины»⁷⁴. При помощи этой теории он пытался доказать, что поместье (вотчина), пришедшее из римской дрезности, явилось всеобъемлющим началом всего дальнейшего социального развития в средние века. Утверждение господства поместья и решительное отрицание всяких форм коллективной собственности составляют то двуединое основание, на котором покоится вся социальная теория Фюстель де Куланжа.

Социальное господство крупных собственников и полная зависимость низших классов послужили основой политического господства имущих верхов и политического бесправия народа. В изображении Фюстель де Куланжа французский народ в прошлом был не только безправной, но и безмолвной массой. При всей своей социальной и политической приращенности он никогда не помышлял о восстании: «В обществе, где права были так мало обеспечены, в низших классах должно было произойти большое движение, и именно бедные должны были отобрать имения у богатых. Случилось совершенно иначе»⁷⁵. Больше того: если государственная власть была слабой, как, например, при последних Меровингах, то это вызывало всеобщее негодование народа: «Народ краснел за них, потому что они очень слабо давали чувствовать свою руку... Во всяком случае, люди VIII в. жаловались, позадиному, на то, что короли у них были без власти, и свергли их, чтобы получить правительство более сильное, более способное заставить себе повиноваться»⁷⁶.

Причину подобного явления Фюстель видел прежде всего в том, что в природе человеческой всегда «живёт инстинктивная потребность повиноваться. Когда власть исчезает, человек прежде всего ищет, какой власти ему подчиниться»⁷⁷. Кроме того восстание народа против господствующего класса было бы безнадежно, ибо при всяких потрясениях государства низшие классы только проигрывают по той причине, что «государственная власть была благодетельнее для низших классов, чем для высших, и если эта власть исчезает, то больше всего страдают бедные и слабые»⁷⁸. Всякое восстание, даже победоносное, было бы совершенно бесполезно для народа, так как невежественная масса не знала бы, что ей делать с политической свободой.

Так изображает Фюстель де Куланж традицию господства и подчинения в прошлом Франции. При этом он не связывает себя в оценке государственной формы господства класса собственников. Для него лучшей является та государственная форма, которая в данный исторический момент наилучшим образом обеспечивает социаль-

ную дисциплину и прочный государственный порядок. Описывая завоевание Галлии Римом, он выступает апологетом республики, ибо римская республика несла Галлии прочный государственный порядок и гражданский мир. Римская общественная дисциплина воплощалась в республике; порядок и республика были синонимами. Но в последние века римской истории, когда Рим и Галлия обращены у Фюстель де Куланжа лицом в сторону зарейнского варварского мира, уже не республика, а римская монархия несла дисциплину и порядок в анархические массы варваров; и поэтому тон Фюстеля по отношению к республике резко меняется: он выступает как воинствующий монархист. Говоря теперь о республике, он подчёркивает, что все классы империи «были охвачены отвращением к этим порядкам», что же касается монархии, то «все устремились к ней с инстинктивной поспешностью; ей отдались сердца и воля людей, все прониклись к ней благодарностью за то, что она утвердилась над миром»⁷⁹.

Такова историческая теория французского прошлого, которую создал Фюстель де Куланж после Парижской коммуны как теорию борьбы с идеями социализма в настоящем. Характерно, что и все исследования Фюстель де Куланжа по древней истории, к которой он теперь обращался как к источнику общественного строя средних веков, строятся также в плане прямой борьбы с социализмом. Чтобы оценить деятельность Фюстель де Куланжа как учёного в области древней истории, достаточно, как подчёркивал Ф. Пасси, вице-президент Академии моральных и политических наук, вспомнить статью Фюстеля о собственности в Спарте, где он доказывал, что никакой общности земель древняя история не знает. Стремясь воздать Фюстель де Куланжу высшую хвалу, Ф. Пасси воскликнул: «Как забыть... его прекрасный труд о собственности в Спарте, опровергнувший коммунистическую легенду, которой мы иногда позволяли овладеть собою!»⁸⁰.

Таково политическое содержание той «спокойной» концепции Фрерэ — Дюбо, к которой Фюстель де Куланж призывал после Парижской коммуны. Не подлежит сомнению, что, апеллируя к этой старой теории, Фюстель де Куланж на деле создал совершенно новую теорию: — между теорией Фрерэ — Дюбо и теорией Фюстель де Куланжа, разделёнными полутора веками, существует слишком большое различие и очень малое сходство: и та и другая были теориями романистическими, но по своему политическому содержанию они глубоко отличаются одна от другой. Теория Фрерэ — Дюбо была одним из орудий борьбы против тогдашнего врага буржуазии — дворянства, в то время как теория

⁷⁴ Фюстель де Куланж «История общественного строя древней Франции». Т. IV, стр. 252.

⁷⁵ Там же. Т. VI, стр. 699. 1916.

⁷⁶ Там же, стр. 260.

⁷⁷ Там же, стр. 819.

⁷⁸ Там же, стр. 699.

⁷⁹ Там же. Т. I, стр. 212—213.

⁸⁰ «Discours de m. Frédéric Passy, vice-président de l'Académie à l'occasion de la mort de m. Fustel de Coulanges». «Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques», t. CXXXII, XI—XII, 1889, p. 870.

Фюстель де Куланжа обращена против теперешнего врага буржуазии — пролетариата, против пролетарской революции и социализма. Новые политические задачи французской буржуазии определили и новое содержание романтической концепции Фюстель де Куланжа.

И всю эту реакционную схему, целиком извращавшую историческую действительность, Фюстель де Куланж настойчиво выдавал за объективную науку, свободную от классовых, националистических и всяких иных «предвзятых» мнений. Это — красноречивое свидетельство того, как далеко уже во времена Фюстеля ушла буржуазная наука в своей фальсификации истории.

На путь разрыва с исторической действительностью буржуазная историография вступила, как мы уже упоминали, сразу после революции 1848 года. Но это был только первый шаг. Когда Гизо, напуганный этой революцией, требовал отказа от теории классовой борьбы, у него ещё хватило мужества следующим образом оценить историю Франции: «Борьба различных классов, наполняет всю нашу историю. Революция 1789 г. была всеобщим и наиболее мощным взрывом этой борьбы. Борьба дворянства и третьего сословия, аристократии и демократии, буржуазии и рабочих, собственников и пролетариев была различными формами и различными этапами той социальной борьбы, которая терзает нас столь продолжительное время»⁸¹. И даже революция 1848 года, которая разбила все политические и исторические идеалы Гизо, рисовалась ему как вполне закономерный новый этап в развитии классовой борьбы, значение которого состояло в том, что «теперь выступил на сцену третий борец. Демократический элемент разделился. Против среднего клас-

са выступил рабочий класс, против буржуазии — народ. И эта новая война есть такая же смертельная война, ибо новый претендент есть такой же надменный, такой же нетерпимый, какими были и другие. Только народ, по мнению этого нового претендента, имеет право на власть, и никакому сопернику, старому или новому, дворянину или буржуа, он не позволит делить с собою эту власть»⁸².

Когда Гизо писал это, он ещё находился во власти идей прогрессивного класса, который, даже вступив на путь реакции, на первых порах не разучился в известной мере видеть историческую действительность. Реакционная теория Фюстель де Куланжа явилась уже прямым походом против исторической действительности. При этом усиление буржуазной реакции в исторической науке сопровождалось и усилением буржуазного лицемерия. Требование Гизо изгнать классовую борьбу из теории и политической практики и установить всеобщий классовый мир на деле было не чем иным, как прикрытием для буржуазии в её попытке разгромить пролетариат. В ещё большей мере это относится к Фюстель де Куланжу, который своими декламациями о «чистой», безмятежной науке прикрывал воинствующую буржуазную реакцию, стремившуюся к беспощадному разгрому социализма. У Фюстель де Куланжа это лицемерие политическое нашло своё прямое продолжение в лицемерии научном. Общеизвестно, что Фюстель де Куланж, пытаясь обосновать свою искусственную реакционную схему, не останавливался перед сознательной фальсификацией исторических источников и в то же время всю жизнь не переставал твердить, что его толкование источников есть единственно научное, единственно объективное.

⁸¹ Guizot «De la démocratie en France», p. 35. Paris. 1849.

⁸² Там же, стр. 36.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

В АВАНГАРДЕ БОРЬБЫ ЗА МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ НАРОДОВ *

Выход в свет книги В. М. Молотова—руководителя советской внешней политики, виднейшего деятеля большевистской партии и советского государства, ближайшего соратника великого Сталина—является большим событием политического и научного значения. Книга В. М. Молотова представляет собой огромный вклад в марксистско-ленинскую науку истории международных отношений и внешней политики первого в мире социалистического государства.

Собранные воедино речи и заявления В. М. Молотова охватывают первое трёхлетие, прошедшее после окончания второй мировой войны. Выступление В. М. Молотова на конференции Объединённых наций в Сан-Франциско, которым открывается книга, состоялось 26 апреля 1945 года. В этот день советские войска вели бои на улицах Берлина; спустя неделю столица Германии была взята Советской Армией, а ещё через неделю гитлеровская Германия безоговорочно капитулировала.

Речь В. М. Молотова, заключающая книгу, была произнесена 25 июня 1948 г., после Варшавского совещания министров иностранных дел восьми государств.

Трёхлетний период, отделяющий две названные даты, насыщен событиями исключительной важности. Именно в эти годы Советский Союз возглавил демократический, антиимпериалистический лагерь, его борьбу за прочный демократический мир и безопасность народов, против империалистической реакции, главарём которой являются американские империалисты—поджигатели новой войны.

Программа внешней политики советского государства была сформулирована И. В. Сталиным ещё в годы Великой Отечественной войны. И. В. Сталин указывал тогда, что Советский Союз, верный своим принципам, будет бороться за то, чтобы закрепить результаты победы путём установления прочного мира, чтобы сделать невозможным возникновение новой агрессии и новой войны, если не навсегда, то по крайней мере в течение длительного периода времени. Неприкосновенность национального суверенитета, равноправие больших и

малых государств, демократическое международное сотрудничество миролюбивых народов и в первую очередь великих держав—Советского Союза, США и Англии,—демократизация и демилитаризация Германии—таковы были задачи, поставленные сталинской внешней политикой Советского Союза. В этой программе органически сочетаются жизненные интересы советского государства—где осуществляется постепенный переход к коммунизму—и интересы народных масс во всех странах мира.

Вдумываясь в содержание речей и заявлений В. М. Молотова на протяжении последних трёх лет, мы отчётливо видим три главные проблемы, которые красной нитью проходят через всю книгу. Это проблема суверенитета малых наций, проблема международного сотрудничества в деле обеспечения мира и безопасности народов и, наконец, проблема демократизации и демилитаризации Германии.

Понятно, почему вопрос о суверенитете малых наций получил огромное значение после второй мировой войны. Освобождённые Советским Союзом от гитлеровского ига народы малых восточноевропейских государств не захотели идти по старому пути, который привёл их к национальной катастрофе и порабощению фашистской Германией. Государства Центральной и Юго-Восточной Европы отпали от империалистической системы и стали на новый, народно-демократический путь. Американские империалисты, их английские и иные сателлиты рассчитывали сразу же после войны любыми средствами вернуть народно-демократические государства в лоно империализма, превратив их—как это было и до войны—в зависимые страны, находящиеся в полном политическом подчинении и в экономической кабале у крупных капиталистических держав. Однако англо-американские империалисты просчитались. На защиту свободы и независимости малых стран выступила великая социалистическая держава—Советский Союз.

На Парижской мирной конференции 1946 г. В. М. Молотов разоблачил принцип так называемых «равных возможностей», который широко использовали представители США и Англии для маскировки империалистических планов порабощения стран народной демократии. Указывая на то, что Болгария, Венгрия, Югославия, Чехословакия и некоторые другие государства сильно по-

* В. М. Молотов. Вопросы внешней политики. Речь и заявления. Апрель 1945 г.—июнь 1948 г. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. 1948.

страдали в войне, В. М. Молотов говорил: «Не так уж трудно понять, что если дать волю американскому капиталу в разорённых и обесилённых войной малых государствах, как этого хотят защитники принципа «равных возможностей», то американский капитал скупит местную промышленность, сделает своей собственностью наиболее интересные румынские, югославские и всякие другие предприятия и станет хозяином в таких малых государствах» (стр. 216).

За «долларовой демократией», за «принципом равных возможностей» скрываются словесно приукрашенные захватнические планы. «Можно ли в самом деле не замечать, — сказал В. М. Молотов, — что если на основе осуществления принципа так называемых «равных возможностей» на территории малых государств начнёт без всяких ограничений состязаться местная национальная продукция с продукцией, выбрасываемой с заводов и фабрик в Соединённых Штатах Америки или Великобритании, — что тогда от самостоятельности и независимости этих государств ничего не останется, особенно если считаться с обстановкой послевоенного периода. Разве не понятно, что такое неограниченное проведение принципа «равных возможностей» в данных условиях на практике означало бы самое настоящее экономическое закабаление малых государств и их подчинение господству и произволу сильных разбогатевших иностранных фирм, банков, промышленных компаний?» (стр. 217).

В. М. Молотов уличил представителей США и Англии в нечестности. Американский сенатор Ванденберг и представители Англии всячески ратовали за применение «принципа равных возможностей» к режиму Дуная. Но они умалчивали о других водных путях, морских и океанских, имеющих гораздо более важное международное значение. Эту «фигуру умолчания» раскрыл В. М. Молотов: «Если мы действительно хотим защищать принцип «равных возможностей» в вопросе о водных путях, давайте проводить этот принцип последовательно — так, как это полагается действительным защитникам принципов равенства в отношениях между государствами... Согласны ли защитники принципа «равных возможностей» применить этот принцип в Суэцком канале? Согласны ли защитники принципа «равных возможностей» применить этот принцип также в Панамском канале?» (стр. 213, 214).

На Парижской мирной конференции ярко проявились захватнические стремления англо-американских империалистов и их ставленников по отношению к странам новой демократии. Итальянские реакционеры, инспирируемые Вашингтоном и Лондоном, попытались отрезать от Югославии западную часть Юлийской Крайны вместе с г. Триестом; греческие монархо-фашисты предъявили претензии на болгарские территории и предлагали, по существу, расчленив Албанию. Эти агрессивные требования были поддержаны США и Англией. Странам народной демократии угрожала потеря их территориаль-

ной целостности. Но и в этом вопросе на защиту малых стран выступила великая советская держава.

В своих выступлениях В. М. Молотов показал, что территориальные претензии итальянских реакционеров и их хозяев противоречат прежде всего подлинным национальным интересам самой Италии и продолжают антиславянскую, экспансионистскую политику Муссолини.

На конференции твёрдо прозвучал голос В. М. Молотова в защиту территориальной целостности стран народной демократии: «Советская делегация предлагает отклонить предложение греческой делегации, которая стремится к расчленению Албании и втягивает в это дело Мирную конференцию» (стр. 168).

Уличив британского делегата и представителей зависимых от Англии государств в политической игре по вопросу о болгаро-греческой границе, В. М. Молотов дал решительный отпор покушениям на территорию Болгарии: «Мы с уверенностью говорим болгарам — нашим друзьям: «Болгары, будьте спокойны, ваша граница останется непоколебимой» (стр. 230).

Политическая игра англо-американских империалистов с малыми странами проявилась также при обсуждении проекта мирного договора для Финляндии, когда представитель США, Ванденберг, выступил от имени Соединённых Штатов против основных условий перемирия с Финляндией, подписанного в 1944 году. На исторических примерах В. М. Молотов показал, что заигрывание великих держав с реакционными кругами Финляндии привело в своё время к печальным последствиям для этой страны. Предупреждая как США и Англию, так и финнов, В. М. Молотов подчеркнул, что «игра в дружбу теперь не должна иметь успеха среди народов, прошедших через тяжёлые испытания. Но, с другой стороны, не может быть сомнения в том, что настоящая дружба между народами — великая сила нашего времени» (стр. 235).

Возникшие на Парижской мирной конференции разногласия касались как будто бы ряда частных вопросов, будь то территориальные проблемы или вопрос о репарациях. Но В. М. Молотов показал, что в действительности речь идёт о различных методах установления международных отношений: «Существуют два прямо противоположных метода в международной жизни. Один метод, хорошо всем известный из далёких времён, — метод насилия и господства, для которого все средства нажима хороши. Другой метод, ещё, правда, недостаточно широко развитый, — метод демократического сотрудничества, основанный на признании принципа равноправия и законных интересов всех, больших и малых государств. Мы не сомневаемся в том, что, несмотря на все препоны, метод демократического сотрудничества между странами в конце концов победит» (стр. 222).

В. М. Молотов подчеркнул также значение уроков истории в вопросе об отношении к славянским странам: «Прошло то время, когда славянские земли служили предме-

том дележа между державами Европы, когда славянские народы стонали под гнётом западных и восточных захватчиков. Теперь, как известно, славянские народы нашли своё место в рядах союзных государств, и во всех славянских странах государственная жизнь строится на прогрессивных демократических началах» (стр. 111).

Как ни пытались англо-американские империалисты, создавая механическое большинство и игнорируя законные интересы СССР и стран народной демократии, заставить Парижскую мирную конференцию подчиниться своему диктату, это им не удалось. Планы империалистической реакции были разоблачены в выступлениях В. М. Молотова. Сталинские принципы равноправия больших и малых стран и демократического мира нашли в этих выступлениях своё яркое и глубокое выражение.

На Генеральной ассамблее организации Объединённых наций в октябре—декабре 1946 г. В. М. Молотов со всей силой раскрыл и обосновал советское понимание международного сотрудничества, как сотрудничества больших и малых стран, которое в наибольшей мере отвечало бы интересам всех миролюбивых народов. Такое сотрудничество предполагает согласованность действий великих держав и объединение усилий государств различных общественно-политических систем при условии невмешательства во внутренние дела друг друга.

«Признание принципов такого международного сотрудничества,— говорил В. М. Молотов,— имеет глубокий смысл. В нём выражена твёрдая воля к всеобщему миру и готовность к мирному соревнованию в социально-экономических делах государств и общественных систем» (стр. 256—257).

В. М. Молотов показал, почему международное сотрудничество, основанное на этих демократических принципах, является насущной необходимостью для народов в послевоенный период: «Мы не можем быть уверенными в том, что крах империалистической Германии и банкротство империалистической Японии явятся для чрезмерно жадных империалистов достаточно убедительным свидетельством авантюристичности и гибельности их установки на борьбу за завоевание мирового господства, что, как известно, составляет подлинную сущность империализма» (стр. 257).

Приводя в пример Черчилля и сочувствующих ему как в Англии, так и в США, В. М. Молотов указывал на опасность, которая грозит делу мира со стороны агрессивных империалистических кругов—инициаторов военных и прежде всего антисоветских авантур. В этих условиях особое значение приобретает соблюдение принципов демократического сотрудничества, единогласия великих держав, положенных в основу организации Объединённых наций.

Говоря о задачах Организации объединённых наций, В. М. Молотов неоднократно напоминал о бесславной истории Лиги наций и предостерегал от попыток повторять её. Ещё на конференции Объединённых наций в Сан-Франциско он предупреждал о необходимости «в будущем избежать старых ошибок, которых не следует допускать и под

вывеской новых пышных обещаний. Нельзя, однако,— заявил В. М. Молотов,— рассчитывать на бесконечное терпение народов, если снова обнаружится неспособность правительств создать международную организацию, ограждающую мирную жизнь людей, их земли, их молодые поколения от ужасов и бедствий новых разбойничьих империалистических войн» (стр. 12).

На Парижской мирной конференции В. М. Молотов вновь напомнил о бессилии Лиги наций в защите дела мира. Основной причиной этого бессилия явились попытки Лиги наций не только игнорировать Советский Союз, но и вести антисоветскую политику. Указывая на значение принципа «вето» в Совете безопасности как известной основы для развития сотрудничества держав в деле защиты безопасности народов, В. М. Молотов обращал внимание на то, что в Лиге наций отсутствовало право «вето» у великих держав. «Мы должны смотреть вперёд и не должны позволить тянуть нас к старому, разбитому корыту—Лиге наций» (стр. 190),— сказал В. М. Молотов, разоблачая противников права «вето»—американских империалистов и их подголосков. На Генеральной ассамблее организации Объединённых наций в октябре 1946 г. В. М. Молотов полностью разоблачил инициаторов кампании прогив права «вето» как противников международного сотрудничества, стремящихся к тому, чтобы подорвать организацию Объединённых наций. Англо-американские реакционеры пытались свести всё дело к частному вопросу о порядке применения так называемого «вето» при решении вопросов в Совете безопасности. В. М. Молотов вывел этих людей на чистую воду, показав, что вопрос о праве «вето» есть вопрос о необходимом единстве великих держав, которое является предпосылкой самого существования и действительности организации Объединённых наций.

В. М. Молотов сорвал маску с фальшивых демократов, показав наличие двух основных тенденций, которые ведут борьбу в организации Объединённых наций. «Происходящие споры и борьба вокруг так называемого «вето»,— говорил В. М. Молотов,—показывают, что теперь имеется обострение противоречий между двумя основными политическими установками, из которых одна заключается в защите признанных всеми нами принципов международного сотрудничества больших и малых государств, а другая—в стремлении некоторых влиятельных группировок развязать себе руки для безудержной борьбы за мировое господство» (стр. 259). Внушительным предупреждением по адресу этих империалистических группировок США и их младшего партнёра, Англии, прозвучали вежливые слова В. М. Молотова: «Не для того наши народы проливали потоки своей бесценной крови, чтобы расчистить дорогу новым претендентам на мировое господство» (стр. 260).

В этой же речи В. М. Молотов разоблачил американских империалистов—сторонников «атомной дипломатии» и так называемого «плана Баруха», рассчитанного на монопольное обладание Соединёнными Штатами атомной бомбой. Показав, что атомная бомба является агрессивным оружием, которое на-

правлено прежде всего против мирного населения, В. М. Молотов высмеял иллюзия о возможности сколько-нибудь продолжительного сохранения «секрета» атомной бомбы. «Даже в атомном деле нельзя рассчитывать на монопольное положение какой-либо одной страны», — говорил В. М. Молотов, напоминая слова И. В. Сталина о том, что «монопольное владение атомной бомбой не может продолжаться долго». «Науку и её носителей — учёных не запрёшь в ящик и не посадишь под замок» (стр. 261—262).

Иллюзорными также являются расчёты на то, что атомная бомба решит судьбы войны. Атомная бомба представляет опасность не столько для армий, сколько для городов и гражданского населения. Именно поэтому планы использования атомного оружия против мирных людей могут вызвать законное возмущение народных масс во всех странах и повести к серьёзным политическим последствиям. «Наконец, — говорил В. М. Молотов, — нельзя забывать, что на атомные бомбы одной стороны могут найтись атомные бомбы и ещё кое-что у другой стороны, и тогда окончательный крах всех сегодняшних расчётов некоторых самодовольных, но недалёких людей станет более чем очевидным» (стр. 263).

В своей исторической речи на заседании Генеральной ассамблеи организации Объединённых наций 29 октября 1946 г. В. М. Молотов от имени советского правительства внёс предложение, первые пункты которого гласили: «1. В интересах укрепления международного мира и безопасности и в соответствии с целями и принципами организации Объединённых наций, Генеральная ассамблея признаёт необходимым всеобщее сокращение вооружений. 2. Осуществление решения о сокращении вооружений должно включать в качестве первоочередной задачи запрещение производства и использования атомной энергии в военных целях. 3. Генеральная ассамблея рекомендует Совету безопасности обеспечить практическое осуществление задач, изложенных в вышеприведённых пунктах 1 и 2» (стр. 270).

Инициатива Советского Союза в вопросе о запрещении атомного оружия и всеобщем сокращении вооружений имела огромное международное значение. Советское предложение, сформулированное В. М. Молотовым, наносило удар экспансионистским планам американского империализма, уже начавшего после войны новую гонку вооружений. Это предложение разоблачало поджигателей войны, которые скрывали свою подрывную деятельность за завесой широко-вещательных деклараций о миролюбивых намерениях. Оно полностью отвечало интересам миллионов простых людей, жаждущих мира. В. М. Молотов подчёркивал также, что всеобщее сокращение вооружений приведёт к сокращению раздутых военных бюджетов и тем самым облегчит налоговое бремя трудящихся. Предложения советской делегации, изложенные В. М. Молотовым, предусматривали установление строгого международного контроля за запрещением использования атомной энергии в военных целях и за проведением решения

о всеобщем сокращении вооружений. Вместе с тем В. М. Молотов со всей решительностью выступил против бешеной пропаганды новой войны, которая ведётся представителями империалистического лагеря. «Нам должно быть ясно, — говорил он, — что потакание такой пропаганде не соответствует интересам дела всеобщего сокращения вооружений. Когда нам говорят при этом о свободе печати и о прочих хороших вещах, то хочется сказать по этому поводу: почему свобода печати должна использоваться прежде всего пропагандистами новой войны и почему мы, противники этой вредной пропаганды, не можем воспользоваться свободой печати для дружного отпора этого рода делателям печати, этого рода делателям общественного мнения?» (стр. 343).

Советское предложение о всеобщем сокращении вооружений и запрещении использования атомной энергии в военных целях, сформулированное В. М. Молотовым, являлось продолжением последовательной линии ленинско-сталинской внешней политики. Ещё в 1922 г. на Генуэзской конференции советская делегация внесла предложение о всеобщем сокращении вооружений. В последующие годы СССР вёл упорную борьбу за разоружение в комиссии по подготовке конференции по разоружению. В Женеве империалистам удалось снять советское предложение с повестки дня конференции. В 1927 г. в Женеве они отвергли советские предложения, но всё же вынуждены были обсудить их. В 1946 г. им пришлось уже голосовать за него, хотя, конечно, они не имели в виду его реализацию. Впрочем, и на самой Генеральной ассамблее поджигатели новой войны всячески пытались ослабить советские предложения, извратить мотивы Советского Союза, развитые в выступлениях В. М. Молотова. Была вытащена на свет и старая женевская «аргументация» противников сокращения вооружений.

В. М. Молотов в своих речах дал решительный отпор всем тем, кто хотел увернуться от прямого ответа на советские предложения: «Иногда намекают на то, что прежде следовало бы обеспечить коллективную безопасность и только после этого приступить к разоружению. Неправильность такого рода рассуждений нетрудно увидеть. Каждый может понять, что всеобщее сокращение вооружений под руководством организаций Объединённых наций, несомненно, укрепит международную безопасность. Следовательно, именно те, кто заботится о международном мире и безопасности, и должны стремиться к осуществлению всеобщего сокращения вооружений. В противном случае, ссылки на необходимость укрепления всеобщей безопасности служили бы только прикрытием для тех, кто в действительности не признаёт необходимости всеобщего сокращения вооружений» (стр. 322).

Чрезвычайно важное значение имели выступления В. М. Молотова и по другому вопросу, обсуждавшемуся по инициативе Советского Союза на Генеральной ассамблее организации Объединённых наций, — по вопросу о пребывании вооружённых сил Объединённых наций на территориях невражеских государств. Если советские войска, всту-

лившие в своё время, в ходе войны, на территорию Югославии, Чехословакии, Норвегии, Китая, Ирана, на остров Борнхольм, принадлежащий Дании, были после окончания войны отведены с этих территорий в кратчайшие сроки, то США и Англия продолжали и продолжают держать свои вооружённые силы на территориях некоторых Объединённых наций во всех частях земного шара. «Почему необходимо, чтобы на территории маленькой Греции находились войска могущественной Британской империи спустя много месяцев после окончания войны? — спрашивал В. М. Молотов. — Никто не сможет отрицать, что присутствие этих иностранных войск оказывает сильное давление на внутреннее положение в Греции... Вот другой пример. Войска Соединённых Штатов продолжают находиться на территории Китая... оставление американских войск явно осложняет внутреннее развитие Китая, усиливая раскол внутри страны и создавая своеобразное внешнее положение для Китайской республики» (стр. 291).

В. М. Молотов обращал также внимание на то, что США и Англия имеют свои военно-морские и военно-авиационные базы во всех частях земного шара. В ряде выступлений В. М. Молотов настаивал на том, чтобы все Объединённые нации дали полную информацию о своих войсках, находящихся на территориях других Объединённых наций. Это простое и ясное предложение, имевшее целью способствовать установлению мира и оздоровлению международных отношений, было встречено в штыки представителями США и Англии. Как ни старались они похоронить советское предложение, умышленно запутывая его и отвлекая внимание делегатов, предельно ясные и не допускающие никаких кривотолков аргументы В. М. Молотова буквально изничтожали казуистику американских и английских дипломатов. Их позиция была тем более затруднена, что В. М. Молотов в самом начале обсуждения вопроса от имени советского правительства дал подробный отчёт о вооружённых силах Советского Союза, находящихся как на вражеских территориях (например, на территории Польши с целью охраны коммуникаций с Германией), так и на территориях бывших вражеских государств, соответственно условиям перемирия.

Таким образом, англо-американские империалисты оказались припёртыми к стене. Что же касается советского предложения, то оно, как указывал В. М. Молотов, встретило большое сочувствие особенно малых стран: «Они-то нередко весьма чувствуют давление извне, особенно когда оно подкрепляется пребыванием вооружённых сил на территориях этих малых государств» (стр. 331).

Большую часть книги «Вопросы внешней политики» составляют заявления и выступления В. М. Молотова на Парижской, Московской и Лондонской сессиях Совета министров иностранных дел по германскому вопросу. Это характеризует важнейшее значение германской проблемы в международных отношениях и в советской внешней политике. Известно, что вследствие пагубной политики США, Англии и Франции гитлеровская Германия получила возможность

развязать вторую мировую войну, продолжавшуюся почти шесть лет и поглотившую миллионы жертв.

В заявлении В. М. Молотова на заседании Совета министров иностранных дел 10 июля 1946 г. указывалось на то, что вопрос о судьбах Германии волнует прежде всего Советский Союз, который пережил исключительные бедствия оккупации, вызванные вторжением германских армий, а также и другие народы (см. стр. 60).

Правильное решение германской проблемы неразрывно связано с установлением прочного мира и безопасности народов, неоднократно подчёркивал В. М. Молотов. Советская программа по вопросу о Германии была определена И. В. Сталиным ещё во время войны и развита в ряде выступлений В. М. Молотова. Она нашла отражение в постановлениях Крымской и Берлинской межсоюзнических конференций.

В решении германской проблемы Советский Союз исходит не из чувства мести, а из необходимости предотвратить возможность новой агрессии со стороны Германии. «Задача состоит не в уничтожении Германии, — говорил В. М. Молотов 10 июля 1946 г., — а в том, чтобы преобразовать её в демократическое и миролюбивое государство, имеющее, наряду с сельским хозяйством, свою промышленность, внешнюю торговлю, но лишённое хозяйственных и военных возможностей вновь подняться как агрессивная сила» (стр. 61). Таким образом, демилитаризация, денацификация и демократизация Германии, её экономическое единство, связанное с выполнением репарационных обязательств, и её государственное единство являются составными частями единой задачи — решения германской проблемы в интересах мира и безопасности народов. Советский Союз, успешно реализуя эту программу в советской зоне оккупации Германии, неуклонно добивался того, чтобы США, Англия и Франция также неуклонно выполняли решения по германскому вопросу, принятые ими совместно с СССР в Ялте и Потсдаме. Однако сразу же после войны Советский Союз столкнулся с тем, что США, Англия и Франция стали саботировать и срывать постановления Крымской и Берлинской конференций.

Ещё на заседаниях Парижской сессии Совета министров иностранных дел в июле 1946 г. В. М. Молотов показал, что предложенный Бирнсом проект договора четырёх держав о разоружении и демилитаризации Германии в действительности обходит и игнорирует важнейшие предпосылки обеспечения прочного мира и безопасности народов, находится в противоречии с прежними совместными решениями союзников (см. стр. 56—57).

Спустя восемь месяцев на Московской, а затем, в ноябре — декабре 1947 г., на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел В. М. Молотов, опираясь на огромный фактический материал, показал перед всем миром положительные результаты политики Советского Союза в германском вопросе и пагубные итоги под-

ривных по отношению к решениям Крымской и Берлинской конференций действий США, Англии и Франции. Выступая на Московской сессии Совета министров иностранных дел, В. М. Молотов уличил США, Англию и Францию в срыве мероприятий по демилитаризации и денацификации Германии. Он констатировал, что ликвидация военно-промышленного потенциала в западных зонах Германии ещё почти не начата. Несмотря на то, что главная база германского военно-промышленного потенциала находится в областях Западной Германии и прежде всего в Рурском промышленном районе, к 1 января 1947 г. по трём западным зонам только на трёх заводах (из списка, включающего 1554 завода) было закончено полное изъятие оборудования.

В то же время в советской зоне оккупации из 733 предприятий, относящихся к военной промышленности и другим запрещённым отраслям индустрии, было изъято в счёт репараций и демонтировано 676 (см. стр. 347).

Английское и американское командование оккупационными силами сохранило в своём распоряжении нераспущенные немецкие войсковые части и службы общей численностью (по официальным американским и английским данным) около 90 тыс. чел. (см. стр. 349), а также воинские формирования четников, усташей, салашистов, «югославскую королевскую армию», части генерала Андерса, террористические организации бандеровцев и другие фашистские и полуфашистские отряды.

В английской и американской зонах, указывал В. М. Молотов, большое количество видных деятелей гитлеровского режима, в том числе крупных руководителей германских промышленных монополий, занимает руководящие посты, а проведение денацификации нередко подменялось формальным переучётом почти всего взрослого немецкого населения. Что же касается советской зоны, то здесь активные фашисты и лица, занимавшие руководящие должности при гитлеровском режиме, были отстранены с общественных и полуофициальных должностей и заменены кандидатами демократических организаций.

США, Англия и Франция установили в своих зонах недемократическую механику выборов в ландтаги, препятствовали объединению демократических организаций во всегерманском масштабе, саботировали проведение земельной реформы, что, естественно, срывало осуществление демократизации Германии.

Только в советской зоне были осуществлены реальные мероприятия по демократизации, причём важное значение в этом деле, на что обращал особое внимание В. М. Молотов, имела земельная реформа, проведённая осенью 1945 года. «Эта реформа, — говорил В. М. Молотов, — подорвала в политической и экономической области влияние юнкерства — давней опоры германского милитаризма, а затем и гитлеризма» (стр. 360).

В ряде выступлений В. М. Молотов уличил США и Англию в саботаже и срыве решений Крымской и Берлинской конференций о репарациях. Указывая на тяжёлые потери, понесённые Советским Союзом в войне против гитлеровской Германии, В. М. Молотов отмечал, что советское правительство и советский народ не могут равнодушно отнестись к срыву репараций. Сумма репарационных платежей с Германии определена Советским Союзом в 10 млрд. долл., т. е. в размере меньше одной десятой доли одних лишь прямых потерь, которые Советский Союз понёс на территории, бывшей под оккупацией немецких захватчиков. Но и эти минимальные и абсолютно справедливые требования Советского Союза, зафиксированные в решениях Крымской конференции, не выполнялись США, Англией и Францией. Эти решения были осуществлены только в советской зоне. Так как США и Англия нередко пытались противопоставлять постановления Берлинской конференции в вопросе о репарациях решениям конференции в Ялте, В. М. Молотов в своём заявлении 17 марта 1947 г. огласил полный текст соответствующего решения Крымской конференции, выбив, таким образом, почву из-под ног незадачливых «комментаторов».

Чрезвычайную важность представляют выступления и заявления В. М. Молотова по вопросу об экономическом единстве и государственном устройстве Германии. Уже с конца 1945 г. Англия и США стремились путём сепаратных действий подорвать экономическое единство Германии. Так, в декабре 1945 г. Англия односторонними действиями прибрала к рукам все угольные шахты Рура, а в августе 1946 г. — железодобывающую и стальную промышленность Рурской области, где сосредоточено три четверти угольной и металлургической промышленности Германии. Франция в конце 1946 г. таким же путём отделила от остальной Германии Саарскую область. В декабре 1946 г. США и Англия сепаратным путём провели объединение американской и британской зон оккупации Германии, оторвав их фактически от остальной Германии.

В. М. Молотов указывал на то, что это соглашение направлено против ликвидации военно-промышленного потенциала Германии, против выполнения ею репарационных обязательств и прямо препятствует проведению в жизнь программы экономического восстановления Германии в целом. «Это англо-американское соглашение, — говорил В. М. Молотов, — облегчает проникновение американских и английских монополий в германскую промышленность и открывает им широкие возможности подчинить своему влиянию германскую экономику. Но это англо-американское соглашение несовместимо с осуществлением экономического единства Германии, так как оно ведёт к расчленению и уничтожению самостоятельного германского государства и находится в противоречии с решениями Берлинской конференции и другими меж-

союзными соглашениями по этому вопросу» (стр. 367).

Спустя восемь — девять месяцев В. М. Молотов наглядно продемонстрировал результаты сепаратистской англо-германской политики Германии, осуществлявшейся на протяжении более года. По данным тогдашнего министра торговли США Гарримана, индекс промышленного производства в объединённой англо-американской зоне в середине 1947 г. составлял 35% по сравнению с 1938 годом. «Такого низкого уровня промышленности, — заявил В. М. Молотов, — нет сейчас ни в одной стране Европы. Эти 35 процентов говорят о полном провале экономической политики, проводимой в английской и американской зонах» (стр. 527). В то же время в советской зоне оккупации Германии, где военные разрушения были более значительными и где уже были проведены меры по ликвидации военной промышленности, уровень промышленности достиг 52% от уровня 1938 г. и производство шло на подъём (см. стр. 528). В своём заявлении на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел 8 декабря 1947 г. В. М. Молотов указал на то, что сепаратные действия американских, английских, а также французских властей тормозят экономическое восстановление Германии и препятствуют скорому установлению прочного мира в Европе: «Эти сепаратные действия англо-американских властей привели к фактическому расколу Германии, что выражается в отрыве западной части Германии от остальной Германии и Берлина, столицы германского государства. На деле во Франкфурте-на-Майне создан уже новый центр для западных зон Германии, где англо-американские власти действуют сепаратно и независимо от Контрольного совета в Берлине» (стр. 533—534).

В неразрывной связи с проблемой экономического единства Германии стоит вопрос о её политическом единстве. Советский Союз, как об этом не раз говорил И. В. Сталин, не собирался ни расчленять, ни уничтожать Германию как самостоятельное государство. Но эти планы лелеяли англо-американские империалисты. Ещё в Тегеране США предлагали разделить Германию на пять частей. Через год после Тегеранской конференции, в октябре 1944 г., Черчилль и Иден от имени британского правительства выдвинули во время переговоров в Москве план раздела Германии на три части. После войны, на Парижской сессии Совета министров иностранных дел 10 июля 1946 г., В. М. Молотов предостерегал охотников расчленить Германию, федерализовать её, отделить от Германии Рур. Напоминая слова И. В. Сталина, В. М. Молотов подчёркивал, что уничтожение Германии несовместимо с интересами мира и спокойствия (см. стр. 62). На Московской сессии Совета министров иностранных дел в марте 1947 г. В. М. Молотов дал решительный отпор планам англо-американских империалистов покончить с Германией как с самостоятельным государством. В заявлениях и речах

В. М. Молотова были разоблачены фальшивые аргументы сторонников федерализации Германии, которые мотивировали свои предложения необходимостью ослабить германское государство и предупредить возрождение Германии как агрессивной силы. В. М. Молотов показал, что федерализация Германии неизбежно приведёт к усилению германских милитаристов: «Провозглашение союзниками установки на федерализацию поведёт к тому, что милитаристы встанут во главе движения за объединение Германии и постараются овладеть германским народом в своих интересах. В результате этого поднимет голову идея реванша, расцветёт шовинизм, который в Германии имеет такую благоприятную почву, и создадутся условия для появления новых бисмарков или даже новых гитлеров. История Германии учит нас тому, как опасно, чтобы идея единства Германии оказалась в руках германских милитаристов» (стр. 399). Вместе с тем, указывал В. М. Молотов, при федерализации не будет такого центрального правительства Германии, которое могло бы нести ответственность за выполнение обязательств Германии перед союзниками.

В речах и заявлениях В. М. Молотова содержались конкретные, практические предложения по всем вопросам, составляющим содержание германской проблемы. Известно, что эти предложения, несмотря на добрую волю советского правительства к соглашению, натолкнулись на сопротивление англо-американских империалистов. Причины этого сопротивления разоблачил В. М. Молотов, показав, что американские империалисты не хотят готовить мирный договор с Германией, восстанавливать её единство и следовать решениям Берлинской конференции, ибо они рассчитывают использовать Западную Германию как стратегическую базу против демократических государств Европы, как объект экспансии на европейском континенте.

Свои авантюристические и агрессивные планы в отношении европейских государств американские империалисты пытались изобразить как бескорыстную, дружественную «помощь», имеющую своей целью «содействовать возвращению нормальных экономических условий в мире». Известно, как лейбористское правительство Англии и французское правительство рекламировали «план Маршалла». Однако истинная сущность этого плана была разоблачена Советским Союзом.

На Парижском совещании министров иностранных дел СССР, Франции и Англии в июне—июле 1947 г. В. М. Молотов показал, что авторы «плана Маршалла» и их английские и французские клиенты собираются превратить европейские страны в подконтрольные государства, лишить их экономической самостоятельности и национальной независимости в угоду американским империалистам. В заявлении В. М. Молотова 2 июля 1947 г. с предельной чёткостью была определена позиция советского правительства в отношении «плана Маршалла» и англо-французского про-

екта создания особой организации для координирования экономики европейских государств. «Советская делегация, — говорил В. М. Молотов, — полагает, что решающее значение для европейских стран должны иметь внутренние меры и национальные усилия каждой страны, а не расчёты на иностранную поддержку, которые должны иметь подчинённое значение. Даже в самых трудных условиях Советский Союз всегда рассчитывал, прежде всего, на свои собственные силы, и, как известно, он идёт вперёд по пути неуклонного подъёма своей экономической жизни» (стр. 475).

В. М. Молотов подчеркнул, что Советский Союз стоит за всемерное развитие экономического сотрудничества между европейскими и другими странами на здоровых началах равноправия и взаимного уважения национальных интересов, но никогда не согласится с таким «сотрудничеством», которое предполагает вмешательство сильных держав в дела других стран, ликвидацию экономической самостоятельности и национального суверенитета последних. «Советское правительство, — заявил В. М. Молотов, — не может помогать кому-либо утруждать свои дела за счёт других, за счёт менее сильных или малых государств, так как это не имеет ничего общего с нормальным сотрудничеством между государствами» (стр. 476).

Политике раскола Европы, политике порабощения европейских стран, проводимой американскими империалистами с помощью лейбористского правительства Англии, Советский Союз противопоставил свою политику мира и укрепления дружественных отношений и прежде всего со своими соседями. В речах при подписании договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Румынской Народной Республикой, Венгерской Республикой, Народной Республикой Болгарией, Финляндией В. М. Молотов раскрыл историческое значение этих договоров, как нового важного средства укрепления мира и безопасности в Европе. Заключённые с Советским Союзом пакты явились новым доказательством того, что только великая советская держава гарантирует независимость народно-демократических государств.

Указывая на то, что Советский Союз заключил договоры о дружбе и взаимопомощи со всеми государствами по своей западной границе — от Чёрного до Балтийского моря, — В. М. Молотов говорил: «В этом мы, советские люди, видим важный успех в осуществлении сталинской внешней политики, направленной на укрепление дружбы со всеми соседними государствами и на упрочение всеобщего мира» (стр. 568).

Собранные в книге выступления В. М. Молотова являются замечательным образцом марксистско-ленинского анализа международных отношений. Внешняя, как и внутренняя, политика советского госу-

дарства построена на научной основе. Этим прежде всего и обусловлены её сила, превосходство над политикой капиталистических государств. Каждая речь, каждое выступление В. М. Молотова проникнуты подлинным историзмом. Для буржуазных политиков и дипломатов история, в лучшем случае, является источником бессодержательных аналогий, беспорядочной россыпью фактов, годных лишь для словесного украшения.

Для выдающегося руководителя советского государства и теоретика марксистско-ленинизма, каким является В. М. Молотов, каждое событие международной жизни освещено глубочайшим пониманием закономерности исторического процесса. За сложным переплетом международных отношений руководитель и проводник сталинской внешней политики В. М. Молотов всегда видит борьбу передовых общественных сил, борьбу нового против отживающих сил империалистической реакции. Историческая закономерность, подчёркивает в своих выступлениях В. М. Молотов, определила возросшее значение Советского Союза после второй мировой войны как важнейшего фактора международной жизни: «То новое положение, которое занял теперь Советский Союз в международных отношениях, создалось не в результате каких-то надвинувшихся случайных обстоятельств» (стр. 25).

В. М. Молотов не раз напоминает представителям империалистических держав о том, что их попытки игнорировать СССР или добиться его изоляции безнадежны: «В некоторых иностранных кругах существует стремление оттеснить Советский Союз с занятого им по праву почётногo места в международных делах и нанести ущерб международному престижу СССР. Но так могут действовать лишь близорукие реакционные круги, обречённые на провал. Им не понять того, что советское государство, вынесшее на себе главную тяжесть борьбы за спасение человечества от тирании фашизма, по праву занимает теперь такое положение в международных отношениях, которое отвечает интересам равноправия больших и малых стран в их стремлении к миру и безопасности» (стр. 49—50).

На международных конференциях и совещаниях В. М. Молотов не раз обращает внимание на то, что буржуазные правительства не хотят учитывать уроков истории. Когда они тянут назад, к старому, разбитому корыту Лиги наций, расчлениют Германию, добиваются мирового господства американских капиталистических монополий, пытаются возродить прежнее, кабальное положение нынешних народно-демократических государств и увековечить своё господство в колониальных странах, они рассчитывают остановить и повернуть назад колесо истории. Вот почему все империалистические, антинародные планы, как это показывает В. М. Молотов, непрочны и беспочвенны. «Твердить зады и отстаивать империалистические традиции — это не значит идти в ногу с новым вре-

менем» (стр. 111),—указывает В. М. Молотов.

«Земля не только вертится, но можно сказать, что она не зря вертится и что она имеет свой путь вперёд, к своему лучшему будущему»,—говорил В. М. Молотов в речи на предвыборном собрании избирателей Молотовского округа г. Москвы 6 февраля 1946 года.

В выступлениях В. М. Молотова с исключительной наглядностью раскрываются основы двух противоположных методов решения международных вопросов, двух концепций мира. Для империалистических правительств характерно неверие во внутренние силы своих государств; поэтому они, как указывает В. М. Молотов, предпочитают «строить претенциозные планы насчёт завоевания, господства и эксплуатации других народов» (стр. 257).

Наиболее яркой иллюстрацией этого положения являются США. «Если бы у правящих кругов Соединённых Штатов Америки внутренние дела не вызвали большого беспокойства, особенно в связи с приближающимся экономическим кризисом, то не было бы такого изобилия экономических проектов экспансии Соединённых Штатов Америки, которые, в свою очередь, опираются на агрессивные военно-политические планы американского империализма» (стр. 495).

Что же касается советского государства, то оно всегда опирается на свои внутренние силы и поэтому заинтересовано в мирном соревновании с капиталистической системой. Следовательно, миролюбивая политика Советского Союза, его стремление к международному демократическому сотрудничеству проистекают, как это всегда подчёркивает В. М. Молотов, из коренных интересов советского народа.

Внешняя политика социалистического государства руководствуется положением И. В. Сталина о необходимости «ориентироваться не на те слои общества, которые не развиваются больше, хотя и представляют в настоящий момент преобладающую силу, а на те слои, которые развиваются, имеют будущее, хотя и не представляют в настоящий момент преобладающей силы»¹.

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 540. II-е изд.

Недаром В. М. Молотов в своих выступлениях всегда подчёркивает значение прогрессивных сил, борющихся с империалистической реакцией. Так, он указывал на то, что в США усиливается раскол на две главные группировки: империалистическую, которая сейчас шумит на авансцене, и демократическую, за которой будущее. Именно в будущее устремлена сталинская внешняя политика, и все выступления В. М. Молотова основаны на научном знании и покоящейся на нём незыблемой уверенности в маршруте исторического развития. «Великая Октябрьская социалистическая революция,—говорил В. М. Молотов в докладе на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1947 г.,—раскрыла глаза народам, что век капитализма приходит к концу, и что открыты надёжные пути ко всеобщему миру и великому прогрессу народов. Судорожные усилия империалистов, под ногами которых колеблется почва, не спасут капитализма от приближающейся гибели. Мы живём в такой век, когда все дороги ведут к коммунизму» (стр. 507).

В книге В. М. Молотова раскрываются содержание, основные принципы сталинской внешней политики и вместе с тем особенности и стиль советской дипломатии. Величайшая последовательность и принципиальность, спокойствие и твёрдость, характерные для выступлений В. М. Молотова, отражают силу и мощь великой советской державы. Эти выступления, которые приводят в смятение врагов Советского Союза, находят широчайший отклик среди трудящихся масс капиталистических стран.

Книга «Вопросы внешней политики» является замечательным подтверждением слов, сказанных В. М. Молотовым 26 апреля 1945 г. на конференции Объединённых наций в Сан-Франциско: «В деле защиты мира и безопасности народов на Советский Союз можно положиться. За это великое дело непреклонно стоят наш миролюбивый народ, Советское правительство и Красная Армия, наш великий Маршал Сталин» (стр. 16). Отражённая в книге В. М. Молотова история сталинской внешней политики за последние три года является новым замечательным подтверждением этих слов.

Н. Рубинштейн

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

«Дипломатический словарь». Т. I. А—К. Главная редакция — А. Я. Вышинский и С. А. Лозовский. Огиз. Госполитиздат. 1948. 856 стб.

Выход в свет «Дипломатического словаря» представляет крупное событие. Его появления с нетерпением ждала советская интеллигенция, работники разных областей партийной, государственной, общественной, научной и педагогической деятельности, студенты, аспиранты, преподаватели высших учебных заведений и средней школы. Давно назрела потребность в книге, освещающей со строго научных, марксистско-ленинских методологических позиций широкую и многообразную деятельность дипломатии и дипломатов в прошлые времена и в наши дни. Советская общественность с удовлетворением отметит, что она получила такую книгу.

«Дипломатический словарь» представляет крупный интерес и в другом отношении: он включает громадное количество слов не только из области, так сказать, «чистой» дипломатии, международного права и истории международных отношений, но и из других смежных областей гуманитарных знаний. К составлению «Дипломатического словаря» поэтому, кроме специалистов — историков дипломатии, международного права и историков нового и новейшего времени (Запада и Востока), были привлечены научные работники почти всех отраслей гуманитарных наук.

«Словарь» посвящён вопросам дипломатии нового и новейшего времени и уделяет особое внимание внешней политике и дипломатии Советского Союза. Он «даёт основные сведения о международных конгрессах и конференциях, излагает содержание договоров, конвенций, деклараций и других дипломатических актов, объясняет основные понятия из области международного права, имеющие непосредственное отношение к вопросам внешней политики и дипломатии, содержит краткие данные о наиболее крупных дипломатах и государственных деятелях разных стран» (предисловие «От редакции»).

Ведущее место в «Словаре» занимают статьи, определяющие существо и классовую природу дипломатии, знакомящие читателя с дипломатической службой, функциями, правами и обязанностями дипломатов при исполнении их служебных поручений, дипломатическими рангами, консульской службой, консульскими рангами, правами, функциями и обязанностями консулов и т. д.

Весь этот комплекс статей сообщает сведения, не только необходимые начинающим дипломатам, но полезные и всякому культурному человеку.

Дипломатия, по определению «Словаря», — это «деловая, мирная, в отличие от военной, оперативная работа по осуществлению задач внешней политики государства, выполняемая органами правительства (ведомством иностранных дел, нередко главой

правительства и главой государства) и их представителями и агентами за границей» (стб. 569—570). Определяя дипломатию не как самоцель, а как орудие выполнения задач внешней политики государства, статья «Дипломатия» показывает на примерах, как, выполняя одну и ту же работу — осуществление задач внешней политики государства, — дипломатия разных стран пользуется на практике разными методами. И это вполне закономерное, так как внешняя политика одного государства непохожа на внешнюю политику другого государства. Внешняя политика государства определяется его социально-политическим строем, классовой природой власти и классовой борьбой в этой стране, следовательно, и проведение в жизнь задач внешней политики различных государств не может быть достигнуто одинаковыми дипломатическими методами.

В этой содержательной статье дан краткий исторический очерк развития дипломатии с древних времён и показано социальное лицо представителей дипломатической службы в разное время. «Существенный интерес представляет, так сказать, социальное лицо Д (дипломатии) — точнее её представителей: оно меняется со сменой фаз общественного развития, но с той отсталостью и тем переплетением нового со старым, которые, как указывает Маркс, характерны для смены политической и юридической «надстроек» общества» (стб. 572). Этим, а также и тем обстоятельством, что дипломатическая работа требует значительных специальных знаний и навыков, объясняется тот известный факт, что в такой классической капиталистической стране, какой является современная Англия, до сих пор используются на дипломатической службе представители английской аристократии, уже давно утратившей первенствующие социальные позиции; то же надо сказать и о Франции, где на дипломатических постах подвизается большое количество выходцев из дворянства. Хотя эти дипломаты играют большую роль, однако их социальное лицо не определяет внешней политики и существенно не влияет на её содержание. В таких странах, как США, где почти не было феодализма и нет аристократии, дипломатические должности занимают интеллигенты, адвокаты, представители делового мира, нередко сменяющие посты директоров промышленных концернов и банков на посты дипломатов, как, например, Гарриман, Бирис, Клейтон и др. «Это несколько меняет «лицо» Д (дипломатии) и, несомненно, отражается на её методах и приёмах... но всё же не настолько, чтобы влиять на её содержание. Совершенно новый тип создаётся лишь в лице советского дипломата, вышедшего из рядов трудового

народа, чуждого аристократических и буржуазных традиций, осуществляющего внешнюю политику методами, внешне аналогичными традиционным, но внутренне с ними не идентичными и в некотором отношении даже им противоположными» (стб. 573—574).

Статья «Дипломатия» вскрывает агрессивность дипломатии эксплуататорских классов всех общественных формаций, от рабовладельческой формации до капитализма на стадии империализма. Излюбленным методом агрессивной дипломатии является вмешательство во внутренние дела чужого государства, создание в соседних государствах внутренних затруднений и противоречий и использование этих затруднений и противоречий в интересах своего государства, как это было до второй мировой войны в Австрии и в Чехословакии. Другими примерами агрессивного вмешательства дипломатии во внутренние дела чужого государства с целью подавления вооружённой силой народного революционного движения в интересах укрепления капиталистического строя являются Испания, Греция и Китай.

Хотя дипломатия является официальным государственным институтом, а дипломаты — государственным чиновниками, специализировавшимися в делах проведения в жизнь задач внешней политики и защиты государственных интересов, однако история знает много случаев личной закулисной и частной дипломатии, когда наиболее delicate дипломатические поручения выполняли неофициальные дипломаты, лица, облечённые доверием главы государства.

Приводя примеры из истории последних двухсот лет, когда в ряде случаев интимная дипломатия направляла политику государств из-за кулис, «Словарь» правильно подчёркивает, что «не найдётся ни одной капиталистической страны, где бы не было тайных организаций, тех или иных влиятельных политических, хозяйственных и общественных деятелей, оказывающих или стремящихся оказать влияние на Д(ипломатию) своего правительства» (стб. 574).

Лишь советская дипломатия свободна в своей деятельности от всяких посторонних и закулисных, тёмных влияний и преисполнена одним стремлением защиты интересов своей социалистической Родины, отстаивания дела мира и демократии. Сопоставление деятельности молодой советской дипломатии с деятельностью дипломатии буржуазных государств наглядно убеждает в качественном превосходстве социалистического государства, сумевшего в сравнительно короткое время обогатить дипломатию новыми принципами и завоевать себе особое место в её истории.

Крупные капиталистические государства проводят в жизнь политику, основы которой были заложены ещё в феодальную эпоху. Один из русских дипломатов первой половины XVIII в. образно определил такую политику следующими словами: «Всякой благоразумной и здравой политики главная максима должна быть, чтобы заблаговременно не допускать, дабы сосед мой в наибольшую и следовательно мне самому

не иначе, но весьма предосудительную силу не приходил, ибо коль больше оный себя усиливает, тем вiece я себя сам в бессилие и очевидную опасность привожу». Такую политику проводила, как известно, Англия, на протяжении веков не допускавшая образования крупных государств на европейском побережье, которые могли бы угрожать Британским островам и их коммуникациям. Это старое правило английской политики прикрывалось в разное время разными «принципами». До Октябрьской социалистической революции эта политика проводилась во имя принципа «равновесия сил», а позднее — во имя принципа «самоопределения наций».

Германская хищническая империя, позже других выступившая на мировой арене, выдвинула свою политическую «максиму», известную под именем «политики бронированного кулака», «теории превентивной войны».

Советское государство родилось на свет в военную грозу с лозунгом: «Борьба за мир». Ему чужды стремления к захвату чужих территорий, его внешняя политика постоянно и последовательно отстаивала идею мира и мирного сосуществования с другими государствами. Внешняя политика советского государства в корне отличается от внешней политики империалистических государств, стремящихся к мировому господству и угнетению других народов. Преследуя противоположные цели, советская дипломатия выдвинула и обогатила историю дипломатии новыми принципами. Вместо политики «равновесия сил» английской дипломатии и политики «бронированного кулака» германской дипломатии советская дипломатия провозгласила принцип «неделимости мира» и с первых дней своего существования противопоставила буржуазной дипломатии свои новые политические принципы и дипломатические методы. Советская дипломатия «воскресила к жизни давно забытую практику заключения с соседями пактов о ненападении... и обогатила её — что было не менее важно — новым содержанием в виде статей о взаимном нейтралитете и неучастии во враждебных коалициях. Это было новое слово в дипломатической практике, направленной к утверждению мира, и советская Д(ипломатия) вправе им гордиться. Но она пошла ещё дальше: она первая поняла, что двусторонние пакты, при всей их полезности, ещё не обеспечивают мира в противоречивых условиях эпохи мирового империализма, и громко провозгласила принцип «неделимости мира». Советская Д(ипломатия) создала новые методы обеспечения мира» (стб. 576).

Советская дипломатия, таким образом, отличается от дипломатии эпохи феодализма и господства буржуазии не только своими принципиальными установками, но и своими методами действия.

Владение марксистско-ленинским методом познания развития общества позволяет советской дипломатии правильно ориентироваться в сложной и быстро меняющейся обстановке, вскрывать и распознавать внутреннюю связь событий и уяснять не только смысл настоящих явлений, но и предвидеть ход их будущего развития. «Вот в этом

предвидении и распознавании событий настоящего и будущего, а не в обманах и интригах, заключается столь блестяще оправдавшая себя на протяжении всей истории её деятельности сила советской Д(ипломатии). Для её честных целей — обеспечения мира на своих границах и во всём мире на началах дружбы с соседями, близкими и дальними, — достаточны честные средства» (стб. 591—592).

Трудно исчерпать в небольшой рецензии всё богатое содержание этой статьи.

Статьи «Дипломатические казусы», «Иммунитет дипломатический», «Дипломатическое представительство», «Агент дипломатический», «Агремен», «Дипломатический корпус», «Дипломат», «Атташе» своими полезными сведениями дополняют статью «Дипломатия» и составляют с ней как бы единое целое. Ценность этого комплекса статей состоит не в одном познавательном значении, а и в том, что в них по-новому освещены исследуемые ими вопросы.

Весьма отрадное впечатление производит большинство статей, излагающих содержание дипломатических конгрессов, конференций, мирных договоров, конвенций, ультиматумов, меморандумов, деклараций, циркуляров и всевозможных дипломатических актов. Многие из них представляют собой миниатюрные монографии, написанные специалистами на основе проделанной ими большой исследовательской работы.

К этой же категории содержательных и методологически правильных статей относится большинство характеристик правителей, государственных деятелей и дипломатов.

Рассмотрение содержания «Дипломатического словаря» приводит к убеждению, что мы имеем дело с серьёзной научной книгой, по своему значению далеко выходящей за рамки справочника по истории дипломатии и дипломатической службы. Без этой книги не обойдётся ни один советский интеллигент; она окажет неоценимую услугу профессорско-преподавательскому персоналу, аспирантам и студентам, не говоря уже о практических работниках на дипломатическом поприще; без неё не обойдутся и научные работники; она не окажется «легковесной» и для специалиста. Одно из очень важных достоинств книги состоит в том, что своим строго научным способом подачи и анализа материала она вскрывает недобросовестность и тенденциозность той буржуазной историографии и тех буржуазных писателей, которые писали по вопросам, рассматриваемым в «Дипломатическом словаре». Большой коллектив советских учёных, работавших над составлением «Дипломатического словаря», показал, что он находится на уровне современных исторических знаний документальной и монографической литературы.

Крупные достоинства «Дипломатического словаря» позволяют рецензенту проявить особую строгость к отдельным промахам редакции и к немногим недостаткам в статьях отдельных авторов. Мы считаем большим недостатком отсутствие в «Словаре» ряда основных понятий, неразрывно связанных с

историей дипломатии, таких, как «агрессия», «аннексия»¹, «капитуляция», «восточный вопрос», «бессарабский вопрос», «коалиция» и многие другие, которые марксисты освещают совсем по-иному, чем буржуазные историки. Эти перечисленные понятия, как и многие другие, здесь не названные, настолько тесно связаны с дипломатией, что совершенно непонятно их исключение из первого советского «Дипломатического словаря».

Нам кажется, что надлежащее толкование следовало бы дать и словам «Босфор», «Дарданеллы» и «Гибралтар», — разумеется, не в их географическом и чисто военно-стратегическом значении, а в значении историко-дипломатическом. Во всяком случае, они имеют не меньшее право быть истолкованными в советском «Дипломатическом словаре», чем «Каналы международные», «Дунайские комиссии» и т. д.

Недостаточно продуман словник, отчего пропущены сведения о важных событиях, актах, государственных деятелях и дипломатах; не всегда правильно разрешён вопрос о размере листажа, количестве строчек и слов, отводимых для отдельных статей и биографических очерков. Первый недосмотр привёл к тому, что в «Словаре» остались неосвещёнными очень важная Берлинская конференция 1885 г. по колониальным вопросам, военная тревога 1875 г. и Компьенские перемирия 1918 и 1940 годов. Весьма досадно, что в нём также не нашли места важные акты и события, непосредственно относящиеся к мюнхенскому заговору четырёх держав против мира и демократии: карлсбадские 8 пунктов немецко-судетской фашистской партии, которые формально поставили на повестку дня судетский вопрос, а также берхтесгаденское свидание Чемберлена с Гитлером 15 сентября, как и годесбергский меморандум, вручённый 23 сентября Гитлером Чемберлену. Эти три события и акта являются крупными вехами в развитии судетского кризиса и в истории дипломатической подготовки Мюнхена.

В «Словаре» отсутствуют также многие имена русских и иностранных деятелей и дипломатов, которые должны были бы найти в нём место. Назовём для примера московских великих князей Ивана III и Василия Ивановича. Непонятно, почему рядом с именами императоров Александра I и Александра III нет Александра II, нет Кантемира; совсем необъяснимо исключение царских дипломатов XX в. — Бенкендорфа, двух братьев Крупенских, двух братьев Кудашевых, братьев Гирсов, Базили, Гартвига, Кассини; вызывает удивление отсутствие сведений о Коковцеве, отсутствуют имена крупнейших английских государственных деятелей и дипломатов XX в. — бывших премьер-министров Асквита и Бонар Лоу, бывших послов в Петербурге и впоследствии посто-

¹ Нам могут возразить, что ленинское толкование «аннексии» имеется в статье «Декрет о мире». Но, во-первых, — лишь «аннексии», других же нужных понятий нигде нет; во-вторых, словарь не читают, как роман или монографию, а открывают то или иное слово, когда нужно знать его точное и правильное значение.

янных помощников статс-секретарей Форейн Офиса, связавших свои имена с подготовкой англо-русского соглашения 1907 г., — Гардина и Никольсона, почему-то нет Эйру Кроу и лорда Крю. Между тем без этих четырёх дипломатов не решался в Англии ни один внешнеполитический вопрос до и во время первой мировой войны. Именно они, эти четыре дипломата, во главе с Эдуардом Греем обеспечивали ту политическую линию во внешней политике Англии, которая была заложена в 1904 г. англо-французской Антантой и завершена в 1907 г. англо-русским соглашением. Не находим в «Словаре» также Гошена и Берти. Такая же судьба постигла французских видных дипломатов Бомпара, Жерара, Гонто-Бирона, Жюссера, Бертелло, австро-венгерских дипломатов и государственных деятелей Буриана, Векерле и Гойоса, бельгийских королей и дипломатов Леопольда II и Альберта II, дипломатов Гиманса, Жаспара и других, греческого короля Константина, первого императора Германской империи Вильгельма I. Зато «Словарь» уделяет место французскому иезуиту, миссионеру и драгоману при китайском дворе Жербильону и ещё некоторым случайным фигурам. Александру III отведены 52 строчки, Александру Баттенбергскому — 90; Бивербруку предоставлено больше места, чем Бетман-Гольвегу.

По поводу содержания статей «Словаря», в общем вполне удовлетворительного, нам хотелось бы высказать лишь некоторые замечания. В статье «Антанта» дана правильная политическая оценка этому империалистическому блоку держав, но отсутствует чёткое определение его структуры с дипломатической точки зрения. Своёобразие Антанты состояла в том, что не все её члены имели одинаковые обязательства: из трёх великих держав Россия и Франция были связаны одинаковыми союзными обязательствами. Англия же и Франция, Россия и Англия имели по частным колониальным вопросам лишь соглашения. Однако в этом несовершенном политическом строении решающее слово сказала мощь экономических и политических интересов, которые превозмогли его структурные слабости и дали ему возможность устоять в грозные дни июля 1914 г., в то время как Тройственный союз, имевший более солидную структуру и хозяйина в лице Германии, рухнул. Это следовало бы показать и подчеркнуть в такой ведущей статье, как «Антанта». Нам кажется также неверным, что, как об этом говорится в статье об Антанте, причиной переговоров Франции с Англией о соглашении, подписанном 8 апреля 1904 г., явилась боязнь ослабления франко-русского союза и изоляции Франции (стб. 167). Это соглашение было подписано всего через пять недель после вероломного нападения Японии на Россию, а переговоры между английской и французской дипломатией начались за полтора — два года до этого события. Причины англо-французского соглашения были глубже, и их надо искать в установившихся после Фашоды отношениях между Францией и Англией, в осознании руководящими кругами обеих держав, что их больше сближает германская

угроза, чем разъединяют собственные противоречия.

Одно место в статье «Антанта» вследствие нечётких формулировок вызывает принципиальное возражение. В статье сказано о выходе Советской России из войны после Октябрьской социалистической революции: «Выход России из войны не срывал победы Антанты над германским блоком, ибо свою задачу Россия выполнила полностью; она дала возможность Англии и Франции мобилизовать все свои ресурсы; борьба русской армии позволила США развернуть свою производственную мощь и создать армию; вышедшую из войны Россию заменили США, официально объявившие войну Германии в апреле 1917 г.; наконец, Советская Россия приковала значительные силы Германии, вынуждая её фактически вести войну на два фронта и после Брест-Литовского мира... Общими усилиями стран Антанты удалось добиться разгрома Германии» (стб. 168). В приведённой цитате, бесспорно, верно то, что русские армии до Брест-Литовского мира позволили Франции и Англии мобилизовать свои ресурсы, а США — развернуть свою производственную мощь; верно также и то, что вследствие вооружённой борьбы советских патриотов и отечественной войны русского, украинского и белорусского народов против германских захватчиков и после Брест-Литовского мирного договора фактически существовал, хотя и ослабленный, второй фронт. Но нам кажется принципиально неправильным безоговорочный переход от характеристики военных усилий царской России, выполнявшей свои задачи перед Антантой в деле разгрома Германии, к характеристике военных усилий Советской России против Германии после Бреста, хотя эти усилия, как правильно сказано в статье, и способствовали разгрому Германии в 1918 году. Из приведённой выше нечёткой формулировки можно сделать вывод (хотя это прямо и не сказано в статье), что «свою задачу» перед Антантой продолжала выполнять и Советская Россия, тогда как никаких задач по отношению к Антанте, кроме единственной — отставания в борьбе против империалистов Антанты и центральных держав существования молодого социалистического государства и его независимости, — у неё не было и не могло быть.

«Бьёркский договор 1905» изложен в общем удовлетворительно, но нельзя согласиться с автором, что договор не соответствовал полностью интересам Германии. Аргументация автора теряет своё значение, так как если бы Бьёркский договор стал действительностью, он взорвал бы франко-русский союз, то есть сделал бы невозможным образование Антанты. Известно, что Билов остался недоволен внесённым без его ведома Вильгельмом II изменением в тексте договора, ограничивавшим обязательства союзников одной Европой. Однако это не имело столь существенного значения, как полагает автор статьи: сделавшись главой Тройственного и франко-русского союзов — в этом заключался политический смысл Бьёркского договора, — Германия легко могла использовать

военные и морские силы своих союзников против Англии во всех частях света. Хотелось бы видеть в этой статье указание на контрреволюционный и интервенционистский характер Бьёркского договора, на присущую ему тенденцию превратить Россию в сельскохозяйственный придаток Германии и в место для инвестиций германского капитала. Эта тенденция выражена довольно отчётливо в переписке Вильгельма II с Бюловым.

Между авторами «Бьёркского договора» и «Алхесирасской конференции 1906» имеется разногласие относительно времени фактического аннулирования договора. Автор первой статьи правильно считает, что договор был фактически аннулирован в конце ноября 1905 года. Автор же второй статьи склонен думать, что в начале открытия Алхесирасской конференции, в середине января 1906 г., Бьёркский договор, «хотя и нератифицированный, всё же не был аннулирован», и приписывает договору какое-то влияние на позицию царского правительства, что является ошибочным. В этой статье, в которой, между прочим, ничего не сказано о сути германо-французских и англо-германских противоречий и о драматической истории развития франко-германского кризиса 1905 г., приведшего к созыву конференции, нечётко изложено решение по центральному вопросу — о руководстве полицией в Марокко. Между тем последнее решение и позволило Франции использовать алжирско-марокканскую границу для подготовки протектората над империей марокканского султана.

В прекрасной статье «Каннская конференция» неверно утверждение автора, будто «уход Франции из Канны снял с повестки дня обсуждение англо-французского пакта» о гарантии границ. В действительности переговоры о гарантийном пакте не прерывались, а продолжались и при Пуанкаре вплоть до лета 1923 г., то есть до рурской эпопеи. Главное противоречие между обоими партнёрами состояло в отказе Англии гарантировать границы восточных союзников Франции. Англия соглашалась придти на помощь Франции лишь в случае прямого нападения Германии на «французскую территорию». Это разногласие было при Бриане и Ллойд-Джордже, оно оставалось при Пуанкаре и Ллойд-Джордже и при Пуанкаре и Бонар Лоу. Уход Франции из Канны, следовательно, не снял с повестки дня вопрос о гарантийном пакте.

Хорошо написаны статьи о Бисмарке, Биконсфильде и Гладстоне. В наших энциклопедических словарях и в общей литературе Бисмарк не получал ещё такую полную характеристику умного, самоуверенного, осторожного, расчётливого, гибкого и вместе с тем беспринципного, вероломного и твёрдого ненавистника России, понимающего, однако, выгоду «дружбы» с ней. Это одна из лучших статей в «Словаре». Нам кажется лишь, что автор её больше, чем это следует, доверяет мемуаристам, «свидетельствовавшим», что «железный канцлер» готов был и после 1879 г. предать Австрию и предоставить России полную свободу на Востоке. Дело всё же обстояло не так. Бисмарк мог допустить войну между Россией и Австро-Венгрией — он сам об этом часто

говаривал, — так как исход такой войны сделал бы Австро-Венгрию более послушным союзником Германии и значительно бы ослабил Россию. Однако он никогда не допустил бы — и это он опять-таки неоднократно выражал в документах — того, что он называл «членовредительством» Австро-Венгрии. Нам кажется также, что политические планы Бисмарка в связи с делом Буланже в 1887 г. преувеличены. Вряд ли у Бисмарка тогда созрел грандиозный план «одновременного и радикального решения как русской, так и французской проблемы европейской войной».

Эдуард Грей, по нашему мнению, заслуживает более обстоятельного очерка, чем отведённый ему в «Словаре». Статья, помимо того, изобилует досадными погрешностями. Грей назван «автором англо-русского соглашения 1907 г.»; правильное было назвать его «соавтором». Известно, что первый контакт по вопросу об англо-русском соглашении был установлен уже в 1898 г., и в 1903 г. об этом уже определённо заговорил Эдуард VII с Бенкендорфом. Неверно утверждение, что к заключению соглашения с Россией Грея побуждало, между прочим, и крайнее беспокойство «Бьёркским договором... между Вильгельмом II и Николаем II» (стб. 510). Названный договор был подписан 24 июля 1905 г. и не был никому известен, кроме пяти—шести лиц. В этой же статье правильно указано, что он был аннулирован в конце того же 1905 года. Если Грей даже знал об этом факте, то в 1907 г. он его никак не мог беслоконить, и, следовательно, Бьёркский договор никакой роли в заключении англо-русского соглашения играть не мог. В этом же очерке имеется странное утверждение: «Через голову Германии Г(рей) поддерживал с Австрией самые тесные отношения» (там же). Австро-Венгрия была независимой державой, и ни одно государство, в том числе и Англия, не должно было с ней сноситься через посредство Германии. Грей ушёл в отставку в 1916 г. не потому, что ему угрожала потеря зрения, как это утверждается в статье, а по политическим причинам: Ллойд-Джордж и консервативная партия считали его «примиренцем» и не включили в новое министерство. В статье, далее, говорится, что «английские историки указывают также на сохранившееся письмо Георга V к Г(рею) в 1912 г., из которого явствует, что английский король по совету Г(рея) дал знать Вильгельму II через принца Генриха Прусского, ещё за два года до начала войны, что Англия «не оставит своих друзей — Францию и Россию, если будет совершено нападение на них» (стб. 511). Автор должен был бы знать, что «сохранившееся письмо Георга V» опубликовано уже много лет назад и использовалось в советской историографии.

Определённо не повезло Горчакову. Этот крупный русский дипломат имеет право на обстоятельный очерк, охватывающий его деятельность и до занятия им поста министра иностранных дел. Выделение циркуляров Горчакова в отдельную статью «Горчакова циркуляры», хотя последние являются существенной частью его дипломатической

деятельности, ничем не оправдано и лишь делает менее ценным основной очерк «Горчаков».

В заключение упомянем о некоторых фактических ошибках. Кроме ошибки об Аманулле-хане, уже отмечавшейся в советской печати, допущены и другие неточности в некоторых биографиях: бывший германский статс-секретарь по иностранным делам последнего периода царствования Вильгельма II фон Кюльман уже давно умер. Жозеф Кайо умер не в 1936 г., а уже после окончания второй мировой войны, во время которой он написал и выпустил несколько томов мемуаров. Даладье не подписывал фран-

ко-германской декларации от 6 декабря 1938 г., эту «честь» разделил с Риббентропом Жорж Бонне.

Все указанные нами недочёты и ошибки легко могут быть устранены во втором издании «Дипломатического словаря» и несколько не умаляют его ценности и той высокой оценки, которую мы ему дали. Эта книга нужна советскому читателю, она должна найти себе дорогу и за пределы нашей страны — к демократическому читателю, к учёным и прогрессивным политическим деятелям всего мира.

Ф. Нотович

Н. РУБИНШТЕЙН. *Советская Россия и капиталистические государства в годы перехода от войны к миру (1921—1922)*. Госполитиздат. 1948.

Выход в свет книги, посвящённой исследованию одного из самых сложных периодов во взаимоотношениях нашей страны с капиталистическим миром, — знаменательное событие на фронте исторической науки. Работа Н. Рубинштейна — свидетельство растущей зрелости исследовательской мысли наших историков, свидетельство первых серьёзных успехов в трудном, но первостепенном по научному и политическому значению деле создания истории советского государства.

Автор рецензируемой работы поставил своей задачей изучить, как «складывалась в переходные годы (1921—1922), после разгрома интервенции, внешняя политика Советской России, как устанавливались на новой основе отношения между Советским государством и капиталистическими странами и какую роль эти отношения играли в международной политике рассматриваемого периода» (стр. 8).

Конец 1920 и начало 1921 г. — переломный момент в истории развития внешних отношений Советской России. Характеризуя путь, пройденный за прошедшие три года советской властью, И. В. Сталин 7 ноября 1920 г. говорил: «Россия, пройдя огонь и бурю, выковалась в величайшую социалистическую державу мира»¹.

Сбросив Врангеля в море, Советская Россия открыла новую эпоху в своих взаимоотношениях с капиталистическим миром, положившую начало коренному перелому в отношениях двух систем. Ленин подчёркивал, что в новой обстановке вопросы хозяйственного строительства приобретали важнейшее международное значение², но для успешного хозяйственного строительства было необходимо установление экономических и торговых связей с внешним миром.

Ленин указывал, что «нам нужны настоящие торговые сношения, а не только дипломатические победы»³.

Исследование Н. Рубинштейна освещает деятельность советской дипломатии, направленную на установление торговых отношений с капиталистическими странами на началах равноправия и взаимной выгоды.

В первых семи главах своей работы автор излагает внешнюю политику Советской России на протяжении 1921 года. Он показывает развал экономики капиталистических государств в результате экономического кризиса. В целях смягчения кризиса капиталистический мир не менее остро, чем Советская Россия, нуждался в восстановлении с ней торгово-экономических связей. Особенно сильно кризис поразил английскую экономику. Англия проявляла наибольшую заинтересованность в скорейшем установлении экономических связей с Советской Россией. Учитывая это обстоятельство, советское правительство в европейской политике «на первый план ставило задачу скорейшего установления мирных отношений с Англией» (стр. 19).

Характеризуя позиции различных политических партий Англии в отношении Советской России, автор правильно указывает на то, что лейбористы, так же как и консерваторы, занимали антисоветскую позицию и не жалели сил, чтобы оклеветать и очернить Советскую Россию в глазах рабочего класса Англии. Так, например, лейбористская деятельница Сноуден использовала свою поездку в Советскую Россию для антисоветской пропаганды в Англии. Разоблачая грязную, антисоветскую стряпню Сноуден, орган английской компартии писал: «Или вы неспособны понимать, или же вам так хорошо платят, что вам не для чего понимать» (стр. 23).

Как известно, эта антисоветская линия последовательно проводилась лидерами

¹ «Ленин и Сталин». Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. II, стр. 330. Партиздат. 1936.

² См. там же, стр. 465.

³ Там же, стр. 374.

лейбористской партии на протяжении всех лет существования советского государства. В своей дикой злобе против социалистического государства лейбористские лидеры дошли до того, что помогали Чемберлену сговориться с Гитлером за счёт СССР и народов Восточной Европы.

Не менее известно и то, что эту же антисоветскую политику проводят лейбористская партия и лейбористское правительство и после второй мировой войны.

Касаясь политики Германии в отношении Советской России в 1920—1921 гг., автор отмечает антисоветскую направленность германской политики, равно как и её провокационный характер. На ряде примеров он показывает, как немцы для того, чтобы уклониться от выполнения Версальского договора в части, касающейся разоружения Германии, шантажировали победителей мнимой угрозой «русского нападения» и в случае неудовлетворения своих требований грозили пойти на «тесное сотрудничество с большевиками». В этой связи автору следовало бы подчеркнуть, что, с другой стороны, немцы всячески провоцировали советское правительство. Ярким примером такой провокации были расстрелы русских военнопленных в Германии в конце 1920 г., что заставило советское правительство в ноте от 31 декабря 1920 г. заявить германскому правительству энергичный протест и решительно предупредить его, что советское правительство вынуждено будет принять надлежащие меры⁴.

Характерно также и то, что в 1921 г. немецкие империалистические круги под вывеской «восстановления» России выдвигали проект создания международного картеля для эксплуатации русских богатств. Из ряда германских фирм было создано объединение, которое должно было осуществлять проникновение в Россию с Запада в контакте с японцами, которые делали бы то же самое с Востока. Не ограничиваясь этим, правящие круги Германии уже в 1921 г. приступили к организации шпионажа и созданию «пятой колонны» в Советской России⁵.

Анализируя русскую политику Германии, передовая «Известий» от 9 ноября 1921 г. делала вывод, что «до сих пор германские правящие классы ориентировались не столько на упрочение, сколько на ослабление и даже на падение Советской власти» и что некоторые из них «сами жаждали этого падения и со своей стороны делали немало, чтобы его ускорить».

Н. Рубинштейн глубоко анализирует враждебную политику французского правительства в отношении Советской России, подчёркивая, что оно проводило наиболее враждебный курс. «После разгрома Врангеля, — пишет автор, — Франция стремилась организовать новые интервенционист-

ские силы, уплотнить и активизировать «санитарный кордон» вокруг Советской России» (стр. 43). С этой целью и был заключён секретный франко-японский договор от 12 марта 1921 г., в котором французское правительство выражало своё согласие на установление японского господства над территорией Сибири. В деле борьбы с Советской Россией не отставали от Франции и многие другие капиталистические державы. США и Англия также проводили политику наибольшего ослабления молодого советского государства. Одним из средств такого ослабления Советской России было признание де-юре реакционных режимов прибалтийских государств и самозванных меньшевистских «правительств» Кавказа (стр. 45 — 47).

Это была попытка осуществить то, о чём писал в 1918 г. лорд Берти: «Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на востоке, т. е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., сколько бы их ни удалось сфабриковать, то по мне остальное может убираться к чорту и вариться в собственном соку. Российская республика не была бы в состоянии управлять магометанскими ханствами Средней Азии и кавказскими княжествами»⁶.

Недостаточное место в работе Н. Рубинштейна занял анализ близорукой политики Англии и Франции в отношении Германии — политики, существо которой определялось тем, что Германию рассматривали как антибольшевистский кордон. Правящие круги держав-победительниц не могли не знать, что искоренение германского милитаризма и поддержка демократических элементов немецкого народа были важнейшим условием упрочения мира. Победители, однако, не только не разоружили Германию, но и позволили ей иметь армию вдвое большую, чем это было определено разделом V Версальского договора, который германское правительство нарушало без каких-либо стеснений.

В главе, посвящённой советской политике в отношении народов Ближнего и Среднего Востока, автор на многочисленных фактах показал, что советская дипломатия не только претворяла в жизнь ленинско-сталинский принцип уважения их национального суверенитета, отказавшись от всех привилегий царской России, но и поддерживала эти народы в их борьбе против агрессии английского империализма.

В то время, когда Советская Россия заключила целый ряд равноправных договоров с Афганистаном, Персией и Турцией, английское правительство пыталось навязать этим странам тяжёлое ярмо кабальных договоров. Только благодаря материальной и моральной помощи Советской России этим государствам удалось отстоять свою независимость, и английский империализм вынужден был отступить.

⁴ См. «Известия» от 11 января 1921 года.

⁵ См. «Судебный отчёт по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному военной коллегией Верховного суда СССР 2—13 марта 1938 г.», стр. 11, 17, 18, 47 и др.

10. «Вопросы истории» № 12.

⁶ Лорд Б е р т и «За кулисами Антанты». Дневник британского посла в Париже, 1914—1919, стр. 191, Госиздат. 1927.

Излагая дружественную советскую политику в отношении Турции, автор убедительно показывает ту огромную материальную и моральную поддержку, которую оказывало советское правительство Турции в её национально-освободительной борьбе против английского империализма.

На этом фоне тёмной и подозрительной выглядит двурушническая политика Турции в отношении Советской России. Кемалистское правительство платило Советской России чёрной неблагодарностью: оно пыталось не только торговать русской дружбой, но и захватило Ардаганский округ Грузии, а также попыталось прибрать к рукам Батум (стр. 75).

Автор делает правильный вывод о том, что, вероломно нападая на советское государство, «кемалистское правительство рассчитывало осуществить свои захватнические планы и одновременно набивало себе цену в переговорах с Англией и Францией. Опираясь на договор с Советской Россией, Турция выговаривала себе уступки у держав Антанты» (стр. 75).

Заслуживает быть отмеченной глава, посвящённая проблемам Дальнего Востока в советской внешней политике. Автор наглядно и убедительно показывает, как умело использовала советская дипломатия противоречия между США и Японией в целях борьбы против японской интервенции на Дальнем Востоке. На большом фактическом материале показана эта борьба на Вашингтонской конференции.

В работе Н. Рубинштейна освещена антисоветская сущность американской дальневосточной и тихоокеанской политики. Попутно автор касается такого важного вопроса, как вопрос о причинах антисоветской пропаганды, систематически проводимой в США. Он устанавливает, что антисоветская пропаганда была обусловлена внутривнутриполитическими соображениями правящих кругов США, страхом американской буржуазии перед развёртывающимся в стране революционным движением (стр. 84). Об этом уместно вспомнить сейчас, когда антисоветская пропаганда в США также служит прикрытием для американской реакции в её борьбе против собственного народа. Под крики о борьбе против «большевизма» американские последователи бесноватого фюрера жестоко расправляются в США со всеми, кто осмеливается выступать против преступной политики американских монополистических кругов, направленной на подготовку третьей мировой войны.

Весьма ярко показана антисоветская политика США в пятой главе, посвящённой борьбе советского правительства с голодом в Поволжье и отношению к нему капиталистических стран. Автор использовал много документов, впервые извлечённых из архивов и заслуживающих весьма серьёзного внимания. На основе этих материалов Н. Рубинштейн делает верный и убедительный вывод о том, что «для правящих классов капиталистических государств голод явился сигналом к новому наступлению против социалистической России»

(стр. 95). Особый интерес представляет содержащийся в книге анализ деятельности пресловутой Американской администрации помощи (АРА), созданной для экономической экспансии американского империализма в европейские страны и для борьбы с революционным движением в Европе, во главе с Гувером, занимавшим тогда пост министра торговли США. АРА начала свою деятельность в Венгрии, оказав помощь укреплению реакционного режима Хорти.

Голод в Поволжье в 1921 г. американские империалисты сочли удобным предлогом для очередного нажима на Советскую Россию. Гувер предложил услуги АРА для оказания «помощи» голодающим, но в качестве условий этой «помощи» выдвинул два требования: во-первых, полной свободы передвижения по советской территории и, во-вторых, полного отстранения представителей советского правительства от участия в распределении ввозимого продовольствия.

Нечего и говорить, что эти требования были неприемлемы для советского правительства, которому были дороги суверенитет и независимость собственной страны. Американские империалисты, орудуя своим толстым карманом, ещё больше разбухшим в результате мировой войны, не брезговали ничем и были готовы использовать голод, чтобы с помощью залежавшихся на складах продуктов осуществить свои далеко идущие политические цели, которые не имели ничего общего с оказанием действительной помощи пострадавшему от голода населению. На большом фактическом материале автор показывает, как американские капиталисты использовали не находившее сбыта и превшее зерно, сгущённое молоко и заваливавшиеся на складах армейские запасы медикаментов в целях политического нажима, разведки и шпионажа против Советской страны.

Об этом достаточно убедительно говорит тот факт, что Гувер прислал в Советскую Россию свыше 400 своих «сотрудников» для «наблюдения за распределением» продуктов среди голодающих. Разоблачая истинные мотивы действий Гувера, за которым стояли американские монополистические круги, автор подчёркивает, что, «монополизировав организацию помощи, он (Гувер. — И. К.) скрывает от постороннего взора подлинный характер, политические, разведывательные и коммерческие цели операций «АРА» (стр. 108). Эта тенденция в политике США заслуживает серьёзного внимания и изучения потому, что в настоящее время она превратилась в официальную политику. После второй мировой войны американские монополистические круги пытаются использовать нажитые на войне огромные богатства для осуществления сумасбродных планов завоевания мирового господства с помощью доллара. Американский империализм под предлогом «восстановления» Европы и сказания ей «помощи» («план Маршалла») пытается сейчас не только прибрать к рукам европейскую экономику, но и политически подчинить себе Европу с помощью дипломатии доллара. «План Маршалла — Трумэна» — это только одно

из составных звеньев в политике экспансии и осуществления планов мирового господства, проводимой правительством США.

Положительные результаты, которых добилась Советская Россия в деле восстановления своего хозяйства, послужили той базой, опираясь на которую советская дипломатия добилась серьёзных успехов в 1921 году. Эти успехи подготовили выход Советской России на широкую международную арену.

Следующие шесть глав книги Н. Рубинштейна (восьмая — тринадцатая) освещают Генуэзскую конференцию. Здесь автор обстоятельно разбирает историю подготовки и созыва конференции, подробно анализирует ход политической борьбы вокруг её созыва и позиции Англии, Франции, США, а также позиции малых держав и весьма детально прослеживает отношение советского правительства и тщательную подготовку его к конференции.

Следует отметить, что Н. Рубинштейну удалось на фактах показать, что решающую роль в отношении правительства Гардинга к Генуэзской конференции сыграли антисоветские установки правящих кругов США. «В этом решении правительства Гардинга, — пишет Рубинштейн, — и в позднейшей борьбе США против Генуи важнейшую роль сыграло враждебное отношение к Советской России» (стр. 227). Правящие круги США рассчитывали бойкотом и изоляцией добиться капитуляции Советской России.

Освещая историю подготовки к Генуе, Н. Рубинштейн отмечает, что во всех странах эта подготовка велась весьма интенсивно и направлялась главным образом на то, чтобы навязать Советской России кабальные условия, подобные режиму капитуляций.

Что же касается попыток западных держав поставить Советскую Россию в неравное положение и обусловить её участие на конференции принятием предварительных условий, то таким попыткам был дан самый решительный отпор. Предупреждая о безуспешности таких методов, Ленин писал: «Мы видели угрозы пушками со стороны союзных держав, в руках которых находится почти весь мир. Угроз этих мы не испугались. Об этом, господа европейские дипломаты, пожалуйста, не забывайте»⁷.

Передовая «Правды» в связи с этим подчёркивала, что если державы Антанты хотят диктовать свои условия, то это можно сделать и по радио и этим же путём получить наш ответ. «Мы слишком бедны, чтобы тратить деньги на посылку многочисленной делегации в Геную только за тем, чтобы она могла подышать свежим итальянским воздухом»⁸.

Автор показал активную деятельность советской дипломатии по подготовке к конференции, происходившей под непосредственным руководством Ленина и Сталина: разработку программы (сосуществование

двух систем, всеобщее разоружение), контрпретензии за интервенцию, создание единого дипломатического фронта всех советских республик и т. д. Советская Россия не только пришла на конференцию как равноправный её участник, но сразу же заняла на ней ведущее положение.

Непосредственно Генуэзской конференции посвящены одиннадцатая, двенадцатая и тринадцатая главы книги, дающие богатейший материал по истории этой конференции и правильную характеристику развернувшейся на ней борьбы.

Конференция в Генуе проходила с 10 апреля по 19 мая 1922 г. и была посвящена проблеме экономического восстановления послевоенной Европы. Это была первая европейская конференция, на которой участвовала Советская Россия. Советская дипломатия, руководимая Лениным и Сталиным, выступила на конференции с конструктивной программой: она первая решительно поставила вопрос о всеобщем разоружении, о полном запрещении применения отравляющих газов, воздушной войны и других средств массового истребления мирного населения.

Советская делегация внесла также конструктивные предложения по основному вопросу повестки дня конференции — об экономическом восстановлении Европы. Оставаясь на точке зрения социалистических принципов, советское правительство считало возможным и нужным равноправное и взаимно выгодное экономическое сотрудничество между Советской Россией — прогрессивным социалистическим государством — и государствами капиталистическими. В доказательство своей готовности сотрудничать в деле экономического восстановления Европы советское правительство изъявляло готовность признать довоенные русские долги при условии предоставления кредитов и признания де-юре. Кроме того оно соглашалось на известных условиях предоставить иностранцам выгодные концессии в Советской России. Но такое сотрудничество с Советской страной не входило в планы американских, английских и французских империалистов. Советской России были предъявлены ультимативные требования, направленные, по сути дела, против самого существования советского государства. Понятно, что эти требования не могли быть приняты советским правительством, которое делало всё, чтобы достигнуть приемлемого соглашения.

Советская дипломатия сразу похоронила надежды на делёж русского богатства и предложила представителям буржуазных государств вести деловые переговоры об условиях обоюдного и равноправного сотрудничества. Конструктивная советская программа установления сотрудничества была отвергнута в Генуе, и конференция была сорвана правящими кругами США и Франции (стр. 348—402 и другие).

Автору книги следовало бы подчеркнуть, что не только нефть и Стандарт ойл руководили действиями правительства США при срыве конференции: её срывали американские банки и тресты, в интересах

⁷ Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 171.

⁸ «Правда» от 21 февраля 1922 года.

которых действовало правительство США и которые ставили своей задачей овладеть европейским рынком под лозунгом восстановления Европы. Это восстановление Европы они планировали без участия Советской России, против неё и за её счёт и по существу всё сводили к восстановлению пошатнувшейся мощи германского империализма в качестве ударного антисоветского орудия и оплота против революционного движения в Европе.

В последней главе своей книги автор излагает историю конференции в Гааге, на которой буржуазная дипломатия пыталась взять реванш за поражение в Генуе. Создав предварительно единый фронт в отношении Советской России, представители капиталистических держав снова потребовали, чтобы Советская Россия приняла режим капитуляции. Советская делегация дала на это достойный ответ, подчеркнув, что, «если нужно, она готова продолжать борьбу» и что «весь мир будет всегда желать иметь отношения с Россией» (стр. 402).

Так как в результате умелых действий советской дипломатии возникла угроза раскола единого фронта капиталистических государств и наметилась возможность сепаратных соглашений отдельных стран с Советской Россией, то американское правительство и на этот раз сорвало конференцию. Однако советская дипломатия добилась того, что развитие торговых и экономических связей пошло по линии двусторонних соглашений Советской России с капиталистическими странами. Созданный же в Гааге единый антисоветский фронт затрещал по швам. Первой из этого единого антисоветского фронта дезертировала Англия. Попробовал сепаратно действовать и сам инициатор этого блока—американское правительство. Оно пыталось получить согласие на посылку анкетной комиссии в Советскую Россию. На такое неприемлемое предложение последовал решительный отказ советского правительства. Советское правительство квалифицировало «предложение об односторонней посылке анкетной комиссии США в Россию, как несоответствующее принципам равноправия сторон» (стр. 418).

Мирная политика советского правительства, направленная на установление делового сотрудничества между двумя общественными системами, приносила заметные успехи. Борьба советского правительства за мир и разоружение высоко подняла авторитет Советского Союза в глазах трудящихся всего мира. Подводя итоги нашего развития за пять лет, Ленин подчеркнул, что «экономические отношения, а за ними отношения дипломатические налаживаются, должны наладиться, наладятся непременно»⁹.

Несколько слов по поводу отдельных важных вопросов, недостаточно освещённых в рецензируемой работе. В международной политике наибольшее значение после «русского вопроса» имела германская проблема. В этой связи в книге сле-

довало бы показать английскую политику в германском вопросе, наличие двух тенденций в политике Франции в отношении Германии: линию на сотрудничество с германскими промышленниками (соглашения Лушер—Ратенау, Луберсак—Стиннес) и линию на экономическое подчинение Германии (группа Пино).

Что касается советско-германских отношений, то здесь надо было сопоставить активную и последовательную советскую политику, направленную на нормализацию отношений, с враждебной политикой Германии: с одной стороны, положительное влияние советско-германских соглашений о военнопленных 1920 г., советское предложение Германии от середины 1920 г. начать переговоры о подписании соглашения о нормализации отношений и неоднократные попытки осуществления этого соглашения на протяжении 1921 г., соглашение от 5 ноября 1922 г. о распространении Рапалльского договора на четыре советские республики, с другой стороны, — затягивание ратификации Рапалльского договора, а затем и отказ распространить этот договор на среднеазиатские советские республики, которые рассматривались тогда немцами как будущая сфера влияния Турции¹⁰, затяжка переговоров о торговом договоре, ограничение советского экспорта в Германию и т. д.

Отвечая на вопрос, почему немцы подписали Рапалльский договор, Н. Рубинштейн ошибочно утверждает, что все названные немцами и англичанами причины являются неправдоподобными (стр. 308), что всё дело сводится к тому, что «Советская Россия стала важным фактором международной политики», и к искусству советской дипломатии (стр. 308—309). Это объяснение скорее относится к ответу на вопрос, почему Советской России удалось достигнуть равноправного договора с Германией. Все эти факторы были налицо и до Генуи, но договора не было вплоть до 16 апреля. Что касается искусства советской дипломатии, то оно, бесспорно, сказалось в успешной защите интересов Советской России при выработке и обсуждении договора. Это засвидетельствовали вскоре и немцы своими криками о «разочаровании» Рапалльским договором и своими безуспешными попытками истолковать договор в ущерб интересам СССР.

Причины, побудившие Германию заключить договор в Рапалло, можно свести к следующему: а) стремление Германии укрепить свои внешнеполитические позиции вообще и ликвидировать свою изоляцию соглашением с Советской Россией, ставшей к этому времени важным фактором

¹⁰ Д'Абернон в своих мемуарах «Ein Botschafter der Zeitwende», Bd. II, S. 148 писал по этому поводу следующее: «Германия отказалась распространить договор на Хиву, Бухару, с одной стороны, потому, что она не хочет возбуждать подозрения Англии, с другой,— потому, что она рассматривает Среднюю Азию как будущую цель турок и не желает считать её исключительно русской».

⁹ Ленин. Соч. Т. XXVII. стр. 361.

международной политики; б) стремление ликвидировать ст. 116 Версальского договора и не допустить на её основе какого бы то ни было соглашения между Советской Россией и западными державами¹¹; в) убеждение немцев в беспочвенности расчётов Англии, Франции и США на капитуляцию Советской России перед объединёнными силами капиталистических держав в

¹¹ Н. Рубинштейн без достаточных оснований отрицает значение для Германии ст. 116 Версальского договора, равно как и значение её отказа от права на возмещение в связи с национализацией германской собственности в Советской России. Как ст. 116, так и право на возмещение играли весьма серьёзную роль в решении Германии пойти на соглашение с СССР. Немцы знали, что советские претензии по ст. 116 выражались крупной суммой (16 100 млн. руб.). Только при условии отказа Советской России от этой статьи Германия согласилась, правда, с оговоркой, на отказ от права на возмещение за национализированную германскую собственность. О том, что Германия придавала серьёзное значение этому своему праву, говорит тот факт, что она неоднократно, начиная с 1924 г., пыталась поставить перед СССР вопрос о компенсации её убытков. Этот вопрос был поставлен немцами и в 1928 году. К тому времени дело дошло до того, что известная группа германских банков вступила в международный комитет кредитов России. Советский ответ на эти, уже ликвидированные Рапалльским договором претензии на основе взаимности, был дан в «Известиях» от 24 января 1928 г., в международном обзоре за подписью «Современник», а несколько позже, 3 марта 1928 г., в передовой «Известий» под заголовком «Германия и СССР». Но и на этом не было покончено с германскими претензиями к СССР, так как германское правительство продолжало уклоняться от чёткого заявления по этому вопросу. Именно поэтому советское правительство, чтобы покончить с подобного рода необоснованными претензиями, идущими вразрез с постановлениями Рапалльского договора, было вынуждено поставить этот вопрос на обсуждение во время советско-германских переговоров в конце 1928 года. Советское правительство добилось от немцев ясного заявления, которое было включено в советско-германский протокол от 21 декабря 1928 года. В этом заявлении германского правительства говорилось о том, что «возбуждение вновь вопросов о довоенных долгах в официальном порядке может иметь место лишь в соответствии с совершенно ясными постановлениями Рапалльского договора и что выступление германских банков не имеет решительно ничего общего с установкой германского правительства в отношении Рапалльского договора или в отношении общих политических отношений между Германией и Союзом ССР» («Сборник торговых договоров СССР», стр. 112. М. 1941).

Генуе (пока немцы ожидали этой капитуляции, они боялись испортить свои позиции преждевременным подписанием договора, а поняв эту простую истину, пошли на договор, обеспечив свои интересы на русском рынке (ст. 4 и 5), так как получение права наибольшего благоприятствования, которого не имела Германия по Версальскому договору, имело для немцев серьёзное значение); г) желание монополизировать русский рынок, в котором весьма остро нуждалась германская экономика, желание добиться ликвидации монополии внешней торговли и, навалившись всей промышленной и экономической мощью Германии, повернуть Россию на капиталистический путь развития.

Говоря о быстром росте внешней торговли Советской России и расширении её экономических отношений с границей, автор ограничивается перечислением некоторых торговых соглашений и отдельных торговых сделок. Здесь следовало бы дать общие данные о внешнеторговых операциях Советской России за 1920—1922 годы. Эти данные показывают, что только за 1921—1922 гг. размеры советской внешней торговли удвоились по сравнению с 1921 г., не говоря уже о том, что по отношению к 1920 г. она выросла больше чем в 11 раз¹². Имея в виду эту динамику развития, Ленин говорил, что наши экономические отношения налаживаются успешно¹³.

Отметим также, что из поля зрения автора выпала Московская конференция по разоружению, созванная по инициативе советского правительства с участием Польши, Эстонии, Литвы и Латвии. Хотя на конференции и не удалось прийти к соглашению, однако сам факт её созыва, равно как и повестка дня этой конференции говорили о большом успехе советской мирной политики, так как нельзя забывать, что эти государства в то время были сателлитами держав Антанты и являлись центрами антисоветских заговоров и военных авантур. Конференция нанесла новый серьёзный удар по любителям и подстрекателям военных авантур и тем самым содействовала делу укрепления мира во всём мире.

Исследование Н. Рубинштейна основано на огромном числе использованных автором источников и работ на разных языках. Всё же нужно заметить, что автору следовало бы шире использовать в своей работе советскую прессу.

Автор сумел правильно разрешить поставленную им задачу — проследить, как складывалась внешняя политика Советской России в годы перехода от войны к миру (1921—1922), показать принципиальное отличие советской внешней политики от политики империалистических государств и осветить активную роль советской ленин-

¹² См. «Внешняя торговля СССР за 20 лет. 1917—1937 гг. Статистический справочник», стр. 11. Москва. 1939.

¹³ См. Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 361.

ско-сталинской политики в борьбе за прочный мир и безопасность.

Автор показал, что источник силы советской дипломатии заключается в том, что она, отстаивая жизненные интересы Советской России, вместе с тем возглавляла борьбу за мир и безопасность всех народов. Именно поэтому Советская Россия уже тогда стала фактором, оказывавшим серьёзное влияние на международные отношения. Автор убедительно показал, что «с первого же дня существования Советский Союз занял особое место в международ-

ных отношениях, встав во главе борьбы за мир»¹⁴.

Несмотря на отмеченные отдельные недостатки, книга Н. Рубинштейна, несомненно, заслуживает общей положительной оценки. Эта книга найдёт у нас широкий круг читателей и будет полезна для всех, кто интересуется развитием международных отношений нашей эпохи.

И. Кузьмичев

¹⁴ В. М. Молотов «Вопросы внешней политики». Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 492. ОГИЗ. Госполитиздат. 1948.

Б. ЦИБИКОВ. Разгром унгерновщины. Улан-Удэ. 1947. 160 стр.

Развитие революционного движения во внешней Монголии и образование Монгольской Народной Республики тесно связаны с борьбой, которую вела Красная Армия при содействии партизан за освобождение Сибири и Дальнего Востока от ига интервентов и белогвардейцев.

Книга Б. Цибикова рассказывает о разгроме действовавшего на территории Внешней Монголии одного из ярких контрреволюционеров, агента японского империализма, ближайшего соратника атамана Семёнова — барона Унгерна.

Автор с достаточной полнотой и тщательностью изучил и использовал не только основную литературу по данному вопросу, но и центральные и местные архивы Красной Армии в Улан-Удэ и Иркутске и прессу. Используются также некоторые труды, изданные на монгольском языке: например, работы выдающегося деятеля монгольской революции маршала Чойбалсана, документы об организаторе и главкоме монгольской народно-революционной армии Сухе Баторе и другие.

В работе восемь глав: Политическая обстановка в Забайкалье и Монголии к концу гражданской войны в Советской России; Унгерн и контрреволюционные планы белогвардейцев и интервентов; Планы японских империалистов в отношении Монголии; Попытка использования белогвардейцами национально-освободительного движения монголов; Борьба за революционную Монголию; Нападение белогвардейских отрядов на Советскую Россию и Дальневосточную республику; Разгром унгерновщины; Ликвидация белогвардейских отрядов в Монголии.

Автор даёт социально-экономическую характеристику изучаемых районов и делает краткий экскурс в историю русско-монгольских и китайско-монгольских отношений. Однако ему следовало полней и последовательней показать и противопоставить дружескую политику Советской России в отношении Монголии политике интервентов и белогвардейцев, пытавшихся на опреде-

лённом этапе использовать национально-освободительное движение в Монголии в своих интересах.

Приходится также отметить, что события в первых главах излагаются не всегда в необходимой хронологической последовательности. Автор начинает первую главу с истории разгрома белогвардейцев и интервентов и изгнания их из Забайкалья в 1919—1920 гг., затем переходит к событиям в Троицко-Савско-Кяхтинском районе, относящимся к 1918 году, после этого излагает историю Внешней Монголии вплоть до конца 1919 года. Во второй главе события доведены до конца 1920—начала 1921 г., т. е. до начала самостоятельного выступления Унгерна. В третьей главе, где речь идёт о планах японских империалистов в отношении Монголии, автор снова возвращается к событиям 1919—1920 годов. Такое построение работы нельзя признать удачным.

В последующих главах автор должен был шире обрисовать международную обстановку и планы интервентов в отношении Советской России в 1921 году. Унгерновщина — это одно из звеньев широко задуманного интервентами и белогвардейцами плана нападения на Советскую республику, тесно связанное с контрреволюционными мятежами внутри страны, имевшими место в 1921 году. Именно на это и должен был сделать упор автор в своей книге и меньше уделять внимания фигуре самого Унгерна, типичной марионетке в руках японских милитаристов. К сожалению, автор только попутно останавливается на отношении некоторых американских кругов к положению, сложившемуся в Монголии в изучаемый период, и к аванюре Унгерна (стр. 52, 69).

В книге приводятся некоторые данные о деятельности подпольных контрреволюционных организаций в Сибири в период выступления Унгерна, а также о планах бурят-монгольских буржуазных националистов, ориентировавшихся на Японию (стр. 39 — 41, 53 сл.).

Останавливаясь на совместных операциях частей Красной Армии и монгольской народно-революционной армии по разгрому унгерновщины, автор должен был более чётко изложить планы этих армий перед началом решительных операций против Унгерна. Вообще военные операции описаны в книге недостаточно полно.

В заключение автор правильно отмечает, что совместная боевая деятельность Красной Армии и монгольской народно-революционной армии привела к победе над белогвардейщиной и интервенцией в Монголии и к дальнейшему расцвету Монгольской Народной Республики на основе дружбы и взаимопомощи Советского Союза и Монгольской Народной Республики.

Укажем на некоторые недочёты, имеющиеся в книге. Необходимо было дать объяснение ряда монгольских слов (стр. 4, 7, 14, 40, 98 и др.). В ряде случаев автор злоупотребляет цитатами (стр. 20, 23, 48 и др.). Встречаются шероховатости со стороны стиля; немало в книге опечаток. Отсутствует крайне необходимая в такой работе карта-схема.

В целом работа Б. Цибилова, посвящённая мало исследованной теме, заслуживает внимания изучающих историю гражданской войны и историю Монгольской Народной Республики.

Г. Рейхберг

«Борьба за советы в Забайкалье». Сборник статей, материалов и документов. Под редакцией Г. Грунина. Чита. 1947. 374 стр.

Помещённые в сборнике статьи, воспоминания и документы рисуют героическую борьбу рабочих и трудящихся крестьян и казаков Забайкалья против японских интервентов и белогвардейцев в лице одного из подлейших ставленников интервентов — кровавого атамана Семёнова. Большинство воспоминаний и других материалов сборника освещает главным образом партизанское движение и большевистское подполье и принадлежит перу активных участников борьбы за власть Советов в Забайкалье.

Сборник охватывает период со времени установления советской власти в Забайкалье в начале 1918 г. вплоть до ликвидации читинской «пробки» осенью 1920 года. Частично освещён в нём и период существования Дальневосточной республики (1920—1922). Воспоминаниям участников событий предпосланы две вводные статьи общего характера, несколько повторяющие друг друга: Г. В. Грунина «Большевики Забайкалья в борьбе за советы» и И. А. Кузнецова (И. В. Воронова) «За советы, против белогвардейщины и интервентов».

В вводной статье Г. В. Грунина недостаточно освещён вопрос об установлении советской власти в Чите и Забайкалье в 1917—1918 гг., не освещены эти важные события и в воспоминаниях участников революционной борьбы в Забайкалье. А сделать это было необходимо.

В статье И. Кузнецова упоминается о пребывании американских войск в Прибайкалье. К сожалению, автор ничего не говорит об их поведении как интервентов.

Организации большевистского подполья посвящены живо написанные воспоминания Е. Куликовой «Медицинская сестра-подпольщица», А. Куприяновой «Связная» и другие. Подпольные партийные комитеты существовали в Чите, Верхнеудинске и других городах. Они поддерживали связь как с сибирскими, так и с дальневосточными подпольными организациями.

О партизанском движении в районах Забайкалья в период с конца 1918 до 1920 г. и о роли большевиков в организации партизанских отрядов рассказывается в воспоминаниях Ф. Баншиковой «Партизанка», С. Киргизова «Партизанское движение в Восточном Забайкалье в 1919 г.», П. Евсюкова «Партизанское движение на Шилке», П. Аносова «Ингода-Чикой», С. Шилова «Бои в Восточном Забайкалье» и других.

Боям с семёновцами в 1920 г. и освобождению Забайкалья посвящены воспоминания Д. Шилова «В 1920 году», В. Попова «Читинская «пробка», Б. Жданова «Конец читинского плацдарма», П. Аносова «Борьба за Читу».

Интересен раздел «Документы о борьбе за советы в Забайкалье», в конце раздела помещена «Хроника важнейших событий в Забайкалье 1917—1922 годов».

Несмотря на положительную оценку, которую можно дать сборнику в целом, он тем не менее страдает рядом недостатков. Начнём с предисловия «От издательства», в котором неверно утверждается, будто данный сборник является «началом углублённой и плодотворной работы по изучению и публикации материалов о борьбе с семёновщиной и японскими интервентами в Забайкалье» (стр. 3). Ряд материалов и исследований по данному вопросу, как известно, был издан и до выхода в свет настоящего сборника.

В сборнике нет чёткого соблюдения хронологического принципа расположения материала. Отдельные воспоминания следуют друг за другом без какой-либо определённой последовательности. Так, например, очерк Сараева «Боевые эпизоды», касающийся 1918 г. и пребывания Лазо на Забайкальском фронте, помещён после воспоминаний, рисующих ликвидацию читинской «пробки» в 1920 г.: воспоминания М. Губельмана о С. Лазо на Забайкальском фронте в 1918 г. идут после воспоминаний С. Киргизова, относящихся к 1919 г., и т. д.

Следовало сгруппировать в одном месте биографический материал о С. Лазо и П. Журавлёве, а также очерк «Павшие в борьбе за Советы» (краткие биографии Б. П. Кларка, И. А. Бутина, Ф. Баябина, И. А. Таубе, Н. К. Сенотрусова и др.).

К сожалению, составители сборника не предали этой важной работы, и поэтому у читателя не создаётся последовательной картины развёртывания исторических событий периода гражданской войны в Забайкалье.

Хронологический принцип построения несоблюдён и в разделе документов. Так, например, после документа от 28 августа 1918 г. помещён документ, относящийся к началу 1919 г. (стр. 294), затем идут документы от апреля и декабря 1918 года. То же можно сказать относительно документов, помещённых на стр. 347, 349 и ряде других. Не на месте помещён отчёт о судебном процессе по делу руководителей антисоветских белогвардейских организаций, агентов японской разведки, атамана Семёнова и др. (стр. 323—338); после указанного отчёта идут документы за 1919—1920 годы.

Ленинские документы, относящиеся к освобождению Приморья в 1922 г., следовало бы выделить особо.

В статьях и воспоминаниях имеются повторения, которых можно было бы избежать при более тщательном редактировании.

Составителям необходимо было снабдить рядом примечаний документы и некоторые воспоминания, например, такие, где речь идёт о Центросибири, о народно-революционной армии и т. д.

В сборнике встречаются отдельные ошибки и мелкие недочёты. Конференция железнодорожников Читинского района приняла приводимое в сборнике решение ранее 11 января, так как 11 января оно было уже помещено в газете «Власть труда». На стр. 12 говорится о том, что Лазо был прислан Центросибирью в Забайкалье в декабре 1917 г., в то время как приезд этот имел место в конце февраля 1918 г. (см., кстати, документ по этому поводу на стр. 287). На стр. 361 (документ под датой 3 января) не указано, куда прибыл из Маньчжурии запломбированный вагон. На стр. 362, в документе под датой 7 марта, читаем: «Приступили к организации Красной армии». Остаётся неизвестным, кто и где приступил к организации Красной армии. В ряде случаев бригада Копзоргаз (Копунь — Зоргал — Газимур) называется Копзаргаз (стр. 92 и др.). Большевик Вагжанов на стр. 366 назван Вакжановым.

К сожалению, в сборнике нет карты, хотя потребность в ней при чтении книги безусловно ощущается.

Издан сборник удовлетворительно, однако помещённые в нём иллюстрации оставляют желать лучшего.

Указанные недочёты несколько снижают ценность рецензируемого сборника, представляющего тем не менее благодаря собранным в нём материалам (правда, не исчерпывающим всех вопросов, связанных с ходом гражданской войны в Забайкалье) безусловный интерес для изучающих историю гражданской войны в СССР.

Г. Р.

УСТИМ КАРМАЛЮК. *Сборник документов*. Центральный государственный исторический архив УССР. Институт истории Украины Академии наук УССР. Киев. 1948. 344 стр.

История борьбы крестьян на Украине в первой половине XIX столетия, в период роста капиталистических отношений и распада крепостничества, мало освещена документальными сборниками: изданы только отдельные документы. Поэтому появление сборника документов о значительном крестьянском движении под предводительством Устима Кармалюка, развернувшегося на Правобережной Украине (на территории тогдашней Подольской губернии) в 1812—1835 гг., привлекает к себе внимание.

Сборник состоит из археографического предисловия, в котором указывается, что большинство документов печатается впервые, и приводится список 10 судебных дел, содержащих сведения о деятельности Кармалюка, и 210 документов, расположенных в хронологическом порядке. Кроме документов в сборнике помещены рассказы, легенды, песни о Кармалюке,

даты из его жизни и деятельности и библиография. В конце сборника приложены указатели — географический и именной. Сборник иллюстрирован фотоснимками с отдельных дел, портретом Кармалюка (работы Тропинина) и видом Каменец-Подольской крепости, где был заключён Кармалюк. В сборнике имеется также статья, сообщающая краткие сведения о деятельности Кармалюка.

Представителями дворянской и буржуазной историографии Кармалюк изображался как «известный разбойник». Только в годы советской власти начали издаваться отдельные документы о его деятельности. К сожалению, в сборнике нет указаний об этих изданиях.

Следует отметить, что составители сборника несколько сузили свою задачу. Совершенно не показаны экономника помещичьего хозяйства и экономика подольского села. Ощущается также неполнота до-

кументов, рисующих разные формы классово-вой борьбы. Эти вопросы необходимо было осветить хотя бы в предисловии к сборнику.

Устим Кармалюк родился 27 февраля (ст. ст.) 1787 г. в с. Головчинцах, Литинского уезда, Подольской губернии, и был крепостным польского помещика Пигловского. За какую-то провинность Пигловский отдал Кармалюка в солдаты. Это было в 1812 г., во время Отечественной войны, когда среди крестьян усилились стремления к воле. С 1812 г. началась борьба Кармалюка против помещиков. Он сжигает усадьбу своего угнетателя, Пигловского; нападает на помещиков-арендаторов, сельских богачей и раздаёт их имущество беднякам. Неоднократно Кармалюк был под судом, приговаривался к разным наказаниям, но устраивал побеги, возвращался в родные места и продолжал борьбу. Борьба Кармалюка имела народный характер, поддерживалась угнетённым крестьянством. Многочисленные рассказы, легенды и песни среди народа свидетельствуют об его популярности.

В разбираемом сборнике приводятся ряд очень интересных документов о разных сторонах деятельности Кармалюка. Документы дают богатый материал, который свидетельствует о массовой поддержке населением Кармалюка. В списках арестованных называется 79 (док. № 195), 100 (док. № 199), 138 (док. № 201) участников движения. В числе арестованных, кроме крестьян, упоминается еврейская беднота, помогавшая Кармалюку совершать нападения на евреев-богачей, арендаторов корчм (док. №№ 195, 196 и др.). Помещица Поплинская подала в 1839 г. жалобу министру юстиции о взыскании с еврейской общины местечка Деражни убытков за укрывательство Кармалюка и его сообщников (док. № 208). В документах имеются также сведения о поддержке Кармалюка мелкой обедневшей шляхтой (док. №№ 49, 50, 51, 70, 72, 80, 147 и др.).

Кармалюк вёл борьбу против польских, русских, украинских помещиков и царской власти. По приблизительным подсчётам, он совершил около тысячи нападений на помещицкие усадьбы. За время его борьбы в восстания было вовлечено более 10 тыс. человек угнетённого населения.

Суд выносил суровые приговоры участникам восстаний. Очень интересно юридическое обоснование этих приговоров. В постановлении от 3 декабря 1831 г. названы Литовский статут, статут коронный 1347 г., указы от 28 октября 1775 г., от 31 июля 1799 г., 14 мая 1802 г. (док. № 131). Эти феодальные законы, начиная с 1347 г., были приведены в действие царской судебной машиной для борьбы с крестьянами. Все эти законы были упомянуты в пригово-

ре литинского уездного суда, чтобы обосновать наказание крестьян с. Новой Синявы—Михаила, Андрея и Никифора Блажкунов, как соучастников Кармалюка. Их приговорили «подвергнуть наказанию по 35 ударов плетьюми и отдать с зачётом за рекруты в военную службу, а буде в военную службу окажутся негодными, то сослать тоже с зачётом за рекрут в Сибирь на поселение». Однако царская администрация была бессильна остановить движение, руководимое Кармалюком. Из Подольи оно распространилось на Волынь и Киевщину (док. №№ 135, 190 и др.).

Кармалюк погиб в 1835 г., попав в засаду. В официальной реляции Летичевского уездного суда от 16 октября 1835 г. по поводу его смерти сказано: «Сим образом кончил жизнь свою славный злодеяниями Кармалюк, наказанный три раза шпицрутеном и три раза кнутом, столько же раз был бежавший из каторжной работы, непокоивший многие годы здешнюю округу, имевший чрезвычайные и даже невероятные почти связи, соделавшийся, сказать можно, водрузителем всего зла и сим ввергнувший многих простолудинов в пагубу и в самое даже суеверное о его силах и могуществе мнение» (док. № 173). Ещё долгое время после смерти Кармалюка велись судебные дела его соучастников.

Авторы статьи о деятельности Кармалюка считают, что слова В. И. Ленина о Степане Разине и И. В. Сталина о Разине и Пугачёве можно вполне отнести и к характеристике деятельности Кармалюка. По нашему мнению, авторы несколько преувеличивают значение Кармалюка. Несомненно, возглавляемое им движение было одной из форм борьбы народных масс против феодально-крепостнического гнёта. Оно имело прогрессивное значение. Но также несомненно, что крестьянские войны под предводительством Степана Разина в XVII в. и Емельяна Пугачёва в XVIII в. представляли более высокую форму классовой борьбы крестьян против помещиков и помещицкого государства, более широко охватили народные массы и носили более глубокий характер в политическом отношении. Движение Кармалюка гораздо ближе связано с «опришками» в Западной Украине, с выступлениями Довбуша. Аналогичная форма борьбы против помещиков на Левобережной Украине связана с именем Гаркуши, который, кстати сказать, одно время напал также на польских панов на Правобережной Украине.

Будем надеяться, что рецензируемый сборник явится лишь началом публикаций документов о классовой борьбе на Правобережной Украине в XIX веке.

Н. Ткаченко

КАТЕРИНА СТЕЦЮК. *Влияние повстанья Степана Разина на Украину*.
 Выдавництво Академії наук УССР. Академія наук УССР. Інститут
 Історії України. Київ. 1947. 116 стр.

К. СТЕЦЮК. *Влияние восстания Степана Разина на Украину*.

Автор исследовал интересную страницу из истории совместной борьбы народных масс России и Украины против феодально-крепостнического гнета во второй половине XVII века. К. Стецюк использовала не только значительную литературу и большое количество опубликованных документов, но привлекла также материалы фондов Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) и часть неопубликованных документов рукописного отдела библиотеки Академии наук УССР.

Рассмотрев в первой главе тяжёлое экономическое положение крестьян и городской бедноты России накануне восстания Разина и расстановку классовых сил на Левобережной и Правобережной Украине в 50—60-х годах XVII в., автор затем, во второй главе, освещает ход восстания Степана Разина в России. Третья глава является центральной в рецензируемой книге. Она посвящена вопросам социально-экономического и политического состояния Слободской Украины накануне восстания, походу отрядов Разина на Дон и Слободскую Украину и ходу казацко-крестьянского восстания на Слободской Украине в 1670 г. в связи с восстанием Разина. Четвёртая, заключительная, глава посвящена связям Степана Разина с казацкой старшиной Правобережной и Левобережной Украины, а также влиянию крестьянского восстания на политику казацкой старшины.

В качестве приложения к работе автор дал полный текст одиннадцати документов, извлечённых из фондов «Белгородский стол» и «Малороссийский приказ» ЦГАДА, представляющих донесения белгородских воевод Юрия Барятинского и Григория Ромодановского, царскую грамоту Ромодановскому от 8 марта 1671 г. и др. Извлечение из архивохранилищ и опубликование этих документов, свидетельствующих о влиянии восстания Степана Разина на Украину, — несомненная заслуга автора.

Паряду с положительными сторонами книги К. Стецюк считает необходимым отметить некоторые недостатки.

Прежде всего следует отметить, что автор не использовал статью К. Маркса «Стенька Разин»¹, а значит, не воспользовался важнейшими указаниями Маркса. Изучая восстание Разина по книге Н. Костомарова «Бунт Стеньки Разина», изданной в 1859 г., Маркс отбросил выпады Н. Костомарова против Разина и его комплименты по адресу Корнила Яковлева, которого Маркс называет коварным старым филистёром и лицемерным плутом.

Маркс так определяет корни общности и дружбы между Украиной и Доном: «Тогда как в южной Руси заложилось славное За-

порожье и дух казачества разлился по всей Украине, произошёл такой же наплыв народа с севера на Дон. Украина оказала помощь этому обществу и населила берега Дона своими детьми. Малороссия с самого начала приняла участие в образовании донского казачества, что доказывает язык нынешних донских казаков, среднее наречье между малороссийским и великорусским языком»².

К. Маркс показывает раскол казачества на Украине и Дону на «значных» — домовитых — и на простых — «голытьбу» и говорит о причине прихода к гетманской власти Брюховецкого³. Маркс неоднократно подчёркивает антифеодальный характер восстания Разина, его широкий размах, охват огромной территории, действия многочисленных разинских агентов и стремление Разина «использовать суеверие русских и любовь их к царю»⁴. Но при всём своём противодействии властям, крепостническим порядкам и желанию «поглотить весь русский народ» казачество «не могло произвести ничего, кроме мимолётной, как метеор, эпохи Стеньки Разина, не могло проложить нового пути для русского народа»⁵.

А. И. Микоян в предисловии к книге «Донское казачество» (также не использованном К. Стецюк) писал о цитированной выше статье К. Маркса: «Эта рукопись Маркса о Стеньке Разине представляет для нас, для нашего казачества, и особенно Донского, — величайший интерес»⁶.

Используя для своей работы почти всю имеющуюся дворянскую и буржуазную литературу и дореволюционные сборники документов по рассматриваемому вопросу, К. Стецюк не привлекла документы о восстании Разина, опубликованные советскими историками. Мы имеем в виду «Новые материалы о движении Степана Разина», опубликованные акад. Б. Д. Грековым⁷. Среди них имеется полный выверенный текст смертного приговора Степану Разину и его брату Флору. Вместо указанного текста К. Стецюк использовала копию смертного приговора Разину, опубликованную М. Владыкиным⁸, в которой, как пишет Б. Д. Греков, «немало ошибок и неправильно прочитанных пере-

² Там же, стр. 107.

³ Там же, стр. 119.

⁴ Там же, стр. 123.

⁵ Там же, стр. 109.

⁶ Микоян А. Предисловие к брошюре «Донское казачество», стр. 8. Историко-публицистические очерки. Ростов н/Д. 1926.

⁷ Летопись занятий Постоянной Историко-Археологической комиссии за 1926 г. Вып. I (34). Ленинград. 1927, стр. 203—238.

⁸ «Чтения Московского общества истории и древностей Российских при Московском университете», 1869, кн. I. Смесь, стр. 9—14.

¹ Журнал «Молодая гвардия». 1926 г., январь, стр. 104—125.

писчиком мест»⁹ и, добавим от себя, отсутствует начало и имеется много пропусков в тексте.

Приходится сожалеть об отсутствии во «вступлении» к работе обзора широко использованных автором источников дворянской и буржуазной литературы. Показать своё отношение к этой литературе было бы весьма важно и необходимо.

Односторонне, на наш взгляд, освещён автором процесс заселения Слободской Украины, а значит, односторонне показано восстание на этой территории в 1670 году. После приведения ряда фактов и данных К. Стецюк пишет: «Таким образом, во второй половине XVII века территория нынешней Харьковской и Сумской областей и частично Воронежской и Курской заселялась переселенцами из Правобережной и Левобережной Украины. Вся территория стала называться Слободской Украиной, получив это название от слобод, заложенных первыми переселенцами» (стр. 41). Сделав такой вывод, автор, вольно или невольно, отрицает встречный процесс по заселению этой территории, идущий с севера — из России.

В обстоятельном исследовании (более 600 страниц)¹⁰ Д. И. Багалея показывает двусторонний процесс заселения Слободской Украины. Он подчёркивает, что «настоящая совместная работа двух народностей — великорусской и малорусской (по заселению этого края.—В. Ш.) на общую пользу началась только при Алексее Михайловиче»¹¹. Например, в Сумском полку на жалованных украинским казакам землях было 16 великорусских селений: Русская Поречная, Русский Каменец, Русская Конопелька и т. д. В таких городах, как Ольшанск и Коротояк, где в 1670 г. развернулось восстание, насчитывались лишь десятки украинцев-переселенцев. Так, в Ольшанске из 837 жителей украинцев было 48; в Коротояке соответственно — 2839 и 65. Более одной трети населения Острогожска были русские, среди них 71 составляли посадские люди, чего не было в других городах. Поэтому нельзя не согласиться с Д. И. Багалеем, когда он говорит, что во второй половине XVII в. «количество беглых великороссиян в Воронежской, Белгородской и Слободской Украине было довольно велико, так что они принимали видное участие в колонизации края. По нашему мнению, роль их была более значительна, чем тех переселенцев, которые пользовались правом вольного перехода»¹².

⁹ «Летопись занятий» за 1926 г., вып. I, стр. 204.

¹⁰ Багалея Д. «Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства». М. 1887. Надо отметить, что эта работа была написана тогда, когда автор стоял ещё на либерально-буржуазных позициях, и резко отличается от его сугубо буржуазно-националистической трактовки вопроса в работе «Исторія Слободської України». Харків. 1918.

¹¹ Там же, стр. 135.

¹² Там же, стр. 208, 209, 369, 375, 377; его же «Материалы для истории колониза-

Русские беглые крестьяне, раскольники и служилые, приходившие на Украину вопреки запрещением и препятствиям правительства, не только не пользовались никакими льготами, но подвергались гонениям, притеснениям и преследованиям. Естественно, что они представляли собою горячий материал, готовый вспыхнуть каждую минуту.

К сожалению, К. Стецюк также односторонне подошла к освещению хода восстания 1670 г., не показав участия в нём русского населения. Вместе с тем в советской исторической литературе этот вопрос уже нашёл отражение, хотя, правда, и недостаточно¹³. Кстати сказать, описывая восстание 1670 г., автор меньше уделяет внимания ходу и развитию его, чем мероприятиям царских властей по подавлению восстания.

Данные о связях украинских политических деятелей с Разиным, изложенные в четвёртой главе, затмеваются вопросами совершенно иного характера. Вопрос о влиянии крестьянского восстания на политику казацкой старшины, поставленный автором в той же главе, не получил ответа ни в фактическом материале, ни в обобщающих фразах автора. Мы не говорим о выводах, поскольку они в книге отсутствуют.

Нечётко охарактеризована личность и деятельность Петра Дорошенко. Известно, что, будучи гетманом Правобережной Украины, Дорошенко вёл предательскую политику по отношению к Украине и её народу. Дорошенко возглавлял ту группу казацкой старшины, которая стремилась самостоятельно угнетать народные массы Украины, не желая делить эти возможности ни с польскими панями, ни с русскими боярами. Чтобы сохранить за собою эти внутренние возможности и обезопасить себя извне перед лицом России и Польши, Дорошенко принял подданство Турции. На протяжении всего своего гетманства Дорошенко опирался на силу татарских орд и вместе с ними и во главе их разорял и опустошал Левобережную и Правобережную Украину. Однако эти общеизвестные факты не нашли ясного освещения в рецензируемой работе.

В изложении К. Стецюк остаётся неясным, какой ориентации придерживался Дорошенко и какие цели он преследовал. К. Стецюк также недостаточно подчеркнула, что для Дорошенко связь с Разиным являлась маневром, попыткой использовать силы крестьянской войны в преступных целях: ослабить Россию и оторгнуть от неё Левобережную Украину. Что касается Разина, то его связь с Дорошенко ставила совершенно другую цель: посредством совместных выступлений с разных мест добиться раздробления правительственных сил. Чёткая антифеодальная программа Разина, заключавшаяся в том,

ции и быта степной окраины Московского государства — Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний в XVI—XVIII столетиях», собранные в разных архивах и отредактированные Д. И. Багалеем. Т. I, стр. 58—60. Харьков. 1886.

¹³ Тихомиров Б. «Разинское движение на Слободской Украине». «Исторический сборник» № 2 за 1934 г., стр. 97—115.

чтобы «изменников из Московского государства вывести и чёрным людям дать свободу», исключала использование чужеземной силы для достижения своих целей, как это делали Дорошенко и подобные ему авантюристы, подвизавшиеся в то время на политической арене Украины.

В отдельных местах книги из-за плохой корректуры встречаются противоречия в датах.

В заключение следует сказать, что рецензируемая книга по своей теме, постановке вопроса и использованию не известных до этого архивных документов представляет несомненную ценность.

В. Шуйтой

А. А. ИЕССЕН. *Греческая колонизация Северного Причерноморья.*
Государственный Эрмитаж. Ленинград. 1947. 92 стр.

Книга А. А. Иессена посвящена очень важному и интересному вопросу, не раз уже привлекавшему внимание учёных исследователей. Автор справедливо указывает, что в имеющихся работах о греческой колонизации Северного Причерноморья преобладает односторонняя точка зрения, выдающая в этой колонизации результат только одной истории греческих племён. При таком одностороннем подходе не учитывалось историческое развитие местного населения колонизируемых областей, неверно и неполно освещалась скифская проблема, непомерно раздувалось греческое влияние, не трактовался надлежащим образом очень важный вопрос о культурных взаимовлияниях и т. д. А. А. Иессен ставит своей задачей критический пересмотр существующих точек зрения и делает попытку нового освещения процесса греческой колонизации Северного Причерноморья в свете археологических данных.

Автор показывает события на широком историческом фоне, уделяя большое место «до-истории» греческой колонизации и характеризуя сношения населения Северного Причерноморья с более южными странами в период, предшествующий возникновению греческих колоний. А. А. Иессен привлёк интереснейший материал, в том числе новейшие данные советской археологической науки. Он начинает изложение издали, совершенно правильно отводя место Трипольской культуре и вопросам, связанным с её истолкованием в историко-археологической литературе. Автор останавливается на известной и когда-то модной теории Э. Р. фон Штерна, видевшего вносителей Трипольской культуры предков исторических греков, на недавних попытках усматривать в трипольцах предков хеттов, а также и на совершенно противоположных этим построениям мнениях о большом и длительном воздействии эгейского мира на северные страны вплоть до фантастической теории Л. Моисеева о древнейшей «микенской колонизации» Крыма. Советские археологи, отбросив всякие домыслы, успешно пересмотрели проблему Трипольской культуры, установив авторитетность её носителей, ввели в оборот интереснейший и богатейший материал новейших раскопок. И вопрос о связях с Югом потребовал нового рассмотрения.

В ряде небольших глав А. А. Иессен проследивает основные этапы взаимоотношений населения Северного Причерноморья с Югом, устанавливает известную периодизацию. Прежде всего он говорит о сношениях Северного Причерноморья с Югом в III и начале II тысячелетия до нашей эры. Внимательно рассматривая и локализуя имеющийся археологический материал, он устанавливает, что в означенный период существовали тесные отношения между населением Северного Причерноморья и южными странами, причём сношения у племён позднетрипольской (Усатовской) культуры сложились с юго-западом, с населением западной Малой Азии и Эгейского бассейна, а у племён Прикубанья — с населением Ирана и внутренней Малой Азии. Таким образом, тогда уже наметились два пути южных связей: путь юго-западный (эгейский), проходивший по побережью Чёрного моря и, возможно, уже каботажный, и путь юго-восточный, по всем вероятностям, сухопутный, ведущий в Закавказье и далее на юг (стр. 17—18).

Несколько иную картину представляют сношения с Югом во II тысячелетии до н. э., разбираемые автором в III главе. А. А. Иессен отмечает, что в этот период население Северного Причерноморья находилось на средней ступени варварства, в условиях медно-бронзовой культуры, причём подчёркивает, что тогда не было причин для каких-либо передвижений племён и что «II тысячелетие до н. э. в общих чертах являлось периодом спокойного постепенного развития культуры» (стр. 18). Нам представляется не совсем ясным самое определение «спокойное постепенное развитие культуры». Можно ли при наличии имеющихся данных давать подобного рода характеристику целого тысячелетия?

Переходя к сношениям с южными странами, автор говорит, что юго-западные связи продолжали действовать в той же области, где ранее развивалась Усатовская культура. Что касается юго-восточного населения, то здесь мы видим прекращение импорта из Передней Азии (повидимому, в результате перемен в культурном развитии Закавказья). Зато на самом Кавказе создаются два самостоятельных очага местной культуры, по-

ставляющие свои изделия в области Северного Причерноморья.

Следующим этапом в развитии сношений Северного Причерноморья с Югом автор считает начало I тысячелетия до н. э. (с XI по VIII—VII вв.), период поздней бронзы. Тут А. А. Иессен старается более детализировать хронологические датировки. Для племён Северного Причерноморья в это время характерно завершение средней ступени варварства с переходом к высшей ступени. Автор отмечает рост подвижности населения и усиление межплеменных отношений (мирных и военных). Меновые и торговые связи в юго-западном и юго-восточном направлениях продолжали развиваться, причём особенно интенсивно в районе Бугско-Днепровского лимана. Здесь создавался и местный очаг металлообработки, который А. А. Иессен связывает с «фрако-киммерийской» группой Сулимирского. С юго-востока в северное Причерноморье шли предметы кавказских культур — прикубанской и кобанской.

Особую главу (пятую) А. А. Иессен посвящает событиям VII в. в истории черноморских племён. Автор говорит о резком историческом переломе, вызванном переходом местного населения на высшую ступень варварства. «Складывается «скифская» стадия в истории местного населения» (стр. 34). А. А. Иессен характеризует изменения в социально-экономической структуре племён Северного Причерноморья, полемизируя с М. И. Ростовцевым, который находил возможным говорить о «великом скифском царстве» и предшествующей ему «киммерийской державе». Надо сказать, что эти взгляды М. И. Ростовцева до сих пор не изжиты не только в зарубежной науке, но и в советской исторической литературе: если «скифскую державу не сравнивают с хазарской державой или татарской Золотой ордой, как это делал М. И. Ростовцев, то всё же называют её «прообразом огромных держав кочевых народов — державы гуннов, тюркского каганата»¹. Точно так же в противовес мнению М. И. Ростовцева и Ю. В. Готье, А. А. Иессен считает, что в начале I тысячелетия до н. э. район Бугско-Днепровского лимана имел гораздо большее культурное значение, нежели район Боспора. Автор уделяет видное место вопросу о передвижениях киммерийцев и скифов и об их вторжениях в страны Переднего Востока. А. А. Иессен, правда очень глухо, говорит о киммерийцах, не затрагивая «киммерийской проблемы» по существу. Желательна была бы и большая детализация «скифского вопроса». Как это ни странно, но такой прекрасный знаток кавказского материала, как А. А. Иессен, довольно бегло говорит об отношениях скифов с населением Кавказа. Автор, конечно, говорит о точке зрения Н. Я. Марра, упоминает и об изысканиях Б. В. Пиотровского. Совсем не затронут им вопрос о саках. Лишь кратко А. А. Иессен упоминает о кочевниках Средней Азии.

В шестой главе довольно подробно трактуются на основании имеющегося интереснейшего археологического материала сноше-

ния Северного Причерноморья со странами юго-востока в VII—VI вв. до н. э. Можно констатировать наличие в это время широко развернувшихся связей с переднеазиатским миром, начиная с Закавказья и Урарту и вплоть до более далёких южных стран — Вавилонии и Финикии. То, что автор более половины своей книжки уделил вопросам о связях Северного Причерноморья с южными странами до начала греческой колонизации и большое внимание обратил на юго-восток, вполне оправдано и обосновано. Как раз в этой области в нашей научной, специальной и общей литературе существует немало пробелов. А. А. Иессен обобщил чрезвычайно ценный материал и пришёл к любопытным выводам, с которыми приходится серьёзно считаться. Если и не все решения поставленных вопросов бесспорны, то важно, что они поставлены и мотивированы.

Главы седьмая — одиннадцатая посвящены непосредственно истории греческой колонизации Северного Причерноморья. Опираясь обильными археологическими данными и тщательно их анализируя, А. А. Иессен устанавливает определённую периодизацию развития греческой колонизации. Он отмечает спорность вопроса о доионийской «карийской» колонизации на Чёрном море и устанавливает следующие основные этапы сношений Северного Причерноморья с греками: случайные, нередко полупиратские посещения Черноморского побережья греческими мореплавателями; период доколониальной торговли и временных факторий; период существования постоянных греческих колоний как чисто торговых центров; существование греческих городов как крупных производственных очагов.

Автор проделал большую работу, подвергнув внимательному пересмотру имеющиеся материалы, детально разобравшись в важных хронологических датировках археологических памятников, уточнив место находок импортных вещей и пути их проникновения и распространения. А. А. Иессен придаёт значение вопросу о доколониальной торговле, которая характеризует сношения Северного Причерноморья с греками в VII в. до нашей эры. Эта доколониальная торговля не сопровождалась ещё созданием постоянных греческих поселений, за единственным исключением поселения на острове Березани, основанного в VII в. до н. э. Возникновение постоянных греческих поселений относится к VI в., широкое же распространение греческих колоний на Черноморское побережье падает на конец V — начало IV в. до н. э. Автор затрагивает очень важный вопрос о выборе места постоянных греческих поселений и возможности использования уже существовавших местных центров.

Подробно останавливается автор на импорте греческих изделий в причерноморские степи и установлении мест концентрации находок. Проследивая взаимоотношения греков с местным населением, А. А. Иессен указывает, «что районы, отстававшие в своём развитии от общего уровня «скифских» племён, в последнюю очередь привлекают к себе внимание греков. Следовательно, не непосредственно географическое их положение, а достигнутый уровень культурного

¹ Юшков С. «История государства и права СССР», ч. I, стр. 24. М. 1947.

развития местного населения, возможность установления с ним регулярных торговых сношений определяли время основания постоянных греческих колоний. Используя современный термин, мы бы сказали, «что экономическая, а не физическая география Причерноморья в развитии этого процесса играла главную роль» (стр. 81). Любопытнейший вопрос о превращении торговых колоний в производственные центры лишь кратко затронут в главе одиннадцатой. Автор совершенно справедливо отмечает крайне слабую изученность местных изделий, их хронологических датировок, их приурочения к тому или иному производственному центру.

Небольшая работа А. А. Иессена насыщена богатым содержанием. Автор остро и интересно поставил целый ряд важнейших вопросов древней истории Северного Причерноморья. С большой тщательностью и добросовестностью изучен им обширнейший и нередко весьма сложный материал. А. А. Иессеном составлены четыре полезные и нужные карты, наглядно иллюстрирующие основные этапы сношений Северного Причерноморья с южными странами. Однако автор сам указывает, что ряд затронутых им вопросов является спорным и не получившим окончательного разрешения. Не всегда можно согласиться и с теми толкованиями, которые он даёт интерпретируемым источникам. Следует сделать и некоторые другие замечания. Говоря о населении Северного Причерноморья, о племенах, о межплеменных отношениях, автор совсем оставляет в стороне вопросы об этнической принадлежности того или другого племени. Историче-

ская этнография, или, вернее, этническая география, у него опущена. Мы уже отмечали, да и сам автор говорит об этом, что вопрос о киммерийцах он не разбирает. Точно так же очень суммарны его высказывания о скифах. О синдах и мэотах он даже не упоминает. «Повезло» только таврам, о которых рассказывается в связи с основанием Херсонеса. Другое наше замечание касается вопроса о внешних связях населения Северного Причерноморья. Автор поставил своей задачей изучение южных связей — это является его основной темой. Но всё же следовало хотя бы вкратце сказать о связях с Севером, с Сибирью, которые играли немалую роль для племенного населения Северного Причерноморья. Совсем не учтены связи с народами Средней Азии, которые также имели место с древних времён. Нам представляется, что автор не всегда справедлив в оценке взглядов критикуемых им исследователей. Так, например, Б. В. Фармаковский в последние годы своей научной деятельности придавал очень большое значение изучению местного материала и вопросу о взаимовлияниях местной и греческой культур.

Можно поставить автору и ряд других спорных и недоуменных вопросов, но это ничуть не умаляет общего значения его ценной и нужной работы. Следует поставить в заслугу А. А. Иессену, что он своевременно и в таком широком масштабе подверг в своей книге критическому пересмотру серьёзные и требующие разрешения проблемы древнейшего прошлого нашего Юга.

И. Бороздин

Е. СИЛИН. *Кяхта в XVIII веке. Из истории русско-китайской торговли.* Огиз. Иркутское областное издательство. 1947. 204 стр.

Советская историческая и географическая наука уделяет большое внимание деятельности русских людей и роли России на Тихом океане. По этому вопросу издано, особенно за последнее время, большое количество научных и популярных книг. Упомянем хотя бы работы акад. А. С. Берга об открытии Камчатки, чл.-корр. Академии наук А. В. Ефимова о русских экспедициях на Тихом океане, проф. Окунь о Российско-американской компании; переизданы работы Невельского, книги о путешествиях Литке, Коцебу, Пржевальского в Уссурийский край и др.

Однако некоторым отдельным вопросам из прошлого России и её взаимоотношений со странами Тихого океана советская историческая наука ещё не уделила достаточного внимания. К таким вопросам относятся, в частности, русско-китайские экономические связи XVII—XIX веков. Эта интересная страница из истории СССР, насколько нам известно, получила в наше время лишь частичное освещение в одной небольшой монографии¹, помимо ряда журнальных ста-

тей. К этому следует прибавить, что в изданных у нас о Китае больших работах², как правило, отсутствуют специальные разделы, посвящённые взаимоотношениям Китая с Советским Союзом в прошлом и настоящем. Между тем такие разделы совершенно правомерны и необходимы в советской книге о Китае, и советский читатель прочёл бы эти страницы с огромным интересом.

Небольшая книга Е. П. Силина «Кяхта в XVIII веке» до известной степени восполняет этот пробел. Поэтому следует всячески приветствовать инициативу автора рецензируемой книги и Иркутского областного издательства в составлении и издании работы, посвящённой русско-китайской торговле и её главному центру — Кяхте. Можно пожалеть, однако, что автор несколько искусственно ограничил своё изложение одним

не XVIII века». Киев, 1929, см. также его работу «Русско-китайские сношения в XVI—XVIII вв.», Харьков, 1929, где много внимания уделено экономическим связям.

² «Китай». Изд. Академии наук СССР, 1940; Масленников В. «Китай». 1946.

¹ Курц Б. «Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой полови-

только XVIII в., лишь вкратце затронув последующий период, хотя конец XVIII в. не является рубежом в истории торговли России и Китая.

В своём предисловии Е. П. Силин объясняет, что он остановился на XVIII в., как на периоде, менее освещённом в литературе, чем история Кяхты в XIX в., в период её расцвета, привлекавшая большее внимание русских исследователей. Вряд ли можно согласиться с такой трактовкой вопроса, тем более что эта аргументация ослабляется последующими словами автора: «Настоящая работа является составной частью большой задуманной работы — представить полностью историю Кяхты в несколько новом освещении» (стр. 4).

Таким образом, мы вправе рассматривать рецензируемую книгу как первую часть полной истории Кяхты и рассчитывать, что автор и издательство в близком будущем завершат своё полезное и интересное начинание.

Рецензируемая книга основана на большом документальном и литературном материале, преимущественно русском, использованы также неспубликованные документы Государственного архива Иркутской области. В книге, помимо предисловия, о котором уже говорилось, и введения, кратко излагающего русско-китайские отношения до начала XVIII столетия, семь глав.

В первой главе автор подробно останавливается на посольстве С. В. Рагузинского и заключении кяхтинского трактата. Весьма высоко оценивая способности и деятельность Рагузинского, автор называет его «выдающимся дипломатом XVIII в.» (стр. 24). В этой главе, как и в последующих, Е. П. Силин часто выходит за рамки истории Кяхтинской слободы и даже истории русско-китайской торговли, затрагивая в той или иной мере и другие вопросы русско-китайских отношений (пограничные конфликты, переговоры о соглашениях и т. д.), делая это с большим знанием дела. Всё это, конечно, повышает ценность работы.

Трудно, однако, согласиться с одним утверждением автора в той же первой главе, касающимся кяхтинского трактата. Е. П. Силин пишет, что в этом трактате «впервые был выражен принцип экстерриториальности русских подданных, проживающих в Китае» (стр. 36). Если с формальной стороны это толкование может в известной степени иметь некоторое основание, то, по существу, экстерриториальность в Китае является порождением первого неравноправного договора между Англией и Китаем 1842—1843 гг., русские же договоры с Китаем до 1859 г. были полностью равноправны. Автору надо было это оговорить и «приоритет» в установлении экстерриториальности в Китае отдать не России, а Англии.

Вторая и третья главы — «Кяхта в первой половине XVIII века» и «Кяхта во второй половине XVIII века» — посвящены непосредственно истории русско-китайской торговли и её характерным особенностям. Обе эти главы в целом полностью охватывают всю историю российско-китайской торговли, включая государственную караванную тор-

говлю в XVIII в., хорошо показывают её рост (особенно во второй половине столетия), несмотря на те препятствия, которые ставило этой торговле китайское правительство, не раз под разными предлогами прерывавшее торговлю на несколько лет. Обе главы изобилуют богатым конкретным материалом.

Занимательно, живо написана глава четвертая — «Китайский город Маймачен». Маймачен строился одновременно с Кяхтой; он расположен на монгольской территории, близ русской границы, здесь жило китайское купечество, торговавшее с Кяхтой. Автор, основываясь главным образом на работах известных русских и иностранных учёных и путешественников того времени (Паллас, Гюрги, Гмелин и др.), часто и обильно их цитируя, описывает самый город, жилища китайцев, быт, обычаи торгового праздника, систему управления и т. д. Автору не удалось, правда, подвинуть вперёд наши далеко не достаточные знания о тех слоях китайского купечества, которые были связаны с Маймаченом, о тех районах Китая, которые были наиболее заинтересованы в торговле с Россией, и о том, откуда шли китайские товары в Маймачен и куда отсюда направлялись русская пушнина, кожа, сукно и т. д. Но обо всём этом я скажу несколько ниже, когда подойду к вопросу о том, как вообще освещён Китай в рецензируемой книге.

Несколько менее удовлетворительна, с моей точки зрения, глава пятая — «О предметах кяхтинского торгового». Содержание этой и отчасти предыдущей главы заставляет предполагать, что Е. П. Силин, несомненно обладающий эрудицией в трактуемом им вопросе, всё же ещё не полностью овладел своей темой. Иногда в силу этого он фиксирует своё внимание на второстепенных деталях, недостаточно отчётливо представляя, в чём должно заключаться главное направление его исследования и изложения. Сама по себе глава «О предметах кяхтинской торговли» — глава нужная. Надо показать читателю, чем торговали в Кяхте (хотя об этом кое-что говорится в предыдущих главах), как менялся ассортимент товаров русского вывоза (отпуска) и ввоза. Основным предметом русского вывоза в Китай (75—80%) в XVIII столетии была пушнина (мягкая рухлядь). В этой торговле с Китаем русские были пионерами и долгое время единственными поставщиками мехов в Китай. По стопам русских пошли потом англичане, а затем американцы, кстати сказать, добывая пушнину для Китая главным образом путём нелегальной контрабандной торговли в русских же владениях в Америке. В анализе, освещении этих положений, как мне кажется, должна была заключаться одна из основных задач Е. П. Силина. Автор уделяет пушнине большое внимание. Почти половина главы заполнена описанием тех видов пушнины, которые Россия вывозила в Китай (белка, горностай, соболь и т. д.). Здесь подробнейшим образом перечисляется, где, в каких районах Сибири водился тот или иной пушной зверь, какая белка считалась лучшей, какая хорошей, какая плохой, сколько каждая шкурка стоила. Всё это, конечно, сведения ценные, но их без ущерба для изложения можно было бы отнести в примечания

или приложения, тем более, что эти сведения легко найти во многих старых русских работах (Трусевич, Корсак, Чулков и др.). Автор приводит эти данные только в виде иллюстрации, не делая из подобного рода сведений никаких выводов или делая не всегда обоснованные выводы и не давая возможности читателю сделать из этого в общем случайного материала свои выводы. Вот пример такого описания: «По данным Палласа, цены на мерлушку и овчины на кяхтинском рынке были следующие: чёрная мерлушка стоила от 30 коп. до 1 р. 10 коп. шкурка; бурая, серая и белая — от 20 до 60 коп., пёстрые и белые простые ягнячьи шкурки — от 20 до 58 коп., долгошёрстные ягнячьи шкурки — от 30 коп. до 1 рубля, большие простые белые и чёрные овчины — от 25 до 80 коп. штука и козьи шкуры — от 12 до 40 коп.» (стр. 129). Какие выводы может сделать читатель из такого рода материала, в котором нет сопоставления с предшествующими и последующими годами (движение цен), когда читателю не разъяснена покупная способность русского рубля того времени, когда читатель ещё может оказаться не специалистом по пушнине.

Наряду с этим вопросы, представляющие, несомненно, большой интерес, рисующие роль и значение русской Кяхты как главного центра торговли пушминой, отмечены в книге лишь вскользь, и автор не ушёл в этом отношении дальше работ XIX в. — Корсака, Трусевича и других, которые довольно обстоятельно и подробно писали о Кяхте. Автор пишет (стр. 127), ссылаясь на сведения Корсака, что при нехватке камчатских бобров в России сюда завозились через Финский залив американские и канадские бобры в количестве нескольких десятков тысяч штук в год; через всю Россию и Сибирь эта пушнина шла опять-таки в Кяхту. Но автор даже не затрагивает вопроса, почему американцы и англичане не везли эти меха прямо в Кяхту, где они, конкурируя с русскими в Кяхте, также пытались поставить торговлю мехами; какие преимущества имела Кяхта перед Кантоном, что, несмотря на огромные расстояния доставки в Кяхту, сюда шли не только русские, что понятно, но и иностранные меха. Вместо того чтобы показать, подчеркнуть и обосновать это выдающееся значение России, русских, Кяхты в ввозе в Китай мехов — кстати напомним, единственного массового товара, импортировавшегося тогда в Китай, — автор уделяет большее внимание сортам, ценам белки, дикой кошки, мерлушки и т. п.

Последние две главы книги: «Сибирь и кяхтинская торговля» и «Значение кяхтинской торговли» — по своему содержанию существенно отличаются от всех предшествующих. В этих последних главах автор обосновывает свою точку зрения на значение кяхтинской торговли для экономического развития Сибири и роль этой торговли для России и Китая. Таким образом, эти главы в отличие от предыдущих по преимуществу проблемные. Мы имеем основание предполагать, хотя автор этого не говорит, что именно в этих главах Е. П. Силин подходит к формулировке того своего «несколько нового освещения» кяхтинской торговли, о котором он пишет в предисловии.

Как формулирует свои взгляды Е. П. Силин? По отношению к Сибири они, пожалуй, наиболее чётко выражены в следующем абзаце, с которого открывается глава шестая: «Кяхтинская торговля, занимавшая видное место в русской торговле вообще, особенно важную роль играла для Сибири, являясь фактором, способствовавшим развитию её хозяйственной жизни. Много пушнины и большая часть кож шли из Сибири в Китай. Такие товары китайского ввоза, как китайка, дабы, шёлковые ткани и чай, в значительной мере расходились среди сибиряков. Сахар, табак, дешёвая посуда и всякая другая мелочь почти целиком оставались в Сибири. Кяхтинский торг привлекал довольно большое количество придорожного населения к обслуживанию этой торговли перевозками товаров. Он способствовал развитию некоторых отраслей сибирской промышленности, расширению торговых связей с народами Средней Азии и, наконец, обогащению сибирских купцов, увеличивая их оборотные средства для торговли внутри края» (стр. 154).

Автор подробнейшим образом прослеживает влияние кяхтинского торгового центра на оживление хозяйственной жизни сибирских городов, прежде всего Иркутска, купцы которого были наиболее активным элементом в Кяхте, затем на ряд других городов, как-то: Верхнеудинск, Енисейск, Якутск, Томск, Тобольск. Автор показывает, как китайские товары проникали в далёкие окраины Сибири, за Якутск и вплоть до Камчатки, иллюстрируя последнее цифрами из классического труда о Камчатке Крашенинникова и приводя таблицу цен на китайские товары на Камчатке (стр. 168). В самом Иркутске и его окрестностях, по словам автора, «потребность на китайские изделия была чуть ли не всеобщей. Словоцов говорит, что здесь «семьи городские и деревенские носили рубашки из фанзы и дабы». У многих купцов мебель, посуда и другие домашние вещи были китайскими. Интересно, что даже некоторые обычаи купцы заимствовали у китайцев». Несколько далее: «Во внутренней обстановке жилищ богатых иркутян чувствовался «китайский вкус», выражавшийся в изобилии китайских украшений: картин, ваз, статуэток. Георги замечает, что в Иркутске почти у каждого дома был огород, в котором обычно сеялись китайские цветы. До 1777 г. иркутяне не употребляли чернил, а писали тушью, привозимой из Китая» (стр. 160).

Подробно описывая речные и сухопутные пути, по которым шла перевозка грузов для Кяхты из Европейской России и Сибири и обратных грузов из Кяхты, автор указывает, что для всего этого требовалось весьма большое количество лоцманов, матросов, рабочих по судостроительству, грузчиков, возчиков и т. д. Иными словами, кяхтинская торговля давала заработки большому количеству трудового населения Сибири. Наконец, вывоз русских кожевенных товаров в Китай «до некоторой степени способствовал развитию в крупных городах Сибири кожевенной промышленности» (стр. 179). В одном Иркутске в конце XVIII в. работало 13 кожевенных заводов. Первая в Сибири Тельминская мануфактура также была создана в связи с Кяхтой, так как её владельцы имели

в виду сбыт сукон в Кигай (стр. 179). «Привоз шёлка из Китая способствовал развитию шёлковых мануфактур не только в России, но и в Сибири» (стр. 181).

В своей последней главе — «Значение кяхтинской торговли» — автор ставит себе задачу — выяснить значение этой торговли для России и Китая. Его оценки несколько осторожнее, когда он говорит о роли китайской торговли для России, чем для Сибири. Китай являлся важнейшим рынком пушнины, взамен пушнины Россия получала «от китайцев многие необходимые для России и особенно для Сибири предметы широкого потребления» (стр. 183). Среди них автор ставит на первое место ввоз китайских бумажных тканей, устанавливая его крупные размеры даже на фоне ввоза тканей из Западной Европы, затем чай, фарфор, табак и т. д. «Торговля с Китаем оказала влияние на развитие некоторых отраслей русской промышленности» (стр. 185). Сюда автор относит шелкоткацкие предприятия, суконную промышленность, кожевенную. Кяхтинская торговля способствовала развитию скотоводства в Сибири. «Торговля с Китаем способствовала развитию торговли России с государствами Западной Европы и Средней Азии» (стр. 186), ибо в Россию из Англии ввозилась проделавшая кругосветное путешествие пушнина для дальнейшего вывоза в Китай, ввозилось для реэкспорта в Китай «до 100 тыс. аршин голландского, английского, прусского, французского и испанского сукна» (стр. 186). Из Средней же Азии ввозилась овчина, мерлушка, кожи опять-таки для частичного реэкспорта в Китай и, наоборот, в Среднюю Азию вывозились из России некоторые китайские товары.

Подробнейшим образом изложив и обосновав важное значение кяхтинской торговли для России, автор уже в самом конце книги констатирует, что не меньшее значение эта торговля имела для Китая. Однако материалами для обоснования этого положения автор явно не располагает. Из 40 с лишним страниц, отведённых автором для двух глав о значении кяхтинской торговли, он отводит менее двух страниц для обоснования значения этой торговли для Китая. И эти две страницы заполнены лишь общими, поверхностными описаниями.

Китаю в работе Е. П. Силина явно не повезло. Конечно, от Е. П. Силина как историка СССР неправильно было бы требовать такого же знания истории Китая, как истории СССР. Но всё же тема «Кяхта», т. е. русско-китайская торговля, обязывает автора иметь достаточно чёткое представление и о Китае. Между тем в приложенной к книге большой библиографии мы встречаем всего пять — шесть книг о Китае, причём выбор даже этого весьма небольшого количества книг нельзя признать удачным. В библиографии, например, нет капитальных трудов по Китаю Иакинфа Бичурина, который посвятил много десятков страниц как раз экономике Китая. Правда, Бичурин, как, к сожалению, почти все другие русские авторы, писавшие после него о Китае, весьма мало внимания уделял Кяхте, однако Е. П. Силин нашёл бы в книгах Бичурина ряд других ценных для него сведений, например, под-

робное описание того, как прочно меха вошли в обиход китайцев³.

Помимо упомянутых пяти — шести книг Е. П. Силина по истории Китая ограничился книгами нескольких известных русских и иностранных учёных и путешественников XVIII в. по Сибири — Палласа, Георги, Гмелина, Беля и др.; некоторые из них посетили отдельные районы Китая. Эти источники, представляющие исключительную ценность для изучения России того времени, несомненно, имеют большое значение и для изучения Китая. Из этих же работ Е. П. Силин заимствовал старинные написания китайских наименований (Канг-хи вместо Кан Си (стр. 21), Кан-Лун вместо Цянь Лун (стр. 80) и т. д., которые иногда с трудом поддаются расшифровке и которые автору следовало бы передать в современной, принятой у нас транскрипции.

На основе этих же источников Е. П. Силин составил живой очерк города Маймачен и вообще использовал их в полной мере, но не всегда достаточно критически. Однако всех материалов, привлечённых Е. П. Силичиным, явно недостаточно, чтобы осветить весьма сложный вопрос о значении кяхтинского торгового для Китая. В Китае в XVIII в., особенно во второй его половине, было всего два пункта, где происходила внешняя торговля с европейцами и американцами в скольконбудь значительных размерах: Кяхта и Кантон. Поэтому выяснение роли и значения кяхтинского торгового для Китая требует прежде всего оценки ввоза через каждый из этих двух пунктов. Однако автор, дав исчерпывающие данные о ввозе и вывозе через Кяхту, ограничился весьма общими и поверхностными рассуждениями о кантонской торговле. Он пишет: «В конце XVII века Китай находился в торговых сношениях с государствами Европы, Средней и Малой Азии. Но на европейскую торговлю, проводимую через Кантон, как уже было сказано (см. стр. 82, где сказано то же, что и в цитируемой фразе и по отношению к XVIII в. — А. Г.), китайское правительство смотрело не совсем благосклонно, так как европейские купцы взамен вывозимых товаров давали Китаю малоценные вещи» (стр. 194).

Трудно согласиться с этим утверждением автора, ибо европейцы и американцы ввозили в Китай в XVIII в. среди прочих товаров меха, сукно, которые ввозились и через Кяхту.

Я не производил специальных подсчётов размеров ввоза через Кантон в XVIII в., такие подсчёты требуют сложной, кропотливой работы по многим иностранным источникам, ибо подробных статистических данных о ввозе в Китай за этот век мне не удалось встретить. Однако отдельные данные о ввозе в Кантон англичанами и американцами во второй половине XVIII в.⁴ позволяют утверждать, что ввоз в Китай через Кан-

³ Бичурин И. «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», стр. 272 и сл. («Одеяние китайцев»). СПб. 1840.

⁴ Sargent «Anglo-Chinese commerce»; Dennet T. «Americans in Eastern Asia»; Morse «The Chronicles of the East Indian Co trading to China», Vol. I—IV.

тон в это время был немногим больше, чем через Кяхту. Если сопоставить это с известными данными, которые приводит и автор, что удельный вес китайских товаров в российском импорте составлял 7—8%, т. е. менее одной десятой всего российского импорта, то, конечно, придётся не столько говорить об экономическом влиянии Китая на Россию, сколько о русском влиянии на Китай.

Но, пожалуй, даже не это самое важное. Автор пишет: «Уже в XVII веке Китай являлся страной с довольно развитой промышленностью в тогдашнем понимании этого слова. Хотя его добывающая и обрабатывающая промышленность и покоилась на несовершенной технике кустарного производства, но тем не менее многие её отрасли достигли большого успеха и давали продукцию, которая могла иметь значение и в торговых сношениях с иностранными государствами. Бель, посетивший Китай в 20-х годах XVIII в., писал, что «китайцы, по признанию всех народов, превосходят всех в механических искусствах, и наипаче в глиняной работе, в крашении, лакировании, в столярном и бумажном деле; бумага их несказанно превосходит употребляемую в Европе» (стр. 193—194).

Автор не даёт наряду с этим общей оценки экономического состояния России в XVII или XVIII в., а настойчиво, на протяжении всей книги проводит мысль, что Китай оказывал влияние на Сибирь и частично на Россию и в развитии некоторых промыслов, и в развитии некоторых отраслей промышленности, и в развитии скотоводства в Сибири, и т. д., вплоть до одежды, жилищ и проч. Я весьма опасаюсь, что по прочтении этой книги у неискущённого читателя может создаться впечатление, вопреки воле автора, что Россия XVIII в. была более отсталой страной, чем Китай, что, как известно, прямо противоположно действительности. Россия по некоторым ведущим отраслям обрабатывающей промышленности, как, например, железодельной, не только не была отсталой, но и значительно превышала западноевропейские страны. Общий уровень экономического и политического развития России XVIII в. был вне всякого сомнения выше Китая.

Е. П. Силину всё это, конечно, известно, и вряд ли он хотел, чтобы у читателя создалось такое неверное представление о России и Китае, однако, повторяем, оно создаётся, потому что не дана развёрнутая общая характеристика развития производительных сил каждой из этих стран, потому что влияние кяхтинской торговли на Сибирь и Россию дано с большой полнотой и не всегда с соблюдением нужных масштабов и потому, наконец, что влияние России, Сибири, кяхтинской торговли на Китай дано общо, суммарно, неубедительно. Такие фразы, как «Кяхтинский торг способствовал оживлению экономической жизни в северном Китае, так же как оживлял экономическую жизнь Сибири», не убеждают читателя, поскольку они не подтверждаются конкретным материалом о Китае.

Я полагаю, что основной порок рецензируемой книги возник из-за затаённой, прямо

не высказанной мысли автора внести коррективы к взглядам А. Н. Радищева, изложенным в его известном произведении «Письмо о китайском торге». Как известно, Радищев, не решаясь высказать окончательно своё суждение о кяхтинском торге, в общем склонился скорее к прекращению его.

Е. П. Силин полемизирует с Радищевым очень мягко, очень осторожно, лишь в последней главе своей книги: «Радищев в своём «Письме о китайском торге» говорит, что «китайский торг не к пользе России надлежит относить, но к пользе Сибири». Это утверждение требует уточнения» (стр. 189).

Приводя ряд доводов, Е. П. Силин заключает на той же странице: «Всё это говорит о том, что торговля, производившаяся на Кяхте в конце XVIII века, имела некоторое значение и для центральной части России». На следующей странице: «Радищев считал, что пользу кяхтинской торговли нужно относить не ко всей Сибири, а «почти только лежащей по сю сторону Енисея», т. е. к Восточной Сибири. Это утверждение также требует некоторого уточнения».

Я полагаю, что это стремление полемизировать с Радищевым и послужило основной причиной того, что автор несколько увлёкся значением кяхтинского торга для России и недооценил его значения для Китая.

Для нашей историографии имеются, несомненно, более актуальные вопросы, чем полемика с Радищевым. По моему мнению, основная задача исследования Кяхты должна была заключаться в том, чтобы показать наличие прочных экономических интересов, связывавших СССР и Китай с весьма давних времён, ибо это обстоятельство обычно смазывается или совершенно отрицается в работах западных и восточных буржуазных историков, выдвигающих на первый план лишь морскую торговлю Китая. Нужно показать, что кяхтинская торговля имела большое значение и для России и для Китая, развивалась к обоюдной выгоде обоих государств, что эта торговля велась на абсолютно равноправных условиях и что, несмотря на все препоны, которые китайское правительство ставило этой торговле, Россия ни разу не прибегла к какому способу подрыва народного благосостояния Китая, к которому прибегали Англия, США, Франция.

Инициативу Е. П. Силина в написании полной истории Кяхты следует всячески приветствовать. Изданная книга о Кяхте XVIII столетия обладает, несомненно, большими достоинствами—богатством материала, широким охватом важнейших проблем русско-китайских отношений, интересным и живым изложением. В книге имеются, однако, существенные недостатки в самой постановке проблемы, в освещении вопроса, в недостаточной разработке вопросов, касающихся Китая. Необходимо, чтобы автор закончил работу над историей Кяхты в XIX в., издал вместе с ней и «Кяхту в XVIII в.», переработав её с учётом сделанных замечаний. И тогда Е. П. Силин и Иркутское издательство завершат большое и важное дело.

Последнее замечание — рекомендательно-го характера. К книге приложена библиография в 200 с лишком наименований. Желательно было бы пополнить её советскими работами (например: Курц Б. «Русско-китайские сношения XVI—XVIII вв.», Савван «О взаимоотношениях России с Китаем» и др.). Далее: никто не упрекнул бы автора,

если бы вместо 200 названий в библиографии было 150. Но на читателя производит плохое впечатление, когда каждый том одного и того же произведения одного и того же автора дан под отдельным порядковым номером.

А. Гальперин

Всеобщая история

С. Б. КАН. *Два восстания силезских ткачей. 1793—1844.* Издательство Академии наук СССР. 1948. 473 стр.

Исследование проф. С. Б. Кана «Два восстания силезских ткачей» представляет собой самостоятельный и углублённый анализ некоторых основных данных по экономической и социальной истории Германии в конце XVIII и первой половине XIX столетия, причём фоном работы является развёрнутое повествование о двух восстаниях рабочих ткацкой промышленности в Силезии, одной из промышленных стран Средней Европы.

Книга даёт больше, чем обещает её название. Автор представил сжатый, но очень продуманный и основанный на хорошем знании литературы очерк экономической истории Силезии перед тем моментом, которому посвящена его книга. Автор выпукло и чётливо, как это никогда не делается в буржуазной литературе, отмечает, до какой степени дворянская монархия Гогенцоллернов хотела ещё, пожалуй, временами считаться с интересами флэка и пыталась в этом смысле ограничивать привилегированное положение земельного дворянства, но когда с классовыми выгодами землевладельцев в той или иной степени сталкивались потребности развивающейся промышленности, интересы последней неизменно отступали на задний план. Тут важно отметить не только социально-политическую слабость немецкой буржуазии вообще в XVIII в. — это факт общезвестный. Но для историка очень интересно отметить ещё одну, и притом весьма конкретную, иллюстрацию ошибочности традиционной германской легенды, очень усердно распространявшейся и Леопольдом Ранке, и Дройзенем, и английским панегристом Фридриха II, Карлейлем, и множеством других авторов, — той легенды, которая благополучно дожила до наших времён и в такие вызывающе крикливые, нагло пропагандистские тона окрасила всю псевдонауку гитлеровских «историков». Мы говорим об апологии «фридерицианства», об изображении гогенцоллернской монархии вообще, а правления Фридриха II в частности, как времени, когда всеблагое провидение испослало немецкому народу в одно и то же время мудрых монархов, сумевших «проложить немецким мечом дорогу немецкому плугу на Востоке» и вместе с тем понявших, что необходимо, поощряя торговлю

и промышленность в городах, не забывая, что только классы, «крепкие земле», т. е. «верное дворянство» и подчинённое ему крестьянство, составляют истинный, прочный базис в настоящем и надежду в будущем. Именно на примере Силезии гитлеровские геополитики во главе с Карлом Гаусгофером и поясняли, что означает их формула «Кровь и земля, кровь и почва» (Blut und Boden): «Великий» Фридрих завоевал Силезию мечом и кровью, а завоевав, дал «прусскому плугу» трудиться на отвоёванной у «Востока» почве. «Взгляните на географическую карту! — восклицал журнал «National-sozialistische Monatshefte», — разве не кажется вам Силезия указующим перстом провидения, протянутым к Востоку?»

В книге С. Б. Кана наглядно показано, до какой степени гогенцоллернская монархия и в главном и в частности была связана тесными, совершенно неразрывными узами с землевладельческим дворянством. Традиции территориального хищничества и самой упорной, непримиримой реакции не только продержались несмотря ни на какие «реформы» Штейна и Гарденберга, но их не уничтожили ни революция 1848 г., ни всё позднейшее развитие.

С. Б. Кан останавливается на начале технического переворота в области прядения. Мне приходилось писать историю рабочего движения во Франции, как раз относящегося к тому же хронологическому отрезку времени, какому посвящена книга С. Б. Кана¹. И вот какой вопрос поэтому возник у меня при чтении этой книги. Мне кажется, что в этом труде совсем опущена история рабочего движения в десятилетия, отделяющие восстание 1793 г. от восстания 1844 года. Трудно допустить, что за это полстолетие не было проявлений борьбы рабочих против эксплуатации. Ведь и во французской историографии долгое время совершенно игнорировалось стачечное движение 1815—1831 гг., предшествовавшее лионскому восстанию 1831 года. Между тем последнее, как показали мне документы Национально-

¹ Гарле Е. «Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства» М. 1928.

го архива, было лишь кульминационным пунктом предшествовавшего длительного периода больших и малых стачек, вспыхивавших то там, то сям по всей Франции. И были между ними стачки, очень серьёзные по размерам и характеру, со стрельбой, с казнями. Но их долго не замечали, так как внимание было приковано исключительно к лионскому восстанию. Не было ли чего-нибудь подобного и в Силезии перед затмившим всё и всецело поглотившим внимание исследователя восстанием силезских ткачей в 1844 году? Силезское восстание 1844 г. было грандиозно по своему историческому значению и, может быть, именно поэтому не дало взглянуть в англоязычные явления поменьше и побледнее.

С. Б. Кан даёт нам картину крупнейшего рабочего движения 1793 г. и затем другую картину — гораздо более крупного движения 1844 г., но почти ничего не говорит о рабочем движении в средних десятилетиях. И при этом те немногие данные, которые всё же приведены для этих средних десятилетий, очень наглядно характеризуют вопиющую эксплуатацию труда как взрослых, так и детей. Трудно допустить, что рабочие никак на всё это не реагировали. Теперь, когда советский меч отсек навсегда силезский «перст, указывающий немцам на Восток» и Силезия стала польской провинцией, может быть, местные архивы, сделавшиеся ныне доступными польскому учёному, дадут возможность восполнить этот более чем вероятный пробел. Оба восстания, занимающие автора, описаны и проанализированы очень хорошо, и их описание вставлено в широкую историческую раму. Прекрасно использованы данные о литературных (публицистических и художественных) отголосках восстания. Эти страницы читаются с неослабевающим интересом. На стр. 351 следовало бы отметить наряду с Карлейлем именно тогда же выступившего молодого Дизраэли. При этом надо сделать одно замечание. Нам кажется весьма ошибочной характеристика «Рейнской газеты» и К. Маркса в 1842 году. Редактор «Рейнской газеты» был уже в тот момент революционно настроенным демократом и всегда был чужд настроениям буржуазного либерализма. Это надо непременно подчеркнуть, чтобы исправить вводящую в заблуждение характеристику «Рейнской газеты», редактировавшейся Марксом, как буржуазно-либерального органа.

Читателю хотелось бы также, чтобы автор сопоставил обдуманную и классово целеустремлённую идеализацию мелкого ремесленничества в трудах немецких консервативных историков и экономистов с ранней (исходящей из других побуждений, из других кругов и из другой обстановки) романтической идеализацией французского кюмпаньонажа у Агриколя Пердигье и у начинавшей тогда Жорж Санд. Прочтя (стр. 331) очень интересную цитату из письма молодого Лассалья к отцу, показывающую, что он всё-таки ещё не понял тогда всего значения восстания подмастерьев, мы вспомнили статью буржуазного радикала Людвиг Берне, абсолютно ничего не понявшего в лионском восстании 1831 г. и

в его освободительном значении. И. Лассаль и Берне явно растерялись перед размахом обоих движений.

Автор упоминает о станке Жаккарда. В недавно вышедшем небольшом очень содержательном исследовании Ф. В. Потёмкина о станке Жаккарда² правильно указывается на сравнительно тугое распространение во Франции станка Жаккарда в начале XIX века. Тем интереснее приведённые С. Б. Каном (стр. 213 и др.) показания о том, что в Силезии станком пользовались довольно широко. Вообще исследование С. Б. Кана даёт новые и убедительные доказательства того факта, что, подобно Рейнланду, подобно Саксонии, Силезия была одной из наиболее развитых в смысле промышленного производства стран Средней Европы.

В центре исследования стоит история двух больших восстаний — одно конца XVIII в., другое — середины XIX. Картина дана не только детальная, но и очень живая, причём приведены в большом количестве факты мало известные или и вовсе неизвестные. Подробности, касающиеся усмирения и усмирителей, показывают с исчерпывающей убедительностью, до какой степени мало прогрессировал политический строй и весь государственный быт Пруссии за полвека, отделяющие оба восстания. Те же шпицрутены, плети и палки и в 1793 и в 1844 гг. — уже абсолютно немьслимые в эти годы, например, во Франции (и немьслимые не только в 1793 г., но даже и значительно раньше).

Картина нищеты, грязи, ужасающей смертности, полной медицинской беспомощности рабочего населения в городе и деревне предстаёт перед нами очень отчётливо.

Автор особо останавливается на ухудшении материального положения рабочих при введении и распространении машинного производства и отмечает в связи с появлением машин быстрый рост эксплуатации дешёвого женского и детского труда.

Одним из достоинств книги является обстоятельный анализ публицистики и научной литературы, связанной с рабочим движением 40-х годов XIX столетия в Германии. Отношение немецкой либеральной буржуазии к страданиям и протестам рабочей массы в те годы живо напомнило мне классические по-своему размышления либеральнейшего лорда Брума о том, что если господь бог не противится четырнадцатичасовой работе детей на фабриках, то, значит, этому так и быть должно и незачем государству вмешиваться в свободные, добровольные юридические соглашения этих детей с фабрикантами.

Книга С. Б. Кана, вероятно, вызовет интерес не только у специалистов, но и у широких кругов читателей, интересующихся прошлым рабочего класса и общей историей Германии перед мартовской революцией 1848 года. Это, бесспорно, серьёзный вклад в советскую историографию.

Е. Тарле

² Потёмкин Ф. «Легенда и действительность в истории происхождения и распространения станка Жаккарда». «Труды по новой и новейшей истории». Т. I. Изд. Академии наук СССР. 1948.

«Учёные записки» Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Том. 62. Кафедра новой истории. Редактор Ф. Ф. Головачёв. Ленинград. 1948. 262 стр.

Данный сборник трудов кафедры новой истории Ленинградского государственного педагогического института имени Герцена заслуживает быть отмеченным как показатель широты исследовательских интересов и плодотворности научных усилий сотрудников этой кафедры.

В сборнике помещено девять статей: две — по истории Германии, три — по истории Франции, три — по истории Англии и одна — по истории Первого Интернационала. События, которые рассматриваются в этих статьях, относятся к различным периодам новой истории, начиная с английской революции середины XVII в. и кончая германской революцией 1918 года. Все без исключения статьи написаны на основе разнообразных первоисточников и специальной литературы, содержат большой и в значительной степени новый документальный материал (частично и не изданный), анализируют его с точки зрения марксистско-ленинской методологии. К достоинствам рецензируемого сборника следует отнести и то, что авторы большинства статей подвергают критическому разбору выводы буржуазных исследователей и увязывают анализ исторического прошлого с задачами, которые стоят перед демократическим и антиимпериалистическим лагерем нашего времени.

Основной недостаток сборника — полное отсутствие в нём статей по новейшей истории, по истории послеверсальского периода, по предистории и истории второй мировой войны. Этот пробел, несомненно, свидетельствует о том, что изучение новейшей истории ещё не заняло должного места в работе кафедры.

Сборник открывается статьёй Ф. Ф. Головачёва «Германская социал-демократия и февральская буржуазно-демократическая революция в России». Автор статьи, известный нашей научной общественности своими работами по истории политической борьбы в Германии в 1917—1918 гг., подробно описывает отклики в Германии на свержение царизма в России и особенно отношение к этому событию социал-демократической партии и «свободных профсоюзов».

Ссылаясь на статьи, опубликованные в марте—апреле 1917 г. в газете «Vorwärts» и в журнале «Die Glocke», на протоколы заседаний рейхстага, на мемуары современников, Ф. Ф. Головачёв доказывает, что социал-демократы большинства (шейдемановцы) намеренно искажали и принижали значение февральской революции, замалчивали решающую роль революционной борьбы рабочего класса и крестьянства, изображали падение царизма то как результат «победы прусского фельдфебеля», то как «дело рук Англии» (стр. 8—9). Такое «толкование» русских событий было, как справедливо замечает автор, «вполне сознательным политическим маневром социал-шовинистов», направленным на то,

чтобы опорочить революцию в России и предохранить от революции Германию. В своей оценке русской революции немецкие социал-патриоты исходили фактически из интересов германского империализма, представители которого определённо рассчитывали на то, что революция приведёт к выходу России из войны и облегчит Германии победу над Антантой. Вместе с тем, подчёркивает Ф. Ф. Головачёв, февральская революция сильно напугала правящие круги Германской империи. Участь Николая II побудила Вильгельма II выступить с обещанием отмены трёхклассной избирательной реформы и введения всеобщего избирательного права в Пруссии. Шейдемановцы, которые и после февральской революции оставались монархистами и, раболепствуя перед кайзером, заявляли, что «германская социальная монархия обеспечивает права демократии», всячески торопили правительство с проведением демократических преобразований (стр. 12—13); иначе, утверждал «Vorwärts», продолжение войны Германией против России будет совершенно непонятно массам, поскольку отпал ведущий лозунг социал-демократии — «Оборонительная война против царизма» (лозунг, затушёвывавший сущность войны, империалистической с обеих сторон).

Особое место отводит Ф. Ф. Головачёв рассмотрению отношения к февральской революции центристской группы Гаазе—Ледебура и революционной группы Люксембург—Либкнехта. У группы Гаазе—Ледебура и в её прессе «не было утверждений об «английском происхождении» русской революции, об «освободительной роли прусского оружия, свалившего царизм», и открытых стремлений к сепаратному миру с новой Россией в военных интересах Германии» (стр. 14). В этом состояло отличие позиции центристов от позиции социал-шовинистов. Но в главном и основном центристы сходились с шейдемановцами, отрицательно относясь к перенесению в Германию революционных методов борьбы народных масс России.

Февральская революция ускорила назревший раскол германской социал-демократии и образование «Независимой социал-демократической партии Германии». История возникновения этой партии до сих пор в нашей литературе почти не освещалась. На основании протоколов учредительного съезда партии, состоявшегося в Готе 6—7 апреля 1917 г., автор рецензируемой статьи восполняет этот пробел. Отмечая, что новая партия возникла на основе компромисса между центристами и спартак-овцами, автор подчёркивает вместе с тем, что только спартак-овцы призывали германских рабочих последовать примеру русских рабочих, и приводит следующие слова Фрица Геккерта (впоследствии одного из вождей германской коммунистической партии), сказанные на Готском съезде: «Если красное знамя развевается над Зимним

дворцом в Петербурге, то мы в нём видим символ, под действием которого мы говорим русским пролетариям: мы сделаем в Германии то же самое» (стр. 19—20).

Влияние русской революции на рабочее движение Германии сказалось, как доказывает Ф. Ф. Головачёв, и на массовой политической стачке в апреле 1917 г. и на работе XIII съезда германского союза металлистов в июне того же года. Однако Генеральная комиссия германских профсоюзов, занимавшая такую же сплортунистическую и шовинистическую позицию, как и правое крыло социал-демократической партии, решительно отвергала применение революционных методов в Германии.

Грубо искажал и оппортунистически извращал сущность февральского переворота в России и главный «теоретик» немецкой социал-демократии Каутский, как о том свидетельствуют разобранные Ф. Ф. Головачёвым статьи, опубликованные весной 1917 г. в журнале «Neue Zeit». С другой стороны, как показывает автор, спартаковцы также допускали отдельные ошибки в оценке положения в России после февральской революции: не понимали предательской роли меньшевиков и эсеров, игнорировали крестьянство как союзника пролетариата. Источником всех этих ошибок было влияние люксембургизма.

Помещённая после статьи Ф. Ф. Головачёва большая статья К. Д. Петряева озаглавлена: «К вопросу о советском движении в Германии (ноябрь—декабрь 1918 г.)». Основываясь на мемуарах участников событий, автор доказывает, что руководители германской социал-демократии в дни, предшествовавшие ноябрьской революции 1918 г., всячески старались спасти монархию и предотвратить революцию. За революцию стояла только маленькая группа «Спартак».

Широко используя мемуары, газеты («Vorwärts», «Freiheit», «Rote Fahne») и другие источники, К. Д. Петряев подробно описывает деятельность берлинских советов рабочих и солдатских депутатов и их Исполнительного Комитета, показывает его взаимоотношения с провинциальными советами, с Советом народных уполномоченных и с военным командованием в ноябре и декабре 1918 года. В статье приводится много фактов и документов, свидетельствующих о том, что советы в Германии являлись лишь придатками к старым органам управления; что Исполнительный Комитет не использовал принадлежавшего ему права контроля над действиями правительства; что он попустительствовал реакционным элементам и смотрел сквозь пальцы на формирование белогвардейских отрядов; что он отказался от создания Красной гвардии; что он самоустранился от контроля над производством, не решился наложить руку на банки.

Полное бессилие Исполнительного Комитета ясно обнаружилось, например, в «деле Зольфа». Этот министр иностранных дел при поддержке Эрцбергера, а также Каутского и Давида, являвшихся уполномо-

ченных в министерстве, старался не допустить опубликования секретных документов, которое могло пролить свет на захватническую политику бывшего кайзеровского правительства. «Когда один из членов ИК, Пааше, попытался реквизировать два пришедших из Бельгии вагона, где находились важные документы, разоблачавшие грабительскую политику Германии в оккупированных областях, министерство подняло такой шум, что ИК поспешил объявить о своём невмешательстве. Однако деятельность Зольфа была настолько вызывающей, что даже «Фоссише цейтунг» считала его поведение весьма опасным, а «Форвертс» опубликовал сообщение своего корреспондента из Женевы, в котором сообщалось, что французская пресса не без оснований считала оставление Зольфа на своём посту показателем того, что революция является не чем иным, как «разыгранной комедией». Поэтому ИК несколько раз просил СНУ сменить Зольфа, Давида и Эрцбергера. Он получил решительный отказ правительства, усмотревшего в таких просьбах вмешательство в его исполнительную власть» (стр. 60).

Исполнительный Комитет отрицательно относился к инициативе отдельных рабочих советов, пытавшихся осуществить контроль на производстве. «Так, когда на фабрике Пиханек в Берлине уполномоченный рабочего совета, Фишер, отстранил предпринимателя от руководства фабрикой, заменил некоторых административных лиц рабочими от станка, распорядился передать в руки совета фабричную кассу, то предприниматель пожаловался в ИК. Последний немедленно исключил Фишера из членов совета и восстановил предпринимателя во владении фабрикой. Благодарный фабрикант обещал при всяком конфликте обращаться за помощью в ИК» (стр. 68).

Причины такого капитулянтского поведения берлинского Исполнительного Комитета К. Д. Петряев справедливо усматривает в том, что руководившие Исполнительным Комитетом независимые социал-демократы и социал-демократы большинства выступали против превращения советов в органы государственной власти и отстаивали сохранение буржуазного парламентаризма. С другой стороны, спартаковцы не сумели использовать поучительный опыт большевистской партии, учесть, что большевики завсёвали советы в неустанной борьбе за высвобождение масс из-под влияния меньшевиков и эсеров. В противоположность этому спартаковцы отказывались от участия в советах и тем самым изолировали себя от масс. В конечном счёте, слабость германской революции 1918 г. объясняется тем, что в отличие от России в Германии не существовало тогда массовой революционно-марксистской партии, партии нового типа. Германские советы 1918 г. «являлись послушным орудием буржуазного парламента, ибо в Советах господствовали социал-демократы, соглашатели вроде русских меньшевиков»¹.

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 221. М. 1946.

Хотя со времени событий, о которых идёт речь в статьях Ф. Ф. Головачёва и К. Д. Петряева, прошло 30 лет, многие проблемы, рассматриваемые в них, сохраняют своё актуальное значение и в настоящее время. Правые социал-демократы нынешней Германии (шумахеровцы), являющиеся орудием внутренней и международной реакции, продолжают в новой исторической обстановке ту предательскую политику, которой навеки запятнали себя немецкие социал-шовинисты (шейдемановцы) в период первой мировой войны и ноябрьской революции 1918 года.

Актуально звучат и статьи сборника, относящиеся к истории Франции. С интересом читается статья М. Я. Домнича «Римский папа и революция во Франции в период 1789—1791 гг.» (глава из кандидатской диссертации на тему «Контрреволюционная деятельность духовенства в период Учредительного собрания 1789—1791 гг.»). Статья рисует ожесточённую борьбу, которую Пий VI вёл против французской буржуазной революции в защиту привилегий римской курии и привилегий французского духовенства, затронутых декретами Учредительного собрания. В статье использованы мемуары, газеты, брошюры и другие источники (среди них коллекция памфлетов, хранящихся в библиотеке Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР).

Автор удачно критикует Альбера Матьеа и других французских буржуазных историков, которые явно переоценивали «роль и значение личных мотивов и особенностей главных действующих лиц этой драмы — Пия VI, де Берни, Людовика XVI и др., — забывая то самое, важное, что поведение всех их, в том числе и всего епископата, определялось в первую очередь их общей принадлежностью к классу феодалов, погибающему под ударами революции» (стр. 96).

Недостатком статьи является перегруженность её длинными цитатами (часть из них даётся без перевода). Однако некоторые цитируемые М. Я. Домничем документы так выразительны, что пересказ их лишь ослабил бы впечатление. Вот, например, что писала газета «Курьер 83 департаментов» 3 мая 1791 г., предлагая предать сожжению манекен, изображающий Пия VI и его послание (бреве), призывавшее всех служителей церкви отказаться от присяги, предписанной Национальным собранием: «Пусть это полезное сожжение послужит им наглядным уроком того, что Франция XVIII в. не желает более быть рабой ультрамонтанского деспотизма, что она навсегда сорвала с глаз повязку предрасудков и что, сохраняя глубочайшее уважение к католической религии... она может без зазрения совести предать пламени изображение дерзкого муфтия, именующего себя наместником бога мира и точащего кинжалы, которыми он готовился разорвать на части нашу родину, чьё возрождение он воспринимает с ужасом, ибо основой его могущества являются злоупотребление и суеверия» (стр. 107). Как актуально звучат

эти гневные обличительные строки в настоящее время, когда силы демократии во всём мире разоблачают преступления палачества, этой агентуры американского империализма!

Республиканское восстание в Париже 5—6 июня 1832 г., одно из самых славных событий в истории революционного движения в XIX в. во Франции, послужило темой кандидатской диссертации И. С. Киссельгофа, защита которой состоялась в 1941 году. Статья, напечатанная в рецензируемом сборнике, представляет собой сокращённое изложение одной из глав этой диссертации. На основе тщательного изучения многочисленных источников — газет, брошюр, мемуаров — автору удалось дать первое в нашей литературе подробное описание этого знаменитого восстания, нарисовать яркую картину героической борьбы кучки рабочих и студентов против войск буржуазной монархии. Новым в этом восстании было то, что в нём наряду с трёхцветным знаменем впервые было развёрнуто красное знамя.

Причины поражения этого первого вооружённого выступления республиканцев против июльской монархии заключались, как правильно указывает И. С. Киссельгоф, в отсутствии у восставших организованного руководства и достаточной связи с массами. Нельзя не согласиться и с другим выводом автора — о том, что июньское восстание 1832 г. было шагом вперёд в сравнении с июльской революцией 1830 г., что оно покончило с иллюзиями, которые ещё владели частью республиканцев в их отношении к Луи Филиппу, и явилось поворотным пунктом в истории республиканского движения 30-х и 40-х годов XIX века. «Любовь к родине, пламенная борьба за свободу, — справедливо замечает И. С. Киссельгоф, — связывает республиканцев, сражавшихся на баррикадах 1832 года, через 1848 и 1871 годы, с теми истинными патриотами Франции которые, воскрешая революционные традиции своих отцов, вели героическую борьбу на смерть с гитлеровскими захватчиками и их холопами из Виши и сейчас её продолжают против французской реакции, за подлинно демократическую, независимую республику» (стр. 135).

Статья В. К. Добрера «Армия и правительство в первые годы Третьей республики» примыкает к его ранее опубликованным работам по истории Франции того же периода. Исходя из указаний Маркса и Энгельса (особенно из работы Энгельса «Европейские рабочие в 1877 г.») и привлекая французские источники (органы периодической печати и произведения мемуарной литературы), автор приходит к выводу, что одной из существенных причин неудачи монархической реставрации во Франции в 1873 г. было враждебное отношение солдат и большей части офицеров к планам монархистов.

Интересно впервые приводимое автором письмо «крупнейших негоциантов» Парижа (появилось в № 719 органа Гамбетты «République française» за 1873 г.): из этого документа ясно видно, по какой причине широкие круги французской буржуазии вы-

сказывались тогда за сохранение республиканского строя. «Реставрация, если она состоится, — читаем в этом письме, — роковым образом приведёт нас к революции, последствия которой представляются столь ужасными, что мы будем всеми силами стремиться укрепить правительство, существующее в настоящий момент, т. е. республику» (стр. 151). Отдавая республике предпочтение перед монархией, господствующие классы подчинялись давлению широких масс и рассчитывали обезопасить себя от новых революционных волнений. При этом, несомненно, учитывались и уроки Коммуны, одной из причин возникновения которой были опасения рабочих и демократов Парижа за судьбу республиканского строя. К сожалению, В. К. Доберер ничего не говорит об этом важном обстоятельстве. Не отмечает он и другого важного обстоятельства — глубокого разочарования широких слоёв населения и значительной части буржуазии в монархических режимах, которые сменяли друг друга во Франции с 1804 г. по 1870 г., т. е. в течение почти 70 лет. Решающую роль в упрочении республиканского строя с 1871 г. сыграла, как подчёркивал Ленин, «демократия Франции, с рабочим классом во главе»². Приводя эти ленинские слова, В. К. Доберер правильно отмечает и политическую актуальность избранной им темы и полную неспособность буржуазных историков удовлетворительно решить эту проблему.

Небольшая статья А. Е. Хуторецкого, погибшего в Отечественной войне, представляет собой главу из его кандидатской диссертации на тему «Государственный переворот Луи Бонапарта». На основе писем Пальмерстона, мемуаров лорда Мемсбери, комплекта газеты «Таймс» и некоторых других источников автор анализирует отношение правящих кругов и буржуазной печати Англии к перевороту 2 декабря 1851 г. и установлению бонапартистского режима во Франции. Отставка Пальмерстона, поспешившего без ведома королевы и премьера уже 3 декабря (в разговоре с французским послом графом Валевским) одобрить действия Луи Бонапарта, не отменяет того факта, что английское правительство в общем отнеслось к перевороту во Франции так же одобрительно, как и правительства других европейских государств. Характерно и то, что деловые круги Англии приветствовали бонапартистский переворот (это выразилось в значительном повышении курса процентных бумаг на лондонской бирже). Как справедливо указывает автор, враждебность «Таймс», обусловленная страхом перед возможными завоевательными планами Луи Бонапарта, была явлением временным и скоро улеглась.

Статья Г. Р. Левина «Вопрос о всеобщем избирательном праве на Путнейской конференции» представляет главу из подготовляемой автором докторской диссертации на тему «Армия в английской революции XVII в.». В статье подробно рассматривается борьба между левеллерами и индипендентами по вопросу о всеобщем избиратель-

ном праве на заседаниях общеармейского совета в Путни 28 октября — 11 ноября 1647 года. Широко используя известные «бумаги Кларка» и некоторые другие источники, автор приводит интересные выдержки из речей генерала Айртона, полковника Ренборо, агитаторов Сексби и Петти и других ораторов, проливающие яркий свет на классовую сущность политических разногласий между представителями обеих партий. Хорошо показана непоследовательность левеллеров, которые, объявляя себя сторонниками всеобщего избирательного права, исключали из числа избирателей рабочих и слуг. В этом ясно сказывалась, как справедливо отмечает автор (стр. 228), мелкобуржуазная ограниченность программы левеллеров.

Большая работа Е. Я. Люстерник «Из истории захвата Бенгалии англичанами» — одна из лучших статей всего сборника. Захват Бенгалии английской Ост-Индской компанией в середине XVIII в., указывает автор, явился исходным моментом в процессе установления британского колониального владычества в Индии.

Опираясь на опубликованные в разное время документы, на труды Маркса (особенно на его «Хронологические выписки по истории Индии»), на свидетельства очевидцев и участников событий, на работы индийских историков (Аскари, Басу), Е. Я. Люстерник подробно излагает все перипетии борьбы за подчинение Бенгалии английскому господству, которая развернулась в 1756 — 1757 годах.

Подлинной причиной войны было нежелание правителя Бенгалии мириться с безнаказанным хозяйничаньем в ней англичан. Война эта, осложнившаяся междоусобицей среди феодальных князей, которых англичанам удалось подкупить и восстановить против набаба Бенгалии, протекала на фоне англо-французской борьбы за колониальное господство, особенно обострившейся в это время в связи с Семилетней войной (заметим, кстати, что этот фон недостаточно обрисован в статье). В заключение Е. Я. Люстерник даёт картину тех грабежей и вымогательств, которыми лорд Клайв и его сподвижники увенчали захват Бенгалии и фактическое превращение этой богатой провинции в английскую колонию. Вероломные методы и подлые приёмы английских колонизаторов, не останавливавшихся ни перед каким преступлением, выступают в этой статье во всём их отталкивающем свете.

Статья Г. С. Ульмана «Маркс и Энгельс о Нечаеве и нечаевском процессе» последняя в рецензируемом сборнике. Используя как печатные источники, так и неизданные архивные документы, автор описывает студенческое движение 1868—1869 гг. в Петербурге, авантюристскую тактику С. Г. Нечаева, его связи с Бакуниным, процесс нечаевцев в 1871 г. (первый открытый политический процесс в России) и показывает отношение к «нечаевщине» Маркса и Энгельса. Подробно разбирая программу тайного общества «Народная расправа» — пресловутый «Катехизис революционера», составленный Бакуниным и Нечаевым и

² Ленин. Соч., т. XV, стр. 342.

использованный затем царским правительством для дискредитации русского революционного движения, — Г. С. Ульман показывает, какое важное принципиальное значение имела непримиримая борьба Маркса и Энгельса и с бакунизмом и с нечаевщиной; в статье прослеживаются все этапы этой борьбы, начиная с Лондонской конференции I Интернационала (1871) и кончая статьями Энгельса в газете «Фольксштадт» (1874 и 1875).

Резко отрицательно относясь к дезорганизаторской и авантюристской тактике бакунистов и нечаевцев, основоположники научного социализма относились с глубоким уважением и сочувствием к русскому народу и его освободительной борьбе. «Русское движение может перенести спокойно подобного рода разоблачения, — писал Энгельс в ответ на упрёки П. Н. Ткачёва, осуждавшего выступление Маркса и Энгельса против Бакунина (их брошюру «Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих»). — Страна, выдвинувшая двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов, не погибнет от того, что как-то породила такого пройдоху, как Бакунин, и нескольких незрелых студентиков, которые, произнося громкие фразы, пыжятся, как лягушки, и, в конце концов, пожирают друг друга. Ведь и среди молодого поколения русских мы знаем людей выдающегося теоретического и практического дарования и высокой энергии, людей, которые благодаря своему знанию языков превосходят французов и англичан близким знакомством с движением различных стран, а немцев — светской гибкостью. Те русские, которые понимают рабочее движение и сами в нём участвуют, могут усмотреть в том, что их освободили от ответственности за бакунистские мошенничества, лишь услугу, оказанную им»³.

Автор рецензируемой статьи подвергает критике клеветнические утверждения Э. Бернштейна, извращавшего смысл и значение борьбы Маркса и Энгельса против бакунизма (речь идёт о статье Бернштейна «Карл Маркс и русские революционеры», опубликованной в 1908 г. в журнале «Минувшие годы»); критикует он и Франца Меринга, который в своей известной книге о Марксе, по существу, повторяет версию Бернштейна в вопросе об отношении Маркса к Бакунину и Нечаеву. Г. С. Ульман подчёркивает, что «здесь речь идёт о вопросе, приобретающем особо актуальное значение. Речь идёт о марксистско-ленинском отношении к таким приёмам и методам борьбы, которые всегда и везде, какими бы целями они ни

прикрывались, осуждались основоположниками марксизма, а в нашу эпоху победы социализма в СССР стали арсеналом, из которого враги нашего народа черпали свои методы и средства для борьбы против социализма» (стр. 254). Задача, поставленная Г. С. Ульманом в этих словах, решена в его статье вполне правильно.

В заключение отметим интересные соображения автора по поводу использования Ф. М. Достоевским в его романс-памфлете «Бесы» материалов нечаевского процесса: цитируемое в статье письмо Достоевского к М. Н. Каткову от 8 (20) октября 1870 г. не оставляет никакого сомнения в том, что прототипом Петра Верховенского послужил Нечаев.

Рассмотрение статей рецензируемого сборника показывает, что на кафедре новой истории Ленинградского института имени Герцена ведётся серьёзная и разносторонняя исследовательская работа, результаты которой не могут не заинтересовать широкие круги историков соответствующих областей нашей науки. Достоинства сборника явно превышают имеющиеся в нём недостатки. Важнейшие из них отмечены выше. В дополнение к ним следует указать на наличие в книге некоторых недостатков стилистического и редакционного порядка, которым не место в учёных трудах. Совершенно не по-русски звучат такие выражения и обороты, как, например, «трусливый хвостизм» (стр. 24), «теоретический вождь» (стр. 45), «послал альтернативу» (стр. 203), «священность» (стр. 221, 224, 225, вместо «святость»), «наряду с рядом» (стр. 238), «возможность русских событий в Германии» (стр. 12). Впрочем, число таких ляпсусов невелико. Невелико в общем и число неточностей в терминологии или транскрипции, допущенных авторами и не замеченных редактором. Вот некоторые из таких неточностей: князь де Бройль ошибочно назван принцем де Брольи (стр. 95), герцог Омальский именуется в некоторых случаях неправильно принцем, Фрейсине превращён во Фрейсинье (стр. 152—153), герцог де Блэка — в какого-то Блокá (стр. 159), граф д'Агу — в д'Агульта (стр. 96), термин «великий страх», которым буржуазные историки обозначают крестьянские восстания во Франции летом 1789 г., приводится без всяких пояснений и даже не взят в кавычки. В ряде случаев выдержки из иностранных источников даются без перевода (стр. 85, 95, 96, 114).

Следует пожелать руководству кафедры более тщательно редактировать подготавливаемые к печати труды.

А. Молок

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 235.

G. HENDERSON. *Crimean War diplomacy and other historical essays*. Glasgow. 1947.

Г. ГЕНДЕРСОН. *Дипломатия Крымской войны и другие исторические работы*.

В рецензируемой книге, изданной университетом в Глазго, собран ряд работ английского историка д-ра Г. Б. Гендерсона, погибшего в 1945 г. при авиационной катастрофе. Гендерсон был специалистом по дипломатической истории Крымской войны. Почти все вошедшие в сборник статьи посвящены этой теме и в своё время были напечатаны в различных научных журналах Англии, Франции и Германии.

Гендерсон был одним из немногих исследователей, получивших доступ к английским архивным материалам периода Крымской войны; работал он также в архивах Австрии и Германии. Ряд опубликованных им документов представляет несомненный интерес. Однако выводы, сделанные Гендерсоном из его архивных изысканий, ложны и антиисторичны. По его мнению, Крымская война, которой будто бы «не желал никто, кроме турок», «была результатом дипломатического «самотёка» и некомпетентности всех великих держав» (стр. 98). Этот вывод нужен Гендерсону для того, чтобы снять с английских правящих кругов того времени всякую ответственность за возникновение и затяжку Крымской войны.

Желая, видимо, убедить читателя в своей «объективности», Гендерсон одновременно выдаёт индульгенцию и Николаю I. В статье «О переговорах Сеймура» он пишет: «Николай и Нессельроде, с одной стороны, британские министры — с другой, с самого начала стремились к мирному урегулированию восточного вопроса. Взаимное непонимание привело к взаимным обвинениям, и, в конце концов, весь эпизод вылился в патетическое «сползание» к Крымской войне» (стр. 11).

Известно, какую роль сыграло в этом «сползании» провокационное поведение британских министров, умышленно поддерживавших у Николая I представление о возможности договориться с Англией относительно раздела Турции, представление, которое основывалось на захватнических устремлениях английской политики. Несомненно, что переговоры, которые Николай I вёл в Англии в 1844 г., составленный тогда же меморандум Нессельроде и ответ на него Эбердина укрепили царя в этом мнении. Ведь упомянутые документы прямо предусматривали англо-русские переговоры «в случае, если падение Порты покажется неизбежным», т. е. означали принятие британским кабинетом одного из важнейших тезисов Николая I в восточном вопросе — тезиса о предстоящем в близком будущем падении Турции.

Понимая это, Гендерсон с помощью формально-юридической аргументации пытается преуменьшить значение документов 1844 г., представляя их как частное дело Эбердина, в архиве которого (а не в архиве министерства иностранных дел) они, мол, хранились. При этом автор утверждает, что эти документы не были даже доведены до сведения британского кабинета (стр. 3—4). Тут же, однако,

Гендерсон признаёт, что вплоть до Крымской войны документы эти передавались каждым выходящим в отставку министром иностранных дел своему преемнику (стр. 4). Вряд ли министры иностранных дел поступали бы таким образом с документами частного характера. Мы знаем также, что в 1844 г. в переговорах с Николаем участвовал не только Эбердин, но и Пиль и Веллингтон.

Умалая значение документов 1844 г., Гендерсон в то же время стремится доказать, что они «не имели органической связи» с теми переговорами, которые в начале 1853 г. вёл Николай I с британским послом в Петербурге Сеймуром (стр. 4). Между тем эта связь бросается в глаза при сопоставлении беседы, которую имел Николай I с Пилем в 1844 г., с его же беседой с Сеймуром 9 января 1853 года. В 1844 г. Пиль заявил царю об «особой заинтересованности» Англии в Египте, а в 1853 г. царь начал с того, что предложил Англии эту страну¹.

Гендерсон отвергает также признаваемую большинством историков связь между обращением царя к Сеймуру с предложением о разделе Турции и возвращением к власти Эбердина, которого Николай считал сторонником этого раздела и другом России. При этом автор ссылается на извлеченное им из архива Форейн Офис донесение Сеймура, из которого видно, что ещё 29 декабря 1852 г.² Нессельроде в беседе с ним зондировал почву относительно возможности русско-английских переговоров по турецкому вопросу: «Эбердин сформировал правительство 28 декабря 1852 г.; в Санкт-Петербурге это стало известно 6 января 1853 года. Следовательно, когда Николай впервые решился вступить в переговоры с Британией, он не мог знать, что его предложение будет адресовано правительству Эбердина; его мотивом было честное желание предотвратить европейскую войну из-за восточного вопроса, а не вера в то, что его старого друга, Эбердина, можно подкупить взяткой в виде турецких областей» (стр. 8).

Гендерсон упускает из виду одно немаловажное обстоятельство. 28 декабря 1852 г., когда Нессельроде обратился к Сеймуру, в Петербурге было уже известно о падении торийского кабинета Дерби, происшедшем ещё 17 декабря. Для Николая и Нессельроде не было, конечно, секретом, что кабинет Дерби пал под ударами коалиции вигов и пилитов и что, следовательно, каков бы ни был персональный состав нового английского правительства, пилиты, а значит, и Эбердин, будут играть в нём весьма важную роль. В пилитах же после своих переговоров 1844 г. Николай I был совершенно уверен.

¹ Изложение этих бесед см. в книге акад. Тарле Е. «Крымская война». Т. I, стр. 93, 137. М.-Л. 1941.

² Все даты даны по новому стилю.

Известно, что предложение царя с самого начала встретило в Лондоне враждебный приём, хотя правящие круги Англии в провокационных целях скрывали свои истинные намерения и толкали Николая I на обострение конфликта с Турцией³. Гендерсон же утверждает, что в результате переговоров царя с Сеймуром «в отношениях между Россией и Англией наступил период сердечного согласия» (которое, мол, опять-таки основывалось на недоразумении и взаимном непонимании) и что этот «дипломатический мыльный пузырь» лопнул только в июле 1853 г., в связи с русской оккупацией дунайских княжеств (стр. 8, 10).

По мнению Гендерсона, нет доказательств того, что даже Пальмерстон желал войны в 1853 году. Он заявляет, будто в самом конце этого года Пальмерстон «всё ещё думал, что царь Николай отступит перед угрозами» (стр. 198).

В то же время, основываясь на донесениях Сеймура, Гендерсон правильно указывает, что британский посол в Петербурге с самого начала переговоров 1853 г. занимал антирусскую позицию и «перестал быть послом, пригодным для поддержания сердечных отношений» (стр. 19).

Но если британский кабинет в то время и вплоть до июля 1853 г. находился с русским правительством «в самых дружественных отношениях», как это утверждает Гендерсон (стр. 9), то как мог он терпеть на посту своего посла в Петербурге человека, который отнюдь не скрывал от кабинета своей крайней враждебности к России? Почему руссофоб Сеймур не был отозван из Петербурга в 1853 г., подобно тому, как был отозван в 1837 г. руссофил Дэрем, воззрения которого действительно расходились со взглядами тогдашнего британского правительства? Этим вопросам Гендерсон в своих работах, разумеется, не ставит.

Не замечает он и того, что изложенный им на стр. 22 меморандум Пальмерстона от 19 марта 1854 г. полностью противоречит его вымыслу о «миролюбии» этого поджигателя войны, которое якобы сказывалось ещё в конце 1853 года. Этот меморандум наряду с расчленением России предусматривал также основательную перекройку карты остальной части Европы, урегулирование итальянской проблемы и т. д. Ясно, что меморандум, который Пальмерстон называл своим «прекрасным идеалом», вынашивался не один год. С другой стороны, и школьнику понятно, что осуществление поставленных в нём целей могло быть достигнуто лишь путём военного разгрома России.

На стр. 141 Гендерсон заявляет, что «во время войны у правящих классов (Англии. — В. Г.) было ощущение тяжёлой ответственности, даже почти вины», и что «ощущение это, которое не разделялось общественностью в целом, сказывалось потом на протяжении целого поколения и даже дольше». Ка-

залось бы, при таком настроении правящие классы должны были стремиться как можно скорее закончить войну, начатую из-за «взаимного непонимания». Известно, однако, что именно правящие круги Англии всемерно затягивали войну. Гендерсон, сам того не желая, приводит немало доказательств этого. Он, например, подробно излагает на основе архивных данных события, последовавшие за срывом венской конференции послов в апреле 1855 года. 17 апреля, на следующий день после отклонения русской делегацией требования об ограничении военно-морских сил России в Чёрном море, Буоль сделал послам Франции и Англии компромиссное предложение. Оно предусматривало замену принципа ограничения военно-морских сил принципом равновесия (стр. 52).

Этот проект был одобрен французским министром иностранных дел Друэном де Люисом, который убедил было и Наполеона III принять его. Затем, однако, Наполеон изменил своё решение и отверг проект Буоля, который мог бы, вероятно, послужить базой для возобновления переговоров между воюющими державами (Гендерсон придаёт проекту ещё большее значение, заявляя, что принятие его позволило бы заключить мир уже в мае 1855 г.) (стр. 142).

Опубликованные в сборнике документы не оставляют сомнения в том, что Наполеон III изменил свою позицию под влиянием британского посла в Париже Коули и своего военного министра, которые выступили единым фронтом против Друэна де Люиса. Признавая этот факт, Гендерсон, однако, утверждает, что влияние Коули, которое, как он пишет, «помешало заключению мира», было «независимым» и что британский кабинет не оказывал на Наполеона давления в данном вопросе (стр. 60, 142, 161). Так, вслед за Сеймуром рассудку вопреки объявляется «независимым» от английского правительства и Коули. К чему сводилась эта «независимость», можно видеть из двух шифрованных телеграмм, тексты которых приводит Гендерсон. «Мы наголову разбили Друэна», — телеграфирует в Лондон Коули 4 мая 1855 года. «Всё в порядке, и мы согласны с императором» (т. е. с Коули. — В. Г.), — отвечает из Лондона Кларендон (стр. 63).

Неплохой иллюстрацией к «миролюбию» британских правящих классов является и опубликованное в сборнике письмо Кларендона от 12 марта 1856 года. «Что бы ни говорил Пальмерстон... мы не могли вести войну одни, ибо против нас обратилась бы вся Европа, а за нею вскоре последовали бы Соединённые Штаты», — пишет британский дипломат (стр. 36).

Только отказ Франции от продолжения военных действий, боязнь международных осложнений заставили правящие круги Англии согласиться на мир с Россией.

Документы, опубликованные Гендерсоном, опровергают его вымыслы о миролюбии английских правителей и разоблачают его как фальсификатора истории.

В. Голант

³ Об этом см., например, у Е. Тарле. Указ. соч., стр. 138, 141.

ХРОНИКА

В Институте истории Академии наук СССР

I. В секторе истории СССР до XIX века

На заседании Учёного совета, на котором были обсуждены тревожные сигналы нашей печати о неблагоприятном положении в Институте истории, была подвергнута серьёзной критике деятельность сектора истории СССР до XIX в. и работы отдельных его сотрудников — В. Веселовского, А. И. Андреева, М. Н. Тихомирова, А. И. Яковлева, С. А. Фейгиной, И. У. Будовница.

Тем большее значение приобрело заседание сектора 21 октября текущего года, посвящённое итогам обсуждения работы Института истории на Учёном совете. Однако это заседание не было должным образом подготовлено. Достаточно сказать, что на заседании отсутствовали как раз те сотрудники, чьи работы встретили осуждение советской научной общественности.

Руководитель сектора чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушин в обширном вступительном слове признал, что сектором допущены серьёзные промахи, приведшие к выпуску в свет порочных работ. Докладчик говорил о необходимости учитывать общественное значение нашей дисциплины, бороться с буржуазным объективизмом, с преклонением перед буржуазной историографией, с некритическим отношением к источникам. С. В. Бахрушин подчеркнул важность предварительного обсуждения трудов, подготовляемых к печати. «Нам нужно,—сказал С. В. Бахрушин,—бдительно следить за выпускаемой литературой».

Докладчик отметил, что коллектив сектора уже приступил к ликвидации создавшегося прорыва: проводится пересмотр всех работ, подготовленных к печати, в том числе II тома сборника «Пётр I»; начато обсуждение ряда важных общих трудов по истории СССР. С. В. Бахрушин указал, далее, что творческая работа сектора должна идти не только по линии критического анализа, но — и это главное — и по линии создания новой, марксистской историографии, которая являлась бы сильнейшим оружием в борьбе против буржуазной историографии.

Однако С. В. Бахрушин не сформулировал чётко своего отношения к материалам заседания и решениям Учёного совета и не сказал с должной полнотой, что же надлежит сделать для улучшения идейно-теоретической и организационной работы в секторе. Выступавшие в прениях товарищи отметили эти недостатки, и в ходе заседания существенные пробелы доклада были восполнены. В прениях приняли участие гг. Устюгов, Кушева, Пашуто, Кафенгауз, Черепнин,

Подъяпольская, Новосельский, Заозерская, Алефиренко, Шунков, Голубцов.

Отмечалось, во-первых, что дискуссия на заседаниях Учёного совета 15 — 18 октября многому научила сотрудников сектора, показала значение борьбы за партийность в науке. Выступавшие подчёркивали, что впредь работа в секторе должна идти на основе дружной коллективной взаимной критики, проверки и помощи.

Во-вторых, был обсуждён вопрос о задачах критики наследства буржуазных школ. С. В. Бахрушин указал на актуальность критики школы Ключевского и работ Лаппо-Данилевского. В этой связи было принято предложение В. И. Шункова обсудить на секторе неправильную, немарксистскую статью А. И. Яковлева о Ключевском, опубликованную им в «Учёных записках» Мордовского института.

О необходимости дать развёрнутую критику буржуазной методологии А. А. Шахматова и идеалистических ошибок М. Д. Приселкова, связанных с переоценкой им роли в истории Руси церковно-политических отношений вообще и русско-византийских отношений в особенности, говорили гг. Пашуто и Черепнин.

Отмечалось, что просмотр трудов, подготовленных сектором к печати, обнаружил, что в защищённых докторских диссертациях, в частности в работах Б. Б. Кафенгауза и Л. В. Черепнина, имелись существенные недочёты: авторы их не делали из своих больших исследований всех должных выводов; они не давали развёрнутых историографических обзоров с критикой буржуазной историографии вопроса и ошибок, имеющих в современной историографии. Об этом говорила П. К. Алефиренко, правильно указавшая С. В. Бахрушину, что его мнение о ненужности историографических введений в докторских диссертациях не выдерживает критики.

Далее, все выступавшие подчёркивали исключительную важность своевременной критики выходящих в свет трудов по истории СССР. Отмечалось, что сектор поступил правильно, посвятив в последнее время ряд заседаний обсуждению периодизации истории СССР, макета «Краткого курса истории Украины», учебника по истории СССР М. Н. Тихомирова и С. С. Дмитриева, учебника по истории СССР А. М. Панкратовой и наметив к обсуждению тезисы по истории Белоруссии, «Курс истории СССР», составленный К. В. Базилевичем и Г. А. Новицким, «Историю Узбекистана», т. II, и др.

Тов. Подъяпольская указала, что сектору нужно подвергнуть просмотру комментарии к VIII тому писем и бумаг Петра I, ибо работа над этим томом шла самотёком. Было предложено заслушать на секторе отчёт редактора тома А. И. Андреева.

Особое внимание обращали выступавшие на задачи сектора в борьбе против западной буржуазной историографии. Выступавшими отмечалась и назревшая необходимость укрепления организационной работы в секторе. Новые задачи в области идейно-теоретической работы сектора требуют соответствующего организационного обеспечения. Распоряжением руководителя сектора должно быть приказом для каждого сотрудника. Пока что этого нет: так, например, никто не ставит вопроса о привлечении к ответственности виновного за срыв срока работ по V тому «Истории СССР» редактора тома А. И. Андреева.

Важнейшим делом сектора является создание многотомной истории СССР, основанной на последних достижениях советской науки, проникнутой методологией марксизма-ленинизма. Но до сих пор этот труд, предусмотренный государственным планом, не стал центральным в деятельности сектора, и некоторые сотрудники, например, гг. Бережков, Заозерская, Насонов, недостаточно включились в эту работу. Создалось положение, когда большая часть статей V тома делается не сотрудниками сектора, а привлечёнными со стороны авторами, которые подчас, как, например, гг. Лебедев, Петрушевский, Вяткин, Мартынов, Новицкий, безответственно относятся к своим обязательствам перед сектором, забывая о важности своевременного издания многотомной истории нашей Родины. Организацию подготовки текущих заседаний сектора следует решительно улучшить с тем, чтобы обсуждение докладов стало настоящей школой овладения марксистско-ленинской методологией для всех сотрудников сектора и особенно для научной молодёжи.

Наконец, коллектив сектора признал важнейшим делом всех сотрудников участие в разработке истории земледелия в СССР, а также истории русской культуры; написание истории земледелия и истории русской культуры включено в число первоочередных работ института.

Заседание сектора истории СССР показало, что коллектив сектора сознаёт значение прошедшей дискуссии и имеет достаточно творческих сил, чтобы на путях большевистской критики и самокритики преодолеть крупные недостатки в своей работе.

II. О работе сектора средних веков

Сектор средних веков на двух заседаниях, 2 и 4 сентября 1948 г., подверг критическому просмотру всю свою работу в связи с сигналами в прессе о наличии серьёзных, принципиальных ошибок в трудах, выпущенных сектором. Общий доклад о работе сектора сделал заведующий сектором средних веков акад. Е. А. Косминский.

Докладчик отметил известные достижения сектора, указав на ряд работ, выпущенных

сектором и получивших положительную оценку со стороны советской общественности. Но в то же время докладчик признал вполне справедливой ту критику, которой подверглись на страницах прессы два сборника, выпущенные сектором: «Средние века», т. II, и «Византийский временник», т. I (26). Основной порок обоих этих выпусков, как указал Е. А. Косминский, состоит в том, что в них не проведено резкой разграничительной линии между советской медиевистикой и медиевистикой буржуазной, как русской дореволюционной, так и современной зарубежной.

В сборнике «Средние века», т. II, в ряде статей, посвящённых Д. М. Петрушевскому, совершенно недостаточно подверглись критике теоретические построения Петрушевского, в частности не было выявлено то влияние, какое оказали на него западноевропейские реакционные социологи в конце его жизни. Е. А. Косминский признал ошибочность и высказанного в передовой статье положения о том, что Д. М. Петрушевский создал школу марксистов-медиевистов. Конечно, советские медиевисты учились марксизму не у Петрушевского, а у Маркса, Энгельса, Плеханова, у Ленина и Сталина. Они учились марксизму и на опыте трёх русских революций и строительства социализма в СССР.

В «Византийском временнике», № 1 (26), некритическое отношение было проявлено авторами и редакцией к выдающемуся представителю дореволюционного буржуазного византиноведения в России — Успенскому. В передовой статье неправильно были указаны цели возобновления «Византийского временника». Здесь были подчеркнуты заслуги старого «Византийского временника» перед «мировым», т. е. буржуазным, византиноведением и вместе с тем ничего не сказано об идейной основе нового «Византийского временника», как органа нового, марксистско-ленинского византиноведения.

Ошибки, обнаруженные в трудах, выпущенных сектором средних веков, говорят об очень серьёзных пороках, имеющих в работе сектора. Коллектив медиевистов в Институте истории АН СССР не стал ещё боевым отрядом в той идеологической борьбе, которая развёртывается в настоящее время между двумя мирами: миром империализма и миром коммунизма. Он не осознал ещё тех боевых задач, которые поставлены перед всеми советскими учёными, перед всей советской интеллигенцией в результате дискуссии по вопросам биологии. Докладчик указал на необходимость перестроить всю работу сектора так, чтобы приблизить медиевистику к задачам сегодняшнего дня. Для этого необходимо вести беспощадную борьбу против проникновения буржуазных влияний в историческую науку. Надо сплотить коллектив сектора на борьбу за большевистскую идейность и принципиальность. Е. А. Косминский наметил в докладе ряд организационных мероприятий, которые должны улучшить работу сектора.

В прениях выступавшие товарищи уделили большое внимание вопросу о том, каково должно быть отношение советских медиеви-

стов к плееде русских буржуазных медиевистов — Виноградову, Савину, Петрушевскому, Лучицкому, Карееву и др.

Некоторые из выступавших указали совершенно конкретно, в каких вопросах советские медиевисты ощущают отрицательное влияние традиций буржуазной школы медиевистов. Б. Ф. Поршнев остановился на выяснении вопроса, почему до сих пор существует такое мнение, что русские историки конца XIX и начала XX в. в своих исторических построениях очень близко подходили к марксизму. Это мнение, полагает Б. Ф. Поршнев, основано на том, что марксистскую теорию путают с экономическим материализмом. Такие медиевисты, как Виноградов, Савин, Петрушевский, Кареев, стояли на позициях экономического материализма, но они были очень далеки от подлинного марксизма в вопросах истории. Б. Ф. Поршнев отметил, что в изучении аграрного вопроса традиция, идущая от буржуазной медиевистики, состоит в том, чтобы рассматривать аграрную историю как историю состояний, а не событий, т. е. изучать её в отрыве от истории классовой борьбы. Восстания крестьян если и привлекали внимание буржуазных медиевистов, то не сами по себе, а как результат длительного эволюционного развития. Наоборот, Энгельс рассматривает крестьянскую войну 1525 г. в Германии и поражение в ней крестьян как такое событие, которое надолго определило весь дальнейший ход германской истории, и экономической, и политической, и идеологической. Среди советских медиевистов традиционный подход к изучению аграрного вопроса проявляется в своих исследованиях В. М. Лавровский. Преодоление этой традиции можно обнаружить в трудах С. И. Архангельского. В книге Е. А. Косминского, который пользуется статистическим методом исследования аграрного вопроса, основное внимание уделено классовой борьбе.

Ещё об одной вредной традиции, полученной советскими медиевистами от буржуазной медиевистской школы, говорил А. С. Самойло. Это — традиционно неправильное представление о Европе как центре средневековой жизни. Мы до сих пор игнорируем средневековый Восток. Феодалная формация у нас изучается только в том виде, как она сложилась в Европе. А восточную феодалную формацию мы не изучаем. От этой традиции, тормозящей развитие медиевистики, нужно поскорей отказаться. Н. А. Сидорова выступила против традиционного взгляда, что медиевисты должны заниматься только изучением экономических проблем. Она предлагала решительно порвать с этой традицией и уделить проблемам феодалной идеологии то место и то внимание, которых они заслуживают.

В защиту традиций дореволюционной медиевистской школы выступил М. А. Барг, который заявил, что, отказавшись от традиций, которыми можно гордиться, советские медиевисты рискуют остаться без роду, без племени. М. А. Барг возражал также против основного положения Б. Ф. Поршнева о том, что при изучении аграрной истории советские медиевисты должны отказаться от

традиции вести это изучение в отрыве от классовой борьбы. М. А. Барг заявил, что классовая борьба, — конечно, хорошая вещь, но историки должны изучать жизнь производительных классов, а не только их борьбу. Выступление М. А. Барга вызвало решительный отпор со стороны ряда товарищей. Ему возражали гг. Старостин, Гутнова, Поршнев и Вебер. Выступавшие указывали, что не к лицу советским медиевистам вести свою родословную от буржуазных учёных: Виноградова, Савина или Петрушевского. Основоположниками советской медиевистики, как и всей исторической науки в СССР, являются творцы нашей теории — Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин. У буржуазных медиевистов мы должны взять лучшее из того, что они создали, и, вооружившись их знаниями и их мастерством, развивать медиевистику дальше на основе марксистско-ленинской методологии, отбрасывая те традиции, которые мешают продвижению вперёд.

Большое внимание в прениях было уделено также вопросу о критике и самокритике в секторе. Отмечалось, что после сигналов в прессе сборник «Средние века» был поставлен на обсуждение на заседании Учёного совета Института истории. Медиевисты на этом заседании не проявили должной активности, они мало помогли Учёному совету в этой критической работе. Когда же обнаружены были ещё более грубые методологические и политические ошибки в «Византийском временнике», группа по изучению истории Византии на специальном заседании пересмотрела выпущенный ею том и подвергла его очень резкой критике. К сожалению, этот урок не был в достаточной степени учтён редакторами. В подготовляемом к печати II томе «Византийского временника» обнаружено немало ошибок того же типа, что были и в I томе. Об этих ошибках говорили гг. Удальцова, Старостин, Россейкин. З. В. Удальцова указала на то, что и во II томе до самого последнего времени сохранялся элемент преклонения перед старым византиноведением. Редколлегия «Византийского временника» ещё раз внимательно пересмотрела все материалы II тома, сняла ошибочные работы и исправила то, что необходимо было исправить.

М. М. Смирин говорил о неблагополучии с двумя томами «Всемирной истории», подготовленными сектором. М. М. Смирин взял на себя труд просмотреть одну из глав XI тома, а именно главу об итальянском Возрождении, написанную проф. Аркиным. Оказалось, что в этой статье не дана классовая характеристика Возрождения. Учтена ли сектором критика сборника «Средние века»? М. М. Смирин считает, что она учтена недостаточно. В подготовляемом томе «Научное наследство Петрушевского» повторены те ошибки, за которые критиковали сборник «Средние века». В вводной статье к этому тому, написанной В. М. Лавровским, снова проявляется некритическое отношение к научному наследию Д. М. Петрушевского. Больше того: автор предисловия, развивая некоторые мысли Д. М. Петрушевского, усугубляет их ошибочность. Так,

Д. М. Петрушевский, говоря о Виклефе и Джоне Болле как о выразителях новых социальных идей, не даёт им классовой характеристики. В. М. Лавровский не отмечает этого пробела и не пытается его восполнить в своём введении. Но он ставит вопрос о корнях лоллардизма и о влиянии лоллардизма. Причём, говоря о корнях, он углубляется в средневековые вплоть до Августина Блаженного, а говоря о влиянии лоллардизма, проследивает его вплоть до таборитов и Томаса Мюнцера. Таким образом, В. М. Лавровский не поправляет Д. М. Петрушевского, а идёт за ним и ещё усугубляет его ошибки, ибо Д. М. Петрушевский всё-таки связывает лоллардизм с той борьбой, которая шла в Англии, а В. М. Лавровский полностью отрывает его от классовой основы, интересуясь только его идейными связями.

Сектором подготовлен III том сборника «Средние века». Тов. Равич в своём выступлении остановилась на одной из статей, подготовленных для III тома. Статья Ю. А. Корхова является, по существу, рецензией на первую главу «Кембриджской экономической истории Европы», вышедшей в 1942 году. Отозваться на этот том давно было прямой обязанностью сектора средних веков. Но как выполнил Ю. А. Корхов эту задачу? Приведя целый ряд возражений против буржуазной концепции автора главы—проф. Кебнера,—тов. Корхов всё время как бы извиняется за свои возражения. Так, он правильно отмечает, что проф. Кебнер уделяет непропорционально мало места истории кельтов и славян. Но, вместо того чтобы разоблачить империалистическую сущность такой трактовки раннего средневековья, тов. Корхов говорит о «недооценке» автором роли кельтов и славян. В этой статье много профессорского субъективизма, но нет гнева против фальсификаторов истории.

Большое внимание уделили докладчик и выступавшие в прениях товарищи подготовляемому сектором к печати тому об английской революции. Е. А. Косминский признал, что руководство сектора затянуло сроки выполнения этой чрезвычайно ответственной работы. По истории английской революции советскими историками сделано немало. Мы могли бы выпустить к 1949 г. чрезвычайно ценную и интересную книгу, если бы вовремя по-боевому взялись за эту задачу. Отчёт о редакторской работе над этим томом, сделанный тут же заместителем редактора тома В. М. Лавровским, вызвал общее недоумение: из этого отчёта вытекало, что большая часть глав этого коллективного труда одобрена редакцией, но... нуждается в переработке. В числе одобренных редакцией глав В. М. Лавровский назвал и написанные им вводные главы по историографии английской революции. Однако выступивший затем тов. Вебер напомнил, что как раз эти главы подверглись жестокой критике и на заседаниях группы по истории английской революции и на заседаниях сектора. Нужно было ожидать, что В. М. Лавровский учтёт эту критику и исправит указанные ему ошибки. Однако этого не случилось. В. М. Лавровский остался глух к голосу критики и

представил свои главы в том неудовлетворительном виде, в каком они фигурировали на обсуждении.

Как должна быть перестроена работа сектора, чтобы изжить недостатки в работах медиевистов и преодолеть их отставание в теоретической области? Докладчиком и выступавшими в прениях указан был ряд конкретных мероприятий, ведущих к этой цели. Так, А. Д. Удальцов указал на необходимость пересмотреть проблематику, над которой работают сотрудники сектора, с тем, чтобы сосредоточить внимание на принципиально важных и нужных проблемах. К таким проблемам в первую очередь надо отнести вопрос о происхождении западноевропейских наций. Эта проблема сформулирована товарищем Сталиным в его работе «Марксизм и национальный вопрос». Долг советских медиевистов — исследовать её в конкретно-историческом плане. Проблематика, связанная с историей классов производителей, также недостаточно разрабатывается советскими медиевистами. Тов. Сидорова указала на то, что проблема средневековой идеологии, в частности вопрос о роли папства и католической церкви, является весьма актуальной проблемой для наших дней. Было отмечено также, что у нас мало разрабатываются такие проблемы, которые помогли бы критически оценить буржуазную школу медиевистов. У нас пишутся работы о политических взглядах Фюстель де Куланжа, об экономических воззрениях Жана Бодена, об исторической концепции д'Обинье, но о политических взглядах П. Г. Виноградова нет не только работ, но и ни одной статьи. Между тем контрреволюционную роль П. Г. Виноградова в 1905 г. разоблачили и Ленин и Сталин. У нас нет работы и о философских взглядах Петрушевского, как и других медиевистов.

И докладчик и выступавшие в прениях говорили о необходимости уделить больше внимания научно-популяризаторской работе. Кроме подготовки соответствующих томов по всемирной истории, кроме участия в написании истории Германии медиевисты должны написать в таком же научно-популярном плане историю Англии. Я. Я. Зутис говорил о назревшей необходимости переработать учебники для высшей школы, созданные силами сектора в 1939 г., но с тех пор сильно устаревшие.

Все единодушно высказались за то, чтобы шире привлекать московских и даже иногородних медиевистов на диспуты, а также на обсуждение тех работ, которые выпущены сектором. На очереди стоит обсуждение книги Е. А. Косминского «Исследования по аграрной истории Англии» и Б. Ф. Поршнева «Народные восстания во Франции перед Фрондой». Необходимо также обсудить те книги, которые готовятся к печати: книгу С. Д. Сказкина, книгу В. М. Лавровского и др.

В результате двухдневного обсуждения работы сектора коллективом медиевистов была принята резолюция, в которой нашли от-

ражение задачи, вытекающие из осознания ошибок, допущенных в работах сектора. Задача руководства и всех сотрудников сектора состоит в том, чтобы эта резолюция не осталась на бумаге, чтобы принятые решения последовательно и планомерно были осуществлены на деле.

III. В секторе новой и новейшей истории

12—14 октября секторы новой и новейшей истории Института истории Академии наук СССР провели объединённое совещание, посвящённое обсуждению первого тома «Трудов по новой и новейшей истории». На совещании присутствовали в большом числе научные работники, преподаватели и аспиранты кафедр новой истории высших учебных заведений Москвы, принявшие участие в обсуждении поставленных вопросов.

С докладом об ошибках, допущенных в I томе «Трудов»⁴ и о задачах секторов новой и новейшей истории выступил акад. А. М. Деборин. Докладчик признал, что выпущенный в свет Институтом истории I том «Трудов» оказался неудовлетворительным, а в некоторых частях — даже порочным. При попустительстве редакции в нём оказались статьи, написанные в аполитичном и объективистском духе. А. М. Деборин подверг критике статьи гг. Ерофеева, Эггерта, Нотовича и Зубока, помещённые в I томе «Трудов».

Однако доклад А. М. Деборина не совсем удовлетворил присутствовавших на совещании научных работников. В докладе не были подвергнуты критике ни ошибки в статье Ленчнер о буржуазных партиях в Германии и ноябрьской революции, ни ошибки, содержащиеся в статье т. Гуральского о французском фашизме и его попытке захвата власти в 1934 году. Не нашли в докладе достаточно отчётливого признания и должной критики и ошибки, допущенные редакционной коллегией «Трудов» (во главе которой в качестве ответственного редактора стоял, как известно, акад. А. М. Деборин). Говоря о причинах допущенного «провала», как выразился докладчик, в работе секторов новой и новейшей истории, А. М. Деборин ограничился указаниями на отрыв некоторых работников этих секторов «от реальной обстановки современного этапа истории» и на «недостаточное овладение марксизмом-ленинизмом в своей научной работе», уклонившись от конкретного анализа длительных недостатков в повседневной работе секторов новой и новейшей истории института, что нашло своё отражение и в подготовке к печати и выпуске в свет порочных «Трудов по новой и новейшей истории».

После доклада акад. Деборина на совещании развернулась дискуссия, продолжавшаяся в течение трёх вечерних заседаний.

Товарищи Юзefович, Толмачёв, Цитович посвятили свои выступления критике упомянутой выше статьи Ленчнер и отметили многочисленные объективистские ошибки и неправильные утверждения автора статьи, свидетельствующие о его не критическом отношении к буржуазной и социал-демократической историографии ноябрьской революции 1918 г. в Германии. Оказавшись на поводу социал-демократической литературы, тов.

Ленчнер повторила лживые легенды об «инициативе» социал-демократов в деле отречения кайзера, о важнейшей роли, которую якобы сыграл в этом вопросе «ультиматум» Вильсона, о происшедшем после революции «полевлении» буржуазных партий и т. д.

Ряд выступавших товарищей выразили неудовлетворённость той беглой критикой ошибок в статье т. Зубока, которая имела место в докладе. Подробное рассмотрение этих ошибок содержало выступление тов. Гурович, которая отметила, что в объяснении причин и мотивов американской империалистической политики на Гаити тов. Зубок не поднимается над кругом идей буржуазных авторов, пишущих об «империализме янки» и поверхностно толкующих его только как политику «долларовой дипломатии» и открытой интервенции в страны Латинской Америки, а не как всестороннюю политику империалистической экспансии и агрессии монополистического капитала США.

В критических выступлениях центральное место заняло обсуждение ошибок статьи З. К. Эггерта «Борьба за реформу прусского избирательного права в годы первой мировой войны» и статья Ф. И. Нотовича «Немецко-фашистский «дранг нах остен» после Мюнхена». Все выступавшие признали правильную оценку грубейших ошибок и пороков этих статей, данную в газете «Культура и жизнь». Н. Е. Застенкер, приведя ряд выдержек из статей Эггерта, опубликованных в последние годы в различных изданиях Института истории, указал, что в этих статьях имела место также фальшивая объективистская оценка германской социал-демократии в 1914—1918 гг., которая привела к порочной концепции обсуждаемой статьи тов. Эггерта. О порочных и ошибочных взглядах, высказанных З. К. Эггерта в данной статье, говорили также гг. Манфред, Блюменталь и Кан; последний признал, что объективно З. К. Эггерта скатилась на социал-реформистские позиции.

Однако не все выступления отличались должной принципиальностью и непримиримостью к критике порочной работы З. К. Эггерта. Смягчающие остроту критики нотки прозвучали, например, в выступлении А. З. Манфреда, сопроводившего признание ошибочности статьи Эггерта двусмысленными комплиментами по адресу её автора за «большое мастерство», «уменье взять материал» и т. д.

На совещании подверглась критике статья Ф. И. Нотовича, напечатанная в «Трудах». Подчёркивалось, что в данной статье искажена сущность мюнхенского соглашения Англии, Франции, Германии и Италии, являвшегося не капитуляцией Англии и Франции перед державами оси, а сговором англо-французских империалистов и итало-германским фашизмом против СССР. Выступавшие указывали и на то, что в статье Нотовича недопустимым образом игнорируются и не используются важнейшие документы и материалы, относящиеся к данному вопросу, — советские и партийные документы, советская пресса и т. д.

Статья Н. А. Ерофеева «Соединённые

Штаты Америки и Англия в период войны 1914—1918 гг.» была предметом развёрнутого критического выступления П. Е. Осиповой. Н. Е. Застенкер в своём выступлении подверг критике ошибочные взгляды, высказанные в статье тов. Гуральского относительно возникновения фашизма во Франции в годы после первой мировой войны. В этой статье, как известно, автор связал возникновение фашизма с поражением той или иной страны на международной арене и отнёс время возникновения французского фашизма на 1924 г., после провала рурской авантюры Пуанкаре, отказываясь от изучения зародышевых явлений фашизма во Франции в 1918—1923 годах.

Все эти выступления во многом дополнили и расширили картину допущенных в I томе «Трудов по новой и новейшей истории» ошибок, по сравнению с критикой этих ошибок в докладе А. М. Деборина.

На совещании выступили с речами, содержащими признание допущенных ими ошибок, авторы ошибочных статей I тома «Трудов». Однако значительная часть этих выступлений была неудовлетворительной и не свидетельствовала с полным осознанием вскрытых в статьях перечисленных авторов ошибок. Это относится в первую очередь к выступлениям тт. Ерофеева, Зубока и Нотовича. Тов. Зубок вместо прямого признания ошибок, допущенных им в статье, опубликованной в I томе «Трудов», старался доказать с помощью обильных цитат из других своих работ, что он держится правильных взглядов на американский империализм, на политику Вильсона, Ф. Рузвельта и т. п.

Ещё более неудовлетворительными были выступления Ф. И. Нотовича, который сперва вовсе отказался признать в своей статье какие-либо существенные ошибки в понимании и оценке мюнхенской политики. Только в своём втором выступлении, последовавшем после решительной критики его первого выступления, тов. Нотович признал, что он допустил в нём «фальшивые ноты» и что статья его не соответствует требованиям боевой партийной исторической науки. Однако и во вторичное выступление Ф. И. Нотовича вкрались фальшивые ноты: ошибки своей статьи он объяснял не ошибочным пониманием существа мюнхенской сделки, а тем, что он «напечатал» в 1948 г. статью, написанную в 1945 г. ».

Недостаточно самокритичным было и выступление З. К. Эггерт. Она признала ошибочность и порочность своей статьи, помещённой в I томе «Трудов», но отказалась признать наличие однородных ошибок в других своих статьях по истории Германии 1914—1918 годов. Таким образом, З. К. Эггерт фактически представила изложенную ею в статье из I тома «Трудов» порочную концепцию как якобы случайную, изолированную ошибку, не связанную с её общими взглядами на политическую историю Германии в годы первой мировой войны.

Все эти факты показывают, что критика, выяснение существа ошибок, допущенных в ряде статей I тома «Трудов», на данном совещании далеко ещё не была доведена до конца, что она должна быть продолжена в

дальнейшей работе секторов новой и новейшей истории. Не завершённым в работе совещания оказалось и выяснение причин и корней допущенных серьёзных ошибок в статьях сотрудников этих секторов, причин появления в свет этого порочного в целом сборника «Трудов», отражающего ошибки в направлении работы секторов новой и новейшей истории и Института истории в целом.

Помимо недостатков самого доклада А. М. Деборина здесь сказались также и недостатки руководства объединённым совещанием секторов со стороны дирекции института, которая не сумела поставить данный вопрос в центре всеобщего внимания и должным образом не организовала его обсуждения.

Однако вопрос о причинах допущенных ошибок, об их связи с недостатками и пороками в работе самих секторов новой и новейшей истории привлёк внимание ряда выступавших, высказавших правильные соображения и замечания. Касаясь причин провала в работе указанных секторов института, тов. Юзефович правильно указал, что работа в секторах зачастую протекала поверхностно и формально из-за отсутствия серьёзного руководства. Тов. Толмачёв указал на отсутствие творческих дискуссий в работе сектора новейшей истории, руководство которого игнорировало необходимость таких дискуссий. Е. И. Рубинштейн указала, что значительная часть допущенных ошибок в статьях «Трудов» явилась проявлением влияния буржуазной историографии на авторов этих статей. А. С. Ерусалимский поставил в этой связи вопрос об идейно-политическом состоянии кадров научных работников по новой и новейшей истории, о создании ими ответственности за свою работу, её политической огромной значимости. Он правильно указал и на то, что в секторах новой и новейшей истории была не в почёте самокритика, а их научным работникам не привито критическое отношение к буржуазным источникам и документам по новой и новейшей истории. В этих секторах установилась порочная практика допуска к печати незаконченных, недоделанных работ. Важные вопросы, относящиеся к порочному стилю работы сектора новой истории, подняла в своём выступлении Э. А. Желубовская, указывая, что в работе этого сектора отсутствовала подлинно научная среда, характеризующаяся товарищеской критикой и повседневной взаимопомощью в работе, творческим общением членов одного коллектива. В суждениях о той или иной работе зачастую преобладал неверный критерий, на первый план выдвигалось значение так называемого «научного аппарата»; количества ссылок на документы и литературу вопроса, особенно иностранную, а не идейная направленность и методологическая правильность работы. Н. Е. Застенкер указал на ряд коренных недостатков в работе сектора новой истории: в повседневной его работе недостаточно воспитывалось чувство партийности, работа сектора велась келейно, замкнуто, зачастую в стороне от больших идейных битв с буржуазной идеологией, в результате чего ра-

ботники сектора слабо участвуют в разоблачении буржуазной историографии.

Тов. Алексеев-Попов (Одесса) в своём выступлении указал на отрыв секторов института от работников провинциальных научных центров по новой и новейшей истории, о невнимании к их запросам и обращениям. Сектор новой истории института не играет роли руководящего центра, штаба науки, по отношению к периферийным работникам и кафедрам новой истории вузов.

Перед окончанием прений на совещании выступил чл.-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. В качестве члена редакционной коллегии «Трудов по новой и новейшей истории» и заведующего сектором новой истории он признал допущенные ошибки и свою ответственность за них. Вслед за тем он высказал ряд соображений по вопросам проблематики новой и новейшей истории, партийности исторического исследования и др. Соображения эти порою сбивались на отвлечённые рассуждения, которые мало чем помогали выяснению обсуждавшихся вопросов.

В трёхдневной дискуссии был затронут ряд важных вопросов, однако обсуждение их не развернулось и не было углублённым. Совещание не выдвинуло и не наметило

крупных тем исследовательской работы, к которым сегодня должно быть привлечено внимание историков нового и новейшего времени. Не было внесено должной ясности в такие вопросы, как правильное понимание проблемы актуальности тематики по новой и новейшей истории, сочетания высокого идейного уровня исследований, глубокого анализа и смелых обобщений с богатым, тщательно проверенным фактическим материалом, что только и может обеспечить боевую большевистскую партийность и направленность научного исследования.

Тем не менее работу объединённого совещания секторов новой и новейшей истории можно признать полезной. Совещание положило начало развёртыванию боевой большевистской критики и самокритики в повседневной жизни и научной работе указанных секторов. Скорейшее исправление допущенных ошибок и подготовка высококачественных научных трудов по новой и новейшей истории во многом зависят от быстрого претворения в жизнь высказанных на этом совещании правильных предложений и пожеланий.

О научной работе кафедры истории СССР Ульяновского государственного педагогического института

В 1943 г. при Ульяновском государственном педагогическом институте был открыт исторический факультет; в том же году была создана кафедра истории СССР. В научно-исследовательской работе кафедра уделяет большое внимание изучению истории местного края.

Систематическую и плодотворную работу по изучению истории местного края ведёт кандидат исторических наук доцент Н. П. Гриценко. В настоящем году, в связи с трёхсотлетием со дня основания Симбирска — Ульяновска, местным издательством выпущена в свет первая часть его «Очерков по истории города Симбирска — Ульяновска и Ульяновской области» объёмом в 15 печатных листов. Книга написана главным образом на местном архивном материале, впервые введённом в научный оборот. Н. П. Гриценко написаны также предисловие к работе Д. Ф. Каржавина «Степан Разин в Симбирске», вышедшей в свет в 1947 г., и историческая справка о Симбирске — Ульяновске к работе Б. Н. Афанасьева «Исторические места г. Ульяновска» (путеводитель), напечатанной в 1948 году. В «Ульяновском альманахе» № 1 за 1947 г. Н. П. Гриценко напечатал статью «Степан Разин и Емельян Пугачёв в Симбирске», а в «Учёных записках» (вып. 1-й за 1947 г.) Ульяновского педагогического института опубликована его статья «Потомки Ивана Сусанина в Симбирской губернии». В названных работах использован преимущественно местный архивный материал. В настоящее время Н. П. Гри-

ценко работает над докторской диссертацией на тему «Удельные крестьяне Среднего Поволжья».

Кандидат исторических наук доцент С. П. Захаров в 1946 г. защитил написанную им на основании архивных материалов кандидатскую диссертацию на тему «Крестьянские волнения накануне и в период проведения реформы 1861 года в Рязанской губернии». В настоящее время он работает в Ульяновском государственном архиве над темой «Крестьянское движение в Симбирской губернии в период Столыпинской аграрной реформы».

Старший преподаватель кафедры А. П. Чевелев работает над кандидатской диссертацией «Город Ульяновск в годы Великой Отечественной войны».

Кафедра периодически проводит тематические научные конференции по отдельным проблемам отечественной истории. Так, в 1947 г. кафедра истории СССР совместно с кафедрой основ марксизма-ленинизма провела научную конференцию, посвящённую истории крестьянства. На конференции были заслушаны четыре доклада о результатах научных исследований, проведённых членами кафедр в государственном архиве Ульяновской области: о крепостном праве и крестьянской реформе в Симбирской губернии сделал доклад доцент Н. П. Гриценко; с докладом о крестьянских волнениях накануне и в период проведения крестьянской реформы выступил доцент С. П. Захаров; о результатах

своих исследований по вопросу о расслоении крестьянства в Симбирской губернии в начале XX в. рассказал доцент И. Н. Трегубов; отдельные главы из своей кандидатской диссертации на тему «Комитеты деревенской бедноты в Симбирской губернии»

прочёл заведующий кафедрой марксизма-ленинизма С. А. Крупнов.

Конференция привлекла внимание общественности института и города и вызвала оживлённый обмен мнений её участников.

А. Чевелев

Научная работа кафедры истории СССР Чувашского государственного педагогического института

В плане научно-исследовательской работы кафедры истории СССР поставлены проблемы изучения истории чувашского народа. Преподаватель Т. Г. Григорьев работает над диссертацией на тему «Земская реформа в Чувашии»; ассистент И. Е. Петров заканчивает диссертацию «Чувашский народ в борьбе с белогвардейщиной и чехословацким мятежом»; П. Г. Григорьев закончил кандидатскую диссертацию на тему «Крестьянское движение в Среднем Поволжье в первой половине XIX века»; старший преподаватель Т. Г. Гусев закончил работу «Присоединение чувашей к Русскому государству». Работа подготовлена к печати в местном издательстве. Кандидат исторических наук Н. Г. Буркин занят темой о борьбе чувашского крестьянства за победу социалистической революции (1917—1918); ассистент кафедры В. Л. Кузьмин работает над вопросом о развитии капиталистических отношений на территории Чувашии во второй

половине XIX века. Преподаватель А. П. Николаев пишет работу «Колхозы Чувашии в помощь фронту в Великой Отечественной войне Советского Союза».

На факультете имеется студенческий научный кружок. Наиболее интересной в прошлом году оказалась работа студента IV курса В. Дмитриева на тему «История города Чебоксары». Работа эта помещена в рукописный студенческий журнал «Историк».

Во время летних каникул значительная группа студентов исторического факультета приняла участие в археологических экспедициях на территории Чувашской АССР, проводившейся Чувашским научно-исследовательским институтом под руководством проф. А. П. Смирнова. Особенно успешными оказались раскопки у дер. Б. Таяба, Яльчикского района, в результате которых обнаружены остатки древнего города.

Н. Буркин

Сессия по истории Крыма

Крымская научно-исследовательская база Академии наук СССР ознаменовала начало своей деятельности большой сессией по истории Крыма. Сессия состоялась в Симферополе 20—23 сентября сего года при участии научных работников Крыма и многочисленных учёных Москвы и Ленинграда, научных сотрудников Института истории и Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра АН СССР и их ленинградских отделений, а также Государственного Эрмитажа, Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Государственного Исторического музея и др. Программа работ сессии охватила широкий круг вопросов истории Крыма, начиная с времён глубокой древности и кончая историей борьбы советского народа против англо-французских интервентов во время гражданской войны, против немецко-фашистских захватчиков в Великую Отечественную войну и восстановления Крыма после Великой Отечественной войны.

Пленарные заседания сессии открылись

докладом директора Крымской базы АН СССР, чл.-корр. АН СССР А. Д. Удальцова, подробно рассмотревшего основные вопросы происхождения славян. А. Д. Удальцов резко отмежевал взгляды советской науки от точек зрения досоветских русских учёных Ключевского, Шахматова, Соболевского и др., указав на относительно большую близость взглядам советских учёных концепций старых чешских исследователей — Шафарика и Нидерле. Докладчик подчеркнул, что в основу изучения вопроса происхождения славян, народов и наций советская наука кладёт положения, высказанные И. В. Сталиным ещё в 1913 г. в его замечательной работе «Марксизм и национальный вопрос» и разоблачившие расистские и другие антинаучные теории происхождения наций.

Отметив, что этническая общность славянских народов, как и их современное этническое своеобразие, явилась результатом длительного и сложного исторического процесса, проходившего ряд стадий.

А. Д. Удадьцов в ретроспективном порядке намечает следующие три основные стадии: племена исторически вполне сложившихся славян VI—VII вв. н. э., раннеславянские племена последних столетий до нашей эры, характеризующиеся на основе так называемой «культуры полей погребения», предки славян, давшие в ходе истории славянство. Археологически их можно проследить с III тысячелетия до нашей эры.

Если вопрос об образовании славянства на основе раннеславянских племён начала нашей эры не вызывает сомнений, то вопрос о предках славян вызвал и вызывает наибольшее число различных концепций и разногласий.

Советская археологическая наука показывает, что раннеславянские племена развились не из одного какого-нибудь ограниченного центра—с Припяти, из Прибалтики, Прикарпатья или Польши и т. п., но автохтонно развивались на обширной территории из нескольких основных центров, находившихся в постоянном тесном культурном взаимоотношении. На западе таким центром явились области между Лабой и Вислой с древней лужицкой культурой. Существующие гипотезы о приходе сюда предков славян из Германии должны быть решительно отвергнуты. Обширная юго-восточная область раннеславянских племён с так называемой культурой «полей погребения», расположенная между Карпатами, Припятью и Средним Днепром, также имела своё автохтонное развитие непосредственно на основе предшествовавшей ей здесь культуры земледельческих скифо-сколотских племён, этнически отличавшихся от пришлых из Средней Азии скотоводческих кочевых скифо-сакских племён восточноиранской языковой группы.

Третьим основным центром славянского этногенеза являлась область северных культур «полей погребения», от Средней Вислы до бассейнов Десны и Верхней Оки. Можно и здесь предполагать с достаточной долей вероятности автохтонное развитие раннеславянских племён (восточновенетские, частью невры), причём на более ранней стадии развития их связь с предками балтийских племён (древние пруссы, литовцы, латвийцы) была особенно тесной, постепенно ослабевающая с дальнейшим ходом истории. Позже развилось славянство к северу от этой области, в бассейне Верхней Западной Двины, в Приильменье и в западной части между речья Верхней Волги и Оки. Здесь славянские племена, главным образом кривичи, к V—VI вв. н. э. непосредственно образовались из племён так называемых «Дьяковых городищ», известных текстильной керамикой.

Такая картина развития славянских народов и языков в корне отвергает старые гипотезы об изначальном славянском «прароде» и «праязыке». Процесс шёл в основном в обратном порядке—от языковой множественности к единству, к общности, хотя в качестве вторичных процессов имела место и дифференциация уже сложившихся ранее этнических общностей.

Доклад кандидата исторических наук

А. Л. Якобсона «Херсонес и Киевская Русь» показал значение Тавриды в процессе образования древнерусского государства. Связи Руси и Херсонеса (Корсунь) полностью отражают русско-византийские отношения в северном Причерноморье. Уже в начале IX в. Таврида оказалась в орбите экономической и политической активности Руси. Об этом свидетельствуют не только дошедшие до нас предания о русских походах на Тавриду в начале IX в., но и сообщения современников о торговом обмене Руси с городами Крымского полуострова. Выход к морю имел жизненное значение для молодого, ещё только складывавшегося восточноевропейского государства—Руси. Серьёзной преградой движению Руси к Чёрному морю были севернопричерноморские владения Византии. Борьба с Византией за северное побережье Чёрного моря определила русско-византийские отношения на протяжении X, XI и XII веков. Ареной этой борьбы была Таврида.

В X в. Русь уже обладала определённой территорией в Тавриде, вероятно, в восточной её части, и вела интенсивную торговлю с Корсунью, что в значительной степени определило экономический подъём города в ту эпоху.

Ослабление Хазарского каганата и окончательный разгром его Святославом в 965 г. упрочили положение Руси на Тамани. Это нашло прямое отражение в русско-византийском договоре 971 года. Так было подготовлено создание в конце X в. Тмутараканского княжества, которое стало русским форпостом в северном Причерноморье и вскоре включило в себя восточный край полуострова.

Крайне тяжёлый для Руси договор 971 г. с Византией, заключённый после неудачного похода Святослава на Константинополь и сильно ущемлявший коренные интересы Руси в северном Причерноморье, усиливал русско-византийский антагонизм в Тавриде. Развязка наступила в конце X в., когда войско Владимира в 988 г. со всей силой обрушилось на византийскую Тавриду. Докладчик иллюстрирует это историческое событие большим археологическим материалом.

Поход Владимира имел для Руси громадные последствия. С тех пор были ликвидированы тяжёлые и унижительные для Руси условия договоров 945 и 971 годов. Тем самым парализовались силы, тормозившие развитие русской государственности в Причерноморье. Таврида, по существу, перестала быть византийской. Правда, власть империи в Корсунь после 1016 г. возобновилась, но она уже не имела ни прежней силы, ни прежнего значения и, постепенно становясь номинальной, фактически прекратилась во второй половине XII века. Русь приобрела возможность усилить на юге свои позиции, используя уже достигнутый успех, каким явилось создание Тмутараканского княжества; в его состав, вероятно, тогда вошёл и Корчев (Керчь). Одновременно Русь закрепила своё господство и в Днепровском лимане, имевшем для неё экономическое и стратегическое значение.

Наконец, победа Владимира выдвинула Русское государство в качестве могучей силы и завоевала место Руси рядом с Византией. Русское государство с тех пор быстро пошло по пути возвышения и в XI в. выросло в мировую державу с обширными международными связями.

Монгольское нашествие XIII в. временно прервало русские торговые связи с Тавридой. Они возобновились в XIV в., в эпоху Московского царства, и продолжались в дальнейшем, однако теперь уже не с Корсунью, а с городами восточной части полуострова — Сурожем (Судаком), а затем Каффой (Феодосией), ставшими экономическим средоточием Крыма. Указав на часто встречающиеся в источниках упоминания гостей-сурожан, докладчик подчеркнул регулярный характер этих торговых сношений.

Выступивший затем писатель П. А. Павленко в своём докладе охарактеризовал место Крыма в русской литературе.

Кандидат исторических наук С. Н. Бибииков посвятил свой доклад выяснению проблематики первобытной истории Крыма. Он отметил, что наиболее полное изучение памятников первобытности в Крыму составляет заслугу советских учёных. Это кардинальные проблемы антропогенеза, социально-экономической периодизации древнего общества, эволюции верований и т. д.

Несмотря на относительную полноту наших знаний о палеолите Крыма, всё же ряд разделов этого крупного исторического отрезка времени остаётся ещё не достаточно изученным. Недостаточно изучен и ряд сторон неолитической культуры Крыма, совсем недавно выделенный из массы позднепалеолитического материала. С. Н. Бибииков указывает далее, что время от поздней фазы неолита до конца эпохи бронзы является едва ли не самым тёмным периодом первобытной истории Крыма.

Кандидат исторических наук П. Н. Шульц, руководящий археологическими исследованиями Неаполя Скифского, сделал итоговый доклад о ходе работ и результатах раскопок за истекшие четыре года. Докладчик напомнил, что скифский период являлся одним из важнейших этапов истории нашей Родины. В это время распадался родовой строй и на территории нашей страны формировались первые государства. Одним из наименее изученных государств северного Причерноморья является государство скифов. Это объясняется тем, что внимание дореволюционных археологов, изучавших культуру скифов, было сосредоточено главным образом на изучении скифских курганов, скифские же города начали систематически исследоваться только в советское время. Ведущиеся с 1945 г. Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР и Государственным музеем изобразительных искусств раскопки Неаполя Скифского имеют задачей выяснить характер столицы поздних скифов в Крыму и исследовать процесс развития государства и культуры скифов в эллинистическую и римскую эпохи.

Помимо проводившихся в предыдущие

годы работ в трёх участках в 1948 г. здесь было открыто и подвергнуто исследованию поселение киммерийской эпохи. В жилых кварталах, где ещё в 1827 г. были найдены надписи, упоминающие царя Скиллаура, и скульптурные портреты скифских царей, обнаружено большое каменное здание с высеченным в скале полуподвалом, в котором найдены многочисленные скифские и греческие сосуды, преимущественно остроносовые амфоры, очевидно, для хранения вина. К зданию, сооружённому в III в. до н. э., примыкал обширный двор, в котором в римское время было множество зерновых ям. Как показали раскопки, Неаполь Скифский возник в конце IV в. до н. э. и просуществовал вплоть до IV в. нашей эры. В 1948 г. обнаружен поздний жилой дом III—IV вв. н. э. с очагом, жаровней и многочисленными амфорами, раздавленными в результате разрушения этого здания.

Городская стена и центральные городские ворота скифской столицы интересны тем, что носят характер циклопических построек, резко отличаясь от стен и ворот греческих городов того времени. Эти стены и ворота Неаполя Скифского, как показали раскопки, были воздвигнуты в III в. до н. э. и разрушены в III—IV вв. нашей эры. Толщиной своих стен Неаполь выделялся среди всех известных греческих городов Причерноморья; толщина стен у городских ворот превышает 9 метров.

Крупнейшим достижением экспедиции является открытие у стен и ворот Неаполя каменного мавзолея, в котором обнаружена каменная гробница конца II в. до н. э. с погребением скифского царя. Несомненно, что в течение нескольких веков мавзолей служил для погребений знатного скифского рода. В обряде погребения скифские обычаи, как, например, погребение коней, сочетаются с греческими эллинистическими влияниями, о чём свидетельствует резной деревянный позолоченный и расписной саркофаг. Наряду с многочисленными золотыми изделиями особый интерес представляет найденный в мавзолее резной камень с портретным изображением головы скифа.

Погребения в мавзолее указывают на непрерывный процесс развития культуры Неаполя Скифского в позднеэллинистическое и римское время и подтверждает нумизматические данные о сохранении скифского государства в первые века нашей эры, когда мавзолеем был обложен камень и превращён в хорошо защищённую башню.

Вторым крупным достижением экспедиции является открытие каменных склепов со стеной живописью, которые были предназначены для погребения знатных скифских фамилий. Важно, что скифская живопись открыта впервые. Изображения сцен охоты, плясок женщин, всадников и пеших воинов знакомят нас с бытом поздних скифов и свидетельствуют о вторичном расцвете культуры Неаполя Скифского в римское время.

Раскопки Неаполя Скифского дают материал об относительно высокой для своего времени своеобразной и яркой городской культуре поздних скифов. Результаты рас-

копок говорят об обширных торговых и культурных связях скифского государства с самыми различными центрами древнего мира. Антропологические материалы найденные при раскопках Неаполя полностью опровергают ложные теории о монгольском происхождении скифов. В свете исследований Неаполя Скифского становится ясным, что наследие скифской культуры явилось одним из многочисленных источников и составных элементов последующей культуры восточных славян.

Интересную тему о греках и варварах на Боспоре в эпоху первых Спартокидов осветил проф. Д. П. Каллистов. Он указал, что историческая роль варваров Восточной Европы аналогична роли варваров Западной Европы. Самобытность туземной материальной культуры и своеобразие социального строя, сказывающиеся во всех доступных современному наблюдению проявлениях исторической жизни северночерноморских варваров, в частности в замечательных памятниках скифской культуры, открытых за последние годы на территории Крыма, позволяют утверждать, что успех греческой колонизации северного Причерноморья был одинаково обусловлен как ходом исторического развития средиземноморской Греции, так и развитием производительных сил туземного общества. Есть основания утверждать, что на протяжении нескольких первых веков от начала греческой колонизации (вне зависимости от процессов ассимиляции, полностью отрицать которую не приходится) и греческие города и варвары продолжали сохранять своё историческое лицо. Чтобы конкретно разрешить этот вопрос, необходимо прежде всего изучение истории Боспорского государства, ибо на территории этого государства греки и варвары в течение многих веков находились в постоянном и наиболее тесном соприкосновении.

Боспорские города-колонии были по своему характеру прежде всего городами торговыми. Торговое общение греков с местным населением, естественно, способствовало их сближению. Однако, суммируя имеющиеся данные о культурной и политической жизни боспорских городов того времени, можно утверждать, что, несмотря на воздействие туземного мира на население этих городов, последние сохранили облик греческих полисов. Боспорское государственное объединение под главенством Археанактидов, положивших начало исторической жизни этого государства, было объединением прежде всего греческих городов, без заметного участия в нём туземных варварских элементов. Боспор времени первых Спартокидов не был централизованным государством в позднейшем смысле этого слова. Входявшие в его состав города и территории, населённые варварскими племенами, сохранили известную автономию, что нашло отражение в официальной титулатуре Спартокидов.

Воздействие греческих городов и Боспорского государства на соседние туземные племена было прежде всего воздействием торговым. Результатом его явилась не коренная перестройка существовавших в туземной среде социально-экономических от-

ношений, а лишь форсирование происходивших там внутренних процессов. В конечном счёте Боспорское государство, включившее в свой состав одновременно и города-колонии греков и племена варваров, приобрело черты государства-конгломерата. Мир варваров и мир античной рабовладельческой цивилизации и на территории Боспора продолжали представлять собой особые исторические силы.

Доклад кандидата исторических наук В. Ф. Гайдукевича содержал обзор археологических исследований двух боспорских городов: Мирмекия и Тиритаки. Изучение древних городищ близ Керчи, ведущееся планомерно на протяжении последних 16 лет, дало чрезвычайно много для теоретических обобщений советских учёных и с большой убедительностью показывает, сколь ценным, разносторонним и содержательным источником познания экономической и культурной истории Боспорского царства являются остатки его городов, притом не только крупных, но и более мелких, которые ошибочно игнорировались дореволюционной русской археологией.

В секции по истории древнего Крыма был заслушан доклад П. Н. Шульца о так называемой кизил-кобинской культуре и периодизации исторического развития тавров. На основании археологических данных, полученных в результате исследования 16 поселений этого типа (с характерной лепной посудой и небольшими колоколообразными ямами), и опираясь на свидетельства древних авторов, докладчик пришёл к выводу, что процесс исторического развития тавров в Крыму характеризовался тремя основными периодами. Первый период — ранних тавров — ознаменовался распространением кизил-кобинской культуры; он относится к первой трети первого тысячелетия до нашей эры. Второй период — тавры средней поры. Это время распространения каменных ящиков и возникновения первых таврских неукреплённых убежищ относится ко второй трети I тысячелетия нашей эры. К третьему периоду относятся тавры поздней эллинистической и позднейшей римской поры. В этот период у тавров получили распространение укрепленные убежища с каменными стенами. Период охватывает последнюю треть I тысячелетия до н. э. и первую треть I тысячелетия нашей эры.

А. К. Тахтай сделал доклад об остатках раннетаврского поселения в окрестностях Балаклавы.

Проф. В. В. Бобин посвятил свой доклад выяснению черт сходства культуры народов, населявших Крым и Северный Кавказ в киммерийскую эпоху.

М. М. Герасимов, выступивший с докладом об этническом составе населения Неаполя Скифского, пользуясь выработанной им методикой восстановления портрета по черепу и приёмами антропологической диагностики пришёл к интересному выводу, что антропологический материал мавзолея Неаполя Скифского говорит не в пользу существования какого-либо единого типа скифов Крыма, а, наоборот, указывает на чрезвычайно сложный процесс

формирования скифских этнических групп на территории Таврического полуострова.

Кандидат исторических наук Н. Н. Погребова проанализировала и сопоставила с ритуалом разных народов мира характерную особенность погребений поздних скифов в мавзолее Неаполя Скифского. Об этой особенности свидетельствуют находимые возле черепов пластины из тонкого листового золота, которые, очевидно, были предназначены для обрядового наложения на глаза и губы покойников.

Проф. С. Я. Лурье прочитал доклад о древнегреческой надписи, известной под названием «Декрета в честь Диофанта». Стремясь истолковать эту надпись, как сказал докладчик, без априорных суждений на основании только грамматических и стилистических соображений, С. Я. Лурье выдвинул новую точку зрения на восстание Савмака. Он считает, что Савмак был скорее всего скифским царьком, присоединившим к своим владениям Боспор. О борьбе с Савмаком в декрете говорится лишь как об одном из эпизодов большой войны Диофанта со скифами; воспитанником царя Перисаза был не Савмак, а Диофант. Выступление Савмака против Митридата было, по всей видимости, не восстанием рабов, каковые вообще характерны для II—I вв. до н. э., а одним из звеньев «варварского» наступления на рабовладельческий мир — наступления, которому в конечном счёте предстояло сыграть решающую роль в сокрушении этого мира.

Кандидат исторических наук Г. Д. Белов сделал доклад об эллинистической мозаике в Херсонесе. Этот ценный художественный памятник имеет большое значение для изучения культуры не только Херсонеса и северного Причерноморья, но и культуры всей Греции в целом. Вместе с тем этот памятник представляет необходимое звено между мозаиками классической эпохи и мозаиками позднеэллинистического времени.

Н. В. Пятыева в докладе «Скифы в Херсонесе», основываясь на большом материале из раскопок херсонесского некрополя и херсонесского городища, высказала убеждение в наличии громадного количества варварских и греко-варварских элементов среди населения Херсонеса в античную эпоху и привела ряд доказательств тесной связи этого населения с греками.

Кандидат исторических наук В. Ф. Гайдукевич ознакомил участников секции с проводившимися в 1947 и 1948 гг. раскопками городища у дер. Ивановки, которые имеют целью полностью раскрыть остатки одного из городов Боспорского царства, по видимому Иллурата, упоминаемого Птоломеем. Судя по уже обнаруженным данным, эти остатки помогут восстановить эллиноварварский облик культуры Боспора в первые века нашей эры.

В секции по истории средневекового Крыма с докладом о связях позднесредневекового Крыма с Константинополем, как выдающимся торговым пунктом средиземноморского круга, выступила кандидат исторических наук Е. Ч. Скржинская.

В той же секции С. А. Секиринский, сделав обзор исследований Сурожа (носившего также названия Сугдея и Солдаия и ныне известного как Судак), одного из крупнейших городов Черноморского побережья в средние века, указал на недостаточность разработки истории этого центра. Нельзя не согласиться с докладчиком, который видит одну из насущных задач историков Крыма в том, чтобы дать с позиций марксистско-ленинской исторической науки последовательное изложение истории Сурожа и анализ этой истории в связи с общей историей Крыма и Черноморья.

Заседание секции истории Крыма в периоды после его присоединения к России открылось докладом И. Н. Медведевой-Томашевской на тему «Вопросы истории Крыма у Пушкина».

Интересный и содержательный доклад о подпольной работе большевиков против английских и французских оккупантов в Севастополе сделал на секции старейший партийный работник Крыма, лауреат Сталинской премии И. А. Козлов.

Высадившись в ноябре 1918 г. в Крыму, французские и английские интервенты избрали своими базами Севастополь и Керчь. Политика английских и французских оккупантов была продолжением политики грабежа и насилий немецких оккупантов, незадолго до того изгнанных из Украины и Крыма. Докладчик отметил продажность буржуазии и созданного ею так называемого крымского краевого правительства, а также предательское поведение меньшевиков и эсеров, засевших в городских думах и профсоюзах. И. А. Козлов рассказал об организации большевистского подполья, о широком использовании большевиками профсоюзов для работы в массах и об организации политической работы среди французских моряков. Он подробно изложил события политической забастовки в марте 1919 г., когда рабочие выступили с требованием удаления из Крыма интервентов и белогвардейцев. 4 апреля Красная Армия ворвалась в Крым. Организаторами политической забастовки была начата подготовка к вооружённому восстанию. Через несколько дней Севастопольский ревком связался с командованием Красной Армии, и на заседании с участием прибывшего от Красной Армии комиссара полка Васильева был намечен план вооружённого восстания в Севастополе в момент, когда советские войска начнут штурм города. Интервенты начали усиленную подготовку к обороне города. Но на французских судах росло революционное брожение. 20 апреля группа французских моряков, прибыв на шлюпках в город, начала братание с рабочими-металлистами. Вслед за тем состоялась многолюдная демонстрация французских моряков и севастопольских рабочих с красными флагами. Последовавший расстрел демонстрации французским командованием вызвал возмущение среди французских моряков. Во французском флоте началось восстание, приведшее к сдаче интервентами города революционному коми-

тету. В Севастополе была восстановлена советская власть.

В той же секции был заслушан обстоятельный доклад Н. А. Лугового о деятельности крымских партизан в Великой отечественной войне.

Заключительное пленарное заседание было полностью посвящено тематике советского периода. С большим докладом о новой полосе в истории Крыма, его восстановлении и заселении после Великой Отечественной войны выступил секретарь Крымского обкома ВКП(б) по пропаганде кандидат философских наук П. А. Чурсин.

Кандидат исторических наук Ф. С. Загородских прочитал доклад об изгнании англо-французских оккупантов из Крыма в 1919 г., используя обширный фактический материал и опираясь в своём анализе на высказывания Ленина и Сталина, в частности на указания, заключающиеся в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Основная причина вывода в 1919 г. интервентами войск из Крыма, которую они так упорно пытались скрыть, подытожил докладчик, заключалась в том, что англо-французские солда-

ты и моряки не хотели возвать против Красной Армии. На дальнейших этапах борьбы против Советов в Крыму иностранные интервенты, потеряв надежду одержать победу собственными вооружёнными силами, продолжали борьбу силами белогвардейцев, оказывая им всевозможную помощь оружием, снаряжением, боеприпасами, деньгами, продовольствием и т. п. Как известно, и эта попытка зарубежных и отечественных реакционеров окончилась полным провалом — разгромом барона Врангеля советскими войсками.

Доклад П. Н. Надинского на тему «Партия большевиков в борьбе против татарских буржуазных националистов» явился первой и очень успешной попыткой осветить некоторые стороны сложного для истории Советского Крыма вопроса, связанного с устойчивостью пережитков капитализма в сознании крымских татар, результатом которой стала их измена советскому государству во время Великой Отечественной войны.

В. Альтман

ЗА РУБЕЖОМ

◆ В соответствии с экспансионистской политикой американского правительства Принстонский университет приступил к подготовке кадров педагогов и миссионеров для стран Ближнего Востока. Подготовка осуществляется под руководством отделения восточных языков и литературы. К работе привлечены специалисты по турецкому, персидскому и арабскому языкам, по истории Турции и Персии.

◆ В отдел рукописей библиотеки конгресса США поступил ряд документов Г. Вашингтона: два автографа его писем Дж. Бухеру (4 октября 1768 и 20—25 февраля 1771), фотоснимок письма Г. Вашингтона и И. Питмана, адресованного церкви и конгрегации Вудстока (Коннектикут, 24 марта 1776), микрофильмы переписки Вашингтона с П. Ланфаном (1783—1793), фотоснимок письма Г. Вашингтона к В. Франклину по поводу возвращения последнего в США из Франции (25 сентября 1785), автограф письма Г. Вашингтона Д. Стюарту (5 февраля 1736), письмо Г. Вашингтону по поводу политической ситуации в Вирджинии (17 января 1789) и ряд других писем, адресованных Вашингтону его современниками. Библиотека получила также фотоснимки писем Томаса Джефферсона Л. В. Тацвеллу (13 и 18 марта 1807), фотокопию письма Авраама Линкольна Альберту Паркеру (10 августа 1858). Среди поступивших документов представляют интерес черновые записи протоколов американского сената за период после гражданской войны 1860—1864 гг., сделанные Генри Дженслером; черновики дневников Анны Гамлин, в кото-

рых описывается общественная жизнь гор. Вашингтона в 1915—1925 годах.

◆ В Национальный архив США продолжают поступать документы, относящиеся ко второй мировой войне. Среди них материалы Управления иностранной экономики и Управления цен. Поступили документы германо-американского союза и юридической фирмы Гутц и Джослин (агенты И. Г. Фарбениндустри), а также бумаги, относящиеся к разгрому японских гарнизонов на Тихом океане, в районе Акашима и Токашики-Шима, 22 и 23 августа 1945 года.

◆ Суд Сарроготы, графства Дугчес, штата Нью-Йорк, подтвердил за библиотекой Франклина Рузвельта право владения его бумагами, которые в момент смерти Ф. Рузвельта находились в Белом доме. Эти документы занимают 120 больших ящиков и 16 шкафов общим объёмом в 2400 куб. футов. Включая ранее полученные материалы, библиотека владеет теперь бумагами Ф. Рузвельта, занимающими 4400 куб. футов. Последнее поступление представляет либо цельные фолианты документов, датированных начиная с 1933 г., либо продолжение ранее полученной документации. Среди этих бумаг Ф. Рузвельта имеются материалы, относящиеся к его деятельности во время второй мировой войны, включая и дипломатические.

◆ Состоялось заседание так называемого Международного комитета по историческим наукам. На заседании присутствовали представители Швейцарии, Великобритании, Франции, Бельгии, Чехословакии, Дании, Люксембурга, Греции и США. Комитет ре-

шил в принципе продолжать издание «Bibliographie Internationale», однако вопрос о том, начинать ли это издание с обзора продукции военных лет, т. е. с 1940 г., или же, опуская военные годы, с 1946 г., остался нерешённым. Открытым остался также вопрос об издании бюллетеня. Принято решение опубликовать последний том — «List of Diplomats to 1715». Дата созыва конгресса общества не была установлена, однако большинство членов комитета высказало мнение, что в 1948 г. созывать конгресс преждевременно. Комитет обсудил также вопрос о членстве. Принято решение сохранить довоенный список членов общества, исключив из него представителей Германии и Японии. Вопрос о членстве Австрии и Испании будет рассматриваться отдельно, если эти страны изъявят желание иметь представителей в обществе.

◆ В Кембридже (Массачусетс) на годичной конференции американской Академии средних веков состоялись выборы в различные организации академии. Первым вице-президентом избран профессор Калифорнийского университета А. Тейлор. В президиум академии избраны: Лакоста Грин, директор библиотеки Пирпонта Моргана, Дж. Л. Ламонт из университета Пенсильвании, Г. Х. Гарольд из Принстона и Дж. В. Спарго из Нортвестерна. Членом-корреспондентом избран профессор истории средних веков Палермского университета Антонио Дестефано. Ответственный секретарь Академии средних веков Ч. Р. Д. Миллер назначен редактором «Speculum» вместо С. Х. Кросса.

◆ Университет Блумингтона (штат Индиана) приступил к изданию ежегодника «East European Abstracts», в котором предполагается печатать извлечения из выходящих в странах Восточной Европы публикаций по вопросам истории и социальных наук, включая лингвистику. Редактор издания — Томас А. Себокам.

◆ Американское нумизматическое обще-

ство приступило к публикации библиографического журнала «Numismatic Literature» взамен издававшегося с 1880 г. до начала второй мировой войны немецкого журнала «Numismatisches Literatur-Blatt». Новый журнал будет выходить четыре раза в год.

◆ Институт ранней истории Америки решил субсидировать работы учёных и писателей, касающиеся периода американской истории до 1815 г., при условии представления субсидируемых исследований на рассмотрение и одобрение института.

◆ Повышенный интерес империалистической Америки к колониальным проблемам нашёл своё отражение в тематике исследовательских работ, проводимых Библиотекой конгресса. Так, «Рокфеллеровский фонд» субсидировал исследование истории колонизации Латинской Америки. Автор исследования — доктор Люис Ханке, директор «Испанского фонда». В настоящее время Ханке работает над новым изданием «Historia de los Indias» Бартоломея де Лас Касас. Заключительная часть работы будет посвящена изданию неопубликованной истории знаменитых серебряных рудников Потоси в период испанского владычества.

◆ Генерал Эйзенхауэр незадолго до своего ухода в отставку издал инструкцию о порядке доступа исследователей к армейской документации США о второй мировой войне. Инструкции предпослано широковещательное заявление о том, что армия не имеет права скрывать свою историю за «занавесом секретности», за исключением тех случаев, «когда оглашение их может угрожать безопасности нации или нарушает соглашения с другими государствами или организациями». Заявление о том, что история армии должна рассказать всю правду об участии американской армии во второй мировой войне, никак, однако, не вяжется с фальсификацией истории, которой занимаются сейчас американские историки, состоящие на службе государственного департамента и военного министерства США.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В своей рецензии на мою книгу «Талейран» проф. А. И. Молк отмечает, что нужно переводить имя посла США во Франции «Губернёр Моррис», а не «Губернатор Моррис».

Дело в том, что его мать в девичестве называлась «Сарра Губернатор» и фамилию свою приобрела, по семейным преданиям, в честь губернатора английских колоний, который помог устроиться на новом месте гугенотской семье Сарры, переселившейся после отмены Нантского эдикта в Америку. Сарра и прибавила к фамилии своего сына «Морис» слово «Губернатор» (по-французски «Gouverneur», как перевели в её французской семье «the Governor»). Поэтому мне кажется, по-русски следует переводить «Губернатор», не понижая его безвинно в «Губернёры». Смысл прозвища пропадёт. Этот сбычай давать в виде имени высокое звание, которое носит благодетель, сохранился до позднейших времён. Вспомним у Диккенса «Принца Тервейдропа», окрещённого так в честь принца Уэльского, будущего Георга IV. В старину это встречалось и у нас: вспомним у Некрасова в «Кому на Руси жить хорошо» крестьянку Матрёну, её называли «Губернаторшей» в честь оказавшей семье благодеяние жены губернатора.

Акад. Е. ТАРЛЕ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ЗА 1948 ГОД

СТАТЬИ

История СССР

Алефиренко П. — Экономические взгляды В. Н. Татищева	№ 12	Лихолат А. — Украинские буржуазные националисты на службе у иностранных империалистов	№ 12
Бак И. — К вопросу о генезисе капиталистического уклада в крепостном хозяйстве России	№ 4	Луцкий Е. — Закон о социализации земли	№ 10
Барабой А. — Борьба крепостных крестьян Западной Сибири за волю	№ 1	Мельникова И. — Закарпатская Украина в революции 1848 года	№ 8
Бахрушин С. — С. К. Богоявленский как историк	№ 8	Пажитнов К. — К вопросу о «переломе» в мануфактурной промышленности XVIII века	№ 3
Беккер И. — Декабристы и польский вопрос	№ 3	Першин П. — Крестьянские земельные комитеты в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции	№ 7
Белик А. и Кононов Ю. — Новый документ по истории русской общественной мысли конца XVIII века	№ 4	Петропавловский Е. — Восьмой всероссийский съезд советов	№ 12
Боровой С. — К вопросу о складывании капиталистического уклада в России XVIII века	№ 5	Погребинский А. — Мобилизация промышленности царской России в первую мировую войну 1914—1917 годов	№ 8
Верховень Б. — Советский закон о рабочем контроле	№ 10	Против объективизма в исторической науке	№ 12
Генкина Э. Государственная деятельность В. И. Ленина в период перехода к мирному строительству (январь — февраль 1921 г.)	№ 1	Раимов Р. — К истории образования Башкирской автономной социалистической советской республики	№ 4
Голобуцкий В. — Социальные отношения в Запорожье XVIII века	№ 9	Реуэль А. — «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса в оценке русской журналистики 1860 года	№ 5
Гофман Ц. — К истории первого агитпарохода ВЦИК «Красная звезда»	№ 9	Рубинштейн Н. — Основные проблемы построения русской историографии (в порядке обсуждения)	№ 2
Гуревич А. — Земельно-водная реформа в Узбекской ССР (1925 — 1929)	№ 11	Самойлов В. — Возникновение тайной экспедиции при сенате	№ 6
Дракохруст Е. — Галицкое Прикарпатье XVI в. и движение опришков	№ 1	Сладкевич Н. — К вопросу о полемике Н. Г. Чернышевского со славянофильской публицистикой	№ 6
Егоров М. — Крестьянское движение в Центральной Черноземной области в 1907—1914 годах	№ 5	Смирнов И. — Социальная природа восстания Болотникова	№ 1
Иллерицкий В. — Исторические взгляды В. Г. Белинского	№ 7	Софинов П. — Сочинения И. В. Сталина как источник для изучения истории гражданской войны в СССР	№ 6
Историческое значение книги И. В. Сталина «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс»	№ 9	Станиславская А. — Англия и Россия в годы второй турецкой войны (1787—1791)	№ 11
Кляцкин С. — Строительство Красной Армии в 1918 году	№ 2	Струмилин С. — Экономическая природа первых русских мануфактур	№ 6
Королук В. — Свидание в Биржах и первые переговоры о польско-русском союзе	№ 4	Тельпуховский Б. — Великая сталинградская битва (февраль 1943 — февраль 1948)	№ 2
Левин Л. — «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса в России 50—80-х гг. XIX в.	№ 2	Тихомиров М. — Русская историография XVIII века (в порядке обсуждения)	№ 2
Лихачёв Д. — О летописном периоде русской историографии	№ 9	Улащик Н. — Крепостная деревня Литвы и Западной Белоруссии накануне реформы 1861 года	№ 12

- Фридберг Л. — Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова в Москве (1779—1792) . . . № 8
- Шелюбский А. — Военно-морской революционный комитет 1917 года . . . № 10
- Всеобщая история**
- Авербух Р. Октябрьское восстание в Вене в 1848 году . . . № 10
- Алпатов М. — Политические идеи Фюстель де Куланжа . . . № 12
- Бершадская О. — Подъём рабочего движения в Германии в начале XX века (стачки текстильщиков Криммитшау, горняков Рура и электриков Берлина) . . . № 7
- Богуславский М. — Политическая борьба в Подъше в связи с наступлением фашистских агрессоров на Чехословакию . . . № 5
- Валев Л. — К характеристике социально-политических взглядов Христо Ботева . . . № 11
- Волгин В. — К столетию «Манифеста Коммунистической партии» . . . № 3
- Волгин В. — Пеккёр после 1848 года . . . № 4
- Гиршфельд А. — О роли США в организации антисоветской интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке . . . № 8
- Давидович Д. — Гамбургское восстание 1923 года (к 25-й годовщине) . . . № 11
- Желубовская Э. — Бельгия в 1848 году . . . № 4
- Застенкер Н. — «Гора» 1849 года . . . № 5
- Захарова М. — О генезисе идей Томаса Джефферсона . . . № 3
- Кан С. — Предпарламент и первое баденское восстание 1848 года . . . № 5
- Кандель Е. — Из предистории «Манифеста Коммунистической партии» . . . № 2
- Кандель Е. — К истории создания «Манифеста Коммунистической партии» . . . № 10
- Короткова Т. — Германо-турецкое вторжение в Иранский Азербайджан (1914—1915 гг.) . . . № 1
- Косминский Е. — Вопросы аграрной истории Англии в XV веке . . . № 1
- Кунина А. — Из истории империалистической экспансии США в Европе после первой мировой войны . . . № 3
- Лозовский А. — Лейбористская партия и февральская революция . . . № 2
- Миллер И. — Крестьянский вопрос в программе польского демократического общества (30-е—40-е годы XIX века) . . . № 9
- Миско М. — Из истории революционного движения в Польше в 1918—1919 годах . . . № 10
- Мосина З. — Карл V и коннетабль Бурбон . . . № 2
- Никитин С. — Славянские народы в революции 1848 года . . . № 7
- Осипова П. — Из истории английского управления Палестиной (1919—1930) . . . № 12
- Радус-Зенькович В. — Из истории Союза коммунистов (сентябрь 1850—август 1851) . . . № 11
- Ратнер Н. — Возникновение хорватско-венгерского соглашения 1868 года . . . № 6
- Родов Б. — Из истории японо-американских переговоров 1911 года . . . № 4
- Ротштейн Ф. — Гитлер и его предшественники . . . № 7
- Рыськин Б. — Смерды в областях немецкой колонизации XI—XIII веков . . . № 3
- Турок В. — От плана Дауэса к гарантийному пакту . . . № 6
- Удальцов И. — Из истории Пражского восстания 1848 года . . . № 12
- Штейнберг Е. — Англо-майсорские войны в 90-х годах XVIII века . . . № 1
- Шустер У. — Познанское восстание 1848 года . . . № 3
- Черняк Е. — Социально-политические воззрения английских радикалов в годы после наполеоновских войн . . . № 8
- КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ**
- КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ и РЕЦЕНЗИИ**
- История СССР**
- Анпилогов Г. — «Пётр Великий». Сборник статей . . . № 4
- Анпилогов Г. — В. Мавродин. Пётр Первый . . . № 9
- Артамонов М. — К вопросу о происхождении восточных славян . . . № 9
- Айдарова Х. — В. Ф. Шахматов. Внутренняя орда и восстание Исатал Таймакова . . . № 8
- Баевский Д. — М. И. Зеленский. М. В. Фрунзе в Иваново-Вознесенском районе в 1917 году . . . № 2
- Бак И. — Е. И. Заозерская. Мануфактура при Петре I . . . № 3
- Бак И. — Ляшенко П. История народного хозяйства СССР. Т. I . . . № 6
- Бахрушин С. — Вопросы истории СССР в трактовке «Кембриджской экономической истории» . . . № 7
- Бороздин И. — В. Т. Илларионов. Опыт историографии палеолита СССР . . . № 10
- Бороздин И. — А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья . . . № 12
- Верховень Б. и Раскин Б. — Сборник документов «Рабочий контроль и национализация промышленных предприятий Петрограда в 1917—1919 гг.» . . . № 5
- Верховень Б. — «Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции на Урале». Сборник документов и материалов . . . № 11

- Вейланд О. — М. И. Калинин и питерские рабочие № 6
- Воронин Н. и Ильин М. — «Сокровища русского зодчества» № 7
- Гальперин А. — Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895—1907 гг. № 3
- Гальперин А. — Е. Силин. Кяхта в XVIII веке № 12
- Голионко В. — П. Антошин. Из истории борьбы за власть советов в Приморье № 8
- Голубева Р. — Сборник «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане и образование Казахской АССР» № 7
- Голубева Р. — «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане». Сборник документов. «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане». Сборник документов № 11
- Г. Р. — Борьба за советы в Забайкалье. Сборник статей, материалов и документов № 12
- Деренковский Г. — С. Ф. Найда. Революционное движение в царском флоте № 10
- Дмитриев С. — проф. С. Б. Окунь. История СССР. 1796—1825 гг. Курс лекций № 8
- Дьяконов М. — Б. Гафуров. История таджикского народа в кратком изложении № 7
- Дьяконов М. — Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами № 9
- Зак Л. — Фальсификация истории СССР во французских школьных учебниках № 9
- Зайончковский П. и Марголин С. — «Учёные записки» Ленинградского пединститута имени А. И. Герцена за 1948 г., т. 61 № 9
- Зевакин Е. — Ногмов Ш. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев № 7
- Иванов Л. — И. Берхин. Луганская большевистская организация в период первой русской революции № 3
- Ильин С. — Против искажений биографии А. В. Суворова № 3
- Ким М. — Восстание 1916 года в Казахстане № 9
- Клокман Ю. — Русские полководцы. Фельдмаршал Румянцев. Сборник документов № 4
- Кузьмичёв И. — Н. Рубинштейн. Советская Россия и капиталистические государства в годы перехода от войны к миру (1921—1922) № 12
- Кудрявцев И. — Об «Исторических записках» Института истории Академии наук СССР № 10
- Кушева Е. — Историко-архивный институт Главного архивного управления МВД Союза ССР. Труды, т. II № 2
- Мосина З. — Юбилейный сборник, посвящённый 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции № 1
- Новицкий Г. — Тельпуховский Б. Северная война 1700—1721 гг. № 1
- Новосельский А. — Смирнов П. Россия и Турция в XVI—XVII вв., тт. I—II № 2
- Нотович Ф. — «Дипломатический словарь», т. I. А—К № 12
- Пашуто В. — И. П. Еремин. Повесть временных лет. № 6
- Погребинский А. — проф. С. А. Покровский. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России № 5
- Погребинский А. — Новый труд по экономической истории СССР № 9
- Покровский С. — Фальсификация истории русской общественной мысли № 3
- Рабинович М. — Н. Порфиридов. Древний Новгород № 1
- Разгон И. — Труды азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) № 6
- Райский Г. — А. Вотинов. Тойво Антикайнен № 7
- Рейхберг Г. — Омск в дни Октября и установления советской власти (1917—1919). Сборник документальных материалов № 10
- Рейхберг Г. — Б. Цибилов. Разгром унгерновщины № 12
- Рубинштейн Н. — В авангарде борьбы за мир и безопасность народов № 12
- Селиванов В. — Октябрьское вооружённое восстание в Петрограде в 1917 г. Сборник № 10
- Сивков К. — К. Н. Шепетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708—1885) № 5
- Смирнов А. — проф. А. В. Арциховский. Введение в археологию № 5
- Смирнов А. — «Учёные записки». Т. II. Кабардинский научно-исследовательский институт № 6
- Смирнов А. — С. А. Семёнов-Зусер. Скифская проблема в отечественной науке № 7
- Спегирев М. Комитеты бедноты Северной области. Сборник документов № 4
- Стишов М. — За власть советов. Воспоминания участников партизанского движения в тылу у Колчака. Документы № 7
- Тарле Е. — проф. О. Л. Вайнштейн. Россия и тридцатилетняя война № 3
- Ткаченко Н. — Устим Кармалюк. Сборник документов № 12
- Трофимов А. — М. Поляков. Белинский в Московском университете № 5
- Устюгов Н. — Вяткин М. Батыр Срым № 2
- Фортуатов П. — Из боевого

- прошлого русской армии (документы и материалы) № 2
- Фортунатов П.—Л. Бескровный. Хрестоматия по русской военной истории № 6
- Фортунатов П.—«Фельдмаршал Кутузов». Сборник документов и материалов под ред. проф. Н. М. Коробкова № 11
- Фрайман А.—Харьков в Великой Октябрьской социалистической революции № 8
- Халфин Н.—Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России. Сборник документов № 10
- Ханьковский А.—Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями № 8
- Хейфец М.—Крестьянская реформа в Кабарде. Сборник документов № 2
- Шураев В.—Э. Б. Генкина. Образование СССР № 11
- Шутой В.—Катерина Стецюк. Влияние восстания Степана Разина на Украину № 12
- Эвенчик С.—В. Г. Белинский и его корреспонденты. Сборник № 10
- Юшков С.—Правда Русская, т. II № 7
- Яцунский В.—Л. Б. Генкин. Помещичьи крестьяне Ярославской и Костромской губерний перед реформой и во время реформы 1861 г. № 2
- Всеобщая история**
- Авербух Р.—К столетию венгерской революции 1848 года № 6
- Алпатов М.—Фердинанд Ло Галлия. Этнические, социальные и политические истоки французской нации № 8
- Антонова К.—Неру Джавахарлал. Открытие Индии № 4
- Барг М.—С. Пейнтер. Исследования по истории английской феодальной баронии № 6
- Березный Л.—Т. Биссон. Американская дальневосточная политика № 7
- Березный Л.—Японо-американские отношения 1931—1941 гг. в документах государственного департамента США № 10
- Валев Л.—Процесс Николы Д. Петкова. Сборник документов № 6
- Вронский Б.—В. Лан. США от первой до второй мировой войны № 11
- Голант В.—Юрген Кучинский. Краткая история положения рабочего класса в Британской империи с 1800 г. до настоящего времени № 5
- Голант В.—Гендерсон Г. Дипломатия Крымской войны и другие исторические работы № 12
- Горянов Б.—По поводу выступления проф. Грегуара № 1
- Гуковский М.—Ромоло Квацца. Гонзаговская дипломатия № 6
- Гуревич А.—К. Стефенсон. Средневековый феодализм № 3
- Гутнова Е.—Проблема происхождения и ранней истории английского парламента (XIII—XIV вв.) в буржуазной историографии № 11
- Деборин Г.—В. Аварин. Борьба за Тихий океан № 4
- Дитякин В.—Славянский сборник № 7
- Ерофеев Н.—Р. Скайлер. Падение старой колониальной системы № 7
- Зандберг Д.—Немецкие историки на службе германского империализма № 11
- Застенкер Н.—Альбер Шарль. Революция 1848 г. и вторая республика в Бордо и в департаменте Жиронды № 4
- Застенкер Н.—Отход от принципов партийности № 10
- Зутис Я.—М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера и великая крестьянская война № 4
- Каждан А.—Мутафчиев П. История болгарского народа № 8
- Каллистов Д.—Н. А. Машкин. История древнего Рима № 8
- Кан С.—Р. Корнгольд. Гражданин Туссен № 2
- Кан С.—Эрло. Полковник Бушотт, военный министр II года республики № 11
- Коган М.—Уайт Е. Социальная критика в народной религиозной литературе XVI столетия № 3
- Королюк В.—Исторический кварталник № 5
- Королюк В.—Э. Шимек, Ю. Поулик, Ф. Калоусек. Западные славяне и германцы № 8
- Корсунский А.—Брюннинг Г. «Письмо» № 3
- Корсунский А.—Современная немецкая историческая литература о причинах возникновения третьей империи № 10
- Косорез Н.—Обзор новейшей американской литературы по истории американского рабочего движения № 9
- Куранов Г.—О. Лейхтер. Америка в мировой политике № 11
- Кутейщикова В.—Родней Арисменди. К вопросу о долларе № 10
- Левин Г.—Г. Холореншоу. Левеллеры и английская революция № 5
- Левин Г.—К. Хилл. Английская революция № 7
- Луцкий В.—А. Ф. Миллер. Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века № 2
- Манфред А.—«Замогильные записки» № 3
- Миллер А.—Завриев Д. К новейшей истории северовосточных вилайетов Турции № 1
- Миллер И.—«Беллона». Ежемесячник, издаваемый польским военным научно-издательским институтом № 2
- Миллер И.—Удальцов И.—Акад. И. П. Трайнин. Националь-

- ные противоречия в Австро-Венгрии и её распад № 4
- Миллер И.—Историография Восточной Европы в освещении И. Маджурека № 11
- Молок А.—акад. Е. В. Тарле. Талейран № 10
- Молок А.—«Учёные записки» Ленинградского гос. пед. института им. А. И. Герцена № 12
- Мосина З.—Б. Ф. Поршнев. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648) № 7
- Нарочницкий А.—Гальперин А. Англо-японский союз 1902—1921 гг. № 10
- Никитин С.—«Исторически преглед». Година трета 1946/47 г. № 1
- Никитин С.—Миллер И. История Чехии № 6
- Николаев И.—Новое разоблачение фальсификаторов истории № 4
- Николаев И.—Документы свидетельствуют № 8
- Новые исторические работы, вышедшие в славянских странах № 2
- Осипова П.—Р. Логэн. Сенат и версальская мандатная система № 7
- Прицкер М.—Поль Бонкур Ж. Между двумя войнами. Воспоминания о Третьей республике № 8
- Ратнер Н.—В. Гуса. Эпохи чешской истории № 1
- Родов Б.—Из истории японо-американских отношений накануне Тихоокеанской войны № 3
- Родов Б.—Моргенштерн Д. Пирл Харбор. История секретной войны № 9
- Россейкин Ф.—«Византийский временник», т. I (XXVI) № 3
- Самойло А.—Обзор иностранной литературы по истории английской революции за 1938—1947 годы № 8
- Семёнов В.—Основные направления в современной английской медиевистике № 1
- Семёнов В.—Е. А. Косминский. Исследование по аграрной истории Англии XIII века № 2
- Семёнов В.—Р. Ю. Виппер. История средних веков № 5
- Сказкин С., Мейман М.—Дэвис. Капитализм и его культура № 6
- Смирнов И.—С позиций буржуазной историографии № 10
- Старосельская — Никитина О.—Г. Монж. Сборник статей к двухсотлетию со дня рождения № 9
- Сурип Ф.—Б. Раух. История «Нового курса» 1933—1938 гг. № 1
- Суров Е.—С. Лурье. Геродот № 5
- Тарле Е.—С. Б. Кан. Два восстания силезских ткачей 1793—1844 № 12
- Тихомиров М.—Откровения Чадвик о начале русской истории № 4
- Тихомиров М.—О некоторых болгарских исторических трудах № 6
- Удальцов И.—Клима А. 1848 год в Чехии № 7
- Штейн Б.—Французские фальсификаторы истории № 8
- Яцунский В.—Лазарев Н. Географические открытия и колониальные завоевания в XVII—XVIII веках; Лазарев Н. Великие географические открытия и колониальные завоевания в XV—XVI веках № 6

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

- Альтман В. и Каждан А.—Византиноведческая сессия отделения истории и философии АН СССР № 2
- Альтман В.—Сессия отделения истории и философии Академии наук СССР по вопросам археологии № 7
- Альтман В.—Сессия по истории Крыма № 12
- Асташкевич С.—Защита докторских диссертаций в Институте истории Академии наук СССР № 7
- Асташкевич С. и Е. З.—Защита докторских диссертаций гг. Рожковой, Раимовым и Крыловой № 10
- Арциховский А.—Новгородские раскопки 1947 года № 1
- Бенклиев С.—Работа кафедр истории Воронежского гос. университета в 1946—1947 учебном году № 2
- Бондарь Н.—В Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) № 3
- Буркин Н.—Научная работа кафедры истории СССР Чувашского гос. пед. института № 12
- В. А.—Сессия АН СССР, посвящённая 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции № 1
- Варшавский А., Рыжкова В.—Обсуждение книги И. М. Лемина в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) № 6
- В Институте истории Академии наук СССР № 12
- Вотинов А.—Обсуждение книги Н. Л. Рубинштейна «Русская историография» № 6
- Горин И.—Защита кандидатских диссертаций на кафедре всеобщей истории Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) № 8
- Гузайрова Т.—Защита диссертаций в Институте истории АН СССР № 1
- Данилова Г., Левин Г.—Научная сессия в Ленинградском гос. пед. институте имени Герцена № 5
- Дарахвелидзе Д.—Работа кафедры истории Барановичского государственного учительского института № 10
- Е. З.—В Институте истории Академии наук СССР № 8
- Е. З.—В секторе истории XIX и XX вв. Института истории Академии наук СССР № 11
- Захаренко А.—О научной работе кафедры истории СССР Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена № 8
- Защита диссертаций в Институте истории АН СССР № 5

- Зомбе Е.— В секторе истории советского общества Института истории АН СССР № 6
- Зомбе Е.— Защита докторской диссертации в Институте истории Академии наук СССР № 9
- Козлитин И.— Научная конференция, посвящённая 30-летию архивного строительства в СССР № 10
- Козлов И.— Научная работа историков Ставропольского государственного педагогического института № 11
- Конокотин А.— Очередная научная конференция в Ивановском государственном педагогическом институте № 11
- Королёвский С.— О научной работе кафедры истории СССР и УССР Харьковского гос. университета имени А. М. Горького № 6
- Кремортат Б.— Сессия Тихоокеанского института АН СССР № 4
- Крушкoл Ю.— Защита диссертаций на Учёном совете исторического факультета Московского областного педагогического института № 6
- Лисьянский А.— Научная работа историков Ворошиловградского пед. института им. Т. Г. Шевченко № 5
- Луцкая Н.— Конференция аспирантов в Московском институте востоковедения № 9
- Монгайт А.— Обсуждение книги П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена» № 9
- Мордвишин И.— Обсуждение книги проф. Н. Л. Рубинштейна № 1
- Мосина З.— О работе Института истории Академии наук СССР № 11
- М. Х.— Защита докторской диссертации Е. Д. Черменским № 7
- Н. У.— О втором издании первого тома учебника по истории СССР № 3
- Об охране и сборе древнерусских рукописей № 9
- Паньков И.— О научно-исследовательской работе кафедры истории СССР Калининского государственного педагогического института имени М. И. Калинина № 11
- Пьянков А.— Изучение истории белорусского крестьянства в Академии наук БССР и в Белорусском государственном университете Р-ч М.— Юбилейная научная сессия в Ленинградском университете Р-ч М.— Научная сессия в Ленинградском ордена Ленина Государственном университете № 7
№ 2
№ 7
- Скаба А.— Научная работа сотрудников центрального архива Октябрьской революции и социалистического строительства УССР в Харькове № 4
- Смолянин П.— Научно-исследовательская работа кафедры истории народов СССР Куйбышевского пед. института № 6
- Стрельский В.— Центральный государственный исторический архив УССР № 6
- Стригунов И.— Азербайджанский филиал ИМЭЛ № 2
- Суслова Е.— Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области № 11
- Тагиров Р.— Работа исторических кафедр Казанского гос. пед. института № 6
- Трофимов А.— Защита докторской диссертации А. Ерусалимским № 7
- Удальцов И.— О работе Института славяноведения Академии наук СССР № 6
- Удальцова З.— Обсуждение первого тома «Византийского временника» на заседании группы по истории Византии при Институте истории АН СССР № 1
- Чевелев А.— О научной работе кафедры истории СССР Ульяновского гос. пед. института № 12
- Черноморский М., Деренковский Г.— Обсуждение книги академика И. И. Минца «История СССР (апрель 1917—1925 гг.)» № 4
- Шунков В.— Институт истории АН СССР в 1947 году № 5

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Против объективизма в исторической науке	3
Петропавловский Е. — Восьмой Всероссийский Съезд Советов	13
Лихолат А. — Украинские буржуазные националисты на службе у иностранных империалистов	32
Улащик Н. — Крепостная деревня Литвы и Западной Белоруссии накануне реформы 1861 года	51
Осипова П. — Из истории английского управления Палестиной (1919—1930)	67

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Алефиренко П. — Экономические взгляды В. Н. Татищева	89
Удальцов И. — Из истории пражского восстания 1848 года	97
Алпатов М. — Политические идеи Фюстель де Куланжа	115

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Рубинштейн Н. — В авангарде борьбы за мир и безопасность народов	130
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

История СССР	
Нотович Ф. — «Дипломатический словарь» т. I А—К	139
Кузьмичев И. — Н. Рубинштейн. Советская Россия и капиталистические государства в годы перехода от войны к миру (1921—1922)	144
Рейхберг Г. — Б. Цибилов. Разгром унгерновщины	150
Г. Р. — «Борьба за советы в Забайкалье». Сборник статей	151
Ткаченко Н. — Устим Кармалюк. Сборник документов	152
Шутой В. — Катерина Стецюк. Влияние восстания Степана Разина на Украину	154
Бороздин И. — А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья	156
Гальперин А. — Е. Силян. Кяхта в XVIII веке	158
Всеобщая история	
Тарле Е. — С. Б. Кан. Два восстания силезских ткачей	163
Молок А. — «Учёные записки» Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена	165
Голант В. — Г. Гендерсон. Дипломатия Крымской войны и другие исторические работы	170

ХРОНИКА

В Институте истории Академии наук СССР	172
Чевелев А. — О научной работе кафедры истории СССР Ульяновского государственного педагогического института	178
Буркин Н. — Научная работа кафедры истории СССР Чувашского государственного педагогического института	179
Альтман В. — Сессия по истории Крыма	179
За рубежом	184
Е. Тарле — Письмо в редакцию	185
Алфавитный указатель статей за 1948 г.	186

Редакционная коллегия:

В. П. Волгин (главный редактор), Е. Н. Городецкий, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, Е. А. Косминский, И. А. Кудрявцев, И. И. Минц, З. В. Мосина, А. М. Панкратова, А. Л. Сидоров, М. Н. Тихомиров, В. М. Хвостов.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 552. Тел. Д 3-31-04.

А—10784. Изд. № 946. Заказ № 2521. Тираж 33 600.

Подписано к печати 15/ХII 1948 г. 12 печ. л. 68 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.